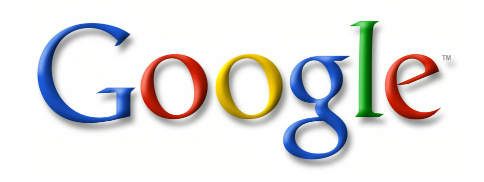


СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ

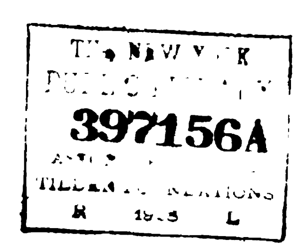
КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

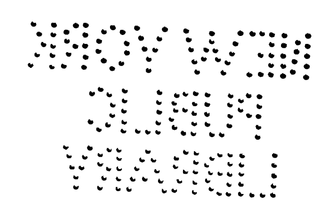
Е. В. БАРСОВА.

Томъ II.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.



Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.



СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ,

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ

КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

Въ связи съ древнерусскою письменностію и живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Е. В. Барсова.

Съ новыми неизвѣстными приложеніями.

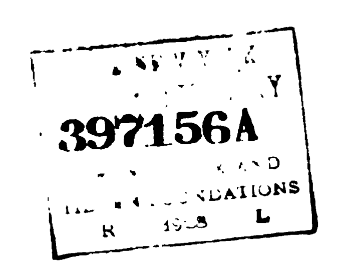
ЧАСТЬ II.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

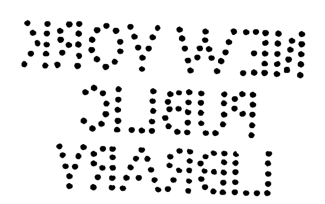
МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.



ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1885 г. кн. 3-я.



I.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ ВЪ ЕГО ЦѢЛОМЪ И ЧАСТЯХЪ.

Необходимость изложенія «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ. Составъ «Слова» Вступленіе. Часть первая: Описаніе похода Игорева и взглядъ на бѣдствія имъ вызванныя. 1. Походъ Игоревъ. Частнѣйшія картины: а) Характеристика Игоря. б) Характеристика Всеволода—главныхъ героевъ похода. в) Переполохъ въ землѣ Половецкой, вызванный походомъ Игоря. г) Изображеніе неминуемой опасности, угрожающей Русскимъ героямъ. д) Первая удачная стычка. е) Бой 2-й. ж) Бой 3-й въ сравненіи съ ратями стараго времени, въ особенности же съ боемъ на Нежатиной нивѣ. 2. Взглядъ на бѣдствія Русской земли и ихъ причины. Частнѣйшія картины: а) Дѣва обида, какъ разжигательница княжихъ усобицъ. б) Карина и Желя, какъ виновницы плачей и сѣтованій Русской земли. Переходъ ко 2-й части «Слова»: сопоставленіе похода Игоря съ предшествовавшимъ ему походомъ Святослава на тѣхъ же Половцевъ. Часть вторая: Сонъ Святослава и его золотое слова. 1. Сонъ Святослава. а) Частнѣйшія картины: его видѣнія и б) толкованіе ихъ боярами. 2. Золотое слово: а) Упреки Святослава, обращенныя къ Игорю и Всеволоду. б) Воззванія къ князьямъ о помощи. Переходъ къ третьей части «Слова»: Судъ Божій въ судьбѣ славнаго Всеслава и безпомощность нынѣшней Руси вслѣдствіе распаденія центра «на горахъ Кіевскихъ». Часть третья: Плачь Ярославны и спасеніе Игоря. 1) Плачь Ярославны: Частнѣйшія картины: а) моленіе къ вѣтру; б) моленіе къ Днѣпру. в) моленіе къ солнцу. 2. Спасеніе Игоря — какъ послѣдствіе ея молитвы. Частнѣйшія картины: г) Торжество Игоря. а) Досада хановъ. б) Веселіе Русской земли. Заключеніе или славословіе.

Прежде чѣмъ приступимъ къ критическому изученію дошедшаго до насъ текста «Слова» считаемъ нужнымъ изложить здѣсь памятникъ въ его цѣломъ и частяхъ. Сдѣлать это тѣмъ необходимѣе, что «Слово» слишкомъ глубоко по своему смыслу и въ высшей степени художественно по своей образности. Это то же, что живописная картина геніальнаго художника: чѣмъ больше ее изучаешь, тѣмъ больше ею плѣняешься. Гдѣ является недостатокъ пониманія, тамъ не

достаетъ лишь достаточнаго изученія. Общій планъ «Слова» для всякаго замѣтенъ, но связь частнѣйшихъ мыслей отъ вниманія часто ускользаетъ и мало сознается. Прелесть художественныхъ образовъ чувствуется, но полной ясности своей не достигаетъ. Всѣ существующіе переводы крайне безцвѣтны; всѣ комментаріи безхарактерны. Первые слишкомъ стираютъ поэтическіе образы и ослабляютъ силу выражаемыхъ мыслей; послѣдніе больше представляютъ лексикологическій характеръ. Предлагаемое нами изложеніе «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ имѣетъ задачей облегчить для читателя разумѣніе этого геніальнаго и глубокаго творческаго произведенія кіевской Руси. Такое изложеніе лучше всего покажетъ намъ и то, дѣйствительно ли дошедшій до насъ текстъ «Слова» такъ испорченъ и искаженъ переписчиками, переплетчиками и издателями, какъ намъ говорятъ о томъ современные его изслѣдователи. Предположенія въ текстѣ пропусковъ, вставокъ, глоссъ, едвали не болѣе всего обусловлены именно недостаткомъ пониманія «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ. Такія гаданія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ не далеко еще ушла наша ученая литература въ художественномъ его разумѣніи.

Основанія для такого или другаго чтенія, такого или другаго пониманія темныхъ и неисправныхъ мѣстъ «Слова» предлагаются нами въ дальнѣйшихъ главахъ нашего изслѣдованія. Въ настоящемъ же разборѣ мы будемъ имѣть дѣло главнымъ образомъ лишь съ построеніемъ и формою Игоревой пѣсни.

Слово о полку Игоревѣ есть художественный и поэтическій памятникъ, въ которомъ вслѣдъ за «Вступленіемъ» живо рисуются три главныхъ картины, относящіяся къ походу Игоря, изображенныя въ частнѣйшихъ очертаніяхъ, не въ послѣдовательной преемственности фактовъ, но по ихъ внутреннему и идеальному соотношенію, по начертанному плану, по пѣсненному замышленію. Эти картины могутъ быть названы основными частями Игоревой пѣсни и суть слѣдующія: I. Самый походъ Игоря съ его послѣдствіями. II. Сонъ Святослава и его золотое слово. III. Плачъ Ярославны и спасеніе Игоря. Заключеніе или славословіе.

Вступленіе въ „Слово".

Своимъ вступленіемъ авторъ освѣщаетъ построеніе своего творенія, самый складъ его и поэтическій характеръ. Авторъ называетъ свое твореніе *пѣснію* (начати же ся *той пѣсни*), точно такъ, какъ *пѣснію же* называетъ онъ и старыя словеса Бояна (аще хотяше кому *пѣснь* творити). Этимъ даетъ онъ замѣтить, что его «Слово» по своей *пѣсненной формѣ* есть твореніе одного рода съ *старыми словесами* и что его пѣснь по былинамъ, такъ сказать, соткана на основѣ Боянова пѣснотворчества. Онъ желалъ бы начать свое «Слово о походѣ Игоря» по образцу «Старыхъ Словесъ» по Бояновски, ширью—далью героической:

„Или не такъ, какъ начинались
„Словеса—пѣсни старинныя,
„Начать намъ, братья, подобало бъ
„Разсказы стрàдны—боевые
„О походѣ князя Игоря,
„Святославича Игоря.

Но авторъ чувствуетъ себя какъ бы безсильнымъ стоять на высотѣ поэзіи стараго времени и находитъ себя вынужденнымъ слѣдовать требованіямъ повѣствованія своей литературной эпохи и начать свою пѣснь съ положительной дѣйствительности, прямо съ историческихъ фактовъ, по былямъ сего времени:

„Но быть той пѣсни—начинаться
„По дѣяніямъ сего времени,
„А не по розмыслу Боянову.

Пѣснотворчество Бояна уносилось въ вѣка древнія и къ дѣяніямъ отдаленнымъ; оно захватывало слишкомъ широкое поле событій и временъ и при этомъ умѣло овладѣвать ихъ необъятнымъ содержаніемъ, подчиняя ихъ замышленію, плану, идеальному распорядку. Существенными чертами Бояновскаго пѣснотворчества были имен-

но широкіе полеты фантазіи, быстрые переходы отъ одного момента дѣйствія къ другому, идеальная стройность ихъ расположенія. Это пѣснотворчество было не обычное, не человѣческое, вдохновенное:

„Вѣдь если да вѣщій Боянъ
„Хотѣлъ кому пѣснь творить,
„То фантазія носилась,
„Што есть бѣлка по лѣсу, [1]
„Словно волкъ сѣрый по землѣ,
„Будто сизый орелъ по поднебесью:
„Онъ зналъ вѣдь, какъ поскажутъ.
„Междуусобья временъ древнихъ.

Таковы были «Старыя Словеса», таково было замышленіе Бояново. При этомъ пѣснопѣнія его сопровождались еще струнной игрой—и эта игра была также дивная, чарующая, вдохновенная.

Да ктомужъ [2] пускалъ Боянъ
Десять соколовъ на стадо лебедей;
Какую догонятъ, [3]
Та прежде пѣсню запѣвала
Или старому Ярославу,
Или храброму Мстиславу
Иль прекрасному Роману Святославичу.
Но то, братья, не десять соколовъ
Пускалъ Боянъ на стадо лебедей,
Но вѣщіе персты свои
Клалъ онъ на струны живыя,
И тѣ сами славу князьямъ выговаривали.

Вѣщій Боянъ обладалъ не обычною, сверхъ-естественною силою творчества, а потому не удивительно, если и персты его, извлекавшіе

---

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Растекашется мыслію*».
[2] См. въ «Лексикологіи слово: *Тогда*.
[3] См. въ Палеографической критикѣ текста: «*который дотечаше*».

изъ гуслей стольже чудесные, чарующіе звуки, называются «*вѣщими*». Струны, подъ его вѣщими перстами, сами славу князьямъ выговаривали, словно рѣчью живою, и потому не удивительно, если и онѣ называются «*живыми*».

Итакъ, авторъ замыслилъ создать такое же «Слово о походѣ Игоря» какъ и «Старыя Словеса», такую же пѣснь, какія творилъ Боянъ, по замышленію, по идеальному распорядку явленій, но тогда какъ Бояново замышленіе не имѣло предѣловъ; не стѣснялось ни временемъ, ни пространствомъ, растекалось во всю ширь фантазіи, его собственная пѣснь, въ силу новыхъ требованій повѣствованія, должна сдерживаться дѣйствительнымъ содержаніемъ, обусловливаться историческимъ фактомъ. Такимъ образомъ его «Слово» бывъ соткано на основѣ «Старыхъ Словесъ» должно уступить имъ въ области творческаго матеріала, въ широтѣ творческихъ пріемовъ, въ качествѣ творческихъ созданій, подчиняясь новымъ требованіямъ историческаго повѣствованія. Въ этомъ именно смыслѣ, авторъ въ самомъ началѣ наименовавъ «Слово» свое *пѣснію*, затѣмъ, переходя къ самому повѣствованію, называетъ его уже *повѣстію*. «Начнемъ же, говоритъ, *повѣсть* сію».

Характеризуя пѣснотворчество Бояново, авторъ указалъ эпоху, когда создавались эти художественныя «Старыя Словеса». Пѣсни Бояна, по словамъ его, относились ко временамъ стараго Ярослава. Переходя къ изложенію своей повѣсти о походѣ Игоря или же пѣсни по былинамъ сего времени, онъ отмѣтилъ и то, когда именно начиналась эта новая эпоха строго-историческаго повѣствованія, которому должна была подчиниться и самая поэзія. *Почнемъ же повѣсть сію,* говоритъ онъ, *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря.* Вотъ гдѣ предѣлъ окончанія «Старыхъ украшающихъ Словесъ»; вотъ гдѣ грань, съ которой начинаются пѣсни по былямъ, а не по замышленію Бояна; вотъ та область литературной новой эпохи, къ которой относится «повѣсть *сія», пѣснь* по былинамъ *сего времени.*

Поведемъ же нашъ разсказъ, заканчиваетъ авторъ свое «введеніе къ Игоревой пѣсни, не такъ какъ разсказывали отъ стараго Ярослава, не по замышленіямъ Бояновымъ, но такъ, какъ повѣствуютъ отъ стараго Владиміра, по дѣяніямъ сего времени, до нынѣшняго

Игоря. Творческая мысль автора какъ бы носится на пространствѣ двухъ литературныхъ эпохъ и утверждается въ намѣреніи слѣдовать требованіямъ современнаго повѣствованія. Имя Владиміра Мономаха является здѣсь именно какъ грань, раздѣляющая два литературныхъ направленія и какъ символъ требованій новой литературной эпохи, ограничивающихъ просторъ творческой фантазіи, но за то болѣе отвѣчающихъ исторической дѣйствительности.

„Итакъ, начнемъ мы эту повѣсть
„Отъ стараго Владиміра [1]
„До нынѣшняго Игоря.

Отмѣчая новую эпоху исторической поэзіи, характеру которой авторъ намѣренъ слѣдовать, онъ не теряетъ изъ виду въ своемъ повѣствованіи и другихъ историческихъ событій этой эпохи *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря* Составъ «Слова» даетъ достаточно замѣтить, что походъ Игоревъ, составляющій главный предметъ его пѣсни по былинамъ, изображается въ немъ не какъ единичное и само въ себѣ взятое явленіе, но какъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ фактовъ въ связи съ цѣлой указанной эпохой, имѣющихъ въ ней свой смыслъ и объясненіе. Вотъ почему

---

[1] Первые издатели «Слова» и за ними и многіе послѣдующіе изслѣдователи подъ именемъ Владиміра разумѣли здѣсь «Равно-апостольнаго Великаго Князя Владиміра Святославича, просвятившаго Русскую землю святымъ крещеніемъ. (См. 1-е изданіе «Слова«, примѣч. на стр. 5). Они однакоже не подозрѣвали здѣсь никакого пропуска. Но достойно вниманія, что С. М. Соловьевъ, впервые доказавшій, что подъ именемъ Владиміра разумѣется здѣсь ни кто другой, а именно Владиміръ Мономахъ усмотрѣлъ здѣсь пропускъ и притомъ весьма значительный. (Исторія Россіи, т. III, стр. 110 и примѣч. 226, 3 изд.) Это мнѣніе принялъ и А. Н. Майковъ. Пѣвецъ хочетъ начать, замѣчаетъ онъ «*повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря*», а о Владимерѣ далѣе ни слова и тотчасъ потомъ начинается: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ... Когда же это *тогда?* Послѣ чего? Ясно, что здѣсь не достаетъ будто бы разсказа о Владимірѣ, да и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала. («Слово о п. Иг.» А. Майкова, стр. 128, примѣч. 3). «Но «Слово» о полку Игоревѣ далеко не такой памятникъ, чтобы для пониманія его требовался лишь ближайшій контекстъ рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ его чтенію, необходимо имѣть ясное и отчетливое представленіе его въ *цѣломъ*, въ его идеѣ и формѣ, въ его построеніи и замышленіи.

живописуя *повѣсть сію,* разсказывая о походѣ Игоря, онъ по мѣстамъ вспоминаетъ и Мономаха и его преемниковъ, гдѣ то требовалось его творческимъ воображеніемъ, его замышленіемъ, самою пѣснію—по силѣ историческихъ фактовъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ „СЛОВА".

Въ первой части своего творенія, авторъ во 1-хъ описываетъ самый походъ Игоря и во 2-хъ излагаетъ свой взглядъ на вызванныя имъ бѣдствія Русской земли.

1. Описаніе похода Игорева.

Эта повѣсть или пѣснь по былинамъ, хотя и далека, по сознанію автора, отъ Бояновскаго замышленія, обнимавшаго полетомъ фантазіи отдаленныя вѣка и событія и художественно сочетавшаго ихъ въ одной цѣльной пѣснѣ, но какъ именно пѣснь, она также не могла быть чужда своего рода замышленія, обдуманности плана и художественной идеализаціи, на сколько позволяли то *были* нынѣшняго времени, современныя событія и историческія дѣянія. Разсматривая повѣствованіе о самомъ походѣ Игоря, мы видимъ, что оно дѣйствительно таково въ своемъ внутреннемъ составѣ. Это совсѣмъ не лѣтописный разсказъ, не повѣсть въ собственномъ смыслѣ. Для автора имѣютъ значеніе не дробности факта, не ихъ преемственность и послѣдовательность. Дружинѣ, къ которой обращено «Слово», подробности событій были извѣстны. Авторъ, какъ художникъ, поэтъ, своимъ творческимъ воображеніемъ схватываетъ лишь главнѣйшіе моменты дѣйствія и кратко и сильно живописуетъ нравственныя настроенія дѣйствующихъ лицъ, ни мало не стѣсняясь пространствомъ и временемъ и не нарушая въ существѣ самой сцены дѣйствія. Въ его пѣсненномъ описаніи похода Игорева являются для насъ лишь слѣдующія, краткія, но художественныя очертанія: а) Характеристика Игоря и его героевъ. б) Характеристика брата Всеволода и его дружины. в) Переполохъ въ землѣ Половецкой, вызванный ихъ движеніемъ. г) Изображеніе неминуемой опасности угро-

жавшей Русскимъ героямъ. д) Первая удачная стычка. е) Бой 2-й. ж) Бой 3-й и роковой въ связи съ ратями стараго времени.

а) *Характеристика Игоря.*

Указавъ на новую эпоху историческаго повѣствованія отъ Владиміра до Игоря, авторъ тотчасъ же непосредственно приступаетъ къ предмету своего повѣствованія. Какъ поэтъ, художникъ, онъ не касается никакихъ обстоятельствъ приготовленія къ походу, не входитъ ни въ какія подробности и самаго похода, извѣстныя намъ изъ лѣтописей, но прямо начинаетъ съ характеристики главнаго своего героя.

Не вдругъ, конечно, Игорь рѣшился на задуманное дѣло, не вдругъ наполнился онъ храбраго духа. Много думъ и колебаній прежде пережилъ онъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Авторъ рисуетъ намъ его рѣшимость прямо въ послѣднемъ ея моментѣ. Воинъ, когда готовъ уже на бой, опоясывается и точитъ свое оружіе—таково было и нравственное настроеніе Игоря въ крайній моментъ его рѣшимости: онъ опоясалъ умъ крѣпостію своею и сердце свое наточилъ мужествомъ. Опоясать умъ—значитъ утвердиться въ своей мысли, рѣшиться на что нибудь окончательно, безъ дальнѣйшихъ колебаній, безповоротно. Наточить сердце мужествомъ—значитъ сдѣлать его острымъ, чувствительнымъ къ воинской мысли, заставить его горьма горѣть геройскимъ духомъ.

„Онъ (этотъ самый Игорь)
„И умъ стянулъ крѣпостію своею
„И сердце свое наострилъ мужествомъ. [1]

Изобразивъ такимъ образомъ его рѣшимость, авторъ прямо ставитъ его на землю Половецкую, въ самую критическую и страшную минуту, предъ знаменіемъ солнца, когда само небо заставляетъ его воротиться.

„Наполнившись ратнаго духа
„Ввелъ онъ полки свои
„Въ землю Половецкую,

---

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*иже истягну*».

„Ради земли Русской.
„И воззрѣлъ тогда [1] Игорь на свѣтлое солнце
„И видитъ: всѣ его вои тьмою покрыты.

Всюду и всегда солнечныя затмѣнія производили на людей подавляющее впечатлѣніе: при видѣ его герои смущались духомъ, поникали головами и говорили: «се не добро знаменіе се».

Но не таковъ былъ Игорь: не о томъ думалъ онъ въ эту страшную минуту, чтобы воротиться. Смерть, лишь бы не плѣнъ, вотъ что предлагаетъ онъ своимъ боярамъ въ эту минуту и зоветъ ихъ вмѣстѣ съ собою «позрѣть синяго Дона».

„И сказалъ тутъ Игорь
„Дружинѣ своей:
„Братья и дружино!
„Кажись, лучше изрублену быть,
„Чѣмъ быть въ полону;
„Ну, такъ сядемъ же братья,
„На бо̀рзыхъ коне́й,
„Да на синій мы Донъ поглядимъ.

Авторъ входитъ затѣмъ въ самую душу своего героя и разъясняетъ его нравственное отношеніе къ этому зловѣщему знаменію. Затмѣніе солнца лишь разожгло его воинственный духъ и онъ не могъ, не въ силахъ былъ подавить въ себѣ геройскаго рвенія. Пылъ сердца возобладалъ надъ его разумомъ и порывъ, угнетавшій его душу, заставилъ его пренебречь солнечнымъ затмѣніемъ.

---

[1] *Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце* Когда это *тогда*? Послѣ чего? Спрашиваетъ А. Н. Майковъ и отвѣчаетъ: ясно, что здѣсь повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала; его слова, непосредственно за симъ слѣдующія: «*и рече: луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти*», очевидно тоже отвѣтъ на что-то. Въ Лѣтописи разсказъ дополняется. Въ дружинѣ—безпокойство, говорятъ Игорю, что затмѣніе—худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ. Поэтому въ переводѣ своемъ я, замѣчаетъ онъ, это мѣсто дополнилъ изъ Лѣ-

„Въ князѣ умъ охватило
„Геройское рвеніе,
„И знаменія мѣсто въ немъ заступило
„Тосненіе:[1]
„Испробовать великаго Дона.

И это рвеніе и это тосненіе авторъ тотчасъ затѣмъ выражаетъ собственными словами Игоря:

„Хочу, говоритъ, переломить копье свое
„О край поля Половецкаго,
„Хочу или сложить свою голову,
„Или же шлемомъ напиться изъ Дона.

Предъ образомъ такого героизма, котораго не могло сдержать самое небо, авторъ какъ бы изнемогаетъ въ своемъ творчествѣ и невольно обращается за вдохновеніемъ къ Бояну, приглашая его, какъ соловья стараго времени, воспѣть эти полки, пользуясь садомъ своей фантазіи, высотою полетовъ своего ума, сочетая въ одной цѣльной пѣсни событія той и другой эпохи.

„О, Бояне, соловей да ты стараго времени!
„Тебѣ бы воспѣть полки эти

тописи нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствованіе. Не былъ ли весь этотъ эпизодъ изложенъ слишкомъ по язычески (не являлся ли тутъ самъ Дажъ-богъ?)—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XVI в. (Слово о п. Иг. стр. 128 – 129). Признаемся, для насъ совсѣмъ и не ясно и не очевидно достаточное основаніе для такого предположенія. «*Тогда Игорь възрѣ*... Когда же это *тогда?* Послѣ чего? Отвѣчаемъ: *тогда* и послѣ того, какъ Игорь наполнившись ратнаго духа, *ввелъ* полки свои въ землю Половецкую. (См. слова: «*тогда*» «*наведе*» въ Лексикологіи «Слова»). Вставка о безпокойствѣ дружины—по поводу знаменія, на нашъ взглядъ, совсѣмъ неумѣста въ той художественной характеристикѣ Игоря, какую начерталъ авторъ. Слово «*тогда*» сбило съ толку также и Г. Потебня. *Тъгда* т. е. въ то время, замѣчаетъ онъ, которое представляетъ себѣ авторъ, но которое выше, будтобы во все не упомянуто. (См. Слово о п. Иг. Текстъ и примѣч. А. Потебня, стр. 17).

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста» «*Спала князю умь похоти и жалость ему знаменіе заступи*».

„Порхая, о соловей, по саду фантазіи, [1]
„Умомъ летая по поднебесью,
„Свивая славою обѣ половины сего времени.

Вдохновляясь такимъ образомъ творчествомъ Бояна, авторъ дѣлаетъ пробы подобнаго ему пѣснопѣнія во славу полковъ Игоревыхъ:

„Мчась тропою Трояна,
„Чрезъ поля на горы
„Пѣть было пѣснь Игорю—его внуку:
„Не соколѡвъ занесла буря,
„Чрезъ поля широкія;
„Стада галичьи бѣжатъ [2]
„Къ Дону великому.

„Или не запѣть ли было такъ,
„Вѣщій Бояне, внукъ Велесовъ:
„Кони ржутъ за Сулою,
„Звѣнитъ слава въ Кіевѣ,
„Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ,

Такова характеристика перваго и главнаго героя «Слова« Игоря. Въ лицѣ его авторъ рисуетъ и духъ его полковъ. Въ его творческомъ духѣ неустрашимость князя какъ бы переливалась въ его дружину. [3]

---

[1] См. Ibid. «*Свивая славы оба полы*».

[2] Нѣкоторые изслѣдователи, *Бицинъ*, а за нимъ *Скульскій* и *В. Миллеръ*, вставляютъ здѣсь отрицательную частицу *не* и читаютъ: «*не* галицы стады бѣжать къ Дону Великому». Но такая вставка лишь портитъ художественность подлинника. Если бы въ данномъ мѣстѣ не было антитезы и продолжалось лишь отрицательное сравненіе, то авторъ не употребилъ бы слишкомъ не художественнаго сравненія съ *бѣгомъ галокъ*, такъ какъ существенною чертою въ образѣ галокъ служитъ то, что они *летаютъ*, а не «*бѣгаютъ*». Выраженіемъ «*бѣжатъ*» авторъ именно даетъ замѣтить, что подъ стадами галичьими онъ разумѣетъ здѣсь «*Половцевъ*». Оборотъ здѣсь тотъ же самый, какъ и ниже: о, далече *зайде соколъ*. Особенность стиля «Слова» между прочимъ составляетъ то, что подлежащимъ часто является не самый предметъ, а его символъ.

[3] Характеристика эта такъ выразительна и художественна, что всякія друприбавленія къ ней могутъ лишь ослаблять ея достоинства. Въ самомъ дѣлѣ,

б) Характеристика Всеволода.

Воспрославивъ героизмъ Игоря, пѣвецъ въ своей творческой мысли переходитъ къ характеристикѣ другаго главнаго своего героя, брата Игорева, Всеволода. Это былъ столь же отважный герой, какъ и самъ Игорь; это былъ, по словамъ его, настоящій *«буй—туръ»*. Какъ творецъ-художникъ, авторъ свободно пользуется для характеристики его совершенно другимъ моментомъ дѣйствія. Переходъ въ высшей степени оригинальный и неожиданный. Послѣ второй попытки воспѣть Игоря размѣромъ Бояновскаго пѣснопѣнія, авторъ такими же стихами продолжаетъ:

„Стоятъ стяги въ Путивлѣ
„Игорь ждетъ милаго брата Всеволода.

Т. е. сынъ готовъ; отецъ дожидается своего брата и сказалъ ему братъ.

За этими краткими выраженіями стоитъ цѣлый рядъ сложныхъ событій, кои проносятся въ творческомъ духѣ автора, какъ факты, извѣстные его братіи, къ которой обращено «Слово» и онъ, въ силу своего замышленія, останавливается лишь на томъ моментѣ, въ которомъ наиболѣе разительно сказалось геройское распаленіе этого «буй—тура».

умѣстна ли напр. здѣсь слѣдующая вставка, представляющая варіантъ лѣтописнаго повѣствованія, которую нашелъ нужнымъ привнести въ текстъ А. Н. Майковъ:

«Видитъ: Солнце, что двурогій мѣсяцъ,
»А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;
»Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
«У людей въ глазахъ позелѣнѣло,
«Не добра ждать—говорятъ въ дружинѣ.
«Старики поникли головами:
«Быть убитымъ намъ, иль плѣненнымъ.
«Князь же Игорь: «Братья и дружина,
«Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!».
«Но кому пророчится погибель,
«Кто узнаетъ, намъ или поганымъ?
«А посядемъ на коней на борзыхъ
«Да хоть пôзримъ синяго-то Дону».

Это былъ моментъ, когда при сборахъ въ походъ, Всеволодъ возбуждалъ Игоря къ задуманному имъ воинскому предпріятію. При этомъ авторъ характиризуетъ его, какъ и самого Игоря, собственными его словами:

„И сказалъ ему буй—туръ Всеволодъ:
„Одинъ ты у меня братъ,
„Одинъ свѣтъ свѣтлый,
„Мы оба съ тобой Святославичи;
„Сѣдлай же, братъ, своихъ бо̀рзыхъ коней
„А мои впереди у Курска осѣдланы. [1]

---

[1] Нѣкоторые изъ комментаторовъ, Максимовичъ (Сборникъ сочиненій т. Ш, стр. 646, снес. 692) Огоновскій (Слово о п. Иг. стр. 42) предполагаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о соединеніи Игоря со Всеволодомъ у р. Оскола и пріурочиваютъ это мѣсто къ словамъ Кіевской Лѣтописи: «пріиде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курьска». Но не трудно замѣтить несообразность такого пониманія съ самымъ текстомъ «Слова»: Всеволодъ, велитъ готовиться къ походу тому самому Игорю, который уже съ войсками дожидался его у Оскола, и замѣчаетъ при этомъ, что его собственные кони осѣдланы у Курска впереди.

Г. Ждановъ совершенно основательно доказалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о предварительномъ съѣздѣ и уговорѣ князей съобща итти на Половцевъ (Литер. «Слова» стр. 48—51). Но и онъ, къ удивленію, предполагаетъ здѣсь пропускъ.

«И рече ему буй-туръ Всеволодъ»... Гдѣ вопросъ? спрашиваетъ г. Ждановъ. Думается, продолжаетъ онъ, что послѣ упоминанія объ ожиданіи Игоря слѣдовалъ разсказъ или упоминаніе о прибытіи Всеволода, за тѣмъ рѣчь Игоря, возбуждавшая къ походу (ср. въ разсказѣ Сѣверно-Русск. Свода: «сами поидоша о себѣ рекуще: мы есма ци не князи же? Пойдемъ, такы же собѣ хвалы добудемъ»). Всеволодъ отвѣчаетъ, что его не надо уговариватъ онъ и его дружина всегда готовы къ бою (Литерат. «Слова», стр. 51). Какъ скоро къ «Слову» прилагаются требованія хронологическаго и послѣдовательнаго повѣствованія, предположенія подобныхъ пропусковъ навязываются сами собою: ихъ можетъ оказаться безчисленное множество, такъ какъ съ точки зрѣнія чисто исторической, многое является здѣсь недосказаннымъ. Но если смотрѣть на «Слово» какъ на «пѣснь», какъ на художественное, творческое произведеніе, то въ предположеніи пропуска въ данномъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не представляется никакой надобности. Слова Всеволода направлены не къ той мысли, что Игорю его не надо уговаривать и что его дружина всегда готова къ бою.... Напротивъ, авторъ даетъ здѣсь понимать и чувствовать, какъ Всеволодъ уговаривалъ Игоря, или точнѣе, какъ другой герой—буй-туръ проявилъ свое

Замѣтимъ, что въ этихъ словахъ сказывается и взглядъ автора на своихъ героевъ: Игорь для него свѣтъ свѣтлый и оба брата высоко благородные, храбрые люди.

Возбуждая въ Игорѣ сознаніе достоинства своего происхожденія и чувство геройской чести, Всеволодъ разжигалъ его при этомъ успѣхомъ задуманнаго предпріятія, указывая на свою Курскую, отважную и опытную конницу. Вѣдь ты знаешь, говорилъ онъ ему, на мою дружину смѣло можно положиться; мои Куряне опытные всадники; съ младенчества обучены они ратному дѣлу. Трубные звуки были для нихъ колыбельною пѣснію; тяжелые шлемы были ихъ дѣтской утѣхой; кусокъ хлѣба съ раннихъ лѣтъ доставался имъ остріемъ меча; все имъ знакомо—и дороги и овраги; оружіе у нихъ всегда на готовѣ; рыцарская честь и княжая слава—вотъ задача ихъ жизни, для которой не знаютъ они препятствій и не чуютъ устали: рыщутъ словно волки въ степи, ища себѣ чести, а князю славы.

„Куряне мои вѣдь—опытная конница;
„Подъ трубами они пелéнаны
„Подъ шеломами—взлелѣяны,
„О конецъ копья вскормлены.
„Дороги имъ знакомы,
„Овраги имъ извѣстны;
„Луки у нихъ натянуты,
„Тулы оттворены,
„Сабли наточены;
„Сами они рыщутъ,
„Какъ волки въ степи,
„Ища себѣ чести и князю славы.

воинское настроеніе. Заставляя его указывать на Курянъ «кметей», авторъ также не то хочетъ сказать, что дружина Всеволода готова всегда къ бою, но именно то, что на нее смѣло можно положиться...:

в) Переполохъ въ Половецкой землѣ вызванный движеніемъ Игоря.

Изобразивъ характеры главныхъ своихъ героевъ, въ самые рѣшительные моменты предпринятаго похода, авторъ также быстро и неожиданно переходитъ къ изображенію переполоха въ странахъ Половецкихъ, возвращаясь къ тому же солнечному затмѣнію, которое останавливало Игоря при вступленіи его въ непріятельскую землю.

„Вступилъ тогда Игорь
„Въ стремя златое,
„И поѣхалъ по чистой степи;
„Солнце тьмою путь заступало.

Природа какъ бы отступилась отъ свѣтлаго Игоря и перешла на сторону его враговъ. Съ затмѣніемъ солнца вступили въ свои права темныя явленія и нечистыя силы. Ночь застонала—и птицы отъ страха проснулись въ своихъ гнѣздахъ; звѣри завыли неистовымъ воемъ—и птицы слетѣлись въ стада для самозащиты. До нынѣ въ стонаніяхъ ночи и звѣриныхъ завываніяхъ народъ нашъ чуетъ бѣснованіе нечистой силы, а *птицами* во всемъ «Словѣ» изображаются *Половцы.*

„Ночь, стоная, страхомъ
„Птицъ разбудила;
„Вой звѣриный
„Въ стаи согналъ [1].

Чудовищный дивъ, словно лѣшій, заревѣлъ во всю голову. Гулъ его, словно богатырскій, несется во всѣ концы Половецкой земли до самаго моря. Онъ велитъ врагамъ прислушаться къ этимъ ночнымъ стонаніямъ, къ этому воющему вереску дикихъ звѣрей.

„Дивъ рычитъ надъ лѣсомъ,
„Враждебной землѣ
„Послушать велитъ
„И Волгѣ и Поморію и Посулію

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Свистъ звѣринъ» встазби.*

„И Сурожу и Корсуню,
„И тебѣ, тмутараканская крѣпость [1]!

И вотъ, кочевники, словно испуганные птицы, выскакали изъ своихъ шалашей;—подобно имъ, отъ страху столпились въ полчища для самозащиты, и стремглавъ, безъ оглядки, дорогой какой попало, бѣгутъ на встрѣчу Русскимъ полкамъ и ѣдутъ на своихъ скрипящихъ, не смазанныхъ арбахъ.

„Половцы бѣгутъ
„Дорогами неѣзжаными
„Къ Великому Дону,
„Скрыпятъ ихъ телѣги,
„Словно лебеди распуганныя.

г) *Изображеніе неминуемой опасности.*

Очертивъ переполохъ въ странахъ Половецкихъ, авторъ рисуетъ за тѣмъ роковую неминуемую опасность, которая ждетъ Игоря и его дружину на пути къ тому же Дону, куда бѣгутъ и Половцы. Опасность эта олицетворена въ предчувствіяхъ хищныхъ птицъ и звѣрей сопровождающихъ его движеніе. Игорь идетъ все дальше и дальше съ своими полками.

„Игорь къ Дону воевъ ведетъ.

И вотъ на пути ихъ преслѣдуетъ злая судьбина.—Въ лѣсу и полѣ она имъ видится и слышится; надъ ними—паритъ она въ поднебесьѣ; предъ ними—выскакиваетъ изъ подъ земли.

Хищная птица, чуя ихъ гибель, гонится за ними и летитъ съ дерева на дерево. И впередъ не улетаетъ, и позади не остается, и въ сторону не шатится. Зорко наблюдаетъ она за ихъ движеніемъ, за каждымъ ихъ шагомъ и тщательно бережетъ для себя свою добычу. Про запасъ она держитъ свои очи. Ихъ страшныя бѣды—ея сытость и пожива.

---

[1] См. въ «Лексикологіи» слово «*блъванъ*».

„По дубью птица
„Его бѣдъ дозираетъ [1].

По сторонамъ дороги — слышится зловѣщій голосъ той же злой судьбины. Голодные волки, чуя добычу, отъ жадности воютъ дикимъ воемъ. На крутыхъ и высокихъ оврагахъ, разинувъ свои пасти и оскаливъ зубы, они своимъ дикимъ концертомъ какъ бы разъяряются для своей жертвы. Дикая рознь визжащихъ голосовъ, на подобіе свиста—рога или свирѣли, деретъ по кожѣ и раздираетъ душу. Чѣмъ пронзительнѣе этотъ свистъ, тѣмъ, значитъ, они жаднѣе и голоднѣе, тѣмъ страшнѣе и свирѣпѣе.

„По оврагамъ волки
„Навываютъ ужасъ [2].

Кровожадные орлы вьются стаями по поднебесью и клёгчутъ. Съ высотъ они острозрятъ и видятъ цѣлые полки, идущіе на убой. Они не только предчувствуютъ, что сами насытятся человѣческими трупами, но своимъ клектаніемъ даютъ знать голоднымъ звѣрямъ, что кости для нихъ готовы. Знаетъ звѣрь и понимаетъ это орлинное клектаніе.

„Орлы клектомъ
„На кости звѣря зовутъ.

Изъ норъ выскакали во множествѣ лисицы, и вотъ лаютъ они на красные щиты, словно собаки. Это бреханіе ихъ есть злое облаяніе участи Русскихъ полковъ и предвѣстникъ отчаянныхъ воплей, имѣющихъ быть отъ кроваваго зрѣлища, столь же тяжелаго для человѣческаго серда, какъ красный цвѣтъ не выносимъ для глазъ лисицы.

„На красные лаютъ
„Лисицы щиты.

---

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста: «*Бѣды пасетъ птицъ*» *подобію*.
[2] См. Ibid. *влъци грозу въ срожатъ*.

Обрисовавъ въ такихъ яркихъ образахъ злую судьбу, ожидавшую полки Игоревы, авторъ слѣдитъ въ своемъ творческомъ духѣ за ихъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Вотъ перешли они уже валъ Половецкій. Какъ бы въ страхѣ за ихъ участь, онъ невольно съ глубокимъ сожалѣніемъ вызываетъ:

„О, Русскіе мужи!
„Уже за шеломенемъ вы!

Уже на вражеской землѣ, далеко отъ родной стороны!

Здѣсь мы невольно останавливаемся и позволяемъ себѣ спросить читателя, удавалось ли ему когда-нибудь встрѣчать въ текущей литературѣ столь образную и кованую, столь краткую и вмѣстѣ полную глубокаго смысла художественную картину? Сила этихъ образовъ съ поразительною краткостію выраженія мыслей вполнѣ и строго отвѣчаютъ Греческому классическому стилю.

д) *Первая удачная стычка.*

Описанію первой удачной стычки Русскихъ съ Половцами предшествуетъ прекрасное описаніе ночи и ранняго утра, когда Русскія войска выстроились къ бою.

Ночь была благопріятная: тихая и спокойная. Она шла своей обычной чередой.

Авторъ раздѣляетъ ночь на двѣ половины и указываетъ крайніе моменты той и другой.

Ночь *смелькающаяся*: она начинается постепеннымъ угасаніемъ свѣта, смельканіемъ, которое продолжается довольно долго. Моментъ которымъ кончается эта половина—потуханіе зари.

Съ угасаніемъ послѣдняго ея луча начинается *глубокая ночь*. Ночь эту авторъ называетъ *мглою*, т. е. густымъ непроглянымъ туманомъ, при которомъ ни зги становится не видно. Моменты—которыми опредѣляется этотъ періодъ—суть слѣдующіе:

Съ одной стороны умолканіе соловья. Съ наступленіемъ глубокой ночи онъ перестаетъ пѣть и засыпаетъ. А съ другой—переклнкъ га-

локъ: галки просыпаются еще до утренней зари и своимъ крикомъ даютъ знать, что ночь кончилась и наступаетъ уже раннее утро.

„Долго ночь смелькаетъ,[1]
„Заря свѣтъ заронила,
„Туманъ степи покрылъ,
„Уснуло пѣніе соловья;
„Говоръ галокъ пробудился[2]

Такому объясненію вполнѣ отвѣчаетъ дальнѣйшія слова: *на другой день весьма рано.* Очевидно, выше было описаніе ночи, а не ранняго утра, какъ думаютъ другіе излѣдователи.

Русскіе полки уставились въ строй, выдвинувъ впереди себя красные щиты. Червленая, красная линія этихъ щитовъ какъ бы раздѣлила степь на двѣ половины.

„Русаки широкія степи разгородили
„Своими красными щитами,
„Ища себѣ чести, а князю славы.

Рано по утру, въ пятницу, они выступили въ бой. Авторъ ни единымъ словомъ не касается затѣмъ самаго боя, но лишь въ восторгѣ рисуетъ тріумфы одержанной ими побѣды. Въ этой первой стычкѣ Русскіе наголову разбили враговъ и, разсѣявшись по степи, поймали много дѣвокъ-красавицъ, захватили много золота, шелковыхъ и парчевыхъ тканей, а остальные менѣе дорогіе уборы, привѣски, эпанчи, шубы и разныя узорчатыя принадлежности, не знали куда дѣвать, и побросали на дорогѣ, устилая ими болота и грязныя мѣста.

„Съ изъ заранья въ пятницу,
„Потоптали они
„Поганые полки Половецкіе,

---

[1] См. въ »Лексикологіи»: «*мркнетъ*».
[2] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди*».

„И, разсыпавшись по степи, какъ стрѣлы,
„Красныхъ дѣвокъ Половецкихъ умчали,
„А съ ними золота и паволокъ
„И дорогихъ аксамитовъ.
„Подвязками, [1] эпанчами и кожухами
„Стали мосты мостить,
„Половѣцкимъ узорочьемъ всякимъ.

Съ особенною любовію авторъ остановился на описаніи побѣднаго знамени, доставшагося князю. Онъ обрисовалъ всѣ составныя его части и совершенно въ классической формѣ усвояетъ ее побѣдителю.

„Красный стягъ,
„Бѣлая хоругвь,
„Красная чолка,
„Серебряная рукоять—
„Храброму Святославичу!

Одержавъ побѣду, Русскіе князья со своими дружинами не двинулись ни взадъ, ни впередъ и, какъ гласитъ лѣтопись, «*облегоша ту*».

Авторъ знаетъ эту заночевку и чувствуетъ ея роковое значеніе. Врагъ ловитъ птицу, пользуясь минутой ея безпечности. Таково же было значеніе и этой медлительности Русскихъ князей на чужой, дальной сторонѣ.

„Дремлетъ въ степи
„Гнѣздо храброе Олега!

Восклицаетъ онъ:

„Далече оно залетѣло!

Но ликуя побѣду, онъ проникается духомъ, одушевлявшимъ его героевъ, которыхъ врагъ не смѣлъ безпокоить въ эту ночь. Соколы и особенно кречеты—самые страшные хищники птицъ, но не суж-

[1] См. въ „Лексикологіи“: «*орътьмами*».

дено имъ обидѣть гнѣзда Олегова; тѣмъ менѣе опасенъ былъ для него черный воронъ:

„Не было оно рождено для обиды [1]
„Ни соколу ни кречету,
„Ни тебѣ черный воронъ,
„Поганый Половчанинъ!

Кочевники обращены въ бѣгство.

„Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
„А Кончакъ въ слѣдъ за нимъ гонится
„Къ Дону Великому.

жс) Бой 2-й.

Образы этого боя авторъ видитъ въ грозныхъ явленіяхъ природы, гдѣ готовится борьба свѣта со тьмою. Эти явленія для него —явленія живыя и потому онъ переживаетъ ихъ вмѣстѣ съ событіями. Какъ небесныя знаменія онъ непосредственно уясняетъ чертами дѣйствительности, такъ затѣмъ и самую дѣйствительность изображаетъ чертами этихъ знаменій.

аа) Знаменія, уясняемыя чертами дѣйствительности

На другой день утренняя заря спорыдала. Переливы ея казались красными, какъ кровь. Вѣстница разсвѣта, она не добрый день обѣщала.

„На другой день весьма рано,
„Кровавыя зо̂ри возвѣщаютъ разсвѣтъ.

Съ моря издали надвигались темныя тучи, готовыя омрачить горемъ четыре солнца. Солнца эти четыре князя: Игорь Сѣверскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, сынъ Владиміръ Путивльскій и племянникъ Всеволодъ Рыльскій.

„Съ моря черныя тучи идутъ,
„Хотятъ покрыть четыре солнца.

---

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*не былонъ обидѣ порождено*».

Въ надвигающихся тучахъ сверкали неяркія, неослѣпительныя молніи—грозные вѣстники проливнаго дождя и страшнаго грома. Этотъ дождь и громъ—предстоящій бой. Картина ужасающая, потрясающая.

„А въ нихъ свинцовыя молніи [1]
„Трепетъ наводятъ [2]:
„Быть грому великому,
„Итти дождю стрѣлами
„Съ Дона великаго.
„Ломаться тутъ копьямъ,
„Ударяться тутъ саблямъ
„О шеломы Половецкіе,
„У Дону Великаго.

Эти грозные образы возбуждаютъ въ душѣ автора дѣйствительный трепетъ за судьбу своихъ героевъ—и онъ вновь, подъ воздѣйствіемъ этого чувства, выражаетъ сожалѣніе, что они уже на вражеской землѣ, далеко отъ родной стороны.

„О русскіе мужи! Взываетъ онъ.
„Уже за шеломенемъ вы!

бб) Зловѣщія знаменія вполнѣ оправдались. Какъ выше авторъ уяснялъ ихъ чертами дѣйствительности, такъ за тѣмъ самую дѣйствительность рисуетъ чертами этихъ знаменій.

Черныя тучи въ событіи. Эти черныя тучи съ моря, имѣвшія разразиться дождевыми стрѣлами, ниспосланы сверхъестественной силой:

„Вотъ вѣтры—Стрибоговы внуки,
„Вѣютъ съ моря стрѣлами,
„На храбрые полки Игоревы.

Несмѣтная вражеская сила надвигается отовсюду, съ моря и суши, и какъбы подъ движеніемъ ея:

---

[1] См. въ Лексикологіи: «*синіи млъніи*».
[2] См. Ibid. «*трепещуть*».

„Гудитъ земля,
„Мутятся рѣки,
„Пыль вьется надъ степью.

Шумъ множества знаменъ говорилъ ясно, какая эта сила:

„Знамена гласятъ:
„Идутъ Половцы
„Отъ моря и отъ Дона
„И отъ всѣхъ странъ.

Наступилъ грозный боевой моментъ: бѣсовы дѣти окружили Русскія войска; ихъ неистовый бѣсовскій гикъ, своимъ эхомъ, гуломъ какъбы раздѣлилъ степь на двѣ части:

„Кликомъ они степь разгородили.

А Русскія войска выставили впереди себя красные щиты и красная линія ихъ щитовъ также раздѣлила степь на двѣ половины:

„А храбрые Русаки
„Разгородили красными щитами.

Дождь, громъ и молніи—въ событіи. Слѣдовало бы затѣмъ ожидать описанія самого боя, но въ творчеекомъ духѣ автора борьба буй-тура Всеволода замѣняетъ картину цѣлаго войска. Еще свѣже было преданіе о старомъ времени, когда сила народовъ измѣрялась богатырствомъ. Отчаянный бой этого святорусскаго богатыря авторъ замѣтно обрисовалъ чертами побѣдоносной борьбы свѣтлыхъ небесныхъ явленій надъ темными; при этомъ онъ самъ какъбы соучаствуетъ въ его богатырствѣ, переживаетъ его, волнуется при думахъ о немъ. Выражая свое изумленіе предъ храбростію, онъ то взываетъ къ своему герою, то обращается къ своей братіи, то говоритъ какбы самому себѣ:

„О ты, яръ-туръ Всеволодъ,
„Стоишь ты на оборонѣ;
„Словно дождь, брызжешь

„На воиновъ стрѣлы;
„Словно громъ, гремишь
„О шлемы мечами булатными.

Какъ разъяренный туръ, скачетъ онъ въ бою; лишь шлемъ сіялъ на немъ, какъ молнія; каждый скачекъ этого тура оставлялъ за собою цѣлую улицу вражескихъ головъ:

„Куда туръ ни скокнетъ,
„Златымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая,
„Лежатъ тамъ поганыя головы Половѣцкія.

Удары его саблей были разрушительны, какъ расщепляющая молнія.

„Отъ тебя, яръ-туръ—Всеволодъ,
„Разщепаны булатными саблями
„(Самые крѣпкіе шлемы)
„Шеломы Аварскіе.

Охарактиризовавъ подвиги его какъ богатыря, авторъ отъ внѣшнихъ его доблестей переходитъ къ характеристикѣ внутренняго его настроенія. Онъ заглядываетъ, онъ проникаетъ въ самую душу своего героя и потому отъ его лица обращается къ той братіи, къ которой обращено было его «Слово». Въ минуты геройскаго распаленія ни по чемъ была Всеволоду жизнь княжеская, привольная и почетная, ни по чемъ было отцовское наслѣдство—богатое Черниговское княжество и даже выпала изъ сердца любимая, задушевная красавица Глѣбовна: что же значили для него боевыя раны и могъ ли онъ ихъ бояться, могъ ли онъ ими смущаться.

„Братья! Что тому рана [1],
„Кто забылъ честь и животъ,
„И Градъ Черниговъ—златъ отѣцкой столъ,
„И совѣтъ и привѣтъ своей милой супруги
„Красавицы Глѣбовны!

[1] См. въ Палеографической критикѣ текста: «*кая раны дорога*».

з) Бой 3-й.

Если первые два боя дали автору случай изобразить своихъ героевъ во всей славѣ и нравственномъ величіи дружинниковъ, то послѣдній и роковой бой выступилъ въ его творческомъ духѣ во всемъ его дѣйствительномъ историческомъ значеніи, со всѣми его гибельными послѣдствіями какъ для самихъ героевъ, такъ и для всей Русской земли. Никакая храбрость не спасаетъ людей, если она тратится необдуманно; тамъ, гдѣ господствуетъ крамола, не только безсиленъ героизмъ, но и производитъ напрасную гибель войска и накликаетъ страшныя бѣды на страну и народъ. Подъ такимъ воззрѣніемъ авторъ приступаетъ къ описанію послѣдняго роковаго боя Игорева. Самый бой мало занимаетъ автора и онъ изображаетъ его лишь въ самыхъ краткихъ очертаніяхъ. Но за то бѣдствія, вызванныя боемъ какъ для дружины такъ и для всей Русской земли, рисуются имъ въ самыхъ яркихъ картинахъ и освѣщаются по Бояновски эпическимъ преданіемъ. То же самое воззрѣніе побудило его предварить описаніе боя воспоминаніемъ о времени старомъ и вставить эпизодъ о такомъ же боѣ въ былое время, сопровождавшемся такими же послѣдствіями. Эпизодъ этотъ нѣкоторымъ ученымъ кажется позднѣйшею вставкою; между тѣмъ онъ имѣетъ такую внутреннюю и глубокую связь со всѣмъ описаніемъ 3-го боя и вызванныхъ имъ послѣдствій, что безъ этого эпизода пѣснь Игорева лишилась бы художественной цѣльности и потеряла бы самую основу Бояновской пѣсни, на которой она соткана.

Несчастный и гибельный исходъ послѣдняго роковаго боя, несмотря на все величіе мужества и храбрости, явленныхъ въ бояхъ предшествовавшихъ, зависѣлъ отъ того, что походъ былъ предпринятъ безъ согласія съ другими сильными князьями, самонадѣянно и своекорыстно и бой оказался не равнымъ. Начало такого самолюбиваго дѣйствія князей, начало крамолы и усобицъ, скрывалось въ эпохѣ предшествовавшей и уже тогда давало понимать и чувствовать все зло отсюда возникавшее. Вотъ почему, переходя къ описанію главнѣйшаго и роковаго боя, авторъ переносится мыслію ко времени старому, къ князьмъ и ихъ усобицамъ, воспѣтымъ Бояномъ и свиваетъ

описаніе этого боя и его послѣдствій съ подобными явленіями времени стараго, точно такъ какъ Боянъ, воспѣвая своихъ князей, уносился творческою мыслію ко временамъ древнимъ.

Важность момента побуждала сосредоточить здѣсь всѣ его думы и творческія движенія. Форма Бояновой пѣсни, которой онъ подражаетъ, и внутренняя связь историческихъ явленій, которую онъ преслѣдуетъ, заставили его остановиться на воспоминаніяхъ времени стараго, и вставить эпизодъ объ усобицахъ Олеговыхъ и въ частности о боѣ на Нежатиной нивѣ и о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми разрѣшились онѣ какъ для князей, такъ и для всего Русскаго народа. Гибельны были тогдашнія усобицы, но такой рати, какъ рать Игорева не только по храбрости героевъ, но и въ ея историческомъ значеніи, съ такими тяжелыми послѣдствіями для всей Русской земли никогда не бывало.

Переходя къ изображенію эпизода этой старой эпохи, воспѣтой Бояномъ, авторъ удерживаетъ связь ея съ временами древними. Бывали рати и въ древнія времена Трояна, къ коимъ уносился Боянъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ; бывали рати и въ эпоху Ярослава и Олега, въ тое старое время, которое воспѣто было Бояномъ:

„Были вѣка Трояновы,
„Миновали лѣта Ярославовы,
„Были походы Олеговы,
„Олега Святославича.

Не разъ тотъ Олегъ наводилъ поганыхъ на землю Русскую:

„Тотъ Олегъ крамолу ковалъ
„И стрѣлы сѣялъ по землѣ.

Но выражаясь такъ объ Олегѣ, «много бо тогда хрестьянъ отъ поганыхъ изгублено бысть, авторъ однако не его одного считаетъ причиною бѣдствій, постигшихъ тогда какъ князей, такъ и Русскій народъ. Замѣчаніемъ, что братъ его Борисъ палъ за то, что былъ *обиженъ* Олегъ, князь молодый и храбрый, онъ даетъ понять, что не одинъ Олегъ былъ виновникъ этихъ золъ. Другіе князья, его обидѣв-

шіе, также повинны въ его гибельныхъ крамолахъ. Эпизодъ на которомъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе—это именно бой на Нежатинной нивѣ Ольговичей съ Ярославичами изъ за Черниговскаго престола.

Престолъ этотъ по праву принадлежалъ Олегу, но былъ у него отнятъ, чѣмъ была нанесена ему кровная обида. Олегъ бѣжалъ въ Тмутаракань и здѣсь рѣшился съ братомъ своимъ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастія оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго княжества и разбили Всеволода, который сидѣлъ въ ихъ отчинѣ въ Черниговѣ.

Противъ нихъ соединились четыре князя—Ярославичи и, одержавъ побѣду, на Нежатинной нивѣ, передали Черниговскій столъ Владиміру Мономаху, сыну Всеволодову.

Авторъ не разсказываетъ по обычаю самаго боя, но останавливаетъ свое вниманіе на бѣдствіяхъ вызванныхъ имъ, прежде всего для самихъ князей. Вотъ Олегъ

„Ступаетъ въ золотой стремень
„Въ городѣ Тмутараканѣ.
„Звонъ тутъ слышалъ
„Всеволодъ сынъ Ярославовъ, [1]
„А Владиміръ всякое утро
„Закладывалъ уши въ Черниговѣ. [2]

Вотъ чѣмъ разрѣшилось выступленіе въ походъ крамольнаго Олега. На дружинномъ языкѣ это значило, что Всеволодъ долженъ былъ выносить, выдерживать на себѣ всю тяжесть этого боя; онъ долженъ былъ перенесть пораженіе, чтобы одержать побѣду и при томъ лишь только снискавъ себѣ помощь у другихъ князей; сынъ же его Владиміръ, занявъ не по праву Черниговскій столъ, поставилъ себя въ положеніе молодаго воина, который боится трубы; долженъ былъ постоянно ждать оглушительнаго звона—внезапныхъ нападеній Олега и предъупреждать эти опасности—этотъ оглушительный звонъ,

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*звонъ слыша*».
[2] См. Ibid. «*уши закладаше*».

Таковы были послѣдствія старой крамолы для самихъ князей, оставшихся въ живыхъ. Двое же изъ нихъ совсѣмъ погибли на злосчастной нивѣ. Погибъ Борисъ Вячеславичъ, хвалившійся отстоять свои родовыя права.

„Похвальба же Бориса Вячеславича
„До смертной судьбы его довела
„И на Каялу-ниву зеленую [1]
„Погребальный покровъ постлала,
„И все изъ за того, что обиженъ былъ
„Олегъ, князь молодый и храбрый.

Погибъ и самъ Изяславъ, великій князь Кіевскій; онъ почилъ здѣсь сномъ вѣчнымъ—и сынъ его Ярополкъ въ послѣдній разъ на коврѣ погребальномъ побаюкалъ его, перевозя въ стольный городъ.

„Съ той же Каялы-нивы [2]
„Ярополкъ полелѣялъ отца своего,
„Межъ Угорскими иноходцами
„Ко святой Софіи къ Кіеву.

Къ такимъ послѣдствіямъ въ былое время приводили княжескія усобицы ихъ самихъ. А вотъ чѣмъ разрѣшались онѣ для народа и родной земли.

Не трудъ земледѣльца, а горе надъ нимъ посмѣваясь, завладѣло полями; не хлѣбъ на нихъ сѣялся, а само горе разсѣвалося и цѣлыя поля заростали этимъ горемъ. Рѣдко слышался на нихъ голосъ пахаря, но часто раздавался крикъ вороновъ и галокъ.

---

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*и на канину зелену патолому постла*»

[2] См. Ibid. «*съ тоя же Каялы повелѧя*».

„Тогда при Олегѣ, горе похваляяся,[1]
(„По полямъ оно кидалося),
„Сѣменами разсѣвалося,
„И отъ усобицъ росло оно—плодилося;
„Губилось достоянье Дажъ-Божьяго внука.
„И короталисъ вѣка человѣческіе.
„Тогда на Русскихъ поляхъ
„Рѣдко пахари погайкивали,
„Но часто вόроны пограивали,
„И галки свою рѣчь говорили,
„На лакомый кормъ летѣть собираясь.

Таковы были бѣдствія какъ для князей, такъ и для народа въ былыя времена, «въ тѣ рати и въ тѣ бои, но такой рати отчаянной и съ такими ужасными послѣдствіями, какъ нынѣшняя, еще не слыхано.

Описаніе этой рати въ высшей степени художественно. Краткость предложеній дѣлаетъ весьма изобразительными выражаемыя ими дѣйствія. Вы какъ будто присутствуете при самомъ боѣ, и видите эти летающія стрѣлы и слышите громъ и трескъ самаго оружія.

„Съ изъ-заранья до вечера,
„И съ вечера до рàзсвѣта,
„Летятъ стрѣлы каленыя,
„Гремятъ сабли о шèломы,
„Трещатъ копья булатныя
„Въ степи непріятельской,
„Среди народа Половецкаго.

Земля была вспахана конницей, изрыта была конскими ногами; кости были раздроблены нá—мелко и раскиданы, словно сѣмена; кровь текла ручьями и поливала ихъ; сѣмена дали ростки, взошли, но не

[1] См. Ibid. *«тогда при Олзѣ Гориславличи»*.

на радость, а на великую скорбь земледѣльцевъ; въ каждомъ ростка виднѣлась печаль и Русская земля покрылась сердечной тугой, словно поле—зеленью.

„Зачернѣла земля подъ копытами,
„Костьми была призасѣяна
„И кровію была пdлита
„Тугою взошли они
„По Русской землѣ.

Изъ всѣхъ событій этого сраженія авторъ воспроизвелъ для нась одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ, въ которомъ сказалось сочувствіе Игоря къ своему брату, уже изнемогавшему въ борьбѣ и даже изломавшему свое оружіе. Игорь, самъ раненый, рвался воротить бѣжавшіе полки, чтобы оказать ему помощь. Моментъ этотъ выраженъ такъ живо и такъ художественно, что какъ будто авторъ очертилъ его на самомъ полѣ сраженія.

„Чу! Что-то шумитъ,
„Что-то звѣнитъ,
„Вдали рано передъ зарями?
„Это Игорь полки заворачиваетъ;
„Жаль ему стало
„Милаго брата Всеволода.

Окончаніе боя схвачено въ двухъ моментахъ, поражавшихъ силою своего впечатлѣнія: это во 1-хъ, паденіе Русскихъ знаменъ и во 2-хъ, послѣднее прощанье братьевъ-плѣнниковъ.

„Бились день, бились другой,
„А на третій ко полудню,
„Стяги Игоревы пали.
„Тутъ разлучились братья
„На берегу быстрой Каялы.

Всю горечь этого пораженія авторъ выразилъ за тѣмъ въ образѣ брачнаго веселаго пира. На этихъ пирахъ, чѣмъ больше пьютъ,

тѣмъ больше требуютъ, и это до тѣхъ поръ, пока хозяева спать не лягутъ. На пиру быстрой Каялы точно также лишь разгорѣлась отъ опьяненія жадность въ Половцахъ: они еще и еще жаждали бы Русской крови, но вина уже не хватило, хозяева уже опочили.

„Тутъ кроваваго вина не достало,
„Тутъ покончили пиръ храбрые Русаки;
„Сватовъ упоили и сами полегли
„За землю Русскую.

Тяжело было автору писать эти строки и вотъ онъ выражаетъ свою скорбь словами народныхъ плачей:

„Никнетъ трава отъ жалости
„И лѣса отъ туги къ землѣ наклонились.

2. Взглядъ автора на бѣдствія Русской земли и ихъ причины.

Автору предносится тяжелая картина на Дону, на полѣ пораженія. Тамъ, гдѣ было такъ много народа, гдѣ раздавались воинственные клики, гдѣ кипѣла человѣческая жизнь, вдругъ стала глушь и безнародица, сдѣлалось пустынно и уныло, ни звука, ни слѣда человѣческаго.

„Уже, братья, взываетъ онъ,
„Не веселая година настала
„Уже пустыня силу прикрыла.

Главная причина всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Русскую землю кроется въ княжескихъ усобицахъ, въ личныхъ взаимныхъ счетахъ и раздорахъ. Но откуда—самыя усобицы? Мы уже выше указывали, что по объясненію автора Игоревой пѣсни источникъ этихъ усобицъ кроется въ надмірныхъ сверхъестественныхъ силахъ.

Если по взгляду лѣтописцевъ, «дьяволъ воздвиже нѣкую котору злу межу князи» «врагъ дьяволъ всѣ князи Русскіе вложи на вражду»,

то нашъ авторъ, въ силу эпическаго міровоззрѣнія, предлагаетъ слѣдующее объясненіе этихъ усобицъ:

„Встала обида
„Въ силахъ Дажъ-Божьяго внука,
„Вступила Дѣвою на землю Троянову,
„Всплескала лебединымъ крыльемъ
„На синемъ морѣ, у Дону плещучись:
„Пробудила тучныя времена.
„У князей—усобица,
„А намъ—поганые—погибель;[1]
„Братъ сталъ говорить брату:
„Это мое, и то мое же.
„И начали князья про пустое
„Говорить: это—важное;
„А поганые со всѣхъ сторонъ
„Приходили съ побѣдами
„На землю Русскую.

При этомъ пѣвецъ какъ бы невольно обращается къ происшедшей отъ этихъ усобицъ несчастной судьбѣ Игоря его дружины и съ глубокимъ сожалѣніемъ взываетъ:

„О, далеко зашелъ ты соколъ,
„Охотиться за птицами къ морю!
„И не воскресить уже храбраго полка Игорева!

Вся Русская земля должна была пережить бѣдствіе, вызванное этой далекой погоней сокола за птицами. Слезы и вздохи охватили всю Кіевскую Русь.

Но подобно тому, какъ описанію княжескихъ усобицъ авторъ предпослалъ изображеніе виновницы ихъ Дивы-Обиды, которая возбудила

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*усобица князем на поганыя погыбе*».

ихъ своимъ плесканіемъ на синемъ морѣ у Дона, такъ далѣе прежде описанія плачей и скорбей вдовъ и сиротъ павшаго войска, онъ выводитъ на сцену *Карину* и *Желю*—спутницъ Дѣвы-Обиды — виновницъ этихъ плачей и скорбей, пользуясь при этомъ обычаями погребальнаго языческаго культа и озаряя ихъ чертами эпическаго преданія·

„Не воскресить полку Игорева!
„За нимъ кликнула Карина.

Карина [1]—это вопленица, обрядница мертвыхъ, жрица смерти. Но авторъ имѣетъ при этомъ въ виду не простую плакальщицу, пѣсенницу по мертвыхъ. Онъ усвояетъ ей *кликъ* воинскій, *кликъ* побѣдный, гласъ радованія и торжества.

Кликнула Карина. Неистовый гулъ ея торжества для автора носился какбы въ воздухѣ и, точно кликъ богатырскій, или кликъ дива, огласилъ собою всю Русскую землю. Что это за *кликъ*—отчасти видно изъ плачей даже нынѣшнихъ вопленицъ.

„Воскликать стану надежную головушку:
. . . .
„Хоть по утрыпку скачи да спрымъ заюшкомъ,
„Хоть по вечерку бѣги да горносталюшкомъ...
. . . .
„Не убоюсь того, побѣдна, не сполохаюсь...
. . . .
Но вѣдь нѣтъ того на свѣтѣ и не водится,
„Што вѣдь мертвыи съ погоста не воротятся.

Такимъ образомъ даже въ дошедшей до насъ погребальной причети выражается не только сожалѣніе о мертвыхъ, но и *торжество* смерти.

И если обрядница мертвыхъ представляла собою самую смерть въ образѣ «красной дѣвушки,» то и въ данномъ случаѣ, въ образѣ Карины, вопленицы, кличущей богатырскимъ кликомъ, разумѣется Дѣва

---

[1] См. въ Палеограф. критикѣ текста: «*кликну Карна*».

смерти, ликующая гласомъ радованія свое торжество надъ павшимъ войскомъ Игоревымъ.

Не пѣсня только смерти пропѣта, но и тризна совершилась.

„И Желя [1] скочила по Русской землѣ.
„Разнося пепелъ въ пламенномъ рогѣ.

Въ погребальномъ языческомъ культѣ былъ обычай, который держится въ народѣ и донынѣ—посылать отъ имени покойника къ его роднымъ и близкимъ *жальницу*—печальную вѣстницу съ наказомъ, что «такой-то долго жить приказалъ».

Въ изданныхъ нами погребальныхъ Плачахъ сѣвернаго края» есть прекрасное описаніе подобной вѣстницы печали. Авторъ пользуется образомъ этой вѣстницы для изображенія горькой скорби, широко охватившей Русскую землю о павшемъ Игоревомъ войскѣ, обрисовывая образъ этой «Жели» также эпическими чертами и обычаями погребальнаго культа.

Желя—вѣстница печали, будто удалая поленица, словно на конѣ, скочила по Русской землѣ—распространяя вѣсть о павшемъ полку Игоревѣ. Но не простой только вѣстницей была эта Желя. Она, подобно Дѣвѣ-Обидѣ—виновницѣ страстей и усобицъ, скача по Русской землѣ, всюду зажигала глубокія душевныя раны.

„Метая пепелъ въ пламенномъ рогѣ.

Въ язычествѣ, какъ извѣстно, трупы сожигались и лишь оставшійся пепелъ сохранялся въ урнахъ. Отъ погибшаго войска остался лишь прахъ, который разносила Желя—по всей Руской землѣ—въ пламенномъ рогѣ, пепелъ съ пылающими углями, пепелъ еще не остывшій, который какъ будто былъ взятъ прямо изъ подъ костра сгорѣвшихъ труповъ. Такъ свѣжи и жгучи были раны, производимыя Желей по всей Русской землѣ!

Изобразивъ кличущую кликомъ побѣднымъ *Карину,* и *Желю,*

[1] См. Ibid. «*и Желя скочи*».

разносящую погребальный пепелъ по Русской землѣ, авторъ переходитъ къ соотвѣтствующей дѣйствительности.

Кликнула *Карина*, и вотъ:

„Восплакались Русскія жены
„Причитая:
„Уже намъ своихъ ладъ,
„Ни мыслью помыслить,
„Ни думой подумать,
„Ни очами взглянуть,

«И подавно не придется испытывать былыхъ радостей—отъ подарковъ, приносимыхъ изъ похода возвращавшимися ладами.

„А золотомъ и серебромъ
„Отнюдь намъ не тѣшиться.

Промчалась *Желя* по Русской землѣ, разнося пепелъ въ пламенномъ рогѣ, и вотъ:

„Застоналъ, братья,
„Кіевъ отъ туги,
„А Черниговъ отъ напастей;
„Тоска разлилась, словно
„Полая вода, по Русской землѣ.
„Печаль тучная, (обильная и глубокая, словно рѣка),
„Потекла по срединѣ земли Русской.

Такъ авторъ связалъ нынѣшнія *были* съ Старыми словесами. Прежде чѣмъ плачутъ жены, кличетъ *Карина*, и прежде чѣмъ стонутъ Кіевъ и Черниговъ, скачетъ по Русской землѣ *Желя*, разнося погребальный пепелъ въ пламенномъ рогѣ. Та и другая являются спутницами Дѣвы—Обиды, разжигательницы княжескихъ усобицъ, служившихъ первою причиною всѣхъ тогдашнихъ золъ.

Но не семейнымъ только горемъ, не нравственными только скорбями о погибшемъ войскѣ разрѣшилась «невеселая година». Пользу-

ясь раздорами князей, враги на всей своей волѣ устремлялись на Русскую землю и дѣлали ее своимъ данникомъ.

„Князья сами на себя
„Крамолу ковали,
„А поганые одни съ побѣдами,
„Наскакивая на Русскую землю,
„Брали дань по бѣлкѣ со двора.

3. Переходъ ко 2-й части „Слова".

Изобразивъ бѣдствія, вызванныя походомъ Игоря, авторъ переносится мыслію къ Великому Кіевскому князю Святославу, на которомъ сосредоточена вся слѣдующая вторая часть «Слова». Переходъ въ высшей степени искусный, творческій, художественный. Авторъ припоминаетъ бывшій за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ (въ 1184 г). походъ Святослава на тѣхъ же Половцевъ, когда Русскіе плѣнили до 7000 поганыхъ, въ томъ числѣ Кобяка руками взяли и возвратились домой со славою и честію великою — и сопоставляетъ съ этой побѣдой жалкій и постыдный походъ Игоря. Такова нить мыслей, внутренно связующая первую часть «Слова» со второю—и служащая переходомъ ко «Сну Святославову и его «Золотому слову» Противоположность того и другаго похода выражена въ высшей степени характерныхъ и художественныхъ очертаніяхъ.

Тонъ этого сопоставленія по отношенію къ Святославу усиливается въ своей торжественности, а по отношенію къ Игорю является все болѣе и болѣе печальнымъ.

Святославъ съ своими мощными и крѣпкими полками побѣдоносно прошелъ по землѣ Половецкой, а Игорь загубилъ Русское добро въ болотномъ днѣ вражеской рѣки—добро дорогое, золотое. Святославъ повергъ къ ногамъ своимъ поганаго Кобяка, а Игорь самъ пересѣлъ въ позорное сѣдло плѣнника. Чужестранцы Святослава превозносятъ, а Игоря жалѣютъ.

„Эти два храбрыхъ Святославича,
„Игорь и Всеволодъ,
„Разбудили погань,
„Которую усыпилъ было тутъ
„Отецъ ихъ—Святославъ Грозный
„Великій Кіевскій—грозою,
„Заставилъ было трепетать
„Своими сильными полками
„И булатными мечами;
„Наступилъ онъ на землю Половецкую,
„Притопталъ холмы и овраги,
„Возмутилъ рѣки и озера,
„Изсушилъ потоки и болота,
„А поганаго Кобяка изъ лукоморья,
„Исторгнулъ, какъ вихорь;
„И палъ Кобякъ въ градѣ Кіевѣ
„Въ гридницѣ Святославовой.

Столь блистательная побѣда доставила ему заслуженную славу:

„Тутъ Нѣмцы и Венеціане,
„Тутъ Греки и Морава
„Поютъ славу Святославу.

Не того достигъ Игорь своимъ походомъ. Онъ заслужилъ лишь одно сожалѣніе, что загубилъ такъ много жизней и Русскаго добра: все пропало ни за что, словно въ воду брошено, и загрязло въ болотномъ днѣ вражеской рѣки:

„А князя Игоря жалѣютъ,
„Что погрузилъ онъ столько тука
„Во днѣ Каялы рѣки Половецкой.
„Русскаго золота насыпалъ [1].

---

[1] См. въ Палеографической критикѣ текста: «*Русскаго злата насыпаши. Ту Игорь высѣде*».

Да и самъ наконецъ сдѣлался плѣнникомъ:

„И тутъ Игорь изъ золотого-то сѣдла
„Да пересѣлъ въ сѣдло кощея.

Тяжело отозвались на Русской землѣ всѣ эти событія. Подобно Гомеру, который въ Иліадѣ краткими словами оплакиваетъ судьбу каждаго своего героя, нашъ авторъ заканчиваетъ печальную картину участи Игоря также словами плачущей народной поэзіи:

„Пріунывъ стоятъ стѣны городскія.

И за тѣмъ прибавляетъ:

„Поникло веселіе,

т. е. какъ трава, оно склонилось и увяло. Все бывшее радостнымъ вдругъ стало при печали.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ „СЛОВА".

Во второй части своего творенія авторъ излагаетъ 1) Сонъ Святослава и 2) его Золотое слово.

1. Сонъ Святослава.

Вѣсть о пораженіи Игоря и его дружины, какъ извѣстно изъ Лѣтописей, принесена была на Русь Бѣловолодомъ и достигла наконецъ Кіева. Но авторъ, по образцу *Старыхъ Словесъ*, въ своей пѣсни предваряетъ эту вѣсть таинственнымъ откровеніемъ въ сонныхъ мечтаніяхъ и видѣніяхъ Кіевскаго князя Святослава и толковниками этихъ сновидѣній и первыми провозвѣстниками несчастія Игоря и его дружины, дѣлаетъ бояръ, окружавшихъ Святослава.

Въ глазахъ автора Кіевскій князь—былъ главою и стоялъ такъ сказать, на вершинѣ всей Кіевской Руси, точно такъ, какъ и самая столица была *на горахъ*.

Вотъ Святославъ въ Кіевѣ на горахъ
Мутной сонъ видѣлъ.

а) Видѣнія Святослава.

Сонъ этотъ былъ именно ***мутной*** съ одной стороны потому, что въ немъ свѣтлыя и пріятныя представленія мѣшались съ мрачными и безотрадными, словно вода съ пескомъ мутилася; съ другой—потому, что это былъ сонъ зловѣщій и потому безпокойный; онъ производилъ ***смущеніе*** въ душѣ Святослава.

Сонъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ видѣній, изъ коихъ однѣ служили выраженіемъ личнаго тяжелаго предчувствія самаго Святослава: изъ остальныхъ же—одно указывало на участь постигшую Игоря и его дружину, и другое—на безчестіе и безславіе Русской земли, коими завершился его походъ.

Сновидѣнія, основанныя на личныхъ предчувствіяхъ Святослава, предвѣщали ему ***печаль***, ***горе*** и ***слезы***.

аа) Печаль. Съ одной стороны снилось ему, что лежалъ онъ на кровати дорогой, сдѣланной изъ тиса, а съ другой—что онъ былъ покрытъ на ней чернымъ одѣяломъ.

бб) Горе. Съ одной стороны угощали его синимъ виномъ, а съ другой—это вино было отравлено мученіемъ.

вв) Слезы. Съ одной стороны разсыпали по бѣлой его груди крупный жемчугъ, ласкали и утѣшали его, а съ другой—снилось ему что этотъ жемчугъ катился на его грудь изъ колчановъ пустыхъ, изъ коихъ стрѣлы были разстрѣляны погаными толковинами.

Въ эту ночь, разсказывалъ онъ,
На кровати тисовой
Одѣвали меня чернымъ покрываломъ;
Черпали для меня синее вино
Со страдою смѣшано;
Сыпали мнѣ на грудь
Крупный жемчугъ
Изъ пустыхъ колчановъ [1]
Поганыхъ Толковинъ
И нѣжили меня.

[1] См. въ Лексикологіи слово: «*тлъковинъ*».

Мутность этихъ сновидѣній состояла именно въ томъ, какъ мы сказали, что пріятныя представленія въ нихъ мѣшались съ непріятными. Тисъ и черная папалома предвѣщали *печаль*; вино съ примѣсью *горе*, и наконецъ жемчугъ и тулы поганыхъ—*слезы*.

Дальнѣйшее сновидѣніе указывало на бѣдственную участь, постигшую Игоря и его союзниковъ въ несчастномъ походѣ.

гг) Снилось ему, что въ его дворцѣ съ позолоченымъ верхомъ крыша безъ жолоба, скрѣпляющаго тесъ.

Уже доски безъ князя
Въ моемъ теремѣ златоверхомъ.

Сонъ этотъ указывалъ, что въ Кіевской Руси—многія княженія лишились князей съ ихъ дружинами. Онъ имѣлъ внутреннюю связь съ дѣйствительнымъ, совершившимся фактомъ, народившимъ тяжелыя предчувствія въ душѣ Святослава и былъ основою всѣхъ предшествовавшихъ его видѣній, знаменовавшихъ его *печаль, горе* и *слезы*.

дд) Наконецъ послѣднее сновидѣніе—относилось по своему внутреннему значенію къ безчестію и безславію Русской земли, вызваннымъ несчастною судьбою Игоря съ его союзниками: снилось ему, что

Въ эту ночь съ вечера
Граяли паршивые [1] вороны,
На болотинѣ у Плѣсненска были,
У дебрьской Сани,
И понеслись къ синему морю. [2]

Видѣть во снѣ каркающихъ вороновъ—предвѣстникъ худой молвы и безславія. Связующимъ началомъ для дальнѣйшихъ представленій въ этомъ сновидѣніи повидимому служитъ болото. Вороны граяли около Кіева, за тѣмъ полетѣли на болото Плѣсненское, отсюда перебрались на низкое пребрежье Сана и оттуда уже понеслись къ синему морю. Едва ли для подобной ассоціаціи сонныхъ представленій не послужило наблюденіе, что Плѣсненская болонь и Дебрьская Сань

---

[1] См. въ Лексикологіи слово: «*бусови*»:

[2] См. въ Палеографич. критикѣ текста: «*у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю.*

были станціями птицъ, гдѣ наиболѣе останавливались они для корма, при своихъ перелетахъ къ Черному морю. Исхудалые, паршивые вороны, по смыслу сновидѣнія, съ одной стороны стали сыты и довольны—такъ какъ запасались силами и тукомъ на самыхъ заживныхъ для нихъ мѣстахъ, а съ другой—карканіе ихъ простиралось за предѣлы Кіевской Руси и сосредоточивалось у моря. По аналогіи, Половцы, точно также запаслись Русскимъ тукомъ и золотомъ и, ликуя свою побѣду, безславили Русь.

б) Толкованіе этихъ видѣній боярами.

Не менѣе замѣчательно по своему построенію и толкованіе сна боярами. Бояре не останавливаются на сновидѣніяхъ, вытекавшихъ изъ личнаго тяжелаго предчувствія Святослава, предвѣщавшихъ ему *печаль*, *горе* и *слезы* и лишь коротко замѣчаютъ, что мысль его настроилась подъ воздѣйствіемъ гнетущаго чувства и всѣ эти сновидѣнія—суть порожденія его нравственнаго состоянія.

„И сказали бояре князю:
„Княже! Туга умомъ завладѣла.

Но за то они сосредоточиваютъ свое вниманіе на остальныхъ двухъ сновидѣніяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ дѣйствительности, служившей причиною нравственнаго угнетенія Святослава.

Гибель князей съ ихъ дружинами, предзнаменованная паденіемъ шелома съ дворцовой крыши, изображается въ эпическихъ очертаніяхъ. Авторъ какъ будто самъ былъ свидѣтелемъ солнечнаго затмѣнія, заступавшаго князьямъ путь, и потому заставляетъ Святославовыхъ бояръ толковать означенный сонъ въ чертахъ и образахъ этого затмѣнія, какъ будто подъ непосредственнымъ его впечатлѣніемъ, съ живою вѣрою въ таинственное его значеніе, оправданное дѣйствительностію.

„Вотъ вѣдь два сокола слетѣли,
„Съ отцовскаго золотаго стола,

(Говорятъ бояре)

„Поискать города Тмутараканя,
„Или же шлемомъ напиться изъ Дона.

Т. е. или возвратить Тмутаракань Руси, которой она принадлежала, или же по крайней мѣрѣ одержать побѣду надъ погаными, которые ею владѣютъ. Но жалкая судьба ихъ постигла:

„Уже крыльица у соколовъ
„Исколоты поганыхъ саблями,
„И самихъ опутали въ цѣпи желѣзныя.

Совершилось вѣдь то, чѣмъ на-яву угрожало имъ солнечное затмѣніе, тьмою заступавшее имъ путь.

„Темно вѣдь стало въ 3-й день;
„Два солнца померкли;
„Оба красные столба погасли;
„А съ ними и молодые мѣсяцы
„Олегъ и Святославъ поволоклись тьмою,

Т. е. Омрачились горемъ.

Еще болѣе несчастная судьба постигла ихъ дружины. Пораженіе ихъ погаными представляется также эпически—въ образѣ борьбѣ свѣта съ тьмою.

„На рѣкѣ на Каялѣ
„Тьма возобладала надъ свѣтомъ:
„Половцы, словно гнѣздо Пардусовъ,
„Роспростерлись среди Русскихъ дружинъ
„И въ море ихъ погрузили.

Т. е. въ конецъ ихъ загубили

„И великую гордость придали Хиновѣ. [1]

---

[1] Ѳ. Е. Коршъ, равно какъ и нѣкоторое другіе комментаторы даютъ такой порядокъ этому мѣсту: «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; темно бо бѣ въ 3 день; два солнца помѣркоста, оба багряныя стлъпа погасоста и съ нимъ молодая

Не нужно забывать, что именемъ Русской земли авторъ не разъ называетъ въ своей пѣсни именно Русскія войска,

Наконецъ, съ такою же ясностію и силою истолковываютъ бояре и послѣднее сновидѣніе Святослава.

Похвальба князей, съ которою они выступили въ походъ, разрѣшилась позоромъ; отвага, которую они проявили въ походѣ, кончилась насильемъ. И Дивъ, скликавшій поганую силу, теперь кончилъ свое дѣло дѣло позора и насилья надъ Русской славой и отвагой. Вотъ до чего дожили! Готскія дѣвки, жившія по берегамъ Чернаго моря, съ которыми поганые Половцы дѣлились добычей, теперь и тѣ словно жадные вороны насытившись добычей, русскимъ золотомъ, тамъ у синяго моря, участь Русскихъ пріограли, поютъ побѣдныя торжественныя пѣсни, вспоминаютъ время Бусово и радуются, что Русь получила теперь жестокое отмщеніе за побѣду надъ Шаруканемъ.

„Уже позоръ ниспалъ на славу;
„Уже надъ волей разразилось насилье;
„Уже Дивъ низвергся на землю:
„Вотъ вѣдь Готскія дѣвы,
„Звоня Русскимъ золотомъ,
„Запѣли на берегу синяго моря:
„Поютъ они время Бусово,
„Месть за Шураканя ублажаютъ.

Въ противоположность этому ликованью на берегу синяго моря бояре выражаютъ Святославу свое нравственное угнетеніе:

мѣсяца: Олегъ и Святъславъ тъмою ся повслокоста и въ морѣ погрузиета и и велгкое буйство подасть Хинови. По Русской земли прострошася Половци, яки пардуже гнѣздо». (М. У. Изв. 1868). Но выраженіе: *на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла*, символически выражаетъ побѣду Половцевъ надъ Русью и потому должно стоять предъ дальнѣйшимъ выраженіемъ: «*Половци прострошася по Русской земли*», которое есть ничто иное какъ фактическое поясненіе символическаго изображенія. Точно также нельзя переставлять выраженій: «*и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хановѣ*». Гораздо удобнѣе допустить, что здѣсь въ окончаніяхъ глаголовъ скрываются палеографическія ошибки, допущенныя подъ воздѣйствіемъ двойственной формы предъидущихъ глаголовъ, чѣмъ перестановкою ихъ—оставить Половцевъ при томъ только, что они «*простерлись*».

„А мы, дружина, говорятъ они,
„Жадаемъ веселія.

Т. е. мы томимся, что нѣтъ у насъ радости и тѣмъ намъ тяжелѣе, чѣмъ веселѣе ликуютъ на берегу синяго моря.

2. Золотое слово Святослава.

Рѣчь бояръ, изъяснившихъ Святославу видѣнный имъ сонъ, произвела на него глубокое впечатлѣніе; она коснулась самыхъ сердечныхъ его движеній и растрогала до слезъ; она подняла его духъ и заставила сказать свое слово, достойное князя, сидѣвшаго въ Кіевѣ на горахъ, столь чуткаго къ судьбамъ Кіевской Руси и ея несчастіямъ. Съ одной стороны слово это было яснымъ и сознательнымъ выраженіемъ той личной печали и горя, которыя отразились предчувствіями въ его сновидѣніяхъ, а съ другой оно было такимъ же выраженіемъ высокаго политическаго ума, стоявшаго въ эту тяжелую годину на высотѣ своего призванія. По своему внутреннему смыслу и значенію, Слово это было дорого не только для боярской Думы, его слушавшей, но и для всей Кіевской Руси изъ конца въ конецъ. Это было слово *Золотое* и трудно подыскать другой эпитетъ, который бы выражалъ его историческую цѣну лучше этого эпическаго величанія.

Когда Святославъ говорилъ, слезы крупныя, какъ жемчужины видѣнныя во снѣ, падали изъ его очей: *ронилъ* онъ горючи слезы. Рѣчь его лилась, какъ и самыя слезы, мыслями свѣтлыми и ясными, выраженіями сильными и осязаемыми.

„Тогда Великій Святославъ
„Изронилъ золотое слово
„Съ слезами смѣшанное.

Слово это состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ выражаются горькіе упреки Игорю и Всеволоду за то, что они необдуманно, не воздержавши своей юности, пошли искать себѣ воинской славы, безъ его вѣдома и не выждавъ брата его многовоя и

вмѣстѣ сожалѣніе о томъ, что одинъ онъ, Кіевскій князь, безъ содѣйствія другихъ князей не можетъ оказать имъ той помощи, какая требуется вопіющими событіями. Само собою разумѣется, что эта часть рѣчи Святослава, какъ выраженіе его личнаго горя, не дѣлаетъ еще его слова столь цѣннымъ, чтобы можно было достойно назвать его *золотымъ*. Гораздо выше по своему внутреннему значенію стоитъ дальнѣйшій отдѣлъ, въ которомъ содержится воззваніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ и призывъ ихъ вступиться, за землю Русскую, за раны Игоревы. Именно это-то обращеніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ—соединиться во едино для отмщенія обиды земли Русской, за раны одного изъ нихъ, вполнѣ достойно Великаго Князя въ Кіевѣ на горахъ и оно-то именно дѣлаетъ слово его—словомъ *золотымъ*. Тотъ и другой отдѣлъ внутренно связаны между собою и лишь въ своемъ цѣломъ представляютъ *Золотое Слово* Святослава.

а) Упреки Святослава Игорю и Всеволоду и сожалѣніе о томъ, что помочь имъ не можетъ.

Обращаясь къ Игорю и Всеволоду, Святославъ прежде всего упрекаетъ ихъ за то, что они не по лѣтамъ славолюбивы и храбры не по разуму: прежде времени стали приводить въ слезы вдовъ и сиротъ Половецкихъ и домогаться себѣ славы; что сколько они храбры, столько же заносчивы и не покорны; ушедши въ походъ безъ его вѣдома, они посмѣялись надъ его почтенной сѣдиной.

И сказалъ онъ:

„О мои сыновцы, Игорь и Всеволодъ!
„Прежде времени начали вы
„Мечами квилить Половецкую землю
„И искать себѣ славы;
„Но безъ славы одолѣли вы,
„Безъ славы вѣдь пролили вы поганую кровь.
„Ваши храбрыя сердца
„Изъ крѣпкаго булата скованы

„И въ дерзости закалены.
„То ли вы учинили
„Моей серебряной сѣдинѣ!

Второй упрекъ касается того, что они не выждали брата его Ярослава—со всѣми его героями, которые звеня, вдохновляясь славою предковъ, кликомъ враговъ побѣждаютъ, но захотѣли одни воспользоваться предстоявшей славой, одни подѣлиться и славой минувшей.

„И уже не выждали вы [1]
„Сильнаго и богатаго и многовоя
„Брата моего Ярослава
„Съ Черниговскими Былями,
„Съ могутами и съ Таранами,
„И съ Шельбирами и съ Топчаками
„И съ Ревугами и съ Ольберами.
„Тѣ вѣдь безъ щитовъ,
„Съ засапожниками кликомъ
„Полки побѣждаютъ,
„Звоня прадѣдней славой;
„Но вы сказали: одни станемъ мужаться,
„Одни мы похитимъ предстоящую славу
„И минувшею одни мы подѣлимся.

За тѣмъ Святославъ, какъ глава Ольговичей и самъ глубокій старикъ, дышетъ готовностію молодаго сердца оказать имъ защиту, но вотъ зло нынѣшняго времени—другіе князья не помогаютъ. На что похоже? И до чего наконецъ дошло? Въ Римѣ взываютъ о помощи подъ саблями Половцевъ, а Владиміръ—единственный защитникъ Русской земли—лежитъ весь израненый. Горе и скорбь предстоятъ сыну Глѣбову!

---

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: *А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава.*

„И диво ли, братья,
„Старику помолодѣть?
„Коли соколъ въ мытахъ побываетъ
„Свысока птицъ убиваетъ:
„Не дастъ онъ въ обиду
„Гнѣзда своего.
„Но вотъ зло: князья мнѣ не помога.
„Времена ни на что стали не похожи!
„Въ Римѣ кричатъ
„Подъ саблями Половецкими,
„А Владимiръ—подъ ранами.
„Туга и тоска сыну Глѣбову!

Здѣсь, по мнѣнію Карамзина и другихъ изслѣдователей, кончается Золотое Слово Святослава. Но въ означенныхъ упрекахъ нѣтъ ни особенно золотыхъ словъ, ни золотыхъ мыслей. Святославъ не могъ ограничиться одними горькими сожалѣніями о несчастіяхъ Игоря и Кіевской Руси, и столь же горькими разочарованіями въ собственной силѣ. Воззваніе его къ князьямъ о помощи имѣетъ, говоримъ, такую внутреннюю связь съ предъидущимъ, что лишь въ немъ сосредоточено и имъ завершается *Золотое* его *слово*. Художественный тактъ автора не могъ назвать золотымъ словомъ однихъ упрековъ и разочарованій въ устахъ Святослава. Золотое Слово, какъ и сонъ Святослава, есть только творческій литературный пріемъ для выраженія политическихъ думъ самого автора и потому для него не представлялось надобности отдѣлять воззваніе къ князьямъ о помощи отъ предъидущей рѣчи Святослава.

б) *Воззванія къ князьямъ о помощи.*

Первое воззваніе обращено къ Всеволоду Юрьевичу, который прозывался *Большое гнѣздо* и сидѣлъ далеко отъ Кіева въ Заокской Руси. Воззваніе это показываетъ, какое важное значеніе въ политическомъ отношеніи уже тогда получила Сѣверная Русь.

Слава Всеволодова похода на Болгаръ въ 1182—1184 гг.; какъ

видно, произвела въ Кіевѣ сильное впечатлѣніе, которое долго переживалось. Побѣдоносное пораженіе имъ Болгаръ на Волгѣ, множество захваченныхъ имъ плѣнниковъ, сдѣлало его могущество на водѣ знаменитымъ. Обращаясь къ Всеволоду Святославъ указываетъ на эту Волжскую побѣду и выражаетъ убѣжденіе, что еслибы онъ захотѣлъ, то съумѣлъ бы отстоять Кіевскую Русь отъ поганыхъ, и на Дону онъ былъ бы также побѣдоносенъ, какъ на Волгѣ, и здѣсь плѣнники были бы дешевы, какъ тамъ. Но теперь пришлось бы сражаться не на водѣ только, но и на сушѣ—въ степи. Заокская Русь въ глазахъ Кіева казалась уже могучею и своими сухопутными силами: удалые сыны Глѣбовы—были живые шереширы, могущіе смертельно поражать враговъ. Это были Рязанскіе князья, Всеволодъ и Владиміръ, дѣти Глѣба Ростиславича, въ 1180 году, цѣловавшіе крестъ ко Всеволоду, *на всей волѣ его*. Рязанская область, бывшая удѣломъ князей Черниговскихъ, теперь тянула уже къ великому князю Суздальскому.

Воззваніе это имѣетъ иную форму, чѣмъ обращеніе къ князьямъ южнымъ. Всеволодъ, сидя далеко отъ Кіева, занятый устройствомъ домашнихъ дѣлъ, какъ будто совсѣмъ забылъ Кіевскую Русь, безучастно относился къ ея судьбѣ и не былъ расположенъ отзываться на голосъ Кіева и потому Святославъ прежде всего напоминаетъ ему, что эта Русь—ему родная и за тѣмъ лишь въ формѣ вопросительной выражаетъ свою просьбу о возможно скорой—помощи и въ тоже время какъ бы сомнѣвается въ возможности ея.

„Великій князь Всеволодъ!
„Нѣтъ ли мысли у тебя
„Перелетѣть издалеча, [1]
„Поберечь отеческій престолъ золотой;
„Вѣдь ты можешь Волгу
„Разбрызгать веслами
„И Донъ вылить шеломами.
„Если бы да ты былъ

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Не мыслію ти прелетѣти издалеча*».

„То чага была бы по ногатѣ,
„И кощей по рѣзани:
„Вѣдь ты можешь по суху
„Живыми шереширами [1] стрѣлять
„—Удалыми сынами Глѣба.

Воззваніе это вложено авторомъ въ уста Святослава, очевидно, лишь въ силу литературной задачи, въ силу идеи Золотаго Слова. Авторъ указываетъ, что и Русь Южная и Русь Сѣверная—единая земля Русская; Русскіе и князья той и другой—одного рода племени. На Кіевскомъ столѣ сидѣлъ отецъ Всеволода Юрій Долгорукій и та же самая Переяславская область, которая раззорена теперь Половцами, принадлежала нѣкогда родному брату Всеволода—Глѣбу Юрьевичу, сынъ коего Владиміръ теперь подъ ранами. Какъ не далеко Суздаль отъ Кіева, это, по мысли автора, не освобождаетъ Сѣвернаго Великаго Князя отъ обязанности дѣйствовать за едино съ Южными Князьями и беречь отъ поганыхъ единую землю Русскую. Но, какъ мы сказали, изъ пріемовъ воззванія къ Всеволоду видно, что въ Кіевѣ считали помощь отъ него уже сомнительною.

Слѣдующее за тѣмъ воззваніе къ Рюрику и Давиду Ростиславичамъ также отражаетъ, на нашъ взглядъ замѣчательную особенность. Въ своемъ обращеніи къ нимъ Святославъ ничего не говоритъ объ ихъ личностяхъ и великодушно умалчиваетъ объ ихъ розни и вялыхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ гласитъ лѣтопись, по поводу мольбы къ нимъ израненаго Владиміра Глѣбовича, *да быша ему помогли.* Чтобы личными упреками не внести въ нихъ новой розни и скорѣе побудить выступить на защиту земли Русской, онъ напротивъ лишь вспоминаетъ былое ихъ геройство и восхваляетъ славныя доблести ихъ храбрыхъ дружинъ.

„Ты рьяный—Рюрикъ и Давидъ!
„Не ваши ли позолоченые шлемы
„Плавали по крови?
„Не ваши ли храбрыя дружины,

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*шереширы*».

„Рыкають, какъ туры,
„Раненые калеными саблями,
„Въ степи непріятельской?
„Вступите господа
„Въ златыя стремена,
„За обиду сего времени,
„За землю Русскую,
„За раны Игоревы,
„Рьянаго Святославича!

Со стороны автора здѣсь сказывается замѣчательный тактъ. Намекать на вялыя дѣйствія Рюрика и Давида, заявленныя ими по поводу мольбы о помощи со стороны Владиміра Глѣбовича, было здѣсь тѣмъ неприличнѣе, что въ этихъ вялыхъ дѣйствіяхъ отчасти участвовалъ и самъ Святославъ, который теперь обращается къ нимъ съ воззваніемъ постоять за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы.

Инымъ характеромъ отличается воззваніе къ Галицкому князю Ярославу. Здѣсь въ яркихъ очертаніяхъ и въ художественныхъ образахъ рисуется его собственная личность. Чаянія Кіева на Галицкую помощь выступаютъ во всей своей силѣ, тѣмъ больше, что это былъ тесть плѣненнаго Игоря, и его дочь Ярославна, супруга Игоря, переживала теперь горькую долю. Это былъ князь кипучей и многосторонней дѣятельности; сильный и грозный въ дѣлахъ политики, онъ былъ и заботливый и предусмотрительный хозяинъ своей земли: «бѣ бо, гласитъ лѣтопись, *разстроилъ* землю свою.» По словамъ воззванія, это былъ—*осмомыслъ*, у котораго восемь мыслей и восемь заботъ за разъ. Галичъ, гдѣ онъ сидѣлъ, расположенъ былъ на горѣ, на верху коей красовался княжескій кремль. Внѣшнее положеніе Галицкаго стола отвѣчало такимъ образомъ его политической славѣ. На это прежде всего указываетъ воззваніе.

„Ярославъ, осмомыслъ, Галицкій!
„Высоко сидишь ты
„На своемъ златокованномъ столѣ.

Занятый множествомъ домашнихъ дѣлъ, гдѣ была нанесена ему обида, онъ самъ не ходилъ съ своими полками, но посылалъ ихъ съ воеводами; полки его были вооружены крѣпкими латами, и потому они были не сокрушимы какъ желѣзо. Къ тому же престолъ его ограждали Карпатскія горы и потому далѣе взываетъ Святославъ:

„Ты подперъ Угорскія горы
„Своими желѣзными полками.

Владѣнія его отъ Карпатскихъ (Угорскихъ) горъ простирались до устья Серета и Прута и потому онъ былъ заставою великою: могъ *затворять Дунаю ворота*, заграждать въ него входъ Венгерскому королю и препятствовать плаванію по немъ, что далѣе и выражено словами воззванія:

„Заступивъ путь королю
„Затворивъ ворота Дуная.

Въ дѣлахъ воинскихъ это былъ богатырь, въ дѣлахъ гражданскихъ мудрый судья:

„Метая бремена [1] черезъ облака,
„Суды правя до Дуная.

Для изображенія его воинской силы и легкости передвиженія воинскихъ тяжестей чрезъ горы, нерѣдко покрытыя облаками, авторъ повидимому воспользовался образомъ богатыря, который легко кидаетъ тяжелыя палицы выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго.

Для далекихъ странъ—онъ былъ страшенъ. Въ Кіевъ онъ могъ пустить кого угодно и когда угодно. По словамъ воззванія, онъ металъ свои стрѣлы на Салтановъ или Мадьярскихъ, между вождями коихъ были имени Салтановъ; или, быть можетъ, даже Турецкихъ, такъ или иначе учавствуя въ походѣ Венгровъ въ Палестину. Все это Святославъ выражаетъ слѣдующими словами:

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*времены*».

„Грозы твои по землямъ текутъ,
„(Словно вода, разливаются)
„Ты отворяешь ворота Кіева;
„Ты стрѣляешь съ отцовскаго
„Стола золотаго,
„Салтановъ за землями!
„Стрѣляй, Господине, Кончака,
„Поганаго кощея,
„За землю Русскую,
„За раны Игоревы,
„Рьянаго Святославича.

За тѣмъ слѣдуетъ воззваніе къ Роману Мстиславичу Волынскому и его двоюродному брату Мстиславу, сыну Ярослава Луцкаго. Лѣтопись, какъ мы замѣчали, говоритъ объ этомъ Романѣ, что онъ былъ стремителенъ на поганыхъ, какъ левъ; сердитъ былъ, какъ рысь; губилъ ихъ, какъ крокодилъ; проходилъ землю ихъ, какъ орелъ и храбръ былъ, какъ туръ. Онъ такъ былъ страшенъ, что Половцы его именемъ стращали своихъ дѣтей. Воззваніе къ нему Святослава[1] изображаетъ его высокіе полеты мысли, широкіе воинскіе замыслы, и, по ловкости его героизма, сравниваетъ съ соколомъ, который, паря въ высотахъ, быстро и яростно нападаетъ на свою добычу, намѣченную имъ птицу. При этомъ образныя выраженія, по обычаю, соединяются съ выраженіями дѣйствительнаго факта.

„И ты рьяный Романъ и Мстиславъ!
„Храбрая мысль увлекаетъ умъ вашъ
„Къ воинскому подвигу;
„Высоко плаваешь ты
„Въ рьяности на воинскій подвигъ,
„Словно соколъ парящій на вѣтрахъ,
„Цѣлящійся яростнымъ нападеніемъ
„Одолѣть птицу.

---

[1] См. Ibid. «*дѣло*».

Вооруженіе дѣлало ихъ могучими, не побѣдимыми, подобно соколамъ: мало того, что у нихъ шлемы были нѣмецкіе, но подъ шлемами были еще и грудныя брони.

„Вѣдь подъ шлемами латинскими
„У васъ желѣзные паперси; [1]

Эти латинскіе шлемы и желѣзныя паперси наводили страхъ на всѣхъ враговъ и обезоруживали ихъ.

„Отъ нихъ дрогнула земля
„И многія страны Хиновы; [2]
„А Литва, Ятвяги,
„Деремела и Половцы
„Повергли свои сулицы,
„И подклонили свои головы,
„Подъ тѣ мечи булатные.

Извѣстно, что Романъ поразилъ хищныхъ Ятвяговъ, обитателей Подлѣсья и до того усмирилъ свирѣпыхъ Литовцевъ, что Лѣтопись сохранила для насъ народную поговорку: «Романе, худымъ живеши, Литвою ореши». Къ числу этихъ подчиненныхъ имъ племенъ, относится и *Деремела,* по всей вѣроятности, какое нибудь Латышское племя.

Въ противоположность высокимъ и побѣдоноснымъ полетамъ сокола—Романа съ братомъ Мстиславомъ, воззваніе рисуетъ нравственное угнетеніе Игоря и опустошеніе Кіевской Руси. У Игоря потерялся бѣлый свѣтъ во ясныхъ очахъ—и Кіевская Русь лишилась своихъ владѣній, словно дерево сронило свои листья: Половцы по притокамъ Днѣпра дѣлили уже Русскіе города.

---

[1] См. Ibid. «*паперси*».
[2] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*и многи страны Хинова*».

„Но, княже, у Игоря
„Ослабѣлъ [1] уже солнечный свѣтъ;
„И деревье не къ добру сронило листье:
„По Росѣ и по Сулѣ грады подѣлили.

Не кому защитить его Русскихъ городовъ. Авторъ выражаетъ это предъидущей припѣвкой:

„И не воскресить уже храбраго полку Игорева.

Призывъ на помощь здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ въ обращеніяхъ къ предъидущимъ князьямъ. Воззваніе прямо выражаетъ увѣренность въ ихъ побѣдѣ и заявляетъ, что храбрые князья Ольговичи, сдѣлали все, что могли и больше сдѣлать ничего не могутъ.

„Княже! Донъ тебя кличетъ
„И зоветъ князей на побѣду!
„Ольговичи храбрые князья.
„Изнемогли на брани! [2]

Далѣе слѣдуетъ воззваніе къ Ингварю и Всеволоду сыновьямъ Ярослава Луцкаго, кои называются здѣсь Мстиславичами по дѣду своему Мстиславу Великому († 1132 г.) со включеніемъ и 3-го брата Мстислава Ярославича, который здѣсь по имени не названъ, такъ какъ упомянутъ выше. Воззваніе величаетъ ихъ птенцами шестокрылыми не худого рода—племени. Указывая, что они получили свои владѣнія по праву наслѣдства, а не жребіемъ побѣдъ и потому имъ нѣтъ надобности въ оружіи для защиты добытаго оружьемъ, Святославъ проситъ ихъ обратить свои шеломы и Польскія копья и щиты противъ поганыхъ Половцевъ.

„Ингварь и Всеволодъ
„И всѣ три Мстиславича.

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*утрпе*».
[2] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*доспѣли на брань*».

„Не малаго гнѣзда шестокрыльцы!
„Жребіемъ побѣдъ волостей вы
„Себѣ не расхитили, [1]
„Къ чему же ваши золотые шлемы,
„И сулицы Польскіе, и щиты?
„Загородите ворота степи,
„Не давайте ходу Половцамъ
„Своими острыми стрѣлами,
„За землю Русскую,
„За раны Игоря,
„Рьянаго Святославича!

Здѣсь, на нашъ взглядъ, оканчивается *«Золотое слово»*, вложенное въ уста Святослава и за тѣмъ начинаются разсужденія автора отъ своего лица. Отъ Кіевской Руси онъ обращается мыслію на Западъ, къ Полоцкому княжеству, нѣкогда славному, съ которымъ связано имя знаменитаго Всеслава, и находитъ, что теперешніе его потомки—на него не походятъ и ждать отъ нихъ помощи — нечего. Поэтому, онъ говоритъ о Полоцкихъ князьяхъ отъ самого себя и не заставляетъ Святослава—взывать къ нимъ за помощію.

Переходъ къ этимъ разсужденіямъ—творческій и оригинальный.

Вотъ Сула, принадлежащая Переяславльскому княжеству и бѣгущая изъ своего истока въ сторону Переяславля, течетъ теперь уже не прозрачными и чистыми струями; она помутилась, а Двина—такъ та и совсѣмъ течетъ уже болотной водой къ жителямъ Полоцка. Это отъ того, что какъ тамъ по Сулѣ господствуютъ Половцы, и уже Рус-

[1] Кн. П. П. Вяземскій, начиная съ этого стиха и кончая словами «буего Святославича» все это мѣсто переставляетъ въ воззваніе, обращенное къ Роману и Мстиславу, замѣчая, что несправедливо обращать подобные упреки къ тѣмъ князьямъ, кои поспѣли на брань и исполнили свой долгъ, т. е. къ Ольговичамъ—Ингварю и Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ. Упреки эти онъ находитъ болѣе справедливымъ относить къ Роману и Мстиславу, не объясняя однако, на какую брань тѣ или другіе поспѣли или не поспѣли. (См. о томъ подробнѣе у г. Смирнова, ч. 2 стр. 67). Выраженіе *«доспѣли на брань»*, имѣетъ здѣсь совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ какое обыкновенно предполагаютъ.

скіе города между собою подѣлили; такъ здѣсь по Двинѣ—на всей своей волѣ распоряжаются Литовцы. Тѣ и другіе—поганые, и ихъ побѣдные клики громко раздавались надъ струями какъ Сулы такъ и Двины—они осквернили, смутили и загрязнили ихъ воды.

„Уже вѣдь не серебряными струями
„Течетъ Сула къ городу Переяславлю,
„И Двина течетъ болотомъ
„Къ онымъ грознымъ Полочанамъ,
„Подъ кликомъ поганыхъ.

Это послѣднее выраженіе, *подъ кликомъ поганыхъ* по свойству синтаксиса «Слова» относится столько же къ Сулѣ, сколько и Двинѣ.

Полоцкое княжество было нѣкогда грознымъ, но теперь въ немъ также происходятъ княжескіе раздоры, которые открываютъ полный просторъ господству въ немъ поганыхъ Литовцевъ. Теперь одинъ лишь Изяславъ Васильковичъ, князь Городенскій напоминаетъ собою его прежнюю славу, время знаменитаго своего дѣда Всеслава, котораго онъ какъ внукъ его, жившій его преданіемъ, еще болѣе возвеличилъ своимъ геройскимъ патріотическимъ подвигомъ.

„Одинъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
„Позвонилъ своими острыми мечами
„О шлемы Литовскіе,
„Прибавилъ [1] онъ славы
„Дѣду своему Всеславу.

Эта слава, въ борьбѣ съ погаными Литовцами, была куплена имъ кровію. Онъ былъ сраженъ, и на глазахъ его павшая его дружина была терзаема хищными звѣрями и птицами. Самъ онъ плавалъ въ крови, лишь съ своимъ Хотіемъ, ближникомъ и оруженосцемъ, который понималъ своего князя, и также плавая въ крови, выражалъ предъ нимъ сожалѣніе не о себѣ, а о павшей дружинѣ.

---

[1] См. въ Лексикологіи: «*притрепалъ*».

„А самъ на кровавой травѣ,
„Подъ красными щитами,
„Разбитъ [1] былъ Литовскими мечами,
„И съ Хотіемъ—на крови, [2]
„И тотъ сказалъ:
„Княже! Дружину твою
„Птица крыльемъ пріодѣла
„И звѣри кровь полизали.

Одинъ онъ сражался и одинъ умиралъ; никто изъ братьевъ ему не помогъ и никто изъ нихъ не видѣлъ его смерти.

„Не было тутъ брата Брячислава,
„Ни другаго Всеволода;
„Одинъ онъ изронилъ
„Изъ храбраго тѣла
„Жемчужную душу
„Чрезъ златое ожереліе.

Авторъ передаетъ и общественное впечатлѣніе, вызванное кончиною этого князя патріота-страдальца: всюду въ разговорахъ послышалось уныніе; словно трава—увяло веселіе. Городенскія трубы оглашаютъ печальную вѣсть и созываютъ гражданъ для послѣдняго почета его жемчужной души. Не въ походъ только собирали трубные звуки, но и въ тѣ времена умѣли, конечно, играть похоронные марши.

„Пріуныли голоса,
„Поникло веселіе! [3]
„Трубятъ Городенскія трубы! [4]

---

[1] Ibid. см. «*притрепанъ*».

[2] См. въ Палеографической критикѣ: «*и схотію на кроватъ и рекъ*».

[3] Кн. П. П. Вяземскій, начиная со словъ: *Уже бо Сула не течетъ*» все это мѣсто переставляетъ въ текстѣ и помѣщаетъ послѣ воззванія къ Ярославу Галицкому. Но если въ Пушкинскомъ текстѣ весь этотъ разсказъ стоитъ у мѣста и указываетъ, что при обращеніи мысли автора на западъ Руси — одинъ Изяславъ Васильковичъ заслуживаетъ доброй памяти, то перестановка П. П. Вяземскаго лишаетъ его всякаго смысла.

[4] Этотъ стихъ кн. П. П. Вяземскій ставитъ въ текстѣ предъ словами: «Уже

Эти Городенскія трубы даютъ знать и намъ, что Изяславъ Васильковичъ былъ князь Городенскій.

Всѣ прочіе внуки или правнуки Всеславовы недостойны славной памяти своего дѣда. Крамолясь между собою, они стали приводить поганыхъ Литовцевъ на Русскую землю—на достояніе Всеславово Авторъ совѣтуетъ имъ лучше сложить свое оружіе:

„Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы!
„Уже понизите свои знамена!
„Вложите мечи свои поврежденные!
„Вѣдь вы уже выскочили
„Изъ дѣдовской славы:
„Своими крамолами
„Вы вѣдь начали наводить поганыхъ (Литовцевъ)
„На землю Русскую.
„На достояніе Всеславово,
„Которому было вѣдь насиліе
„И отъ земли Половецкой [1].

---

3. Переходъ къ 3-й части „Слова".

Далѣе уже слѣдуетъ переходъ къ 3-ій и послѣдней части Слова. Переходъ также искусный и художественный, какъ и отъ 1-ій части ко 2-й.

Окончивъ воззваніе Святослава къ князьямъ — вступиться за землю Русскую и раны Игоревы, и изобразивъ, что на западъ Руси къ князьямъ Полоцкимъ, потомкамъ Всеслава, безполезно даже и обра-

---

бо Сула не течетъ». Рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ указанный стихъ можетъ вязаться съ теченіемъ Сулы и Двины. Въ такой перестановкѣ не видимъ связи не только внутренней, но и внѣшней.

[1] См. въ Палеографической критикѣ текста: «*на жизнь Веславлю, которое бо бѣша насиліе отъ земли Половецкыи*».

щаться за подобной помощію, авторъ останавливается на идеѣ суда Божія, для развитія которой представлялся столь осязательный примѣръ въ лицѣ того же славнаго Всеслава.

Горькая и безотрадная дѣйствительность настоящаго времени въ сравненіи съ временемъ старымъ также давала чувствовать, что выше «суда Божія» не будешь. Мысль эта представляетъ внутреннюю вить, связующую Слово съ плачемъ Ярославны и спасеніемъ Игоревымъ.

Въ виду этого убѣжденія авторъ характеризуетъ: а) *дерзое тѣло* Всеслава, показывая при этомъ, что вся жизнь его состояла изъ неожиданностей и приключеній, и б) *вѣщую его душу*, объясняя при этомъ, что хотя въ дерзомъ его тѣлѣ была и *вѣщая душа*, не могъ онъ избѣжать своей судьбы.

Кіевъ достался Всеславу совершенно случайно, по игрѣ жребія какъ достается милая дѣвица по игрѣ судьбы. Замыселъ его овладѣть Кіевомъ авторъ рисуетъ въ образѣ исканія имъ своей судьбы, сватовства его къ милой ему дѣвицѣ.

„На седмомъ вѣкѣ Трояновомъ,
„Бросилъ Всеславъ жребій—
„О любой себѣ дѣвицѣ.

Онъ былъ призванъ въ Кіевъ обманомъ и довѣрился хитрому приглашенію. Завѣренія, обнадеживавшія его безопасность, оказались хитростями, *клюками:* такъ какъ по пріѣздѣ онъ тотчасъ же брошенъ былъ въ порубъ. Эти-то клюки, хитрыя завѣренія, коимъ онъ довѣрился, служили для него поддержкою при поѣздкѣ въ Кіевъ; опираясь на нихъ, онъ смѣло и твердо сидѣлъ на коняхъ и спѣшилъ въ Кіевъ градъ.

„Подпершись клюками на коняхъ,
„Скочилъ онъ ко городу ко Кіеву,

Жребій—посчастливилъ ему, хотя не на долго. Кіевляне выпустили его изъ поруба и посадили на Кіевской столъ золотой. Такимъ образомъ, по волѣ судьбы, онъ сталъ обладателемъ желанной своей любы—града Кіева.

„И доткнулся онъ рукоятью копья
„До золотаго престола Кіевскаго.

Не долго, всего семь мѣсяцевъ наслаждался онъ своей милой любой, сидѣлъ на Кіевскомъ золотомъ столѣ. Когда предъ Бѣлгородомъ не далеко отъ Кіева появился сверженный великій князь Изяславъ 1-й съ Польскою помочью, для защиты своихъ правъ на Кіевскіи столъ, Всеславъ, выступивъ противъ него съ своими войсками, вдругъ внезапно ночью убѣжалъ изъ стана: не сталъ онъ орудовать копьемъ своимъ ради золотаго престола Кіевскаго; онъ лишь дотронулся до него рукоятью копья.

„Скочилъ онъ отъ нихъ
(Отъ града Кіева и стола Кіевскаго)
„Въ полночь изъ Бѣлаграда
„Лютымъ звѣремъ.

Таковъ былъ его жребій по отношенію къ милой ему дѣвицѣ-городу Кіеву. Гораздо счастливѣе была его судьба по отношенію къ Великому Новгороду.

Неожиданно появился онъ предъ его Кремлемъ. Наканунѣ онъ былъ невидимъ, словно висѣлъ въ густомъ туманѣ, какой облегаетъ часто прибрежья Ильменя и Волхова, а на другой день, поднявшись, одержалъ блистательную побѣду.

„Повисъ онъ въ синемъ туманѣ,
„А на утро поднявшись,
„Бронями оттворилъ [1] врата Новаграда,
„Разшибъ славу Ярослава.

Не только взялъ Новгородъ, но и ограбилъ его, даже снялъ колокола и паникадила въ Софійскомъ соборѣ.

(1067 г.).

[1] См въ «Палеографической критикѣ текста»: «*утръ же воззни етрикусы*».

Но и эта побѣда не прошла ему даромъ. Три Ярославича Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, выступивъ противъ него, подошли къ Немизѣ.

„Скочилъ онъ волкомъ
„До Немиги съ Дудутокъ.

Произошло кровавое сраженіе «и мнози падоша». Авторъ описываетъ это побоище въ образахъ молоченія, вѣянія и сѣянія.

„На Немизѣ снопы стелютъ головами,
„Молотятъ цѣпами булатными,
„На гумнѣ кладутъ жизнь,
„Вѣютъ душу отъ тѣла;
„Кровавыя берега Немиги
„Не благомъ были засѣяны,
„Засѣяны костями *Русскихъ сыновъ*,

Изобразивъ его бѣдственную судьбу и дерзое тѣло, авторъ рисуетъ его нравственную природу

Съ одной стороны—это былъ князь обыкновенный, дѣятель историческій.

„Всеславъ князь народъ судилъ,
„Князьямъ города наряжалъ.

А съ другой—это былъ богатырь, обладавшій *вѣщею душею*,—подобный Волху Всеславьевичу. Днемъ онъ народъ судилъ и князьямъ города наряжалъ, а по ночамъ онъ волкомъ рыскалъ:

„Изъ Кіева до пѣтуховъ
„Великому Хорсу волкомъ путь перебѣгалъ.
„Поспѣвая въ Тмутаракань;
„Позвонили ему въ Полоцкѣ
„Рано заутреню у св. Софіи—въ колокола,
„А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ.

Такова была его нравственная природа, но не могъ онъ избѣжать своей судьбы.

„Если была и вѣщая душа въ мужественномъ тѣлѣ,
„Но часто страдалъ онъ отъ бѣдъ.

Всѣ эти очертанія Всеслава, относившагося къ эпохѣ старой, пѣтой Бояномъ, по всей вѣроятности составлены на основаніи его пѣсенъ. На это указываетъ и то, что авторъ заканчиваетъ свои соображенія о судьбѣ Всеслава припѣвкой Бояна:

„На счетъ его вѣщій Боянъ,
„И еще прежде, Премудрый сказалъ:
„Ни хитру, ни удалу,
„Ни птицѣ удалой,
„Суда Божья не минуть. [1]

При мыслѣ о старомъ времени воспѣтомъ Бояномъ, послѣ воспоминаніи объ историческихъ судьбахъ Всеслава, авторъ какъ бы изнемогаетъ подъ тяжестію бѣдствій и безславія своего времени, разразившихся надъ Кіевскою Русью:

„О, стонать Русской землѣ, восклицаетъ онъ,
„Помянувши прежнюю годину
„И прежнихъ князей!

Авторъ какъ бы сознаетъ, что напрасно онъ взывалъ, влагая въ уста Святослава «Золотое Слово», приглашая всѣхъ князей соединиться во едино ради единой земли Русской. Старыя времена не повторятся. Нѣтъ теперь единодержавнаго Мономаха, завершившаго собою первую эпоху, который всѣхъ князей умѣлъ держать подъ своей рукой и могъ собирать ихъ около себя. Выше суда Божія

---

[1] Максимовичъ приставлялъ сюда еще темное мѣсто: «*рекъ Боянъ и ходы*»... Но чрезъ то оно не только не дѣлается менѣе, но окончательно лишается всякаго смысла.

не будешь: нельзя было на вѣки удержать его великимъ княземъ Кіева.

„Не льзя было того стараго Владиміра
„Пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ.

Авторъ выражаетъ здѣсь свою вѣру въ историческую судьбу, въ судъ Божій, который такъ ярко сказывался для него въ жизни вѣщаго Всеслава!

Съ другой стороны имя Владиміра — въ Кіевской Руси было символомъ единодержавной власти. Выражая, что нельзя было на вѣки удержать его княземъ кіевскимъ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ, что единодержавной власти нельзя было навсегда закрѣпить за Кіевомъ и единое знамя единой земли Русской не могло на всегда развѣваться на его горахъ. Центръ Кіевской власти распался.

Со смертію Мономаха все перемѣнилось: потомки его раздѣлили его знамена, но, надмѣваясь другъ передъ другомъ, они дѣйствуютъ въ разныхъ направленіяхъ; превозносясь силою, они врозь разбѣгаются кривыми путями.

„Стяги его теперь стали
„Одни Рюрика, другіе Давида,
„Но роги нося (какъ туры)
„Они хоботы метаютъ [1] (подобно лисицамъ).

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ „СЛОВА".

Въ третьей части своего творенія авторъ въ силу своего замышленія излагаетъ 1) Плачь Ярославны и 2) Спасеніе Игоря.

1. Плачъ Ярославны.

Плачъ Ярославны представляетъ въ «Словѣ» такую же самостоятельную картину, созданнную творчествомъ автора, какъ и «Сонъ Святослава» съ его «Золотымъ Словомъ». Плачъ этотъ не имѣетъ внѣшней видимой связи съ предъидущимъ, но въ

[1] См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*и розі нося хоботы пашуть*».

общемъ планѣ Игоревой пѣсни онъ имѣетъ глубокое внутреннее соотношеніе. Какъ мы уже объясняли, всѣ событія авторъ поставилъ въ своемъ твореніи подъ высшій порядокъ надмірныхъ явленій. На яву, въ степи, знаменіемъ солнца небо предостерегало Игоря отъ его безумнаго предпріятія, но онъ его не послушалъ и чрезъ то навлекъ столько бѣдъ и себѣ и всей Русской землѣ. Далѣе слѣдуетъ таинственное откровеніе Святославу въ его видѣніяхъ о несчастной участи Игоря и безславіи Кіевской Руси, откровеніе заставившее его обратиться ко всѣмъ князьямъ за помощію. Но судомъ Божіимъ совершающееся, только судомъ Божіимъ разрѣшается. Не сила и оружіе, но лишь плачъ или точнѣе, молитва Ярославны, устрояетъ спасеніе Игоря и радованіе Русской земли.

Таково внутреннее отношеніе Плача Ярославны къ предъидущимъ частямъ «Слова».

Внѣшняя связь выражается, повидимому, словами Бояна:

„Копья поятъ на Дунаѣ. [1]

Т. е. тамъ, на Дону, идетъ кровавый бой. Какъ извѣстно, оборотъ: «*Напоить или упоить оружіе*» въ восточной и классической поэзіи употреблялся для выраженія представленія крочаваго боя.

Раны Игоря, которыя далѣе хочетъ утерѣть ему Ярославна, полетѣвъ на Дунай, указываютъ, что значило, *поить копья на Дунаѣ*. Донъ лишь поэтически здѣсь называется Дунаемъ, быть можетъ по подражанію пѣснямъ Бояна, или по образцу народной поэзіи, которая всякую большую рѣку донынѣ величаетъ Дунаемъ.

Ярославна рисуется здѣсь въ образѣ *зегзицы* или кукушки, какъ до нынѣ въ народномъ пѣснотворчествѣ изображается всякая горюющая женщина. Зегзица названа здѣсь *незнаемою*, т. е. безпривѣтной, какъ и до нынѣ она называется въ народныхъ плачахъ—кокошей горегорькой или птиченькой незнамой, (безпривѣтной) сѣрой малоей загозочкой.

Авторъ какбы чуетъ ея скорбный голосъ и слышитъ ея пламенныя молитвы.

---

[1] Ibid. «*копіа поютъ на Дунаѣ*».

„Чу! Ярославны слышится гласъ.

Рано начинаетъ она куковать; рано плачетъ въ Путивлѣ; рано посылаетъ слезы на море. Этимъ многократнымъ повтореніемъ слова «рано» указывается, что Ярославна считала нужнымъ посылать свои слезы на море, не когда случится, но именно *рано*. Плачъ ея обращенъ къ стихійнымъ силамъ съ мольбою о спасеніи Игоря и потому онъ есть именно, заговоръ, заклинательная молитва, которая, чтобы имѣть свое дѣйствіе, должна быть читаема, *рано*, на утренней зарѣ, какъ объясняется то и въ заговорахъ нашего времени.

„Рано безпривѣтной кукушкой кукуетъ она.

Начало этого кукованія еще болѣе сближаетъ его съ *заговоромъ*, въ которомъ прежде всего заявляется о томъ, что будетъ дѣлать лице его говорящее. «Стану я, раба Божія, ранешенько, умоюсь бѣлешенько, пойду перекрестясь по утренней росѣ и т. п. Точно такъ и Ярославна, прежде чѣмъ обращаться къ стихійнымъ силамъ, также заявляетъ, что она поспѣшитъ на помощь князю; рукавомъ и именно бобровымъ почерпнетъ воды изъ рѣки Каялы, чтобы утереть этимъ рукавомъ его раны, чтобы остановить лившуюся изъ нихъ кровь и все это она готова сдѣлать для того, чтобы прекратить боли и какъ можно скорѣе уврачевать раненаго.

„Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю,
„Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,
„Утру у князя его кровавыя раны
„На его мужественномъ [1] тѣлѣ.

Далѣе уже слѣдуетъ самый заговоръ, который долженъ придать цѣлительную силу холодной водѣ Каялы. Заговоръ этотъ состоитъ изъ трехъ частнѣйшихъ моленій, обращенныхъ а) къ Вѣтру, б) Днѣпру и в) Солнцу.

---

[1] См. въ «Лексикологіи« слово: «*жестоцѣмъ*».

а) Моленіе къ Вѣтру.

„Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ,
„На городской стѣнѣ приговаривая.

Это—припѣвка, которую авторъ повторяетъ предъ каждымъ моленіемъ.

Выше вѣтры называются внуками Стрибога—и потому не удивительно, если здѣсь Ярославна, обращаясь къ Вѣтру, называетъ его *Господиномъ*.

Моленіе это имѣетъ характеръ жалобнаго къ нему воззванія, за что онъ такъ къ ней не милосердъ и за что онъ такъ жестоко ее наказываетъ, подвергая такимъ опасностямъ ея милаго друга и чрезъ то отнимая у ней ея радость.

„О, Вѣтеръ, Вѣтрило!
„Почто, господине, такъ упорно вѣешь?
„Зачѣмъ несешь ты
„На своихъ легкихъ крыльяхъ,
„Хиновскихъ стрѣлковъ
„На воиновъ лады моей?
„Или тебѣ мало вѣять вверху подъ облаками,
„Лелѣя корабли на синемъ морѣ?
„Почто, Господине, развѣялъ ты
„Мое радованіе по ковыль травѣ?

б) Моленіе къ Днѣпру.

„Ярославна плачетъ въ Путивлѣ градѣ,
„На городской стѣнѣ приговаривая:
„О, Днѣпръ Словутичъ!

Она величаетъ его сыномъ нѣкоего *Словуты*, быть можетъ, Великана, отъ котораго народная вѣра производила рожденіе Днѣпра, какъ объясняетъ она появленіе и другихъ рѣкъ.

Въ своемъ молитвенномъ къ нему обращеніи Ярославна указываетъ на его могущество:

„Ты пробилъ, говоритъ, каменныя горы
„Сквозь землю Половецкую.

Нужно видѣть каменные утесы, которые торчатъ въ порогахъ изъ подъводы, чтобы чувствовать величіе силы, разрушившей встрѣтившіяся ей на пути каменныя горы, остатками которыхъ служатъ эти утесы. Эти утесы даютъ понимать, какую страшную борьбу вела нѣкогда рѣка съ каменными горами.

Далѣе, она указываетъ на его благость:

„Ты, говоритъ, лелѣялъ на себѣ
„Святославли насады [1]
„До полку Кобякова.

Она вспоминаетъ не задолго предъ тѣмъ одержанную побѣду надъ Половцами великимъ княземъ Святославомъ Кіевскимъ вмѣстѣ съ другими князьями, когда Днѣпръ благопріятствовалъ своими волнами плаванію ихъ насадовъ и когда они пять дней, по сказанію Лѣтописи искали варваровъ за Днѣпромъ.

Ты силенъ и благъ, какъ бы такъ говоритъ Ярославна, пожалѣй же меня и избавь меня отъ слезъ, которые проливаю съ ранняго утра.

„Прилелѣй же, о Господинъ, мою ладу ко мнѣ,
„Чтобы не слала я рано къ нему слезъ на море.

в) Моленіе къ Солнцу.

„Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ,
„На стѣнѣ городской приговаривая:
„О, свѣтлое и Тресвѣтлое Солнце!

---

[1] См. въ «Лексикологіи» слово: «*носады*».

Она называетъ его, также какъ и Вѣтеръ, *Господиномъ* и выражаетъ предъ нимъ жалобное воззваніе, зачѣмъ оно такъ немилосердно къ воинамъ ея, обезоруживая ихъ зноемъ и безводьемъ на полѣ брани.

„Ты для всѣхъ тепло,
„И для всѣхъ красно;
„Почто же, Господине,
„Простерло ты свой знойный лучъ
„На воиновъ лады моей
„Въ безводной степи?

Отъ насилья не могутъ стрѣлять, отъ натуги и стрѣлъ вынимать.

„Нуждою [1] ихъ луки свело,
„Истомой ихъ тулы заткнуло!

2. Спасеніе Игоря.

Заговоръ Ярославны имѣлъ свое дѣйствіе. Заклинательная молитва ея была услышана. Чтобы рѣзче и нагляднѣе представить спасающее дѣйствіе ея молитвы, авторъ нарисовалъ картину явленій природы, благопріятныхъ Игорю и какбы вызванныхъ ея молитвой.

„*Прыснуло море въ полунощи* [2].

Т. е. на морѣ пошелъ частый дождь, такъ какъ лишь только о мелкомъ и тепломъ дождикѣ говорится, что онъ *прыскаетъ* или *напрыскиваетъ*.

Прыснуло море *въ полунощи*, т. е. въ полуночные часы, которые по народному счисленію начинаются тотчасъ же, какъ потухаетъ вечерняя заря.

Далѣе:

„Идутъ смерчи туманами [3].

---

[1] См. Ibid. «*жаждею*».
[2] См. «Синтаксисъ» «*Слова*».
[3] Ibid.

Поднялись за тѣмъ теплые туманы, кои быстро движутся, словно морскіе столпы извѣстные подъ именемъ смерчей.

Само собою разумѣется, что эта картина имѣетъ лишь символическое значеніе, относящееся къ пути Игоря, по которому должно слѣдовать его спасеніе.

Море символически означаетъ здѣсь воды Дона и его притоковъ, по которымъ долженъ слѣдовать его путь.

Прысканіе дождя есть благодатная примѣта и едва ли, по воззрѣнію автора, не находится въ связи съ моленіемъ Ярославны, обращеннымъ къ Днѣпру Словутичу, Владыкѣ рѣкъ, предвѣщающему ему добрый счастливый путь.

Движеніе теплыхъ тумановъ въ видѣ смерчей обѣщаетъ ему въ пути безопасность и покровъ и едва ли, по воззрѣнію автора, не есть послѣдствіе моленія ея къ Вѣтру—Вѣтрилу, внуку Стрибога, который движетъ ихъ какъ смерчи.

Вмѣсто страшнаго зноя море и вѣтеръ посылаютъ ему теплую влагу, которая укроетъ ихъ на пути и укрѣпитъ ихъ силы.

Такъ какъ это явленіе по представленію автора было въ полуношци, то понятно, что онъ не могъ выставить здѣсь участія Солнца, къ которому также съ моленіемъ обращалась Ярославна, и уже прямо выдвигаетъ здѣсь Божество и говоритъ не языкомъ «Старыхъ Словесъ» но языкомъ своего времени:

„Князю Игорю *Богъ* путь указуетъ [1]
„Изъ земли Половецкой
„Въ землю Русскую,
„Къ золотому престолу отецкому.

Впрочемъ трудно сказать, на сколько авторъ разумѣетъ здѣсь Божество въ христіанскомъ смыслѣ.

Слѣдующее за тѣмъ описаніе самаго спасенія Игоря отличается необыкновенною живостію, что указываетъ на сердечное участіе автора къ судьбѣ его. Живость эта сказывается въ краткихъ, отрывочныхъ

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*путь кажетъ*».

предложеніяхъ, быстро смѣняющихъ одно другое и выражающихъ цѣлыя картины событій.

Бѣгство Игоря послѣдовало по Лѣтописи «при вечерѣ»; въ «Словѣ» говорится о томъ опредѣленнѣе:

„Погасли вечернія зори.

Это были часы, когда по народному счисленію, какъ мы выше сказали, начиналось полунощное время.

Лѣтопись замѣчаетъ, что сторожа считали князя спящимъ и что «*вставъ онъ былъ ужасенъ и трепетенъ*». «Слово» рисуетъ это нравственное его состояніе гораздо характернѣе: Игорь спитъ—не спитъ, думу думаетъ. Сознаніе его боролось между сномъ и бодрствованіемъ.

„Игорь спитъ,
„Игорь бодрствуетъ.

То напряженныя думы утомляли его и вгоняли въ сонъ, то страхъ и безпокойство будили его и заставляли бодрствовать.

«Слово» передаетъ и самыя думы его: онъ носился мыслію по степи; онъ думалъ о томъ, какъ пробѣжать ему самое открытое и опасное степное пространство отъ великаго Дона до малаго Донца; тамъ, отъ малаго Донца, путь казался ему безопаснымъ. Не выдастъ его малый Донецъ.

„Игорь мыслію степи мѣряетъ
„Отъ великаго Дона до малаго Донца.

По лѣтописи, конюшій пришедъ, передалъ Игорю, что ждетъ его Лаверъ. Въ Словѣ отмѣчены частнѣйшіе моменты этого событія. Конь былъ для него готовъ. Лаверъ свистомъ далъ Игорю знакъ, но князя нѣтъ какъ нѣтъ, и тотъ долженъ былъ кликать его:

„Комонь (стоитъ) въ полуночи;
„Овлуръ свистнулъ за рѣкою,
„Велитъ князю догадаться;
„Князя Игоря не было.
„Кликнулъ тотъ.

Въ слѣдъ за Игоремъ погналась погоня Половецкая. Въ станахъ половецкихъ началось такое движеніе, что словно земля гудѣла и трава шумѣла.

„Стукнула земля,
„Зашумѣла трава:
„Вежи Половецкія подвигнулись.

Самое бѣгство изображается эпически. Игорь рисуется въ образахъ Русскихъ былинъ и пѣсенъ; то онъ является въ видѣ горностая, или гоголя, то превращается въ волка или сокола. Онъ принимаетъ тотъ или другой видъ въ силу требованій мѣстностей, по которымъ бѣжитъ: въ тростникахъ скачетъ горностаемъ, по водѣ плаваетъ гоголемъ, по лугамъ скачетъ сѣрымъ волкомъ, при туманѣ летитъ соколомъ по поднебесью. Прежде всего, какъ гласитъ лѣтопись, Игорю пришлось перебродить рѣку, и вотъ:

„Князь Игорь
„Поскакалъ горностаемъ къ тростнику
„И бѣлымъ гоголемъ на воду.

За тѣмъ, какъ мы выше видѣли, конь дожидался его на другомъ берегу рѣки, и вотъ онъ:

„Кинулся на борзого коня,
„И скочилъ съ него сѣрымъ волкомъ
„И побѣжалъ къ лугу Донца.

На пути была нужда въ хлѣбѣ, но эта бѣда легко устранялась. Игорь добывалъ кормъ охотою, которой благопріятствовали туманы.

„И полетѣлъ соколомъ подъ туманами,
„Избивая гусей и лебедей,
„На завтракъ и обѣдъ и ужинъ.

Но постигла еще другая бѣда, которая была опаснѣе нужды въ хлѣбѣ: быстрымъ бѣгомъ путники надсадили своихъ коней и должны

были пѣшкомъ уходить отъ погони. Авторъ, согласно съ лѣтописью, отмѣтилъ и это обстоятельство. Другъ передъ другомъ Игорь и Лавръ спѣшили путемъ-дорогой и какъ бы старались обогнать другъ друга. Холодный потъ отъ усталости капалъ съ нихъ, словно сыпалась роса. Это соревнованіе въ быстрой усиленной походкѣ, взаимно ихъ ободрявшее, выражено также эпически:

„Когда Игорь соколомъ летѣлъ,
„Тогда Влуръ волкомъ бѣжалъ,
„Сыпая съ себя холодную росу:
„Надорвали вѣдь они своихъ борзыхъ коней.

Но вотъ Игорь наконецъ на Маломъ Донцѣ, о которомъ мечталъ онъ, какъ о пристани спасенія, когда собирался въ страшный путь, мѣряя мыслію поля отъ Великаго Дона до Малаго Донца. Онъ не ошибся въ его сочувствіи—Донецъ спасъ его.

Авторъ за тѣмъ весьма искусно, при посредствѣ рѣчи самого Донца, переходитъ къ изображенію трехъ фактовъ вызванныхъ его спасеніемъ, каковы: а) торжество самого Игоря; б) раздраженіе и досада Половецкихъ хановъ, его не догнавшихъ и наконецъ в) радость и веселіе Русской земли объ его спасеніи. Послѣднія два факта авторъ изображаетъ отъ себя; торжество же Игоря — предоставилъ выразить ему самому, въ бесѣдѣ его съ Донцомъ.

а) *Торжество Игоря.*

Въ противоположность тяжелой нравственной борьбѣ, какую пережилъ Игорь, когда, собираясь въ путь, спалъ-не спалъ въ Половецкомъ шалашѣ, думу думая, теперь, у безопасной пристани, онъ представляется радостно ликующимъ свое спасеніе. Это ликованіе выражается въ бесѣдѣ его съ Донцемъ.

Донецъ какъ бы видѣлъ и понималъ всѣ обстоятельства дѣла; гордо сознавалъ свою услугу, оказанную Игорю своими волнами, берегами и туманами; зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ стремился догнать его Кончакъ; чувствовалъ, съ какою радостію встрѣтитъ его Кіевская Русь—и вотъ, обращаясь къ нему:

„Донецъ сказалъ:
„Княже Игорю! Не мало же тебѣ
„(Доставилъ я) величія,
„А Кончаку досады
„А Русской землѣ веселія!

Игорь отвѣчалъ ему съ достоинствомъ человѣка сколько благодарнаго, столько же и гордо-благороднаго. Чувствуя свою безопасность онъ признавалъ, что обязанъ ею Донцу; онъ цѣнилъ, какъ колыхалъ онъ его на своихъ волнахъ, какъ утѣшалъ его зеленой травой, когда выходилъ онъ на его берега омываемыя свѣтлыми струями, какъ прикрывалъ онъ его теплыми туманами, когда ложился онъ отдыхать подъ зеленымъ деревомъ, какъ берегъ онъ его отъ враговъ и гоголемъ на водѣ и чайками на струяхъ и чернядьми на вѣтрахъ, но вмѣстѣ онъ далъ замѣтить Донцу, что, оказавъ ему такія благодѣянія, онъ можетъ за то гордиться тѣмъ, что̀ не походитъ на Стугну.

„Игорь отвѣчалъ:
„О, Донецъ, не мало и тебѣ величія,
„Что лелѣялъ ты князя на волнахъ,
„Постилалъ для него зеленую траву
„На своихъ серебряныхъ берегахъ,
„Одѣвалъ его теплыми туманами
„Подъ тѣнію зеленаго дерева,
„Стерегъ его гоголемъ на водѣ,
„Чайками на струяхъ,
„Чернядьми на вѣтрахъ.

Стугна, это мелководная рѣчка текущая въ Днѣпръ; съ лѣвой стороны—въ нее впадаетъ нѣсколько ручьевъ и притоковъ, которые текли изъ владѣній Половецкихъ — и были потому *чужіе*; низкіе ея берега при впаденіи въ Днѣпръ покрыты были кустарникомъ также какъ и въ наше время. Весной, наполняясь *чужими* Половецкими водами, она сильно разливалась и покрывала собою кустовье. Эта по-

ганская рѣка, наровя Половцамъ, утопила князя Ростислава, искавшаго въ ней спасенія и учинила на Руси великое горе. Не лестно было бы для Донца—походить на такую рѣку, если бы онъ не дружелюбно отнесся къ Игорю. Это именно и выражается далѣе въ отвѣтѣ Игоря Донцу.

„Не такъ текла [1] Стугна, какъ поскажутъ:
„Имѣя скудную струю,
„Пожравъ чужіе ручья и потоки,
„Растертая по кустовью,
„Юношѣ князю Ростиславу,
„Затворила она Днѣпръ.

Великое горе на Руси она учинила: Плачася по немъ мати его, гласитъ лѣтопись—и вси людіе пожалиша си уности его ради. (Лавр. стр. 213). Почти тѣми же словами говоритъ и авторъ «Слова»:

„На темномъ берегу,
„Плачетъ мать Ростислава
„По юношѣ князѣ.

Всеобщую же скорбь онъ выражаетъ словами народной причети:

„Пріуныли цвѣты отъ жалости,
„И лѣса отъ туги къ землѣ наклонилися.

Такъ художественно свилъ авторъ это событіе изъ эпохи Бояна съ былями своего времени.

б) *Досада хановъ.*

За тѣмъ авторъ обращаетъ свой взоръ на то, что дѣлалось позади Игоря, на погоню за нимъ Гзы и Кончака. Ихъ частый переклинъ, раздававшійся въ этой погонѣ, онъ сравниваетъ здѣсь съ стрѣкотаніемъ сорокъ, какъ выше скрипъ Половецкихъ телѣгъ сравнилъ съ крикомъ распуганныхъ лебедей.

[1] См. въ Палеографической критикѣ текста: «*Не тако ли, рече, Стугна*».

„И не сороки—застрѣкотали,
„То по слѣду Игореву
„Ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Указателями его движеній въ пути могли быть полевые жители— птицы. Такъ какъ дѣло было ночью, то бѣглецы своимъ движеніемъ могли встревожить ихъ покой и возбудить ихъ крикъ. Гзакъ и Кончакъ прислушивались, конечно, не отдается ли гдѣ подобнаго крика, который указалъ бы имъ на движеніе бѣглецовъ. Но никакого крика не было слышно. Царство птицъ не выдало Игоря:

„Тогда вороны не граяли,
„Галки замолкли,
„Сороки не трескотали,
„Лишь полозы ползали [1].

Слышался по временамъ стукъ, но это было долбленіе дятловъ въ сторонѣ рѣки, которые направляли преслѣдователей къ водѣ, чтобы задержать ихъ погоню.

„Дятлы тектомъ
„Путь къ рѣкѣ направляютъ

Между тѣмъ уже ночь была на исходѣ:

„Соловьи веселыми пѣснями
„Разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Можно себѣ представить досаду Гзы и Кончака, послѣ того какъ въ теченіи ночи они не открыли ни малѣйшихъ признаковъ направленія Игорева бѣгства.

---

[1] Ibid. «*полозiю ползоша толко*».

Говоритъ тутъ Гза Кончаку:

„Если соколъ къ гнѣзду улетитъ,
„Соколенка разстрѣляемъ мы,
„Да своими стрѣлами злачеными.

Гзѣ Кончакъ тутъ отвѣтъ держалъ:

„Если соколъ къ гнѣзду улетитъ,
„Да мы соколенка опутаемъ
„Красной дѣвицей.

Возговорилъ тутъ Гзакъ Кончаку:

„Если его да мы опутаемъ красной дѣвицей,
„Не будетъ у насъ соколенка,
„Ни красной дѣвицы не будетъ у насъ,
„И почнутъ да насъ бити,
„Птицы въ полѣ Половецкомъ.

Этотъ разговоръ объясняетъ предъидущее сравненіе: «*не сороки втроскоташа*» и рисуетъ досаду хановъ на то, что они не могли догнать его. Образъ—прекрасный, такъ какъ до нынѣ народъ сравниваетъ съ стрекочущей сорокой того, кто много и часто говоритъ, притомъ же пустяковъ.

Таково поэтическое изображеніе досады, которую учинилъ Донецъ Половецкимъ ханамъ спасеніемъ Игоря. Одинъ изъ нихъ въ этой досадѣ готовъ былъ, вернувшись домой, убить Игоря, а другой склонялся къ тому, чтобы сохранить ему жизнь, но за то сдѣлать его навсегда своимъ подданнымъ. Разногласіе это не имѣетъ ничего общаго съ той враждой ихъ, о которой говоритъ лѣтопись, и въ силу которой Кончакъ съ своими полчищами пошелъ на Кіевъ, а Гза направился въ другую сторону—раззорять Посемье. Изображеніе это полно эпической правды и выражаетъ лишь разные степени досады двухъ хановъ, вызванной тѣмъ, что они не могли догнать бѣглецовъ [1]).

[1]) Не правдоподобностію отличается, говоритъ И. П. Хрущевъ, распря Кзы и Кончака. Мы знаемъ, говоритъ онъ, что разногласіе этихъ двухъ хановъ имѣло

г) *Веселіе Русской земли о спасеніи Игоря.*

Наконецъ авторъ переходитъ къ изображенію веселія самой Русской земли, которое доставилъ ей Донецъ спасеніемъ Игоря. Авторъ начинаетъ эту картину старыми словесами Бояна:

„Сказалъ Боянъ и на счетъ годины Святославовой—
„Онъ же—пѣснотворецъ стараго времени,
„Ярославова, Олегова:
„Коганe! Хоть и тяжко вѣдь головѣ безъ плечъ,
„Зло и тѣлу безъ головы [1].

Примѣняя эту припѣвку къ своему времени, авторъ говоритъ, что точно также тяжело и Русской землѣ безъ Игоря. Пока Игорь былъ въ плѣну, Русская земля была тѣломъ безъ головы.

Дорогъ былъ онъ для Кіевской Руси, словно мило и дорого красное солнышко. Вотъ онъ уже на родной землѣ: всѣмъ онъ свѣтитъ и всѣхъ радуетъ, словно оно золотое.

„Солнце свѣтится на небесахъ,
„Игорь князь въ Русской землѣ [1]).

своимъ слѣдствіемъ два различныхъ направленія, по которымъ Половецкія полчища отправились на раззореніе Русской земли. Въ «Словѣ» же Кза споритъ съ Кончакомъ о судьбѣ Володиміра Игоревича. Черезъ три года послѣ похода возвратился Володиміръ Игоревичъ съ женою Кончаковною изъ плѣна, и тогда умѣстно было говорить о соколичѣ, опутанномъ красною дѣвицею. (О Древне-Русскихъ историческихъ повѣстяхъ XI—XII стол. стр. 211). Но не нужно забывать, что по словамъ Лѣтописи, черезъ три года (въ 1187 году), когда пришелъ Владиміръ изъ Половецъ съ Кончаковною, Игорь сотворилъ свадьбу и вѣнчалъ ихъ и съ *дитятемъ*, которому могло быть уже два года. Во всякомъ случаѣ отсюда слѣдуетъ, что Володиміръ былъ опутанъ красной дѣвицей еще когда былъ въ Половцѣхъ, и говорить объ этомъ опутаніи можно было ранѣе ихъ вѣнчанія.

[1] См. въ Палеографической критикѣ текста: «*Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля, пѣстворца стараго времени, Ярославля, Ольгова Коганя хоти*».

[1]) Г. Потебня связываетъ эти слова съ предъидущимъ посредствомъ солнца: ибо какъ *одно* солнце свѣтитъ на небѣ; такъ *одинъ* Игорь въ Русской землѣ. Но Игорь не одинъ князь былъ въ Русской землѣ; авторъ не могъ выражать мысли, противной исторической правдѣ. (Стр. 150).

Радость эта раздается въ хоровыхъ пѣсняхъ, которыя отъ береговъ, гдѣ ступилъ онъ на родную землю, несутся по водамъ, отражая сливающіеся голоса, до самаго Кіева. Мысль эту выражаетъ авторъ эпически, пользуясь народными образами Дуная и моря и быть можетъ даже подражая въ этомъ Бояну.

„Дѣвицы поютъ на Дунаѣ;
„Вьются голоса чрезъ море до Кіева.

Вотъ наконецъ онъ въ самомъ Кіевѣ и прежде всего спѣшитъ въ храмъ Богоматери для благодарственной молитвы.

„Игорь ѣдетъ по Боричеву,
„Ко Святой Богородицѣ Пирогощей.

Вѣсть о его пріѣздѣ разнеслась по всей Кіевской Руси, по всѣмъ волостямъ и по всѣмъ городамъ, и всюду—радость и веселіе.

„Страны рады,
„Грады веселы.

Такъ изобразилъ авторъ веселіе Русской земли, которое доставилъ ей Донецъ спасеніемъ Игоря.

Заключеніе и пѣніе славы.

Какъ пѣснь, подобная Бояну, она завершается лишь пѣніемъ славы князьямъ и дружинѣ, обычнымъ въ хвалебныхъ пѣсняхъ. Изъ князей здѣсь величаются самъ Игорь, братъ Всеволодъ и сынъ Владиміръ. Это, повидимому, указываетъ, что «Слово» было предназначено его творцемъ исключительно для дома Игорева.

Авторъ не разъ обращался въ своемъ пѣснопѣніи ко временамъ старымъ и не разъ вспоминалъ князей старыхъ, прославляя ихъ сравнительно съ нынѣшними, такъ что его пѣснь—была хвалебною прежде всего по отношенію къ князьямъ старымъ. Заключительное пѣніе славы онъ также считаетъ долгомъ предложить сначала въ честь князей старыхъ, а потомъ и молодыхъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ указывать и на то, что авторъ, воспѣвавшій старыхъ князей

подъ воздѣйствіемъ пѣсенъ Бояна, воспользовался и заключительнымъ ихъ славословіемъ, для окончанія своей пѣсни, и примѣнилъ его къ молодымъ.

„Пропѣвъ хвалу сначала князьямъ старымъ,
„Потомъ и молодымъ подобаетъ воспѣть
„Игорю Святославичу,
„Буй-туру Всеволоду,
„Владиміру Игоревичу—Слава!
„Будьте здравы, князья и дружина,
„Поборающіе за Христіанъ
„На поганые полки:
„Князьямъ и дружинѣ—Слава!

Таково «Слово», на нашъ взглядъ, въ его цѣломъ и частяхъ. Всякій можетъ замѣтить, что оно по своей формѣ отнюдь не есть историческое повѣствованіе, но именно пѣснь, созданная по сознанію самого автора, подъ воздѣйствіемъ «*Старыхъ Словесъ*» или пѣсенъ Бояна.

Были, историческіе факты, здѣсь подчинены «*замышленію*» идеальному распорядку, плану старыхъ пѣсенъ дружиннаго Бояновскаго эпоса.

Самъ авторъ своими припѣвками, которыя повторяются въ каждой части «Слова» указываетъ ту главную мысль, къ которой пріурочиваетъ онъ *были* своего времени. Такъ въ первой части онъ повторяетъ:

„О, Русскіе мужи,
„Уже за шеломенемъ вы!

„Дремлетъ въ полѣ
„Гнѣздо храброе Олега!
„Далече залетѣло!

„О, далече зашолъ соколъ,
„Птицъ бія къ морю!

Такимъ образомъ главная мысль, которую авторъ имѣетъ въ виду въ первой части «Слова» это именно та, что Русскіе полки слишкомъ далеко зашли, отъ одной стороны, на вражескую землю.

Подобными же припѣвками авторъ уясняетъ основную мысль и второй части своего произведенія.

„Ольговичи—храбрые князья
„Изнемогали на брани!

„Вступите, господа,
„Въ златыя времена
„За обиду сего времени,
„За землю Русскую,
„За раны Игоревы!

„Загородите полю ворота
„Своими острыми стрѣлами,
„За землю Русскую,
„За раны Игоревы,
„Рьянаго Святославича!

„О, стонать Русской землѣ,
„Помянувши старую годину
„И старыхъ князей!

Такимъ образомъ основная мысль второй части та, что обстоятельства были вопіющія; помочь требовалась неотложная; а Кіевская власть, державшая нѣкогда въ своихъ рукахъ всю Кіевскую Русь, теперь является безсильною.

Третья часть излагающая спасеніе Игоря, какъ слѣдствіе молитвы Ярославны, также уясняется не разъ повторенными припѣвками:

„Ярославна рано плачетъ,
„Въ Путивлѣ, на стѣнѣ городской
„Приговаривая.

Повтореніемъ этой припѣвки авторъ даетъ замѣтить значеніе ея молитвы.

Вѣра въ судьбу, въ судъ Божій, составляетъ душу этого творческаго произведенія и проникаетъ его отъ начала до конца, отъ первыхъ шаговъ похода Игоря до вступленія его, по возвращеніи, въ храмъ Богородицы Пирогощей. Въ виду того, что «Слово» написано, по сознанію автора, подъ воздѣйствіемъ пѣсенъ Бояновыхъ, можно думать, что та же вѣра въ судьбу составляла основный мотивъ и «Старыхъ Словесъ, обнимавшихъ широкое поле временъ и событій.

II.

НОВѢЙШІЙ СКЕПТИЦИЗМЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ТЕКСТУ „СЛОВА“.

Новѣйшія предположенія въ текстѣ пропусковъ, вставокъ, глоссъ и недостаточность основаній. 1. Отношеніе къ тексту г. Потебни: а) Поправки текста. б) Перестановки. в) Пропуски. 2. Отношеніе къ тексту г. Прозоровскаго и допущенныя имъ измѣненія. 3. Передѣлки текста г. Андреевскаго и образецъ этихъ передѣлокъ.

Слово о полку Игоревѣ въ дошедшемъ до насъ текстѣ представляетъ памятникъ удивительно цѣльный и законченный, сохранившійся во всей полнотѣ и стройности своихъ художественныхъ очертаній. Такимъ текстъ «Слова» представляется намъ, но не такимъ онъ казался и кажется наибольшей части другихъ изслѣдователей. Одни видятъ въ немъ *пропуски*, допущенные неразумными переписчиками; другіе усматриваютъ *вставки*, внесенныя неискусными глоссаторами; иные наконецъ замѣчаютъ *перестановки* разныхъ мѣстъ, появившіяся отъ перепищиковъ, переплетчиковъ путавшихъ листы и т. п. Одинъ изъ современныхъ ученыхъ и, къ сожалѣнію, авторитетныхъ находитъ Пушкинскій «текстъ Слова» до того нестройнымъ, что считаетъ даже, какъ мы выше видѣли, дошедшій до насъ списокъ лишь *копіей* будтобы *черновой рукописи автора*, вмѣщавшей въ себѣ сборъ написанныхъ мыслей, но необработанныхъ, съ разными приписками на поляхъ, съ поправками, помарками. Въ глазахъ этого ученаго — въ Пушкинскомъ текстѣ до насъ дошла лишь черновая работа автора «Слова», не получившая подъ его перомъ окончательной редакціи; отъ того она является во многихъ мѣстахъ

нестройною и безпорядочною; да въ добавокъ она восполнена еще позднѣйшими неудачными и даже безтолковыми глоссами [1].

Всѣ эти предположенія *пропусковъ*, *вставокъ*, *глоссъ*, всѣ эти усмотрѣнія безпорядочности и нестройности въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Слова», на нашъ взглядъ показываютъ лишь то, какъ недостаточно изученъ этотъ русско-классическій памятникъ въ его *цѣломъ* и *частяхъ* и къ какимъ страннымъ и невѣроятнымъ гаданіямъ приходитъ серьезная ученость, какъ скоро къ измѣренію его художественнаго построенія примѣняется лишь аршинъ современной граматики или же существующій засѣкъ древне-русской лексикологіи, изчерпываемой словарями Миклошича и Востокова.

Легко допускаютъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Слова» разные пропуски и въ переводахъ его стремятся досказать то, что въ подлинникѣ кажется недосказаннымъ, едва ли только не потому, что приступаютъ къ подобнымъ переводамъ безъ яснаго и отчетливаго представленія его *идеи* и *формы* и къ произведенію, чисто *художественному*, *творческому* предъявляютъ требованія историческаго повѣствованія—полноты дробностей факта и послѣдовательности въ ихъ изложеніи. Не слѣдуетъ отъ автора требовать того, чего дать онъ не думалъ. Глоссы же предполагаются въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считаются *испорченными* и которыхъ комментаторы понять не въ состояніи. Первые издатели и изслѣдователи «Слова» очень осторожно и уважительно относились къ его тексту и по силамъ стремились уяснить «темныя» мѣста или же откровенно сознавались, что того или другаго мѣста они понять не въ состояніи. Новѣйшіе же ученые нашли иной исходъ изъ подобныхъ затрудненій. Вмѣсто того, чтобы недостатокъ разумѣнія темныхъ мѣстъ относить къ самимъ себѣ, они приписали его къ бывшимъ когда-то неизвѣстнымъ глоссаторамъ «Слова», которые будто бы уснастили его своими домыслами и при томъ такъ, что совершенно испортили текстъ его. Въ этомъ еще болѣе оказались виновными писцы, кои переписывая памятникъ, вносили въ текстъ то, что первоначально было написано на поляхъ. Подобный способъ объясненія неисправныхъ мѣстъ того или другаго

[1] См. выше ч. I, стр.

памятника, конечно, можетъ имѣть свое мѣсто и въ наукѣ; но только тогда, когда дается къ тому основаніе другими списками того же памятника. «Слово» же дошло до насъ лишь въ единственномъ спискѣ и потому не представляется достаточнаго основанія къ допущенію какихъ бы то ни было глоссъ въ его текстѣ. Эти жалкія сами по себѣ предположенія остаются совершенно праздными для дальнѣйшей разработки «Слова»; обнаруживая несостоятельность современной учености, онѣ самодовольно успокоиваютъ ее на мысли о бывшихъ когда-то безтолковыхъ неизвѣстныхъ глоссаторахъ и писцахъ испортившихъ текстъ своими толкованіями или же безграмотными переписками—и чрезъ то лишаютъ науку возбудительной силы къ дальнѣйшимъ попыткамъ разглядывать и угадывать подлинный смыслъ темныхъ мѣстъ дошедшаго до насъ текста.

Тоже слѣдуетъ замѣтить и о тѣхъ гаданіяхъ, которыя усматриваютъ въ Пушкинскомъ текстѣ перестановку разныхъ мѣстъ, зависѣвшую отъ сбитости листовъ въ древнихъ спискахъ то переписчиками, то переплетчиками. Въ древне-русскихъ рукописяхъ дѣйствительно, встрѣчаются подобныя явленія, но онѣ почти всегда обличаютъ сами себя и не много требуется вниманія, чтобы замѣтить подобныя проpухи. Въ дошедшемъ же до насъ текстѣ «*Слова*» всѣ мнимо-сбитыя мѣста разставлены, къ удивленію, въ такомъ порядкѣ и съ такимъ смысломъ, что не только первые издатели и комментаторы не замѣтили въ нихъ никакой сбивчивости, но и большая часть современныхъ изслѣдователей не видитъ здѣсь подобныхъ промаховъ и не находитъ нужнымъ дѣлать поправку текста въ подобныхъ соображеніяхъ. Едва ли предполагаемые безграмотные переписчики умѣли такъ ловко переписывать и переплетчики такъ искусно перепутывать листы, что даже въ наше время трудно замѣтить нарушеніе въ нихъ подлиннаго смысла. При этомъ не слѣдуетъ забывать одного важнаго обстоятельства въ исторіи древне-русской палеографіи. Строки въ уставныхъ книгахъ всегда писались по графамъ, замѣтнымъ лишь для одного писца и это достигалось слѣдующимъ способомъ: на доскѣ соотвѣтствующей формату книги, наклѣивались довольно толстыя нитки въ разстояніяхъ, соотвѣтствующихъ уставу или полууставу, равно какъ и величинѣ междустрочій и полей. Доска эта накладывалась на

каждый бѣлый листъ и прижималась, вслѣдствiе чего на каждомъ листѣ обозначалось одно и тоже количество графъ, соотвѣтствовавшихъ расположенiю нитокъ. При такомъ способѣ писанiя на каждой страницѣ являлось необходимо одно и тоже число написанныхъ строкъ. Это обстоятельство совершенно опускается изъ виду тѣми учеными, которые дѣлаютъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Слова» перестановки разныхъ мѣстъ въ виду предположенiя сбитости листовъ въ древнихъ его спискахъ. Выходитъ такъ, что въ этихъ предполагаемыхъ спискахъ—съ перебитыми листами на одной страницѣ было 30 строкъ, а на другой 8 строкъ; это явленiе въ древней письменности невозможное, какъ бы не представлялись малыми листы и какъ бы ни разнообразны были почерки. Вообще на нашъ взглядъ подобныя перестановки, помимо излишества ихъ со стороны смысла самаго памятника, дѣлаются произвольно и со стороны требованiй древне-русской палеографiи.

Мы съ своей стороны не будемъ простирать такъ далеко своего ученаго самомнѣнiя и бросать камень осужденiя въ крайное, быть можетъ, воображаемое, невѣжество древне-русскихъ книжниковъ и переплетчиковъ.

1. Отношенiе къ тексту „Слова“ г. Потебни.

Въ наше время изученiе «Слова» этого драгоцѣннаго памятника Кiевской Руси стало на путь скользкiй и опасный, обѣщающiй лишь однѣ безконечныя блужданiя. Путь этотъ проложенъ, какъ мы выше сказали, весьма почтеннымъ ученымъ, профессоромъ Харьковскаго Университета г. Потебней.

И прежде уже бывали попытки вносить въ дошедшiй до насъ текстъ воображаемыя пропуски—и дѣлать перестановки мѣстъ—будто бы смѣшанныхъ перепищиками, или переплетчиками; но эти попытки были очень осторожны, касались лишь двухъ-трехъ мѣстъ и во всякомъ случаѣ не кидали подозрѣнiя на цѣлость и чистоту всего дошедшаго до насъ текста.

Но г. Потебня смѣло и не обинуясь выступилъ съ такимъ взглядомъ на «Слово», который въ существѣ подрываетъ всякое значенiе его текста и открываетъ полный и широкiй просторъ для всевозмож-

ныхъ его передѣлокъ по личнымъ вкусамъ и настроеніямъ. Своимъ изслѣдованіемъ онъ положилъ основаніе новѣйшему скептицизму, который гораздо опаснѣе, чѣмъ скептицизмъ старый для надлежащаго разумѣнія и оцѣнки этого, по истинѣ, Русско-классическаго творенія.

По взгляду г. Потебни, какъ мы выше уже излагали, Пушкинскій текстъ «Слова» отражаетъ въ себѣ такія особенности, которыя указываютъ, что это одна изъ копій черновой рукописи автора, съ его помарками, поправками и замѣтками на поляхъ, изъ коихъ нѣкоторыя внесены въ текстъ позднѣйшими перепищиками съ ихъ по мѣстамъ толкованіями. Въ виду такого взгляда въ его изданіи текстъ «Слова» является переполненнымъ глоссами, вставками и перестановками. Авторитетъ почтеннаго ученаго требуетъ, чтобы критика съ должнымъ вниманіемъ прослѣдила, какъ могъ онъ прійти къ такому смѣлому и притомъ же странному взгляду.

Сдѣлавъ это, мы представимъ опыты новѣйшихъ ему подражаній, чтобы показать, къ чему наконецъ ведетъ изученіе «Слова» въ подобномъ направленіи.

Въ текстѣ, изданномъ г. Потебней, являются *поправки* тамъ, гдѣ онѣ ничѣмъ не вызываются, дѣлаются *перестановки* тамъ, гдѣ онѣ ничѣмъ не оправдываются, и наконецъ выкидываются не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя мѣста, какъ воображаемыя глоссы или черновыя замѣтки самого автора, сдѣланныя будто бы на поляхъ.

а) *Поправки.*

Извѣстно, что въ «Словѣ» есть такія неисправныя мѣста въ палеографическомъ отношеніи, что поправки неизбѣжны для возстановленія ихъ подлиннаго смысла; но г. Потебня сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ поправокъ, которыя ни чѣмъ не вызываются и безъ всякой нужды измѣняютъ дошедшій до насъ текстъ. Такъ, въ Пушкинскомъ текстѣ читаемъ:

„*Хотятъ прикрыти д҃ солнца.*

Г. Потебня вмѣсто д҃ поставилъ въ своемъ текстѣ «д́ва сълнца», и единственно въ силу личнаго гаданія: «*быть можетъ*, говоритъ

онъ, здѣсь должно стоять не четыре солнца, какъ обыкновенно читаютъ, относя къ четыремъ князьямъ, а два солнца, какъ ниже: Два сълньця помьркоста» (стр. 42). Но г. Потебня забываетъ, что ниже къ двумъ солнцамъ еще прибавлено: Оба багряная стлъпа погасоста, а съ нимъ молодая мѣсяца тьмою ея поволокоста.

Очевидно, эта поправка г. Потебни болѣе смѣлая, чѣмъ основательная.

Далѣе, въ подлинномъ текстѣ читаемъ:

„Темно бѣ въ г҃ день.

Потебня исправляетъ: «въ тъ день, т. е. въ тотъ извѣстный памятный день, когда было затмѣніе, а не въ 3-й день битвы. Бой длился съ пятницы по воскресенье, объясняетъ онъ; между тѣмъ между пятницей и 1-мъ мая, когда было знаменіе, прошло по меньшей мѣрѣ два дня (въ теченіи коихъ Игорь ждалъ Всеволода, перешедши Осколъ), но вѣроятно, гораздо больше. Слѣдовательно, считая съ воскресенья—третьяго дня битвы, затмѣніе никакимъ образомъ не могло быть 3-го дня. Поэтому-де лучше читать въ *тъ день*, вмѣсто 3-й день (стр. 92—93).» Но г. Потебня опускаетъ изъ виду, что авторъ говоритъ здѣсь не о томъ, когда, въ какой день, было солнечное затмѣніе, но лишь о томъ, когда именно князья были взяты въ плѣнъ и омрачились горемъ, что, конечно, случилось именно въ 3-й день боеваго столкновенія съ Половцами. Такого рода смыслъ очевиденъ здѣсь до осязательности. Если здѣсь и есть намекъ на солнечное затмѣніе, то онъ выражается лишь въ томъ, что авторъ рисуетъ картину плѣна князей и ихъ горя въ чертахъ и образахъ этого затмѣнія, указывая, что въ 3-й день ихъ столкновенія съ врагами постигла ихъ та самая участь, которая была предсказана затмѣніемъ при самомъ ихъ вступленіи въ землю Половецкую.

И такъ, эта поправка, какъ и первая, болѣе гадательна и произвольна, чѣмъ настоятельна и основательна.

б) *Перестановки.*

Далѣе, въ текстѣ Потебни встрѣчаемъ слѣдующія перестановки:

„А съ нимъ молодая мѣсяца
„Олегъ и Святъславъ,
„Тъмою ся поволокоста.

Уже и прежде, Максимовичъ, Малашевъ, Вс. Миллеръ, къ этимъ стихамъ присоединяли еще дальнѣйшія:

„И въ морѣ погрузиста
„И великое буйство подасть хинови,

стоящіе ниже, и въ другой связи мыслей—именно:

„По Русской земли
„Прострошася Половци,
„Аки пардуже гнѣздо
„И въ морѣ погрузиста
„И великое буйство подасть Хинови.

Основаніемъ для такой перестановки служила грамматическая форма (двойст. ч.) въ словѣ «*погрузиста*», которое настолько не ладилось здѣсь съ глаголомъ «*прострошася*», сколько тамъ совпадало съ глаголомъ *ся поволокоста*. Г. Потебня, принимая эту перестановку, присоединяетъ новое *ся*, и по обычаю, ничтоже сумнѣся, передѣлываетъ еще окончаніе въ глаголѣ пода*сть* на пода*ста*. Но исправители текста, допускающіе эту перестановку, ради грамматическаго соотвѣтствія, жертвуютъ внутреннимъ смысломъ даннаго мѣста, отъ котораго отнимаются и переносятся указанные глаголы. Объясняя Святославу сонъ и обрисовавъ въ образахъ солнечнаго затмѣнія плѣнъ князей и ихъ горе, бояре прибавляли, что причиною тому темная сила, возобладавшая надъ свѣтомъ—поганые Половцы.

„Они простерлись по Русской землѣ,
„Словно гнѣздо пардусовъ,
„И въ конецъ ее загубили
„И великую гордость придали Хиновѣ.

Отнимая и переставляя послѣднія предложенія: («и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хинови»), исправители оставляютъ здѣсь Половцевъ только при томъ, что они *простерлись*. Но творческая мысль автора не могла остановиться на этомъ представленіи и закончить рѣчь такимъ предложеніемъ. Вотъ почему мы охотнѣе соглашаемся допустить и разглядѣть въ глаголахъ этихъ предложеній палеографическія ошибки, нарушившія грамматическія формы, чѣмъ посягать на ихъ перестановку въ ущербъ внутреннему смыслу всего даннаго мѣста.

Но если предшествовавшіе комментаторы въ подобныхъ случаяхъ поступали крайне осторожно и опирались, по крайней мѣрѣ, на кажущіяся основанія, г. Потебня смѣло идетъ впередъ и свободно переставляетъ дальнѣйшія мѣста въ памятникѣ лишь въ силу своихъ личныхъ предположеній, что дошедшій до насъ текстъ испорченъ.

„Уже снесеся хула на хвалу;
„Уже тресну нужда на волю;
„Уже връжеса дивъ на землю.
„Се бо Готскія красныя дѣвы..

Въ текстѣ «*уже*» стоитъ трижды, говоритъ Потебня; я предполагаю здѣсь перестановку, продолжаетъ онъ, поводомъ къ которой послужила черновая рукопись автора «Слова», и принимаю второе: *уже* за начало слѣдующаго періода» (стр. 92). Такимъ образомъ послѣднія предложенія:

„Уже тресну нужда на волю,
„Уже връжеса Дивъ на землю,

Онъ ставитъ ниже предъ стихомъ:

„А мы уже дружина жадни веселія.

12

«Предлагаемая перестановка, замѣчаетъ онъ, выставляетъ на видъ противоположность между появленіемъ Нужды и Дива съ одной стороны и веселіемъ—съ другой: уже настало горе, а между тѣмъ мы дружина жаждемъ утѣшенія. Быть можетъ, тутъ намекъ князю: сдѣлай же, что можешь, для этого» (стр. 100). Но если даже понимать все это мѣсто въ такомъ именно смыслѣ, то и тогда не представляется никакой надобности въ допускаемой перестановкѣ, такъ какъ противоположность — между горемъ и веселіемъ гораздо разительнѣе сказывается при неприкосновенномъ чтеніи текста. Растолковавъ, что карканье вороновъ, полетѣвшихъ къ синему морю указываетъ на безславіе Русской земли, дошедшее до того что даже Готскія Дѣвы—и тѣ поютъ веселыя пѣсни, ликуя мщеніе Половцевъ за Шаруканя, бояре замѣчаютъ: А мы, дружина, жадаемъ веселія — мы, дружина, тѣмъ больше угнѣтены, чѣмъ веселѣе тѣшатся на берегу синяго моря.

„Уже бо Сула не течетъ
„Серебряными струями
„Къ граду Переяславлю,
„И Двина болотомъ течетъ
„Онымъ грознымъ Полочаномъ,
„Подъ кликомъ поганыхъ.

Г. Потебня выраженіе «*подъ кликомъ поганыхъ*» переставилъ въ своемъ текстѣ. Онъ отнесъ его лишь къ первому предложенію: «Сула не течетъ... къ Переславлю, подъ кликомъ поганыхъ» замѣчая, что при второмъ предложеніи: «Двина течетъ болотомъ», указаніе причины могло быть повторено, но могло и не повторяться, а лишь подразумѣваться» (стр. 116). Но если г. Потебня самъ чувствуетъ умѣстность этого выраженія и при второмъ предложеніи, то спрашивается, къ чему же было дѣлать такую перестановку? Конечно, онъ былъ бы осторожнѣе, если бы замѣтилъ ту особенность въ синтаксисѣ творческой рѣчи автора, въ силу коей выраженія, указывающія цѣль или причину и относящіяся къ двумъ явленіямъ онъ ставитъ въ концѣ

двухъ предложеній, относя ихъ къ тому и другому. Наклонность къ строю рѣчи по современной грамматикѣ заслонила для г. Потебни эту особенность синтаксиса «Слова» и заставила его выраженіе «*подъ кликомъ поганыхъ*» вынять съ мѣста, гдѣ оно было поставлено авторомъ, и поставить ближе къ первому предложенію, чтобы оно было доступнѣе для нашего разумѣнія. Но уяснивъ такимъ образомъ первое предложеніе:

„*Уже Сула не течетъ*
„*Серебряными струями къ граду Переславлю*
„*Подъ кликомъ поганыхъ.*

Онъ ослабилъ выразительность втораго:

„*И Двина болотомъ течетъ*
„*Онымъ грозным Полочаномъ.*

Столь же смѣлы и другія перестановки. Въ Пушкинскомъ текстѣ читаемъ:

„*Уныли голоси;*
„*Пониче веселіе.*
„*Трубы трубятъ Городенскіи.*

Г. Потебня разставилъ всѣ эти выраженія, какъ ему вздумалось:

„*Уныли голосы трубы трубятъ Городенскіи.*
„*Пониче веселіе.*

«Уныли голосы» принято мною, объясняетъ онъ за твор. мн. ч. въ смыслѣ печально звучатъ Городенскія трубы (стр. 118).

Въ данномъ случаѣ его не затрудняетъ, что при подобной перестановкѣ совершенно нарушается живость теченія рѣчи и является крайнее несоотвѣтствіе между предложеніями, изъ коихъ одно занимаетъ цѣлую строку, а другое состоитъ изъ двухъ словъ. Приведенная имъ аналогія изъ мѣста о Ростиславѣ, гдѣ сначала «плачется мать», а потомъ поникли деревья, не представляетъ ни малѣйшаго основанія для подобной перестановки.

„О! стонати Руской земли,

. . . .

. . . .

„Но рози нося имъ хоботи пашуть.

Это лирическое воззваніе автора, коимъ заканчивается 3-я часть «Слова», г. Потебня удержалъ въ текстѣ на своемъ мѣстѣ, но, «предполагаю, замѣтилъ онъ, что первоначально оно примыкало туда, гдѣ Святославъ говоритъ, что не смотря на личную готовность (а чи диво ся помолодити) онъ безсиленъ и долженъ оставаться въ бездѣйствіи, потому что князья ему не пособляютъ, что времена измѣнились (на ниче.... обратиша). Продолженіе этого составляетъ разсматриваемое лирическое воззваніе, при чемъ не ясно, говоритъ ли это самъ Святославъ, или же авторъ—безлично (стр. 133). Но кому бы ни усвоять этого воззванія — Святославу или автору, оно никакъ не могло быть у мѣста тамъ, куда желалъ бы переставить его г. Потебня, особенно же если принять во вниманіе его переводъ этого воззванія. Не могъ самъ Святославъ говорить: «Того стараго Владиміра (Мономаха при подобныхъ обстоятельствахъ) нельзя (было бы?) пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ (удержать въ Кіевѣ, заставить сидѣть тамъ въ бездѣйствіи, какъ сидитъ Святославъ теперь (стр. 133). Говоря такимъ образомъ, въ своемъ паѳосѣ Святославъ осуждалъ бы самъ себя за бездѣйствіе.

Не могъ въ такомъ смыслѣ выражаться и самъ авторъ, полный сочувствія къ Святославу, усвоившій ему золотое слово.

Съ нашей точки зрѣнія это лирическое воззваніе совершенно въ духѣ автора «Слова» который почти каждую картину въ своемъ произведеніи заканчиваетъ лирической припѣвкой; сонъ Святослава и золотое его слово—тѣмъ естественнѣе вызывали автора на подобное лирическое воззваніе. Правда, оно не представляетъ внѣшней грамматической связи съ предъидущими періодами, но зато стоитъ въ глубочайшемъ внутреннемъ соотношеніи ко всей 3-й части «Слова», какъ указано нами выше.

„Тогда врани не граахуть
„Галици. . . . .
. . . . .
„Соловiи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Все это мѣсто г. Потебня отрываетъ отъ словъ: *На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ*, и переставилъ туда, гдѣ говорится о бѣгствѣ Игоревѣ, именно — къ словамъ: *Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу*. Г. Потебня представилъ даже нѣкоторыя соображенiя для подобной перестановки: это мѣсто, говоритъ онъ, оставленное послѣ: ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ, во 1-хъ, будто бы безъ видимой надобности отдѣляетъ отъ этого далѣе слѣдующее: «молвитъ Гза»; во 2-хъ будто бы даетъ такой смыслъ, что природа сочувствуетъ погонѣ. Но самъ же г. Потебня толкуетъ это мѣсто такъ, что птицы не выдавали бѣглецовъ. Всякiй можетъ видѣть, что птицы, такъ себя заявившiя, умѣстнѣе тамъ, гдѣ слѣдуетъ погоня, чѣмъ тамъ, гдѣ бѣглецы вдали отъ этой погони,—одинъ летитъ соколомъ, а другой бѣжалъ волкомъ, загнавши уже своихъ борзыхъ коней. Надобность такого явленiя птицъ на томъ мѣстѣ, гдѣ являются онѣ въ дошедшемъ до насъ текстѣ — существенная. Отсюда именно возникло «нелюбiе» Гзы и Кончака, которое заставило ихъ держать дальнѣйшую рѣчь. Природа не выдала бѣглецовъ и тѣмъ вызвала такую досаду въ погоньщикахъ, что одинъ изъ нихъ готовъ былъ убить, а другой — если и не убить, то навсегда сдѣлать своимъ подданнымъ сына Игорева, если только самъ Игорь убѣжитъ.

г) *Пропуски.*

Еще болѣе допущено всевозможныхъ пропусковъ въ текстѣ г. Потебни. Какъ строгiй грамматикъ, слѣдя на пути изученiя Пушкинскаго текста, болѣе за отношенiемъ перiодовъ и предложенiй, чѣмъ за ходомъ и развитiемъ творческихъ мыслей, наблюдая болѣе за внѣшнею, чѣмъ за внутреннею ихъ связiю, онъ въ силу такого односторонняго изученiя, не уяснилъ себѣ памятника въ его цѣломъ и частяхъ—и всѣ тѣ мѣста, гдѣ внѣшняя связь между перiодами и предложенiями была для него

не видна, онъ преспокойно объясняетъ или позднѣйшими глоссами, или характеромъ черновой рукописи автора, въ которой многое было начато и недокончено, многое было написано на поляхъ, что позднѣйшими переписчиками внесено въ текстъ. Темныя и не ясныя мѣста при такомъ воззрѣніи объясняются очень просто—все это также, глоссы или черновыя замѣтки автора.

Такъ, легко и преспокойно онъ выкидывалъ изъ Пушкинскаго текста отдѣльныя слова, которыя его затрудняли:

а) *Толковинъ*. Слово это онъ считаетъ глоссой на томъ основаніи, что оно будто бы происходитъ отъ *тълко-вати* и можетъ значить только *толкованіе*. Въ сонъ Святослава внесено оно книжникомъ изъ Лѣтописи, принявшимъ его за названіе народа (стр. 90). Не говоря здѣсь о томъ, правильно ли г. Потебня объясняетъ мѣсто Лѣтописи, гдѣ встрѣчается это слово, замѣтимъ, что древне-русскіе книжники относились болѣе уважительно къ роднымъ памятникамъ, чѣмъ современные ученые, и во всякомъ случаѣ уже не вносили въ ихъ текстъ такихъ словъ, которыхъ сами не понимали; въ данномъ же случаѣ, они тѣмъ болѣе не могли этого сдѣлать, что тамъ, гдѣ стоитъ слово *толковинъ* въ Пушкинскомъ текстѣ, не могло представиться ни малѣйшей надобности въ подобной вставкѣ ни для какого книжника. Чтобы слово «*толковинъ*» происходило отъ *тълко-вати*, это болѣе, чѣмъ подлежитъ сомнѣнію. Оно можетъ имѣть корень въ языкахъ Тюркскихъ; оно можетъ имѣть иное объясненіе и въ языкѣ Русскомъ.

б) *Татраны*. Не есть ли это вставка, замѣчаетъ г. Потебня, сдѣланная не авторомъ, а другимъ малосвѣдущимъ лицемъ, смѣшавшимъ Ярослава Всеволодовича съ Ярославомъ Владиміровичемъ Галицкимъ, въ войскѣ котораго конечно были *Татраны*? (стр. 104). И такого-то рода недоумѣніе даетъ ему право выкинуть это слово изъ текста, какъ позднѣйшую *глоссу*. Но если въ Кіевской Руси были на службѣ Угорскіе кметы, то почему-же не думать, что между ними могли быть и Татране—жители Татръ—это первое. А во вторыхъ—подъ Татранами могутъ здѣсь разумѣться и Татары или какіе-нибудь другіе Восточники. И если Ольберы, стоящіе рядомъ, могли такъ называться по имени упоминаемаго въ Лѣтописяхъ Восточника Ольбы-

ря, то почему не заключать, что и въ имени Татранъ—кроется восточное имя ихъ полководца.

в) *Смысленый*. Г. Потебня, выкидывая изъ текста это слово, ограничивается замѣчаніемъ, что оно—позднѣйшая глосса—къ «вѣщьи», но почему это—глосса—умалчиваетъ. Едва ли подобный пріемъ отношенія къ тексту такого памятника, какъ Слово, можетъ быть терпимъ въ наукѣ и для кого-нибудь казаться убѣдительнымъ.

Но г. Потебня не ограничился тѣмъ, чтобы трактовать излишними въ текстѣ отдѣльныя слова. Онъ предлагаетъ трактовать, какъ вставки, цѣлыя предложенія, періоды и даже цѣлыя мѣста памятника.

„*Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіцъ*.

Авторъ «Слова» во вступленіи, какъ выше нами объяснено, изображаетъ съ одной стороны быстрый и широкій полетъ фантазіи Бояна въ его пѣснотворчествѣ и съ другой—его чудную игру на струнахъ, на которыхъ онъ разыгрывалъ свои пѣсни. Ту и другую мысль выразивъ сначала образно, онъ сряду же, въ силу своего стиля, уясняетъ ихъ чертами дѣйствительности. Если Боянъ хотѣлъ кому пѣснь творить, говоритъ онъ, то мысль его носилась бѣлкою по лѣсу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ по поднебесью, и затѣмъ уясняетъ: «вѣдь онъ зналъ междуусобья временъ древнихъ; было гдѣ по широкому пространству временъ и событій носиться его фантазіи. Точно такъ ниже, изобразивъ символически его игру на струнахъ, онъ объясняетъ затъмъ, что 10 соколовъ—это десять перстовъ, а стадо лебедей—это струны, на которыхъ онъ разыгрывалъ свои пѣсни. Г. Потебня нашелъ болѣе стройнымъ ту и другую символическую рѣчь слить во едино безъ перерыва и оставитъ для той и другой *одно* фактическое объясненіе по отношенію къ *струнамъ* и *перстамъ*. Слѣдя не столько за соотношеніемъ мыслей и фактовъ, сколько за внѣшнимъ порядкомъ образовъ, онъ нашелъ, что предложеніе: «онъ зналъ вѣдь, какъ, поскажутъ, междуусобья временъ древнихъ» лишнее; оно нарушаетъ кажущуюся стройность символической рѣчи. Такимъ образомъ онъ предположилъ, что въ первоначальномъ текстѣ не было этого выраженія, раздѣляющаго символическую кар-

тину и оно есть позднѣйшая вставка. Но ради внѣшней стройности, онъ внесъ въ текстъ нестройность логическую, допустивъ для разнородной символической рѣчи — одно фактическое объясненіе въ ущербъ художественному стилю «Слова».

Г-на Потебни спутало здѣсь слово «*тогда*», но еслибы онъ былъ ближе знакомъ съ переводными памятниками древнерусской письменности, онъ зналъ бы, что слово «*тогда*» имѣло иногда совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ какое соединяемъ мы, и что имъ выражалась не только связь съ предъидущимъ, но иногда оно употреблялось для обозначенія новаго порядка мыслей.

„*Братіе и дружино!*
„*Луцежъ бы потяту быти,*
„*Неже полонену быти.*

Г. Потебня, не уяснивъ себѣ творческаго пріема автора и толкуя это мѣсто съ точки зрѣнія историческаго повѣствованія, разсуждаетъ такъ: «Не перешедши еще Дона, Игорь былъ во все не въ такомъ положеніи, когда «уже нѣкамо ся дѣти» и остается на выборъ смерть или плѣнъ. Поэтому можно думать, что здѣсь традиціонное выраженіе «*лучше потяту быти, неудачно* пріурочено къ Игорю для выраженія его рѣшимости» (стр. 17). Но то, что г. Потебни кажется мало умѣстнымъ, въ высшей степени художественно съ точки зрѣнія автора.

Гибель возвѣщенная солнцемъ была неизбѣжна. Но не о томъ думалъ Игорь, чтобы воротиться. Плѣнъ или смерть—вотъ, что рѣшалъ онъ въ эту страшную минуту. Не думаемъ, чтобы можно было сильнѣе и художественнѣе выразить отчаянную его рѣшимость, какъ именно воспользовавшись этимъ, а не другимъ моментомъ.

Спала Князю умъ похоти,
И жалость ему знаменіе заступи,
Искусити Дону Великаго.

Г. Потебня понимаетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что «Встало на умъ князю желаніе отвѣдать Донской воды». Наблюдая надъ со-

отношеніемъ періодовъ, онъ не видитъ здѣсь связи съ предъидущимъ: «выше была рѣчь о солнечномъ затмѣніи, которое было усмотрѣно уже во время самаго похода, а здѣсь, разсуждаетъ онъ, говорится еще только о желаніи князя напиться Донской воды, которое, конечно, должно было возникнуть еще до начала похода (стр. 19). Затрудняясь связать эти періоды, коими въ его глазахъ нарушается хронологическій порядокъ событій, онъ предположилъ, что тутъ двѣ разнородныхъ попытки автора начать свое повѣствованіе. Авторъ сначала началъ разсказъ съ солнечнаго затмѣнія, но потомъ, не окончивъ его, надумалъ повести рѣчь—издалека съ желанія Игоря напиться Донской воды». Не удивительно, что при подобномъ толкѣ и выраженіе: «жалость ему знаменіе заступи», г. Потебни, показалось «маргинальной замѣткой автора, не у мѣста поставленной авторомъ или перепищикомъ» (стр. 19). Нельзя не замѣтить, что наблюдая надъ соотношеніемъ періодовъ, г-ну Потебня не усвоилъ себѣ творческихъ пріемовъ автора и не уяснилъ себѣ глубокаго смысла даннаго мѣста; такъ какъ здѣсь рѣчь не просто только о желаніи Игоря напиться Донской воды.

Стиль «Слова»» между прочимѣ характеризуется тою особенностію, что авторъ то изображаетъ фактъ, то произноситъ о немъ свой судъ; то заставляетъ говорить другихъ, то говоритъ самъ отъ себя.

Охарактиризовавъ въ предъидущихъ періодахъ собственными словами Игоря, его отчаянную рѣшимость, которой не могло сдержать самое небо, авторъ продолжаетъ отъ себя:

„Спала князю умь похоти
„И жалость ему знаменіе заступи
„Искусити Дону Великаго.

Т. е. какъ мы объясняемъ и доказываемъ: [7]

„Въ князѣ умъ охватило
„Геройское рвеніе,
„И знаменія мѣсто въ немъ заступило

---

[7] См. ниже «въ Палеографической критикѣ текста».

„Тосненіе
„Испробовать Великаго Дона.

Связь этого мѣста съ предъидущимъ на нашъ взглядъ оказывается внутреннею и самою глубокою.

Чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти д҃ солнца: а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи, быти грому великому, и ти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти.

По словамъ г. Потебни, здѣсь выраженіе: «*хотятъ прикрыти* д *солнца*», хотя подходитъ къ плану изложенія, т. е. къ такому изображенію наступающей грозы, въ коемъ чертамъ дѣйствительности придается иносказательное значеніе, но прерываетъ грамматическую связь (тучи идутъ,... а въ нихъ.... молніи) и потому кажется позднѣйшею вставкою автора (стр. 42). Итакъ, кажущійся перерывъ грамматической связи является основаніемъ для подозрѣнія здѣсь позднѣйшей вставки. Но еслибы г. Потебня, не ограничившись наблюденіемъ надъ ближайшими періодами, разсматривалъ ихъ въ общемъ построеніи картины боя 2-го дня, то замѣтилъ бы, что во 1-хъ въ символическомъ изображеніи зловѣщихъ знаменій—какъ черныя тучи, такъ и молніи—грозные вѣстники проливнаго дождя и страшнаго грома имѣютъ самостоятельное значеніе: движеніе черныхъ тучъ означаетъ наступленіе поганыхъ ордъ на Русскіе полки; а синіи молніи—вѣстники грома и дождя соотвѣтствуютъ бою, въ которомъ Всеволодъ, словно дождь брызжетъ стрѣлами и словно громъ гремитъ мечами; и во 2-хъ усмотрѣлъ бы, что авторъ, рисуя эти самостоятельные образы, тотчасъ же усняетъ ихъ значеніе чертами дѣйствительности, прежде чѣмъ излагаетъ самыя событія.

Если послѣ указанія на синія молніи совершенно умѣстны объясняющіе выраженія: Тутъ копьямъ ломаться, тутъ саблямъ ударяться, то и послѣ картины «черныя тучи съ моря идутъ» существенно необходимо замѣчаніе: хотятъ прикрыть 4-е солнца; иначе черныя тучи—будутъ непосредственно относиться къ ломанію копей и ударенію саблей, чего не могъ допустить авторъ, какъ художникъ и по-

тому, упомянувъ о движеніи тучъ, замѣтилъ: «хотятъ прикрыть четыре солнца».

Что же касается грамматическаго перерыва между предложеніеми, то этотъ перерывъ далеко не таковъ, чтобы рѣзко бросался въ глаза и указывалъ на необходимость исправленія текста; этого перерыва можетъ доискаться лишь строгій грамматикъ, относящійся къ творческому произведенію, какъ къ упражненію школьника.

Далѣе: весь эпизодъ о боѣ на Нежатиной нивѣ, начиная со словъ: *Тъй бо Олегъ*... и оканчивая словами: *то было... въ ты полки*.... Г. Потебня считаетъ отступленіемъ, нарушающимъ живость изложенія и потому полагаетъ, что это *вставка*, быть можетъ, взятая изъ другаго неизвѣстнаго сочиненія, сдѣланная авторомъ при вторичной редакціи для памяти. При окончательной редакціи она могла быть вновь выкинута (стр. 51). Но съ этимъ никакъ не можетъ согласиться тотъ, кто замѣчаетъ, что авторъ, въ силу своего плана или замышленія, свиваетъ свое время съ временемъ старымъ, и что это *свитіе* проходитъ весь памятникъ отъ начала до конца. Эпизодъ на Нежатиной нивѣ, какъ выше нами объяснено, имѣетъ здѣсь существенное значеніе; онъ стоитъ въ самой тѣсной внутренней связи со всѣмъ послѣдующимъ, указывая не на то только, что бой 3-го дня былъ такой, какого не слыхано, но и на всѣ слѣдовавшія за нимъ бѣдствія, имѣвшія одну сокровенную причину въ той и другой эпохѣ. Если эпизодъ этотъ и кажется отступленіемъ, то потому лишь, что для нашего сознанія порвана живая связь этихъ эпохъ; если уже въ виду кажущихся отступленій, ради живости изложенія, выкидывать это мѣсто, то последовательность требуетъ выкинуть и мѣсто о Владимірѣ Мономахѣ, тѣмъ болѣе, что по собственнымъ словамъ г. Потебни, оно не имѣетъ связи ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ, выкинуть затѣмъ мѣсто о Всеславѣ, которое еще болѣе нарушаетъ живость изложенія, выкинуть наконецъ эпизодъ о Ростиславѣ, приставленный къ бесѣдѣ Игоря съ Донцемъ. Отчего не допустить, что все это позднѣйшія вставки, нарушающія живость изложенія? Нѣтъ нужды, что это значитъ въ конецъ искажать памятникъ, имѣющій своей задачей свивать оба полы сего времени: шагъ по этому пути уже сдѣланъ г. Потебней.

Поискати града Тъмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.

«Авторъ, можетъ быть, не доволенъ выраженіемъ, поискати града Тмутараканя, разсуждаетъ г. Потебня, поставленнымъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ другаго готоваго сочиненія напр. объ Олегѣ Святославичѣ, но не соотвѣтствующимъ цѣли похода Игорева. Поэтому онъ и замѣтилъ: а любо, т. е. или такъ сказать испити... Дону. Переписчикъ внесъ это въ текстъ (стр. 81). Очень ясно и просто, но за то едва ли осторожно. Г. Потебня представляетъ автора компиляторомъ, который неудачно пользовался выраженіями изъ другихъ источниковъ и во всякомъ случаѣ не творцемъ-художникомъ, какимъ онъ является для насъ въ «Словѣ». И поэтъ, геній конечно, пишетъ иногда на поляхъ, но не для того, чтобы пояснить чужіе стихи вставленные въ текстъ своего произведенія. Г. Потебня выраженіе. «*а любо*» переводитъ въ значеніи: ***или такъ сказать***, но оно можетъ означать: ***или по крайней мѣрѣ***. Тмутаракань, какъ извѣстно, принадлежала прежде Россіи и пріобрѣсть ее обратно—было завѣтомъ Кіевской политики; эта цѣль едва ли не соединялась съ каждымъ походомъ къ синему морю.

Тѣмъ естественнѣе было имѣть эту цѣль, по воззрѣнію автора «Слова», птенцамъ гнѣзда Олегова, сидѣвшаго нѣкогда въ Тмутаракани. Но такъ какъ въ дѣйствительности они могли не имѣть въ виду задачи—именно поискать града Тмутараканя, то авторъ и считалъ долгомъ ослабить свою мысль, прибавивъ: ***или по крайней мѣрѣ***—напиться Дону, т. е. совершить славные подвиги, прославиться побѣдой.» Мысли, выраженныя здѣсь, вполнѣ отвѣчаютъ историческимъ даннымъ и потому не представляется ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы появленіе этихъ выраженій въ текстѣ «Слова» объяснять такъ, какъ воображается г. Потебни.

„Аже бы ты былъ, то была бы
„Чага по ногати, а Кощей по рѣзанѣ.

«Это предложеніе, разсуждаетъ г. Потебня, разрываетъ связь между предъидущимъ (ты вѣдь Волгу можешь веслами разбрызгать) и послѣдующимъ (ты вѣдь можешь и по суху стрѣлять живыми метательными орудіями—удалыми сынами Глѣбовыми).

Г. Потебня предъявляетъ къ «Слову» требованія плавной періодической рѣчи, отвѣчающей правиламъ современной грамматики; но еслибы онъ сосредоточилъ свое вниманіе на внутреннемъ смыслѣ выраженныхъ здѣсь фактовъ, то за грамматическою связію предложеній онъ усмотрѣлъ бы внутреннее логическое ихъ соотношеніе.

Ты вѣдь можешь веслами разбрызгать Волгу; и шеломами вычерпать Донъ. Еслибы ты былъ здѣсь, то былъ бы также побѣдоносенъ какъ на Волгѣ, и на Дону плѣнники были бы дешевы какъ тамъ. Да ты и на сушѣ, на степныхъ пространствахъ, можешь стрѣлять живыми перистыми стрѣлами—удалыми сынами Глѣба.

Есть ли здѣсь, спрашивается, такой перерывъ между предложеніями, чтобы необходимо было что либо выкидывать? Вся бѣда значитъ въ томъ, что авторъ не обставилъ грамматически своей мысли такъ, какъ велитъ обставлять ее современная грамматика, правилами коей такъ ревниво руководится при объясненіи «Слова» г. Потебня.

Претръгоста бо своя бръзая комоня.

Быть можетъ, это объясненіе переписчика, замѣчаетъ г, Потебня, къ выраженіямъ: «съскочи съ него вълкъмъ» и «Овлуръ вълкъмъ потече» (стр. 145). Это—*быть можетъ*, позволяетъ ему также поставить это мѣсто въ скобки, или что тоже выкинуть изъ текста. Но вмѣстѣ съ этими выраженіями, онъ вычеркиваетъ изъ «Слова» цѣлый историческій фактъ отмѣченный ими; именно, что Игорь и Лаверъ, загнавъ своихъ коней, шли пѣшкомъ, какъ гласитъ Лѣтопись, 11-ть дней. Въ «Словѣ» выраженъ этотъ фактъ эпически; шли они съ возможною поспѣшностію, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, что тутъ же обозначено выраженіемъ: «труся собою студеную росу».

Которое бо бѣше насиліе
Отъ земли Половецкыи.

По словамъ Потебни—это позднѣйшая глосса или варіантъ (стр. 118), но почему ему такъ кажется—не объясняетъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля
Пѣстворца стараго времени
Ярославля Ольгова Коганя хоти.

Разлагая «и ходыня на *их одына»* и открывая здѣсь: *имр*. т.-е. имя рекъ одина, г. Потебня прибавляетъ: «я разсматриваю это мѣсто какъ глоссу къ Боянъ.» Что г. Потебня можетъ строить подобный комментарій, это понятно, но почему онъ видитъ здѣсь глоссу, остается неизвѣстнымъ. Изъ того, что это мѣсто палеографически неисправно, равно какъ и изъ того, что мы понять его затрудняемся, далеко не слѣдуетъ, что это непремѣнно глосса.

Послѣ всего сказаннаго уже не могутъ удивлять слѣдующія мнѣнія и пріемы г. Потебни въ отношеніи дошедшаго до насъ текста:

Почнемъ же повѣсть сію отъ стараго
Владиміра до нынѣшняго Игоря........
...... на землю Половецкую, за землю
Русскую

Здѣсь нѣкоторые предполагаютъ пропускъ, замѣчаетъ Потебня, но это можетъ быть перерывъ въ мысли автора, намѣреніе коего начать отъ стараго Владиміра, такъ и осталась не исполненнымъ (стр. 15).

Комонь.......................................

«*Комонь* я предпочелъ, говоритъ онъ, постановить особо, предполагая, что это недоразвитая замѣтка автора для памяти (стр. 140). Написавъ слово «*комонь*» авторъ что-то хотѣлъ написать, но такъ и не докончилъ.

Такимъ образомъ, по воззрѣнію г. Потебни авторъ «Слова», то думалъ и не додумывалъ, то писалъ и не дописывалъ.

Позволительно однако сомнѣваться, чтобы подобнымъ образомъ создовалось такое художественное твореніе какъ «Слово». И если наша ученая мысль бываетъ иногда скудна струею, подобно поганской Стугнѣ, то едва ли такова была творческая мысль автора «Слова», бьющая ключемъ во всемъ памятникѣ отъ начала до конца.

Итакъ, на нашъ взглядъ, скептицизмъ г. Потебни по отношенію къ дошедшему до насъ тексту не имѣетъ для себя ни малѣйшихъ осно-

ваній—въ самомъ «Словѣ» и снуется лишь на его личныхъ недоразумѣніяхъ.

Нельзя не пожалѣть, что достопочтенный ученый, такъ много сдѣлавшій для уясненія его отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ въ аналогіяхъ народнаго пѣснотворчества—уклонился отъ строго-научнаго пути и сталъ на такую зыбкую и опасную почву, въ отношеніи изученія его текста, которая ведетъ лишь къ произвольнымъ гаданіямъ.

Но всего прискорбнѣе, что скептицизмъ г. Потебни уже успѣлъ пустить свои корни въ литературѣ «Слова» и мы дождались такихъ изданій его текста, которыя искажаютъ памятникъ въ самомъ его основаніи.

Мы говоримъ объ изданіяхъ г. Прозоровскаго и Андреевскаго.

2. Отношеніе къ тексту „Слова" г-на Прозоровскаго.

Выше мы объяснили [1], что «та часть «Слова» которая почерпнута изъ «Старыхъ Словесъ», будучи разобрана по разнымъ мѣстамъ сочиненія, показалась г-ну Прозоровскому чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ, а между тѣмъ по духу изложенія видно, что она принадлежитъ къ составу «Слова». Поэтому онъ «постарался привесть ее въ надлежащій порядокъ», т.-е. всѣ мѣста, относящіяся къ старой Бояновской эпохѣ соединилъ воедино и поставилъ въ самомъ началѣ предъ повѣствованіемъ о походѣ Игоря. Находя, что подобнымъ образомъ составленная 1-я часть «Слова» не будетъ казаться уже чѣмъ-то въ отношеніи къ нему постороннимъ—онъ разрушилъ тѣмъ основную форму произведенія, указанную самимъ авторомъ именно—*свитіе* словесъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ то требовалось его творческою мыслію, проходящее весь памятникъ отъ начала до конца. Съ точки зрѣнія нынѣшняго повѣствованія, конечно, складнѣе и понятнѣе разсказать сначала все о времени старомъ, а потомъ уже перейти къ разсказамъ о времени новомъ. Но такой способъ не обязателенъ для всѣхъ временъ и уже потому, что подобное «свитіе» Старыхъ Словесъ—представляется для нашего времени чѣмъ-то постороннимъ—должно оставаться не прикосновен-

[1] См. Ч. I. стр. 158—160.

нымъ, вводя насъ въ творческій міръ эпическихъ поколѣній и знакомя насъ съ своеобразными направленіями двухъ древнѣйшихъ Русскихъ литературныхъ эпохъ.

Но г. Прозоровскій, не ограничился приведеніемъ въ порядокъ Старыхъ Словесъ, разбросанныхъ по разнымъ частямъ сочиненія. «Эта часть, говоритъ онъ, сама въ себѣ спутана перестановками нѣкоторыхъ мѣстъ ея.» Любопытенъ процессъ, которымъ дошелъ онъ до этой мысли и распутывалъ эти спутанныя мѣста.

Въ Пушкинскомъ текстѣ, между прочимъ, читается слѣдующее мѣсто.

Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Справедливо оставаясь недовольнымъ всѣми предшествовшими толкованіями этого не совсѣмъ яснаго мѣста, г. Прозоровскій, какъ историкъ—археологъ, рѣшился подыскать для него историческое объясненіе. Не допуская въ написаніи *Ярославь* вм. Ярославль и *Всеволожь* вм. Всеволодъ палеографической ошибки, онъ обратилъ вниманіе на Ярослава Всеволодовича, современника похода Игорева, брата великаго князя Святослава, упомянутаго въ поэмѣ и представилъ, что въ данномъ мѣстѣ будто бы даже «безъ всякаго сомнѣнья», разумѣется никто другой, а именно этотъ Ярославь, сынъ Всеволожъ, князь Черниговскій. Далѣе точно также онъ не находитъ возможнымъ въ имени Владиміра усматривать здѣсь Мономаха, котораго едва ли можно укорить въ равнодушіи къ Олегу, такъ какъ онъ сидѣлъ въ Черниговѣ съ 1078 года по волѣ отца и дѣйствовалъ не самостоятельно; по этому-де «закладывалъ уши кто нибудь другой изъ Черниговскихъ князей, болѣе самостоятельный, чѣмъ Мономахъ». Отыскивая на его мѣсто другаго князя, онъ остановился на Владимірѣ Давидовичѣ, единственномъ Владимірѣ послѣ Мономаха изъ числа князей Черниговскихъ. Но такъ какъ ни тотъ, ни другой, изъ подысканныхъ князей, являлись не у мѣста въ разсказѣ о боѣ на Нежатиной нивѣ, то для г. Прозоровскаго оставалось лишь одно объясненіе: они попали сюда, благодаря безграмотнымъ преписчикамъ или переплетчикамъ; въ первоначальномъ неиспорченномъ текстѣ они должны были стоять на другомъ мѣстѣ. Отыскивая это подобающее мѣсто, г. Прозоровскій замѣтилъ, что въ разсказѣ о Все-

славѣ говорится о колокольномъ звонѣ въ Полоцкѣ, который Всеславъ слышалъ въ Кіевѣ. Здѣсь, должно быть, и стояло разбираемое мѣсто, въ которомъ тоже говорится о звонѣ, и потомъ неизвѣстно уже какими путями пріурочено было къ Олегу». Такимъ образомъ слово «звонъ» встрѣчающееся въ двухъ мѣстахъ, хотя и въ разныхъ значеніяхъ, дало поводъ г. Прозоровскому пріурочить упомянутыхъ князей къ разсказу о Всеславѣ и сдѣлать соотвѣтствующую тому перестановку въ Пушкинскомъ текстѣ.

Но и при такой передѣлкѣ текста—темное мѣсто не получило желанной и искомой ясности. «Примѣненіе къ Ярославу, давнишняго Полоцкаго и будто бы даже укорительнаго звона, по объясненію Прозоровскаго, означаетъ укоръ, либо намекаетъ на какой нибудь случай изъ его жизни, казавшійся его современникамъ, похожимъ на какой нибудь случай изъ жизни Всеслава». Такою же неопредѣленностію отличается и объясненіе «закладанія ушей» новымъ Владиміромъ. Оказывается, что этотъ Владиміръ Давидовичъ помогалъ Всеволоду Ольговичу добыть Кіевъ и потомъ, отступившись отъ Ольговичей, держалъ сторону Всеволода, женился на Всеволодовнѣ, изъявлялъ покорность Юрію Владиміровичу и потерялъ жизнь, помогая послѣднему. Это-то равнодушіе его къ преданіямъ рода Ольговичей и есть затыканіе ушей противъ давнишняго Полоцкаго звона, отозвавшагося нѣкогда на Кіевскую смуту; тутъ—будто бы ощутительный намекъ на княженіе Юрія въ Кіевѣ. Но то и другое объясненіе и «слышанія звона и закладанія ушей», очевидно, оказываются болѣе искуственными и болѣе натянутыми, чѣмъ толкованія всѣхъ предшествовавшихъ комментаторовъ. Ради подобныхъ объясненій мы никакъ не можемъ жертвовать дошедшимъ до насъ текстомъ и мириться съ подобными перестановками.

Впрочемъ самъ г. Прозоровскій, отрывая указанія на Ярослава и Владиміра отъ своего мѣста и приставляя ихъ къ Полоцкому звону замѣтилъ, что подобная приставка, получая внѣшнюю связь съ предъидущимъ, не вяжется съ послѣдующимъ и ставитъ особнякомъ дальнѣйшія предложенія: *аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое смысленый рече: ни хытру, ни горазду суда Божіа не минути.* Но это ни мало не стѣснило г. Про-

зоровскаго и повело его лишь къ новой перестановкѣ: онъ сталъ отыскивать то мѣсто въ поэмѣ, куда бы можно было перенесть оказывавшіяся особнякомъ указанныя предложенія. И вотъ онъ разсуждаетъ: «вѣщая душа должна быть въ душѣ такого лица, которое подверглось суду Божію; на конечную же судьбу Всеслава въ поэмѣ не указывается, между тѣмъ о Борисѣ Вячеславичѣ поэма прямо говоритъ, что его «слава на судъ приведе». Поэтому, заключаетъ онъ, выше отмѣченныя предложенія относятся къ Борису Вячеславичу. По видимому, она дополняетъ сказаніе о Борисовой смерти, почему удобнымъ представляется перенести ее къ этому сказанію. Чрезъ такую перестановку все начало поэмы будто бы значительно выигрываетъ, пополняясь кстати сказанною замѣткою». [1]

Но руководясь при своей перестановкѣ сходствомъ выраженія «судъ» встрѣчающагося въ сказаніи о Всеславѣ и сказаніи о Борисѣ—г. Прозоровскій не замѣтилъ разности ихъ нравственныхъ обликовъ и въ предложеніяхъ, обращая вниманіе на сходство сказуемыхъ и дополненій, опустилъ изъ виду разность подлежащихъ. Отнявъ своей перестановкой отъ Всеслава *вѣщую душу*, которую рисуютъ намъ не только «Слово», но и Лѣтопись, онъ усвоилъ ее Борису Вячеславичу, вѣщихъ дѣлъ котораго не знаетъ исторія. Слава или похвальба Бориса не имѣетъ ничего общаго съ вѣщею душею.

Есть въ «Словѣ» еще два мѣста, будто бы требующія, по мнѣнію г. Прозоровскаго, также перестановки. Въ Пушкинскомъ текстѣ по отношенію къ Роману Волынскому читаемъ: «*высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти*», слова весьма выразительныя для характеристики Романа извѣстнаго въ исторіи своими широкими политическими замыслами. Не такъ понялъ ихъ г. Прозоровскій. «Не къ Роману и Мстиславу или къ другому кому изъ удѣльныхъ князей, говоритъ онъ, а развѣ только къ Всеволоду, великому князю Суздальскому отнссятся эти слова. [2]

Почему это онѣ относятся именно къ нему, г. Прозоровскій не

[1] Стр. 11—12.
[2] Стр. 12.

объясняетъ, но мы зная, что Суздальскій Всеволодъ былъ князь практическій, положительный, хозяинъ сѣверной крестьянской Руси, находимъ вышеуказанныя слова въ отношеніи къ нему наименѣе всего умѣстными и поэтому подобную перестановку считаемъ болѣе произвольною, чѣмъ основательною.

Далѣе, послѣ похвалы оружію Романа и Мстислава въ Пушкинскомъ текстѣ читаетъ: «*Нъ уже княже Игорю, утрпе солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; А Игорева храбраго плъку, не крѣсити.* «По духу изложенія, разсуждаетъ г. Прозоровскій, вставка эта будто бы подходитъ къ тому мѣсту поэмы, гдѣ описывается впечатлѣніе, произведенное слухомъ о гибели Игорева ополченія. Въ началѣ этого мѣста находится тоже печальное причитаніе. *А Игорова храбраго плъку не крѣсити.* Весьма прилично будто бы и окончить это мѣсто тѣмъ же причитаніемъ. [1] «Если для подобныхъ перестановокъ признать достаточнымъ «духъ изложенія» усматриваемый комментаторомъ, то указъ уже не писанъ, гдѣ положить конецъ подобнымъ перестановкамъ. По нашему мнѣнію «духъ изложенія» наименѣе всего позволяетъ указаннымъ словамъ стоять послѣ плача женъ друженниковъ, куда переставилъ ихъ г. Прозоровскій.

Такимъ образомъ Пушкинскій текстъ «Слова» въ изданіи г. Прозоровскаго принялъ слѣдующій видъ:

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславлича. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе и на капину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды стра-

---

[1] Стр. 12.

даше. Тому вѣщій Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути». Съ тоя же капины Святополкъ полелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святой Софіи къ Кіеву.—Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами: погибашеть жизнь Даждьбожа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ рати и въ ты плъкы. А сицевои рати не слышано.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ. Утрѣ же воззни стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотять чѣпы харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу изъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не болотомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.—Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у святыя Соѳеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволожь. А Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

Уже бо Сула не течетъ сребряными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовьскыми мечи. И схоти ю на кровать и рекъ: «дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелье. Уны-

лы голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городеньскіи: «Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени! Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ: вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю Русскую, на жизнь Всеславлю». Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!

О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давыдовы. Нъ роги нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты . . . .

Жены Рускія въсплакашась, аркучи: «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни малю того потрепати».—Нъ уже князю Игорю утръпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомь листвіе срони. По Рси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити.

Великый княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы роскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду! [1]»

Отъ сдѣланныхъ перестановокъ, по словамъ г. Прозоровскаго, выигрываетъ не только внѣшній складъ «Слова», но и его внутренняя сторона, не имѣвшая прежде нравственной цѣльности: теченіе мыслей становится логически послѣдовательнымъ, поэтическія вдохновенія перестаютъ быть миражемъ, а общій идеалъ поэмы представляется во всей своей полнотѣ и цѣльности». Такъ кажется самому г. Прозоровскому. Но одно при этомъ несомнѣнно: перестановки его не оправдываются достаточными основаніями и разрушаютъ основ-

[1] Считаемъ нужнымъ замѣтить, что текстъ «Слова» изданъ г. Прозоровскимъ съ большими ошибками противъ перваго изданія, такъ напримѣръ онъ печатаетъ *вѣщій* вм. *вѣщей*; *Божія* вм. *Божіа* *изъ* тѣла вм. *отъ* тѣла и т. п.

ную форму — *свитіе* Старыхъ Словесъ съ новыми былями тамъ, гдѣ то требовалось творческою мыслію автора. Самъ г. Прозоровскій, рѣшившійся всѣ словеса о старомъ времени соединить во едино и поставить предъ началомъ разсказа о самомъ походѣ Игоря, не нашелъ возможнымъ довесть до конца своей задачи и старое сказаніе о Ростиславѣ не могъ оторвать отъ бесѣды Игоря съ Донцемъ и долженъ былъ оставить тамъ, гдѣ стоитъ оно въ Пушкинскомъ текстѣ.

Съ другой стороны—подысканныхъ имъ Черниговскихъ князей XII вѣка Ярослава и Владиміра Давыдовича, современниковъ Игоря, вынужденъ былъ приставить къ сказанію о Всеславѣ, т.-е. къ эпохѣ XI вѣка. Это всего лучше доказываетъ, что планъ «Слова» совсѣмъ не тотъ, какой придалъ ему г. Прозоровскій. Авторъ поэмы совсѣмъ не имѣлъ въ виду толковать сначала о старомъ времени, а потомъ перейти къ разсказамъ о времени новомъ, какъ было бы стройнѣе и логичнѣе, по мнѣнію г. Прозоровскаго, а лишь свивалъ эти сказанія, гдѣ то требовалось его творческою мыслію.

При болѣе подробномъ пересмотрѣ «Слова», замѣчаетъ г. Прозоровскій, нашлись бы можетъ быть и другія мѣста требующія перестановки; но я предоставляю другимъ изслѣдователямъ окончательное возстановленіе «Слова».

3. Отношеніе къ тексту г. Андреевскаго и образецъ его передѣлокъ.

Но если г. Прозоровскій не рѣшился слишкомъ много дѣлать перестановокъ и предоставилъ другимъ изслѣдователямъ возстановленіе «Слова», то г. Андреевскій, не зная уже никакой мѣры и удержу, задался задачей совершить «окончательное возстановленіе «Слова» въ томъ же направленіи».

Выше мы указали какъ побужденіе, такъ и пріемы, которыми онъ руководился въ этой работѣ. Здѣсь же мы позволяемъ себѣ представить пространный образецъ возстановленнаго имъ текста, чтобы читатель могъ видѣть, къ чему ведетъ путь проложенный воззрѣніемъ на «Слово» г-на Потебни.

*(У)*не*(и)лѣп*ͤ*и* ны б*(уд)*яшеть братіе, начати *(пѣснь отъ нынѣшнихъ)* повѣстій,
(а не) старыми словеси *(бояни)*,
пѣͨ*творца* стараго времени *трояня*, ярославля
(и) ольгова, *сына* святъславля.
Начати же ся тъй пѣсни
(по дѣломъ и) по былинамъ сего времени,
а не по замышленію бояню, (*горазднa гудца въ киевѣ).*
Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснѣ творити,
то растекашется *помысло*ͫ
(бѣсымъ горностаемъ) по древу,
сѣрымъ волкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облаќы.
Тогда пущашеть ї *(не)*трудныхъ соколовъ
на стадо лебедей:
который преди дотечаше, та живая *пѣ*ͨ пояше.
Боянъ же, братіе, не ї *(не)*трудныхъ соколовъ
на стадо лебедей пущаше,
нъ своя *(горазныя)* пръсты
на *(златыя?)* вѣщіа струны въскладаше;
они же сами славу рокотаху
старымъ княземь, а потомъ—молодымъ:
старому ярославу, храброму мстиславу,
иже зарѣза редедю предъ полки косожьскыми,
красному романови святъславличю.
Почнемъ же, братіе, повѣсть сію
(не) отъ стараго владимера оͭ нынѣшняго игоря,
иже, *встягну*ͮ *умъ*ͫ
и *поостри*ͮ сердца своего мужествомъ
(и) наполнився ратнаго духа,
на землю половецькую за землю руськую.

О бояне, соловію старого времени!
Абы ты сіа полкы ущекоталъ,
извива[а] *ся бы* (?) сего времени!
Скача *помысло*[м] (*горностаемъ) по* древу,
летая *орломъ* подъ облакы,
рища (*волкомъ по земли*), въ тропу трояню,
въспѣти было, вѣщей бояне, велесовъ внуче,
тъ[с] игореви, храброму святъславличю,
(*словy)того* (?) ольга внуку:

„Стоятъ стязи за *сол*[н]*ою,* конець поля половецкого:
чрълень стягъ, чръвлена хорюговь,
зъла[т] чолка, сребрено строужіе;
комони ржутъ *въ путивлѣ* (?);
игорь ждетъ *(изъ)* курьска мила брата всеволода.
И *ре*[ч] ему буй туръ всеволодъ:
„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, игорю:
оба есвѣ святъславличя!
Сѣдлай, брате бръзыи комони,
а мои ти готови—осѣдлани,—у *на*[ю]*переди,*
а мои ти куряни свѣдоми къмети:
подъ трубами (?) повити, *по се*[д]*ломъ* възлѣлѣяни,
конець *котла* въскръмлени;
(*на*) *пути (?) (хлъми)* имъ вѣдоми, яругы имь знаеми".

Тогда игорь възрѣ на вся своя воя
и *(не)*видѣ *отъ него (?)* тьмою *прикрыты (?)*
и ре игорь къ дружинѣ своей:
„А всядемъ, братіе, на своя бръзыя комони
да позримъ синего дону!
Хощу бо, рече, съ вами, русици, главу свою приложити,

а любо испити шеломомь дону!“
Тогда въступи игорь князь въ златъ стремень
и поѣха по чистому полю.
Нощь, *стану'ши* тьмою, ему путь заступаше,
грозою птичь убуди*(ся)* свистъ,
звѣринъ въста *звѣ'дь* по яругамъ.
Опала копіе приломити князю умъ *похапи*,
и жалость искусити дону великаго
солнце ему знаменіе заступи.
Игорь къ дону вои ведетъ.
О руская земле, уже за шоломянемъ еси!

Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань:
луци у нихъ напряжени, тули отворени,
стрѣлы изъострени.
С' заранія въ *пя'къ* потопташа
поганыя *великыя* полки половецкыя,
звонячи въ прадѣднюю славу.
Кликну земля, *въсу'ну* море, въшумѣ трава:
вежи *(в)*ся половецкіи подвизашася;
крычатъ телѣгы, рци лебеди *стадъ* роспущени.
(Ци) не буря галици занесе чрезъ поля широкая,
чили *соколы* (?) бѣжать къ дону великому?
Половци неготовами дорогами
побѣгоша къ дону великому,
а храбріи русици *(широкая)* поля преградиша
и рассоуша' стрѣлами по полю
и помчаша на чръленыя щиты
красныя дѣвкы половецкыя,
а съ ними злато *(и сребро)* и паволокы

и драгыя оксамиты *(съ) орѣнъ*ы[б]*лами*
и всякыми узорочьи половецкыми,
а япончицами и кожухы
и тъщими *тѣлы* поганыхъ тлъковинъ
начаша мосты мостити по (*потокомъ*
и) болотомъ и грязивымъ мѣстомъ.

О далече зайде соколъ на своею нетрудною крилцю, птиць бья *м*[н]*орю*!

Долго свѣтъ мрькнетъ,
зарь *мьгла*[х] запала, ночь поля покрыла,
щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди*(ся)*.
Дремлеть въ полѣ полуноцы
ольгово хороброе гнѣздо;
*(не)*далече бѣды залѣтѣло;
уже бо его пасеть птиць,
сэ[ш] *оби*[н]*о* волци *гроз*[н]*о* *въсо*[р]*жать*.

Другаго дни, велми рано,
се вѣтри, стрибожи внуци, вѣютъ съ моря,
черныя туча свѣтъ *поспѣвають*,
(изъ нихъ же) идуть кровавыя зори,
а въ нихъ трепещуть *си*[ʻ]*ніи* молніи:
быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ дону великого
на храбрыя полки игоревы;
(ту ся стрѣламъ...), ту ся копіемъ приламати,
ту ся *мечемъ* потручати о шеломы половецкыя
въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецкыи.

Половци идутъ отъ дона *и отъ моря (?)*

и отъ всѣхъ странъ рускыя полки *ос^т^упиша:*
(море) тоутнетъ грознымъ кликомъ поганыхъ,
земля *о^т^язи глагощетъ*
рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ,
хотять прикрыти тъмою д̃ солнца.
Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта
летять стрелы каленыя, трещать копіа,
гримлють о шеломы *мечи* харалужныя.

Яръ туре всеволоде!
(*Немало ти величія*):
стоиши *бо на^к^рои,*
прыщеши на вои стрелами калеными,
(. . . . . . *копіи*),
гремлеши о шеломы мечи харалоужными,
своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
кая *р^з^аны братни,*
*забывъ^т^ чи^к^* дорога живота и отня злата стола
и сво(*е*)я милыя хоти, красныя глѣбовны;
свѣчая и обычая (*и река*): „Братіе и дружино!
„*Луце сьде бы^т^* потяту, неже полонену!“
Не *твои* ли храбрая дружина *рьваютъ,* аки тури,
*о^т^* тебе, яръ туре всеволоде!
Камо туръ поскачаше,
(*тамо*) черна земля *ископытъми*
костьми была посѣяна, а кровію польяна;
тамо лежать поскепаны
поганыя головы половецкыя;
(*тамо?*) орли клектомъ на кости звѣри зовутъ,
лисици брешутъ.

Что ми шумить, что ми звенить рано, предъ зорями?
Игорь *полкы (из)даве"я"* заворочаеть,
(а) дѣти бѣсови *(съ)* кликомъ поля прегородиша,
а самого опуташа въ путины желѣзны;
жаль *бѣ* ему мила брата всеволода.
Бишася день, *биша*ᶜ другый
третьяго дни, *по"луднію*, падоша стязи игоревы
на рѣцѣ на каялѣ, у дону великого.
Темно бѣ г̄ день:
два бо солнца померкоста,
оба багряная стлъпа погасоста
на брезѣ синему морю
и въ *(сине)* морѣ погрузиста(*ся*),
и (*два*) молодая мѣсяца: (*Игоревичь Владиміръ*
и) *Олеговичь* Святъславъ,
синимъ (*моремъ*) ся поволокоста.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой каялы,
ту кроваваго вина не доста, ту *гос*ᵐ *изыдоша*,
ту пиръ докончаша храбріи русичи:
сваты (*горазно*) попоиша
а сами подъ чрълеными щиты, на кровавѣ травѣ
полегоша за землю рускую.

(*Не*) трубы трубятъ—
ярославна рано плачетъ въ новѣградѣ, на *заградьи*,
а ркучи: „О вѣтрѣ *вѣтри"ю*!
Мало ли ти бяшеть *го"ю"дъ* облакы, вѣяти:
чему, господине, *носилъ на сѣ*ᵇ *еси*
хиновьскыя стрѣлкы на моея лады вои;
чему, господине, *с ногу лютѣ* мычючи,
яко былію тое веселіе развѣя (*я*)!“

„(*О*) свѣтлое и тресвѣтлое солнце!
Всѣмъ тепло и красно еси въ пламянѣ *ротъ*!
чему, господине, простре (*съ горы*) горячюю свою лучю
на (*моги*) ладѣ вои;
(*чему, господине,*) въ полѣ безводнѣ
жаждею *имь* (?) (*мучачи*),
*т*ᶜ*угою* имъ (*рукы*) съпряже (*уста*) затче,
(*очи съ*)лучи (*и уши съ*)тули!"
Жены рускыя (*рано*) *въсплакашаᶜ*
(*нову городу на загородьи*), а ркучи:
„Уже намь своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити
ни думою сдумати, ни *сэчима* съглядати,
а *игореви* храброго полку не кресити!"

О днепре (*днеприцю, словуто*) словутицю!
(*Не мало ти величія*):
ты *пот*ᵛ*илъ* еси каменныя *г*ᵒ*оры*,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ;
ты лелѣялъ еси на себѣ святославли *насады*
сквозѣ землю половецкую, до *луку* кобякова.
Ту греци и венедици, ту нѣмци готьскыя и морава
поютъ славу *святъславу*,
(*иже*) наступи (*съ*) своими сильными полкы
на землю половецкую,
притопта хлъми и яругы,
в'змути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота,
каютъ князя игоря,
иже погроуѕи жиръ *въстнѣ* каялы, рѣкы половецкыя,
рускаго *зла*ᵏ *насыти*ᵉ*ша*ᶜ,
(*яко?*) рѣка стугна,
(*иже*) уношу князю ростиславу *затбо*ᵛ*и*ᵈ.

(*Не*) *ко*^{к}*шꙗ* рано кычеть—
плачется мати ростиславля
по уноши князи ростиславѣ:
„*Нетаколи* (?), рече, худу (*свою*) старую имѣя(*ше*):
(*чему*), пожръши чужи *ручьи*^{ш}*и* струги,
ростре́н^{е}*а* усту *прѣ*^{с}*темнѣ* днѣ!“
Уныша цвѣты жалобою,
а древо *с*^{т}*угою* къ земли *преклонило*^{с}*ꙗ*.

Были вѣчи трояни, минула лѣта ярославля,
были *во*^{р}*цы* олговы, ольга святъславлича.
Той бо олегъ (*в*)*ступае*^{ш}*тъ* въ златъ стремень
въ градѣ тьмутороканѣ,
(*хотя*) поискати града чернигова, отня стола злата,
(*копіемь) копаше* и стрѣлы по земли сѣяше,
а владиміръ, *во*^{н}*укъ ярославль*, сынъ всеволожъ,
сэ^{т}*я*^{е}*ура*^{т}, *уц*^{а}*ги* мечемь *завла*^{н}*ше* въ черниговѣ.
Бориса же вячеславлича
слава на судъ приведе за обиду олгову
и на березѣ *ка*^{з}*ниноу* храбра и млада князя,
ꙗко^{с}*лому* зелену, постла.
Съ тоя же каялы святополкъ повелѣя отца своего
междю угорьскими иноходьцы
ко святѣй софіи, къ кіеву.
То было въ ты рати и въ ты полки (*и въ ты*) усобіцѣ;
помя^{н}*шетъ* бо(*янъ*) речь первыхъ временъ:
„ни хытру клюкачи, ни горазду *смысленыи*
суда божіа не минути!“,
а сицеи рати не слышано:
ту (?) бо игорь князь высѣде изъ *сѣ*^{д}*ла* злата,
а *въсѣ*^{д}*ло* кощіево.
Уныша г(*олоси*), а веселіе пониче.

Спрашивается, читая подобный текстъ, можно ли подумать, что имѣешь дѣло съ тѣмъ высоко-поэтическимъ и художественнымъ твореніемъ, которое называется «Словомъ о полку Игоревѣ». При подобномъ направленіи дальнѣйшихъ надъ нимъ работъ, литературѣ его грозитъ опасность переполниться такимъ мусоромъ, котораго не въ силахъ будетъ расчистить ни одинъ изслѣдователь.

III.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КРИТИКА ТЕКСТА „СЛОВА“.

Неисправныя и темныя мѣста въ «Словѣ». Значеніе для нихъ критики исторической, филологической и эстетической. Сравнительная Палеографія, какъ вѣрнѣйшій путь къ ихъ возстановленію и уясненію. Условія описокъ и ошибокъ, свойственныхъ рукописямъ XVI вѣка. Пушкинскій списокъ, относясь къ тому же типу рукописей, не чуждъ тѣхъ же ошибокъ. Новый опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ мѣстъ «Слова» въ связи съ толкованіями предшествующихъ комментаторовъ.

Утверждая, что «Слово» дошло до насъ чрезъ рядъ вѣковъ въ удивительной цѣлости и чистотѣ, мы, конечно, не думаемъ утверждать, что въ его текстѣ нѣтъ никакихъ темныхъ и неисправныхъ мѣстъ. Напротивъ, Пушкинскій оригиналъ «Слова», какъ мы выше доказали, былъ спискомъ, не восходившимъ по своей древности ранѣе XVI вѣка и потому, естественно, онъ долженъ былъ отразить въ себѣ разнообразные слѣды и особенности рукописей этой эпохи, часто наполненныхъ такими же ошибками.

Съ другой стороны, первые издатели, какъ выше также нами доказано, не настолько были опытны въ чтеніи рукописей этого времени, чтобы при всемъ своемъ добросовѣстномъ отношеніи къ оригиналу, могли въ букву передать намъ его текстъ—и не сдѣлать ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ даже въ позднѣйшихъ ученыхъ изданіяхъ древне-русской письменности.

Но всѣ эти темныя и неисправныя мѣста, всѣ эти ошибки писцевъ и издателей, говоримъ, не таковы, чтобы критика не могла разглядѣть ихъ и возстановить подлинное ихъ чтеніе. Мы твердо убѣж-

дены, что рано или поздно процессъ этихъ ошибокъ сдѣлается яснымъ и текстъ «Слова» не будетъ возбуждать ни малѣйшихъ недоумѣній. Во всякомъ случаѣ литература «Слова», такъ много уяснившая для насъ такого, что нашимъ предшественникамъ казалось темнымъ, поддерживаетъ надежду, что и дальнѣйшая его разработка пойдетъ впередъ съ тѣмъ же успѣхомъ, если только она будетъ держаться на строго научной почвѣ.

Первые издатели, какъ мы уже говорили, главнымъ образомъ погрѣшили тѣмъ, что не сохранили для насъ графическихъ особенностей рукописи, служившей оригиналомъ при изданіи «Слова», но осуждать ихъ за то, значитъ забывать движеніе науки впередъ, равно какъ и то, что мы не знаемъ, какія требованія предъявитъ наука впослѣдствіи къ нашимъ собственнымъ изданіямъ.

Едва ли также справедливо при встрѣчѣ съ неисправнымъ чтеніемъ того или другаго мѣста выражаться такъ, какъ принято современною ученостію: это *искажено*, это *извращено* невѣжественнымъ переписчикомъ. Вглядываясь въ эти ошибки невольно приходишь къ убѣжденію, что онѣ часто отнюдь не *искаженіе*, не намѣренное *извращеніе* текста, но очень обычныя описки, вызывавшіяся переходными эпохами древне-русскаго письма; а нѣкоторыя изъ нихъ даже таковы, что встрѣчаются не у древнихъ только писцевъ, которыхъ такъ охотно величаютъ *невѣжами*, но и у современныхъ ученыхъ издателей и изслѣдователей, магистровъ и докторовъ Русской Словесности. [1]

При уясненіи темныхъ и возстановленіи неисправныхъ мѣстъ «Слова», могутъ и должны имѣть мѣсто:

1. *Критика историческая.* Если предполагаемое и предлагаемое чтеніе противорѣчитъ историческому факту, то въ силу этого самого противорѣчія оно принято быть не можетъ. Критика эта имѣла свое значеніе въ литературѣ «Слова». Такъ напримѣръ весьма основательно доказано, что тамъ гдѣ рѣчь идетъ о Ярополкѣ, павшемъ на

[1] Мы можемъ указать, если то потребуется, множество самыхъ поучительныхъ подобныхъ ошибокъ даже въ самыхъ новѣйшихъ ученыхъ произведеніяхъ, ошибокъ болѣе грубыхъ, чѣмъ какія встрѣчаемъ въ дошедшемъ до насъ спискѣ «Слова».

Нежатиной нивѣ и привезенномъ для погребенія въ Кіевъ—нельзя разумѣть язычника Тугоркана тестя Святополкова и переставлять въ текстѣ слова «*отца*» на «*иьтя*», т. е. тестя.

2. *Критика филологическая.* Какъ скоро догадка предлагаетъ формы такого чтенія, кои противорѣчатъ этимологіи древне-русскаго языка или же не оправдываются филологическими законами, то она также принята быть не можетъ. Въ литературѣ «Слова» критика эта имѣла полную свою силу. Наука усмотрѣла подлинное чтеніе и особенности языка XII вѣка тамъ, гдѣ старые комментаторы и скептики видѣли грамматическія ошибки и неправильности Въ этомъ фактѣ всего разительнѣе сказалось торжество науки надъ старымъ скептизмомъ, подозрѣвавшимъ въ этомъ твореніи поддѣлку XVIII вѣка.

3. *Критика эстетическая.* Если предлагаемое исправленіе отзывается явною натяжкою и вноситъ въ текстъ бьющій въ глаза разладъ съ стоящими рядомъ художественными образцами и очертаніями, то подобное исправленіе принято быть не можетъ. Критика эта наименѣе всего имѣла свое примѣненіе въ литературѣ «*Слова*». Недостаточное пониманіе символовъ и образовъ, равно какъ и теченія творческихъ мыслей—приводитъ къ самымъ уродливымъ чтеніямъ и толкованіямъ текста. Въ настоящее время появились такіе изслѣдователи, которые, ни мало не стѣсняясь, самыя классическія мѣста прямо называютъ *безсмыслицей.* Такимъ комментаторамъ прежде всего не мѣшало бы подумать о томъ, достаетъ ли у нихъ самихъ смысла настолько, чтобы рѣшаться на оцѣнку художественныхъ образцовъ этого классичесскаго творенія.

4. Но главнымъ руководящимъ началомъ на этомъ пути должна быть *критика палеографическая.* Зная эпоху Пушкинской рукописи, мы смѣло можемъ сравнивать ее съ типомъ рукописей той же эпохи и дѣлать соотвѣтствующія аналогіи ошибокъ и чрезъ то доискиваться подлиннаго чтенія. Сравнительная Палеографія далеко еще не получила того значенія въ литературѣ «*Слова*», какое принадлежитъ именно ей одной при уясненіи темныхъ и возстановленіи неисправныхъ мѣстъ «Слова».

Древнія уставныя рукописи отличаются наибольшею исправностію. Самое писаніе было тогда священнодѣйствіемъ, направленнымъ

къ спасенію души. Крупный уставъ самъ по себѣ давалъ мало поводовъ къ невѣрному чтенію. Но въ харатейныхъ рукописяхъ 2-й половины XIV и затѣмъ XV вв. нѣкоторыя буквы стали принимать такую форму, что писецъ могъ уже сбиваться, принимая одну изъ нихъ за другую. Таково напримѣръ јетированное ѥ; вторая половина его начертанія завершилась такими округлостями краевъ, что ѥ можно было принимать за ю. Такъ въ спискѣ же XV вѣка св. Ипполита объ антихристѣ читаемъ: єа́ма же ма́рдное и нелицемѣрною (ἔυσπλαγνον καὶ ἀπροσωπόληπτον) каже̑ (л. 2), вм. нелицемѣрьноѥ, какъ читается въ синодальномъ спискѣ XIII в.

Въ концѣ XV вѣка мелкій полууставъ сталъ испещряться надписными буквами и титлованными окончаніями, что при слитномъ начертаніи словъ могло уже не мало затруднять чатателя. Въ XVI в. особенно во 2-й его половинѣ, когда полууставныя буквы стали на половину мѣшаться съ скорописными, при надстрочныхъ начертаніяхъ и титлованныхъ окончаніяхъ—затрудненія были уже такъ велики, что подавали поводъ къ невѣрнымъ чтеніямъ и многочисленнымъ ошибкамъ.

Надстрочныя буквы легко выпадали и смыслъ получался иногда совершенно обратный; напримѣръ Лутче бы смерть не продолженъ животъ; не здѣсь вм. не̑; ж выпало и смыслъ измѣнился. Точно такъ и надстрочные знаки не рѣдко принимались не за то, что они значили или же совсѣмъ опускались изъ виду.

Еще чаще такое не вѣрное чтеніе бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдующее слово начиналось тѣми же или подобными слогами, какими оканчивалось предъидущее: отсюда легко случалось то, что два слова сливались въ одно. Такъ въ принадлежащемъ намъ спискѣ Апостола XVI в. встрѣчаемъ: внегда су̑ти вм. судити ти (Рим. III, 4) ӡане̑ огражень вм. ӡане не огражень (Дан. Заточ.) видевъ двери ѿверъс мниции вм. ѿверъсты тьмницы (Дѣян. XV, 27).

Тоже случалось, когда писцу встрѣчались слова мало—знакомыя, и имъ непонятыя; такъ: «ма̑р анепсін» легко превратились въ мартонетин» (л. 175).

Особенно часто въ рукописяхъ XVI в. встрѣчается неправильное раздѣленіе словъ и отсюда ошибочное чтеніе; напримѣръ: ѡбрето̑

му̑ по сер̑ двцю вм. **по сердьцю** (Дѣян. XIII, 22 л. 25 об.). **Понести не осенить єдиного ѡ сихъ** вм. **Поне стѣнь (стинь) осенить** (Дѣян. гл. V, 15) въ Лѣт. XVI в. **Ѯамъ и Миловцы** вм. **ѯамъними ловцы** [7] и т. п.

Причастныя формы, оканчиваясь надписнымъ **с**, при встрѣчѣ съ дальнѣйшимъ словомъ, начинавшемся также съ **є**, также подавали поводъ къ невѣрному его сочетанію. Такъ встрѣчаемъ: **сами себѣ оумоу** (л. 243) вм. **сами сѣбе покоряюще, смирьние (смиреніе) стажите оумоу.**

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, особенно западно-русскихъ является недописанный **ѹ или оу**, какъ напримѣръ въ принадлежащемъ намъ Апостолѣ XV в. **дрогъ дроуга** (л. 104 об.) вм. **дрѹгъ дроуга**; или **покоряюще̑ мирние стажите ч҃лвко г҃лати** вм. **ч҃лвкѹ глати**. Еще чаще встрѣчается эта особенность, какъ увидимъ, въ рукописяхъ XVI вѣка.

Если обычно далѣе въ рукописяхъ, особенно южно-русскихъ употребленіе **ѣ** вм. **ѧ**, какъ напримѣръ: **съвышнѣго краѧ до нижнѣго**, то подъ воздѣйствіемъ наплыва къ намъ съ XV в. рукописей юго-славянскихъ, удерживалось и обратное употребленіе **ѧ** вм. **ѣ**; напримѣръ **нн҃ѧ** вм. **нынѣ**.

Въ южно-русскихъ и западно-русскихъ **ы** и **и** часто чередуются, замѣняя себя взаимно, какъ напримѣръ **угодниты, м҃рїа магдалыни, годына** (Еванг. западно-русск. л. 265). **рыѕы моѧ**; и наоборотъ: **наситихъ, сиплеть**; (Акиръ XVI в.); **не виде** вм. **не выде**.

ь замѣняла **ѣ**; такъ встрѣчаемъ **въ морь** вм. **въ морѣ, въ домь поживеши** вм. **въ домѣ** (Акиръ Премудр.).

Въ рукописяхъ XVI в. получило весьма широкое употребленіе десятиричное **ї**, которое часто ставилось тамъ, гдѣ въ древнемъ письмѣ стояло **и** осмиричное; вслѣдствіе этого слогъ **пи**, при легкости чтенія или при неотчетливости самаго письма, легко принимался за **тї**, и наоборотъ; отсюда въ рукописяхъ XVI в. встрѣчаемъ такія

---

[7] Ошибка Щербатова состояла не въ томъ, какъ думалъ Мусинъ-Пушкинъ, что онъ самъ написалъ подобнымъ образомъ, но въ томъ, что онъ неисправилъ написаннаго въ рукописи. Съ этой именно ошибкой извѣстенъ намъ списокъ Лѣтописи XVI вѣка.

чтенія: напримѣръ въ Чинѣ Царскаго Вѣнчанія XVI в. **испираєть** вм. **испїраєть** и наоборотъ въ сборникѣ Лызлова: **оукропї** вм. **оукропи**

Но главнымъ образомъ неисправности въ рукописяхъ XVI в. обусловлены были слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ XVI в., какъ извѣстно, появились у насъ грамматики и не только рукописныя, но и печатныя, которыя, къ сожалѣнію, еще только дожидаются спеціальныхъ изслѣдованій. Въ основѣ ихъ лежитъ, конечно, языкъ церковно-славянскій. Подъ воздѣйствіемъ этихъ грамматикъ и подъ наплывомъ къ намъ съ XV в. рукописей юго-славянскихъ—у насъ создалась цѣлая школа *писцовъ-граммотѣевъ* рядомъ съ *писцами* по *навыку*. Школа эта стремилась возстановить древне-славянское правописаніе; отсюда чисто русскіе памятники (какъ напримѣръ «Чины Царскаго Вѣнчанія») стали переписываться по болгарскому правописанію; отсюда сталъ господствовать **ж**, который не употреблялся въ древнѣйшей русской письменности; при этомъ значеніе его далеко не выдерживалось. Само собою разумѣется, что эти особенности должны были сильно затруднять писцовъ по навыку и вводить ихъ невольно въ погрѣшности. Но едва ли не главною причиной множества ошибокъ служила мода грамотѣевъ замѣнять гласныя **о** и **є** глухимми **ъ** и **ь**, стремившихся къ возстановленію древне-русскаго правописанія, тѣмъ болѣе, что эта замѣна происходила и тамъ, гдѣ того не терпитъ русская рѣчь. Писцевъ по навыку эта замѣна при обратномъ переводѣ глухихъ на гласныя, приводила къ весьма грубымъ ошибкамъ: такъ вмѣсто **«сѡдѣлѣван»** явилось **«содѣлован»** (Апост. XVI в. л. 77); вм. **горъды—горды**, вм. **«нъ смиреннемъ наставлающеса»** читаемъ уже: **«не смиреніемъ»** (Ibid. л. 76); вм. **«се мужь сто»** явилось **«се мужеста»** (Ibid л. 19) и т. п.

Такимъ образомъ ошибки въ рукописяхъ XVI в. происходили между прочимъ:

1. Отъ стяженія словъ, въ коихъ повторяется одинъ и тотъ же слогъ.

2. Отъ опущенія изъ виду надписныхъ буквъ и надстрочныхъ знаковъ и слитія потому также двухъ словъ въ одно.

3. Отъ неправильнаго раздѣленія словъ и слоговъ при встрѣчѣ съ словами малоизвѣстными.

4. Отъ появленія недописаннаго ука (ȣ).

5. Отъ чередованія ы и н,

6. Отъ замѣны ѧ—ѣ и на оборотъ.

7. Отъ употребленія ь вм. ѣ.

8. Отъ вторженія глухихъ ъ и ь на мѣста гласныхъ въ силу стремленія граммотѣевъ подражать древне-русскому правописанію.

9. Отъ превращенія древняго іотированнаго ѥ въ ю въ силу сходства написанія.

10. Отъ титлованныхъ окончаній въ именахъ и въ глаголахъ, позволявщихъ сливать ихъ съ дальнѣйшими частицами и союзами.

Если пушкинская рукопись «Слова» была XVI вѣка и, стало быть, относилась къ типу рукописей этой эпохи, то естественно въ ней могли отразиться и ошибки писцевъ того времени. Печать этихъ ошибокъ весьма замѣтна въ первомъ изданіи. Что текстъ «Слова» во многихъ мѣстахъ былъ неисправленъ уже въ XV в., это мы видѣли изъ «Задонщины», представляющей буквальное подражаніе «Слову».

Несправедливо было бы однако всѣ ошибки печатнаго текста относить къ неисправности самой рукописи. Мы не сомнѣваемся, что первые издатели весьма добросовѣстно относились при изданіи къ своему оригиналу, но, какъ мы видѣли, въ искусствѣ чтенія древнихъ памятниковъ они стояли не выше древне-русскихъ писцевъ по навыку, съ трудомъ добирались до смысла и потому сами могли допустить такія же ошибки, кои встрѣчаются въ неисправныхъ памятникахъ XVI вѣка и во всякомъ случаѣ увеличить число этихъ ошибокъ.

Предлагая новый опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ мѣстъ «Слова» съ палеографической точки зрѣнія мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ принимаемыхъ нами чтеній въ нашихъ собственныхъ глазахъ имѣютъ лишь только наибольшую достовѣрность, другія же кажутся намъ безспорными и несомнѣнно вѣрными.

Ставя «вѣхи» для дальнѣйшихъ соображеній, мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду облегчить своей работой дальнѣйшія изслѣдованія ученыхъ.

Новѣйшіе комментаторы весьма мало обращаютъ вниманія на

труды своихъ предшественниковъ. Кто желалъ бы съ ними познакомиться, не всегда имѣетъ къ тому возможность (Потебня). Но находятся и такіе, которые даже не считаютъ это нужнымъ. (Вс. Миллеръ).

Такое отношеніе ведетъ къ тому, что литература «Слова» вновь наполняется такими мнѣніями и догадками, которыя давнымъ давно были уже высказаны и при томъ въ формѣ болѣе основательной.

Несомнѣнно также и то, что соображенія иногда не важныя могутъ наводить на догадки первостепенной важности.

Въ виду этихъ побужденій мы къ своимъ толкованіямъ каждаго отдѣльнаго мѣста присоединяемъ комментаріи и всѣхъ нашихъ ученыхъ предшественниковъ. Каждый читатель можетъ отсюда видѣть, повторяемъ ли мы зады или же вносимъ что-либо новое въ литературу «Слова». Помимо отношенія къ намъ, подобное изложеніе важно и само по себѣ: оно представляетъ любопытную страницу для исторіи Русской критики текущаго столѣтія.

Далеко не безразлично также и то разумѣніе этого геніальнаго памятника Кіевской Руси, въ какомъ воспитываются молодыя поколѣнія и въ какомъ преподносится онъ общественному сознанію.

Поэтическія переложенія не менѣе важны. Поэты чутьемъ могутъ угадывать тотъ художественный смыслъ, который часто не поддается ученому аналитическому сознанію. Эти переложенія вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ показывать намъ уровень современнаго творчества въ сравненіи съ дружинной поэзіей XII вѣка.

Въ виду этого мы считаемъ не излишнимъ литературу ученыхъ толкованій восполнить переводами педагоговъ, литераторовъ и поэтовъ.[1]

---

[1] Первый опытъ сведенія разныхъ толкованій темныхъ мѣстъ «Слова» сдѣланъ былъ А. И. Смирновымъ; но этотъ опытъ во 1-хъ не имѣетъ надлежащей полноты и во 2-хъ не представляетъ въ себѣ руководящаго начала и потому лишенъ всякой критической основы.

1.

Растекашется мыслію по древу,
Сѣрымъ вълкомъ по земли,
Шизымъ орломъ подъ облакы.

Нѣкоторая неясность и неестественность этого мѣста чувствуется въ томъ, что Боянъ по землѣ растекался волкомъ, по поднебесью орломъ, а по дереву «*мыслію*». Что въ самомъ дѣлѣ можетъ значить движеніе *мыслію по дереву?* Всѣ попытки какъ бы то ни было осмыслить это выраженіе оказываются неудачными. Необходимость заставила примириться съ мыслію, что въ самомъ текстѣ скрывается какая-нибудь описка или ошибка. Художественный смыслъ рѣчи подсказываетъ, что и подъ *мыслію* здѣсь скрывается какой-нибудь звѣрокъ, способный растекаться по древу, какъ волкъ по землѣ и орелъ подъ облаками.

Изъ всѣхъ догадокъ мы считаемъ наиболѣе счастливою ту, которая предполагаетъ подъ мысію *мысь*, т.-е. бѣлку. Бѣлка называется мысію не только въ губерніи Псковской, но, какъ завѣряетъ П. И. Савваитовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской губерніи, что слышалъ онъ самъ. Въ виду необыкновенной близости Новгородскаго нарѣчія къ древнему языку южно-русскому, нѣтъ основанія отвергать, чтобы въ Кіевской Руси не бытовало это слово въ эпоху пѣвца Игорева. Авторъ, знакомый съ охотой, въ данномъ случаѣ весьма удачно воспользовался этимъ выраженіемъ, въ отличіе отъ имени «бѣли», которымъ въ то время, какъ видно изъ того же «Слова», называлась въ Кіевской Руси монетная цѣнность.

Мысь для выраженія быстроты движенія,—образъ столь же художественный, какъ и растеканіе волка и орла. Быть можетъ, здѣсь разумѣется именно *летущая векша*, которая, по словамъ одного охотника, носится по лѣсу, словно мелькаетъ. [1]

Древо здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ «Слова» [2], употреблено, какъ часть вмѣсто цѣлаго и означаетъ—*лѣсъ* вообще.

---

[1] См. *мысь* въ «Лексикологіи».

[2] Ср. древо ся тугою къ землѣ приклонило—т. е. конечво, не одно дерево а деревья вообще, лѣсъ.

Но при этомъ возникаетъ недоумѣніе, почему въ текстѣ читается: не *мысію*, а *мыслію?*

Выходя изъ положенія, что въ XVI вѣкѣ неисправность текстовъ весьма часто обусловливалась тѣмъ, что писцы выкидывали рядомъ стоящіе одинаковые слоги, сливая чрезъ то иногда два слова въ одно, мы предполагаемъ, что и здѣсь подъ «*мыслію*» скрываются два слова.

Въ исправномъ спискѣ нашего памятника стояло: **мыс҇мысїю**, что слѣдовало читать раздѣльно: **мыс҇ мысїю по древу**.

Каждый читатель можетъ видѣть и сообразить, какъ легко было это стеченіе одинаковыхъ слоговъ принять за ошибку (въ родѣ **пилапилатъ** вм. **пилатъ**, какъ-то встрѣчаемъ въ одномъ Евангеліи XV—XVI в.) и прочесть **мыс҇мысїю** просто **мыслїю**, сливая два слова въ одно.

Наиболѣе вѣроятно, что эта ошибка принадлежитъ древнимъ писцамъ, а не издателямъ Пушкинскаго текста. Въ данномъ же случаѣ, не подозрѣвая существованія слова «мыси» они тѣмъ естественнѣе, встрѣтивъ два одинаковыхъ слога **мыс—мыс** слили въ одинъ и прочли **мыслю** вм. **мыс҇ мысїю**.

При раскрываемомъ нами чтеніи подлежащимъ при *растекашется* будетъ не Боянъ, но *мысль*, какъ творческая сила, фантазія Бояна [1]. Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей стиля автора «Слова». Всякій психическій актъ былъ для него явленіемъ живымъ; тѣмъ болѣе такая сила, какъ фантазія не могла быть для него отвлеченнымъ понятіемъ и давала понимать себя въ соотвѣтствующихъ образахъ живыхъ явленій природы. При такомъ разумѣніи все это мѣсто получаетъ внутреннюю опредѣленность и характерную изобразительность.

На такихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдующій переводъ;

„Если да вѣщій Боянъ
„Хотѣлъ кому пѣснь творить,
„То фантазія носилась
„Што есть бѣлка по лѣсу,
„Словно волкъ сѣрый по землѣ,
„Будто сизый орелъ по поднебесью.

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: *мысль*.

Первые издатели переводили:

Мусинъ-Пушкинъ: «мысль его летала тогда по деревьямъ, бѣгалъ онъ».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «носился мыслію по деревьямъ».

Въ *«первомъ изданіи»* переводъ этотъ удержанъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Шишковъ: «Когда Боянъ воспѣть кого хотѣлъ, растекался мыслію по деревьямъ, по лѣсамъ; вездѣ смотрѣлъ, искалъ, собиралъ, чѣмъ бы наполнить умъ свой и обогатить воображеніе, чтобы потомъ, взявъ лиру, возглашать на ней пѣснь громкую. И какъ знаменателенъ здѣсь глаголъ *растекался!* Не видимъ ли выходящую изъ головы Бояна рѣку мыслей, растекающуюся по всему пространству міра?»

Вельтманъ: «Мысли Бояна текли въ вышину, какъ соки по древу. Во 2-мъ своемъ изданіи «Слова» онъ даетъ новое толкованіе: Какъ подъ словомъ «древній» подразумѣваются предки, праотцы (слов. церк.), такъ подъ словомъ «древо» пѣвецъ Игоря подразумѣваетъ будто бы прошедшее, и замышленіе вѣщаго Яна растекается по былому времени, какъ мысль по настоящему».

Максимовичъ перевелъ буквально: «Боянъ растекался мыслію по древу».

Дубенскій: «Носился мыслію по лѣсамъ».

Полевой первый предположилъ разумѣть подъ «мыслію» какого нибудь звѣрка или птичку.

Карелкинъ первый указалъ, что въ Опоченскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, *мысію* называютъ бѣлку или векшу и что въ данномъ мѣстѣ «Слова» подъ «мысію», разумѣется *«мысь»*. Мнѣніе это принялъ и *Вс. Миллеръ* присовокупляя, что, быть-можетъ, мысль означаетъ здѣсь не простую бѣлку, а ту разновидность, которая называется у насъ *полетушей, летягой* или просто *летучей бѣлкой.*

Но тотъ и другой ограничиваются замѣною слова мыслію—словомъ *«мысію»* не представляя на то никакихъ палеографическихъ соображеній и оставляя подлежащимъ здѣсь самого Бояна.

Огоновскій предполагая здѣсь пропускъ, къ слову «мыслію» прибавилъ ей *«славіемъ»*. Но относительно «соловья» мы замѣтимъ, что въ данномъ мѣстѣ этотъ образъ совершенно неумѣстенъ; его никакъ не могъ допустить здѣсь такой геніальный писатель, какъ авторъ «Слова». Соловей не выдается быстротою полета и не поражаетъ скоростію движеній, а потому ни никогда и нигдѣ, ни въ одной литературѣ не является образомъ растеканія, но всюду и всегда—онъ образъ художественнаго пѣнія и хвалебныхъ пѣсней.

Еще произвольнѣе поступилъ **Андріевскій**; вмѣсто растекашется *мыслію* поставилъ растекашется *помысломъ* и затѣмъ еще прибавилъ: *бусымъ горностаемъ по древу*. Такимъ образомъ вмѣсто «соловья» появился здѣсь еще *бусый горностай*.

Педагоги:

Кораблевъ: «Янъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь воспѣть, то *разцвѣталъ* мысленно кудрявымъ деревомъ».

Погосскій: «Вѣщій Боянъ, если кому въ честь хочетъ пѣсню сложить, то мысли его растекаются *древомъ вѣтвистымъ*».

В. М. «Чудный Боянъ, если хотѣлъ кому пѣснь слагать, то *какъ мысль* (т. е. съ быстротою мысли) *взвивался* на дерево».

Малашевъ: «Боянъ, если хотѣлъ кому нибудь складывать пѣсню, то носился мысленно по дереву».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «А когда Боянъ вѣщій хотѣлъ кому пѣснь творить, онъ росточался соловьемъ по дереву».

Скульскій: «Вѣдь Боянъ пѣвецъ коль хотѣлъ кого своей пѣсенкой почествовать, соловьемъ порхалъ онъ по лѣсу».

Поэты:

А. С. Пушкинъ предполагалъ здѣсь: «соловья».

Гербель: «Если вѣщій нашъ пѣвецъ
«Сплесть хотѣлъ кому вѣнецъ,
«То носился мыслію—птицей
«Онъ по дебрямъ по лѣсамъ».

Майковъ: «А быстрой векшей по лѣсу носился».

2.

Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіцъ.

Неисправность этого мѣста давала знать себя тѣмъ, что при одномъ дѣйствительномъ глаголѣ «*помняшеть*» стоятъ два винительныхъ падежа: «*речь*» и «*усобіцъ*». Долго заставляла она комментаторовъ или измѣнять глаголъ «*помняшеть*» на «*помняшеться*», или же въ словѣ «*усобіцъ*» видѣть то падежъ дательный, то родительный, то мѣстный и во всякомъ случаѣ ставить его въ зависимость отъ существительнаго «*речь*». Всѣ переводы, основанные на такихъ соображеніяхъ, оказываются однако крайне натянутыми и искуственными. Но послѣ того, какъ въ наше время догадались видѣть въ словѣ «речь» вводное предложеніе: «рече», т.-е. какъ сказалъ нѣкто, или какъ поскажутъ, мѣсто это уже не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія для правильнаго его чтенія и пониманія. Мы однако не можемъ согласиться съ Н. С. Тихонравовымъ, впервые давшимъ этому слову подлинный смыслъ и правильную пунктуацію, будто слово «речь» явилось въ первомъ изданіи вслѣдствіе того, что издатели невѣрно вывели его изъ-подъ титла. По его мнѣнію, въ рукописи оно было написано въ формѣ р҃е. Еслибы оно имѣло такую форму написанія, то Малиновскій, какъ мы уже уже сказали, ни мало не затруднился бы вѣрно вывесть его изъ-подъ титла. Глаголъ этотъ въ такой палеографической формѣ хорошо былъ ему извѣстенъ, какъ это видно изъ лѣтописнаго сказанія о походѣ Игоря, списаннаго въ букву его собственною рукою.

Для палеографической критики оказывается чрезвычайно важнымъ, что въ Петербургской копіи текста, списанной для императрицы Екатерины, слово это удержано въ формѣ «речь» и въ другихъ мѣстахъ текста и «*речь* Донецъ» и «*речь* Кончакъ»...

Мусинъ-Пушкинъ ясно понималъ, что въ томъ и въ другомъ случаѣ «*речь*» стоитъ вмѣсто «рече», что видно изъ его перевода сдѣланнаго для той же императрицы и однакоже не измѣнилъ чтенія и удержалъ «*речь*» вмѣсто «*рече*». Необходимо, значитъ, предполагать, что въ самомъ оригиналѣ оно было написано въ формѣ «*речь*». Въ разсматриваемомъ мѣстѣ точно также, очевидно, стояло «*речь*» вм. «*рече*», какъ вводное предложеніе, т.-е. помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобіцѣ, и если издатели удержали форму оригинала «*речь*», то потому только, что признали сго за существительное, ни мало не подозрѣвая здѣсь вводнаго предложенія. *Ь* стоящее въ концѣ слова «*речь*», встрѣчающагося въ оригиналѣ, какъ видно изъ Екатериненской копіи, нѣсколько разъ, есть только очевидный и неотразимый слѣдъ той школы писцевъ XVI вѣка, кои, стремясь подражать древнему правописанію, ставили глухія и тамъ, гдѣ того не позволяла русская рѣчь. Слово это могло стоять въ Пушкинскомъ спискѣ въ формѣ рь҃, какъ и является оно написаннымъ въ другихъ рукописяхъ XVI вѣка подъ рукою писцевъ той же школы [1].

На такихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдующій переводъ

„Онъ зналъ вѣдь, какъ поскажутъ
„Междоусобья временъ древнихъ. [2]

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Мы помнимъ, что въ древности, когда хотѣли какое сраженіе описать».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ «Мы помнимъ, что въ старыя времена, повѣдая о какомъ либо сраженіи.

---

[1] Примѣры см. выше Ч. I, стр.
[2] См. въ «Лексикологіи»: «*първыхъ*».

Въ *первомъ изданіи* переводъ тотъ же въ слѣдующемъ видѣ: «Памятно намъ по древнимъ преданіямъ».

Комментаторы:

Пожарскій: «Выраженіе это не заключаетъ въ себѣ никакихъ «преданій». Здѣсь ясно говорится: «памятны рѣчь—*слово, пѣснь* прежнихъ временъ о сраженіи».

Грамматинъ: «Помнилъ онъ сказаніе давно минувшихъ временъ о войнѣ».

Вельтманъ: «Онъ помнилъ преданія о междуусобіяхъ прошедшихъ временъ».

Максимовичъ: «Какъ вспоминалъ онъ сказанія прежнихъ временъ объ усобицѣ».

Дубенскій: «*Помняшеть* употреблено здѣсь вмѣсто помняшеть*ся* и подлежащимъ имѣетъ слово *рѣчь*, т.-е. памятна рѣчь или старая поговорка *на удальство князей*.»

Кн. П. П. Вяземскій: «*Помняшетъ*» принимаетъ за безличную форму глагола и переводитъ такъ: «Припомнилось о рѣчи первыхъ временъ усобицъ; не забылась рѣчь; должна была бы быть памятна рѣчь»:

Потебня, какъ выше указано, считаетъ это предложеніе въ текстѣ *лишнимъ*.

Прозоровскій—въ «*речь*» усматриваетъ видимую ошибку издателя и принимаетъ чтеніе Буслаева и Тихонравова, ссылаясь на замѣчаніе П. И. Савваитова, что надобно читать «рече»—говорилъ: это обыкновенное присловье нѣсколько разъ употребленное въ поэмѣ. Но, какъ мы доказываемъ, ошибки издателя здѣсь никакой нѣтъ.

Педагоги:

Кораблевъ: «Помня поговорку первыхъ временъ».

Погосскій: «А какъ поведетъ рѣчь о первыхъ временахъ усобицы».

В. М. «Онъ, какъ говоритъ, помнилъ о брани первыхъ временъ».

Малашевъ: «Онъ помнилъ, говорятъ, междуусобіе первыхъ временъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Помните ль, бывало скажетъ, первыхъ временъ усобицы».

Скульскій: «Нутка, молвитъ онъ, бывало, вспомнимъ смуты прежнихъ дней».

Поэты:

Гербель: «А когда о несчастливыхъ временахъ онъ вспоминалъ».

Мей: «Про былыя про усобицы пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памятны».

Майковъ: «Какъ вспомнитъ брани стародавни».

3.

Тогда пущашеть ǐ соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше.

Смыслъ этого мѣста самъ по себѣ ясенъ, но недостатокъ его разумѣнія обусловленъ во 1-хъ тѣмъ, что слово «*тогда*» принимается въ современномъ его значеніи, а не въ древнемъ его употребленіи, и во 2-хъ неисправнымъ чтеніемъ выраженія: «*который дотечаше*». Чувствуется, что какъ мы не скажемъ: «который пѣсню догонялъ, та и пѣсню пѣла», такъ и авторъ «Слова» не могъ выразиться подобнымъ образомъ. Между «*который*» и «*та*» нѣтъ здѣсь прямаго грамматическаго соотношенія. Въ наше время весьма удачно подмѣ-

чено, что «*который*» слѣдуетъ относить къ лебеди и принимать въ родительномъ падежѣ единственнаго числа въ зависимости отъ «*дотечаше*», а не читать, какъ напечатано въ 1-мъ изданіи, «*который*» въ именит. падежѣ, относя къ соколу. Но одно это признаніе не устраняетъ грамматической нестройности предложеній, такъ какъ глаголъ «*дотечаше*» остается при этомъ безъ прямаго подлежащаго. «Пускалъ (Боянъ) 10 соколовъ на стадо лебедей, которую *догонялъ*, та прежде пѣсню запѣвала». Одинъ изъ комментаторовъ (Миллеръ Вс.) говоритъ, что подлежащимъ при «догонялъ» служитъ «*соколъ*», а другой (Смирновъ), что подлежащее здѣсь «*Боянъ*». Разъ возможно такое разногласіе относительно подлежащаго, мы вправѣ считать неестественнымъ и такое чтеніе этого мѣста. На нашъ взглядъ, ошибка изданія кроется здѣсь въ словѣ: «*дотечаше*» и исключительно принадлежитъ первымъ издателямъ. Глаголъ этотъ относится къ 10 соколамъ и потому долженъ стоять во множественномъ числѣ прошедшаго времени. Въ рукописи XVI вѣка окончаніе его могло быть титлованнымъ. Подобно тому, какъ въ другихъ рукописяхъ того же типа мы встрѣчаемъ: хождаа҄ вм. хождаахѹ; не втагна҄ погребати вмѣсто не втагнахѹ, (Хроногр. XVIв.) точно также и въ Пушкинскомъ сборникѣ форма *дотечаху* по всей вѣроятности имѣла написаніе дотеча҄. Первые издатели, принявъ «*который*» за именит. пад. един. ч., «дотеча҄» неправильно вывели изъ-подъ титла, согласуя съ мнимымъ. подлежащимъ «*который*»; т.-е. напечатали «который дотечаше вм. *которыи*, т.-е. которыя (лебеди) *дотечаху*. Принявъ «*который*» за подлежащее, они, естественно, должны были согласовать съ нимъ при изданіи и глаголъ «*дотеча*҄», откуда и явилось въ ихъ изданіи «*дотечаше*». Въ словѣ «*которыи*» поставивъ на концѣ въ печатномъ текстѣ й (съ краткой), чего никакъ не могло быть въ самой рукописи, они надолго сбили съ толку и послѣдующихъ комментаторовъ. Что они не вполнѣ въ букву воспроизвели для насъ рукопись и придавали словамъ грамматическую правильность, это видно изъ того, что въ Петербургской копіи Мусинъ-Пушкинъ, слѣдуя подлиннику, выписалъ: *и речь Кончакъ, и речь буй туръ Всеволодъ*... въ первомъ же изданіи читаемъ уже въ исправленномъ видѣ: и *рече* Кончакъ и *рече* Донецъ...

Итакъ, разсматриваемое мѣсто слѣдуетъ читать такъ:

Тогда пущашеть Ї соколовъ на стадо лебедѣй: которыи дотечаху, та преди пѣснь пояше.

На такомъ чтеніи основанъ нами слѣдующій переводъ:

„Да ктому жъ пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей:
„Какую догоняли, та прежде пѣсню запѣвала.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Когда хотѣли какое сраженіе описать, то изображали оное пусканіемъ десяти соколовъ на стадо лебедей: и такъ, который изъ нихъ скорѣе долеталъ, *тотъ* прежде и запѣвалъ въ честь...

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, пущеннымъ на стадо лебедей. Чей скорѣе соколъ долеталъ, объ *томъ* прежде и пѣснь начиналась».

Въ «*первомъ изданіи*» переводъ этотъ удержанъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Шишковъ. Кажется, мысль подлинника, говоритъ онъ, симъ образомъ не можетъ быть истолкована. Ибо, во 1-хъ, еслибы здѣсь разумѣлось одно стихотворческое уподобленіе сраженій, то къ чему бы употреблять число 10 соколовъ? Въ уподобленіяхъ не нужно оное. Во 2-хъ, ежели дѣло состояло только въ уподобленіи, то почему было узнать, чей соколъ долеталъ до стада? Въ 3-хъ, въ подлинникѣ сказано: «*тогда пущашетъ*». Глаголъ «пускать» означаетъ самое дѣйствіе т.-е. подлинное пусканіе соколовъ, а не то, что они въ сочиненіяхъ своихъ уподобляли или примѣняли оное къ сраженію. Итакъ, надлежитъ думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному увеселенію, но также и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество.

Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле, каждый съ соколомъ своимъ, и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приноситъ общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими. Весьма вѣроятно также, что для вящей важности такихъ почестей и отличій, число состязавшихся опредѣлено было не болѣе 10 самыхъ знаменитѣйшихъ мужей.

Пожарскій: «*тогда пущащетъ*» и проч. не то означаетъ, что сказано въ переложеніи и примѣчаніяхъ. Прежде приступа къ изъясненію подлинника должно представить себѣ, 1-е—о чемъ сочинители бесѣдуютъ: о томъ ли кого пѣть, или о томъ, какъ пѣть. 2-е—согласно ли съ истиною, чтобы древніе Россійскіе князья, изъ коихъ одинъ менѣе, другой болѣе оказалъ геройства въ военныхъ подвигахъ, могли еще первенство свое, кровію пріобрѣтенное, доказывать полетомъ соколовъ? Здѣсь ясно видно, что сочинители, продолжая приступъ пѣсни, разсуждаютъ о томъ, какъ имъ воспѣвать и припоминаютъ себѣ, какъ воспѣвалъ Боянъ и какъ въ прежнія времена воспѣвали. Какъ по сему разсужденію, такъ и по словамъ подлинника, не князья, но стихотворцы пускали соколовъ. Причиною таковаго древняго обряда была, можетъ быть, скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя предъ товарищами (стр. 31 и 32). Онъ переводилъ: «чей соколъ долеталъ, тотъ прежде пѣснь воспѣвалъ».

Грамматинъ: Не соглашаясь съ мнѣніемъ Шишкова, основательно заключаетъ, что Романъ Красный, убитый въ 1079 г. не могъ веселиться на охотѣ съ дѣдами своими, Ярославомъ Старымъ († 1054) и Мстиславомъ Храбрымъ († 1036) и особливо прославиться какимъ-либо подвигомъ, чтобы быть воспѣту на ряду съ ними. Мнѣніе Пожарскаго, также подлежитъ сомнѣнію. Изъ исторіи не видно, говоритъ онъ, чтобы при дворахъ нашихъ князей были пѣснотворцы также, какъ у Кельтовъ Барды или у Скандинавовъ Скальды; мы знаемъ только двухъ Бояна и пѣвца Игорева (стр. 92).

Здѣсь авторъ, говоритъ Грамматинъ, сравниваетъ десять пер-

стовъ Бояна съ десятью соколами, а струны со стадомъ лебедей. Сверхъ того должно замѣтить, продолжаетъ онъ, что Боянъ тогда пускалъ 10 соколовъ (т.-е. здѣсь аллегорія), когда вспоминалъ рѣчь или сказаніе первыхъ временъ. Далѣе: *который* соколъ *дотечаше*, та преди пѣснь пояше (авторъ продолжаетъ аллегорію; но соколъ значитъ уже не перстъ, *а сказаніе*); которое сказаніе вспоминалъ онъ, ту напередъ пѣсню пѣлъ; но еслибы онъ такимъ образомъ выразился, то сіе было бы и проза и повтореніе; а теперь и стихотворно и замысловато (стр. 91—93).

Полевой въ своей исторіи повторяетъ, безъ всякихъ основаній мнѣніе Шишкова, что «прежде пѣвали похвалы разнымъ князьямъ, пуская соколовъ во имена ихъ, и чей соколъ прежде билъ лебедя, тому князю и пѣснь была пѣта».

Снѣгиревъ: въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» 10 соколовъ сравниваются съ десятью пальцами руки гусляра-пѣснопѣвца, кои выше названы, *какъ замѣтилъ Венелинъ*, лебедями.

Вельтманъ замѣчаетъ: «Ясно, что пѣвецъ сравниваетъ 10 перстовъ Яна съ соколами, а струны гуслей съ лебединой вереницей. Первая струна, къ которой прикасался Янъ, запѣвала пѣснь, по замышленію его, вызвавшему воспоминаніе о подвигахъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича или о поединкѣ брата его Мстислава Храбраго съ Редедей или о судьбѣ Романа Святославича Тмутараканскаго, убитаго въ 1079 году. Въ 1-мъ изданіи онъ переводилъ:

«Боянъ десять своихъ соколовъ
«Устремлялъ въ лебединое стадо,
«И первый домчавшійся соколъ
«Вдругъ пѣснь запѣвалъ.

Во 2-мъ изданіи: «Къ которой коснется, та лебедь прежде и пѣснь запѣвала».

Максимовичъ: «Пускалъ онъ 10 соколовъ на стадо лебедей, который *соколъ на лебедь* падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ.

Дубенскій: *Та преди пѣснь пояше.* Здѣсь *та*, по его мнѣнію, тоже, что *тъ* въ словѣ бяше*тъ*, т.-е. усиленное окончаніе 3 л. ед. ч. прош. учащ. времени; согласовано съ словомъ *пѣснь*, вм. та преди пѣснь пояшетася. Все это мѣсто онъ перевелъ такъ: «Памятна старая поговорка на удальство князей, что тогда на стаю лебедей пускали 10 соколовъ, чей первый налеталъ, тотъ прежде пѣснь воспѣвалъ.

Срезневскій: «Вмѣсто, которой читалъ: «*къ которой*» (лебеди) дотечаше, та пѣснь пояше».

Кн. П. П. Вяземскій: «*Та* »исправляетъ на «*тому*», замѣчая, что при подобномъ исправленіи смыслъ сего оборота будетъ отмѣнно правиленъ и грамматически и логически.

Миллеръ Вс.: «Въ словѣ «*который*» видятъ именит. пад. муж. р., т.-е. который соколъ; дальнѣйшее *та* относятъ къ «лебеди». При такомъ толкованіи замѣчается нѣкоторая безсвязность, которая устраняется весьма легко. Въ «*которыи*» слѣдуетъ видѣть не именит. пад. муж. р., а родит. ед. ч. жен. р. и переводить: «которой (лебеди) соколъ достигалъ, та прежде пѣла пѣснь. Форма «которыи» (а не «который») древне-русскій родит. пад. жен. р., смѣнившій уже рано древнѣйшую форму на ꙑѧ». Такимъ образомъ въ словѣ «*который*» г. Миллеръ первый угадалъ подлинную этимологическую форму.

Потебня: «При пониманіи «которыи» В. Миллеръ усматриваетъ «нѣкоторую безсвязность». Я ее не могу замѣтить. Если подъ «которыи» понимать род. ед. ж. р. зависимый отъ «*дотечаше*» (т.-е. которой лебеди), то возникнетъ не меньшая безсвязность отъ отсутствія при «*дотечаше*» подлежащаго, хотя, конечно, формы родит. ед. прилагательнаго на *ыи* есть въ «Словѣ о Полку» (среди земли Половецк*ыи*, средь земли Руск*ыи*) и такое отношеніе предполагаемаго род. возможно».

Смирновъ: «По нашему мнѣнію, принимать «*которыи*» въ род. пад. ед. ж. р. необходимо, чтобы «*дотечаше*» не осталось безъ дополненія, когда другіе переходящіе глаголы имѣютъ его: «*помня-*

щеть усобіцѣ, пущащеть десять соколовь». Подлежащее при немъ то же, что и при «помняшеть, пущащеть», т.-е. Боянъ, соколы котораго—вѣщіе персты летѣли къ струнамъ, не отрываясь отъ него».

Андреевскій передѣлываетъ такъ: «который преди дотечаше, та живая пѣ̑ пояше».

Прозоровскій переводитъ: «Тогда *онъ* пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей; который достигалъ, *тотъ* впередъ и пѣснь пѣлъ». Что въ подлинникѣ стоитъ не *тъ*, а *та*, это ни мало не затрудняетъ переводчика.

Педагоги:

Кораблевъ: «Помня поговорку первыхъ временъ усобицы, что напускали 10 соколовъ на стадо лебедей, и чей прежде налеталъ, тотъ и восхищалъ».

Загосскій: «А какъ поведетъ рѣчь о первыхъ временахъ усобицы, то словно соколовъ на стадо лебедей выпускаетъ: которую лебедку соколъ настигнетъ, та и поетъ пѣснь».

Малашевъ: «Онъ помнилъ, говорятъ, междуусобія первыхъ временъ: тогда онъ пускалъ 10 соколовъ на стадо лебедей и который соколъ долеталъ до какой лебеди, та лебедь и пѣснь пѣла».

Ласкинъ: «До которой достигалъ, та впередъ и пѣснь пѣла».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И какъ напуститъ десять соколовъ на стадо лебедокъ, которую настигнетъ, та и запѣвала напередъ».

Скульскій: «Десять соколовъ съ цѣпей спуститъ въ стадо лебедей; та, что въ когти попадалась, съ той и пѣсня начиналась».

Поэты:

Гербель:

«А когда о несчастливыхъ
«Временахъ онъ вспоминалъ;

«Десять соколовъ пускалъ
«На лебедокъ говорливыхъ,
«И лишь соколъ налеталъ,
«Лебедь пѣсню начиналъ.

Нѣкоторые изъ гг. переводчиковъ и изслѣдователей, замѣчаетъ онъ, переводятъ это мѣсто не буквально, какъ слѣдуетъ его понимать, а иносказательно. Право не стоитъ ломать головы, переставлять слова и относить ихъ къ предъидущимъ или послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію это фигура или поэтическое уподобленіе, которое тутъ же и объясняется:

«Не на стадо лебедей
«Дней минувшихъ соловей
«Десять соколовъ пускаетъ.... (стр. 138).

Мей:

«Про былыя про усобицы
«Пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памятны:
«Вта поры на стадо лебедей
«Напускали десять соколовъ;
«Чей соколъ на стадо первый палъ,
«Тотъ первый свою пѣсню пѣлъ.

Майковъ:

«Какъ воспомнитъ брани стародавни
«Да на стадо лебедей и пуститъ
«Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку,
«И какую первую настигнетъ,
«Для него и пѣсню пой та лебедь.

4.

Иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ.

Мѣсто это собственно требуетъ не столько исправленія, сколько изъясненія. Затрудненіе встрѣчаютъ здѣсь обыкновенно въ словѣ:

«*истягну*». Древне-русскіе памятники, равно какъ и смыслъ даннаго мѣста ни мало не препятствуютъ читать это слово безъ всякаго измѣненія [1]. Но мы съ своей стороны, въ силу художественнаго соотношенія образовъ, въ коихъ выражена рѣшимость Игоря въ послѣднихъ ея моментахъ, предпочитаемъ читать это слово раздѣльно: *и стягну*, въ соотвѣтствіе послѣдующему: *и поостри*. Когда воинъ уже отправляется въ походъ, онъ опоясывается и точитъ свое оружіе. Этими явленіями дѣйствительности авторъ пользуется для изображенія нравственнаго настроенія Игоря при его выступленіи въ походъ [2].

Еще на III Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ мы старались утвердить такое раздѣльное чтеніе въ виду именно того, что хотя оно предложено было уже Дубенскимъ, но въ позднѣйшей литературѣ «Слова», принято не было, да и самъ Дубенскій, предлагая вѣрное чтеніе, понималъ его однако не такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ толковалъ, что это будто бы значитъ, что «Игорь *пришелъ въ совершенный возрастъ, въ лѣта мужественныя*». Это въ особенности заставило насъ привести примѣръ, что значитъ слово «стягнуть» въ нравственномъ смыслѣ, по употребленію его въ древне-русскихъ памятникахъ. Тогда же наше толкованіе одобрено было всѣми бывшими на Съѣздѣ учеными авторитетами [3].

Но главнымъ образомъ мы заносимъ это мѣсто въ нашъ опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ чтеній «Слова» потому, что желаемъ устранить другое недоумѣніе, къ нему относящееся. Весьма многіе комментаторы выраженіе и «*поостри* сердца своего мужествомъ» относятъ къ тому же уму, который стягнулъ Игорь крѣпостію своею и слова «*сердца своего* считаютъ дополненіемъ слова»

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*истягну*».

[2] См. въ «Лексикологіи»: «*стягну*».

[3] Въ виду этого намъ весьма странною показалась слѣдующая замѣтка въ диссертаціи А. И. Смирнова: «На Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ говорилось о раздѣльномъ чтеніи слова «истягну», какъ о новой догадкѣ, между тѣмъ такое чтеніе предложилъ еще Дубенскій въ 1844 году. (Вып. I, стр. 2). Ужели почтенный изслѣдователь серьезно могъ подумать, что тотъ, кто рѣшается на ученомъ Съѣздѣ предлагать свои комментаріи «Слова» предварительно не познакомится даже съ Дубенскимъ?

«*мужествомъ*» внѣ зависимости отъ глагола «*поостри*». Во первыхъ, *что* стягиваютъ, того не «*натачиваютъ*», и *что* можно «поострить» *то* трудно «*опоясать*». Авторъ «Слова» не отличается такимъ нестройнымъ и не художественнымъ сочетаніемъ образовъ для изображенія одного и того же предмета. Во вторыхъ, и это главное—въ древне-русскихъ памятникахъ нельзя указать примѣра, чтобы глаголъ «*поостри*» употреблялся по отношенію въ «*уму*». Напротивъ онъ имѣлъ всегда мѣсто для выраженія или вообще нравственнаго возбужденія, или же всего чаще—острой и глубокой чувствительности сердца и является въ сочетаніяхъ или «поострить *душу*» или «поострить *сердце*» или вообще «поострить» на какое нибудь дѣло, требующее одушевленія, но никакъ не въ сочетаніи «поострить умъ».

Въ виду такого употребленія этого выраженія въ древне-русскомъ языкѣ [1], мы считаемъ болѣе основательнымъ считать слова «*сердца своего*» непосредственнымъ дополненіемъ глагола «*поостри*». Синтаксическое отношеніе ни мало тому не препятствуетъ. Глаголы, сложенные съ предлогомъ *по*, легко могутъ сочиняться и съ винительнымъ и съ родительнымъ падежомъ, какъ и до нынѣ въ живой народной рѣчи говорится: «поостри *косаря*», поостри *косы*.

Имѣя въ виду эти соображенія все это мы переводимъ:

„И умъ опоясалъ онъ
„Крѣпостію своею
„И сердце свое наточилъ онъ
„Мужествомъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «до нынѣшняго Игоря, который возвышаемъ твердостію ума, разжигаемъ мужествомъ сердца.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Игорь, Святославовъ сынъ, напрягши умъ свой крѣпостію и поощривъ сердце свое мужествомъ».

Въ «*первомъ изданіи*»: «Сей Игорь» далѣе безъ перемѣны.

---

[1] См. въ »Лексикологіи«: «*поостри*».

Комментаторы:

Шишковъ «прошедшее время глагола *«истягну»* въ своемъ переводѣ превратилъ въ настоящее; изъявительное наклоненіе глагола *«поостри»* въ причастіе, и наконецъ прошедшее дѣепричастіе *«наполнився»* въ настоящее наклоненія изъявительнаго, что все ослабило подлинникъ. Онъ перевелъ: «умъ свой востягаетъ онъ крѣпостію и, поощряемый сердца своего мужествомъ, ратнаго наполняется духа».

Пожарскій, указывая на обезсиленіе подлинника въ такомъ переводѣ, замѣчаетъ еще, что «истягнуть» не значитъ *«востягить»*. Истягнуть крѣпостію значитъ препоясать крѣпостію. Въ Свящ. Писаніи сказано: *«И рука Господня бысть на Ильѣ и стягне чресла своя»*.

Грамматинъ: «Г. Пожарскій (замѣтьте **въ прозѣ для ясности**) переводитъ *«истягну умъ крѣпостію»* препоясалъ умъ крѣпостію, но истягнуть въ Славянскомъ языкѣ значитъ испытать, извѣдать, опробовать. У Псалмопѣвца читаемъ: «Истяжи мя» (пс. 138, 28)».

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи перевелъ: «Который, расширивъ могуществомъ умъ свой, безстрастной душей изощривъ свое сердце». Во 2-мъ изданіи: «Который расширивъ умъ крѣпостію силъ, изощривъ мужествомъ сердце».

Максимовичъ: «Который извлекъ умъ свой силой, поострилъ его мужествомъ сердца».

Дубенскій: «Глаголъ *«стягнути»* въ древнемъ языкѣ, собственно значитъ стянуть, препоясать, приподнять, прикрѣпить, фигурально—«крѣпостію стягнуть умъ» значитъ «войти въ совершенный смыслъ, въ лѣта мужественныя». Въ Лѣтописи: «взострися на рать». Онъ первый въ словѣ *«истягну»* усмотрѣлъ два слова, союзъ *и* и глаголъ *«стягну»* и перевелъ такъ: «который препоясалъ умъ крѣпостію своею, изощрилъ сердца своею доблестію».

Буслаевъ Ѳ. И.: *«истягну»* читаетъ слитно и принимаетъ въ значеніи «распростеръ свой умъ».

Миллеръ Вс.: «эти вычурныя слова, понимаемъ мы такъ, какъ понимали ихъ прежде, когда читали «*и стягну*» вм. истягну и род. пад. «сердца» относили къ слову «мужествомъ».

На сколько странно выраженіе вытянуть (истягнути) умъ, на столько естественно (сътягнути) стянуть его. «*Сътягнути*» встрѣчается въ церковнославянскомъ и въ собственномъ значеніи связать и въ переносномъ: укрѣплять, закалять. Укрѣпивъ умъ свой, Игорь еще изострилъ его мужествомъ своего сердца.

Потебня: «*И стягну умъ*», умъ здѣсь mens, въ смыслѣ воли, намѣренія, рѣшимости; крѣпко стянулъ, крѣпко препоясалъ рѣшимость, т.-е. твердо рѣшился; «*поостри сердца мужествомъ*» т.-е. мужество его сердца изощряетъ его умъ, дѣлаетъ его намѣреніе непоколебимымъ».

Андріевскій передѣлалъ такъ: «встягну умъ и поостри сердца своего мужествомъ».

Прозоровскій переводитъ: «который, напрягши умъ крѣпостію своею, наостривъ сердце свое мужествомъ».

Педагоги:

Погосскій: «Что изострилъ умъ крѣпостію, закалилъ сердце мужествомъ».

В. М.: «который ужъ укрѣпилъ умъ свой, сталъ мужественъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «какъ онъ умъ свой искусилъ твердостью, сердце изощрилъ мужествомъ».

Окульскій: «мы раскажемъ вамъ, какъ тотъ юный князь искусилъ свой разумъ твердостью, закалилъ онъ сердце мужествомъ».

Поэты:

Гербель:

«Кто свой разумъ изострилъ,
«Духъ свой бранный укрѣпилъ.

Мей:

«Опоясавъ умъ свой крѣпостью,
«Изостривши сердце мужествомъ.

Майковъ:

«Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ
«Наострилъ отвагой храброй сердце.

5.

„Спала Князю умь похоти,
„И жалость ему знаменіе заступи,
„Искусити Дону великаго.

Неясность этого мѣста обусловлена собственно первымъ предложеніемъ: въ немъ и слова все знакомыя и предложеніе грамматически правильно, но смыслъ выходитъ вялый и безцвѣтный. Несмотря на всѣ толкованія, какія только ни выдумывались, чувствуется, что здѣсь кроется какая-то ошибка. Всѣ возможныя поправки, какія ни предлагались, сами даютъ понимать, что авторъ-поэтъ никакъ не могъ написать подобнымъ образомъ.

При уясненіи этого мѣста слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду синтаксисъ «Слова», въ силу коего рядомъ стоящіе стихи, сродные по смыслу, сходны и по своему грамматическому построенію, то-есть подлежащія и сказуемыя стоятъ въ нихъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ. «*Жалость*» подлежащее втораго предложенія, стоящее на первомъ мѣстѣ (*жалость* ему знаменіе заступи), указываетъ, что на томъ же мѣстѣ должно стоять подлежащее и въ первомъ предложеніи: (*спала* князю умь похоти). Глаголъ «*заступи*» во второмъ предложеніи стоитъ въ концѣ; на концѣ же долженъ стоятъ и глаголъ перваго, скрывающійся въ словѣ «*похоти*». Итакъ стоитъ лишь понять, что значитъ подлежащее «*спала*» и что скрывается въ глаголѣ «*похоти*» и тогда мы получимъ, если и не желанную ясность, то во всякомъ случаѣ стихи близкіе одинъ къ другому. «*Спала*» значитъ собственно распаленіе, въ нравственномъ же смыслѣ: запальчи-

вость, раздраженіе, геройское рвеніе. «*Спала*» и «*спалка*» происходятъ отъ глагола спалить, какъ «*свала*» и «*свалка*» отъ глагола свалить [1].

Донынѣ въ Польскомъ языкѣ бытуетъ spála (древ. zpala) въ значеніи inflammatio, entzündung. Въ Новгородской же Лѣтописи оно встрѣчается въ формѣ «*спалка*»: «Вспoлѣся великій князь Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василія да на жену свою княгиню Софью, да въ той «*спалкъ*» велѣлъ казнити дѣтей боярскихъ». На дружинномъ же языкѣ «*спала*» или «*спалка*» могла значитъ лишь нравственное запаленіе, разгараніе на войну, геройское рвеніе.

Что касается глагола «*похоти*» то здѣсь на нашъ взглядъ тотъ же самый недосмотръ, который происходилъ въ XVI в. у писцевъ отъ смѣшенія ш съ пи, т.-е. «похоти» явилось здѣсь вм. «похопи» Впрочемъ ошибка эта такъ проста и естественна, что она могла быть допущена самими издателями Пушкинскаго текста. Мы знаемъ, что она повторялась и въ позднѣйшее время. Такъ въ «Хожденіи митрополита Пимена», изданномъ въ «Русскомъ Временникѣ» читаемъ: «въ половину убо горъ тѣхъ сшрахвсь облаци» вмѣсто: спирахѹс облацн (М. 1820, ч. I, стр. 300).

Издатели Пушкинскаго текста тѣмъ легче прочли похоші вм. нохопи, что принявъ «*спала*» за глаголъ, ожидали здѣсь видѣть существительное.

Хопить въ живомъ употребленіи на всей Русской землѣ значитъ схватить, захватить, овладѣть (см. Словари Академическій, Даля и Носовича).

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ списковъ житія Ѳеодора Тирона читаемъ: «и пакн ѹзрѣ мшрь свою помысли похопиті ю»; а въ другомъ вмѣсто «*похопити*—похватити ю» [2].

«*Спала*» и «*жалость*» распаленіе и тосненіе одинаково относятся къ «искусити Дону» и потому для выраженія близости этого отношенія согласно нынѣшнему синтаксису, въ переводахъ лучше всего ставить ихъ въ концѣ предложеній.

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*спала*».

[2] См. въ «Лексикологіи»: «*хопити*».

Въ силу указанныхъ соображеній мы дѣлаетъ слѣдующій переводъ этого мѣста:

„Въ князѣ умъ охватило
„Геройское рвеніе,
„И знаменія мѣсто въ немъ заступило
„Тосненіе [1]
„Испробовать великаго Дона.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Ему пришло на мысль желаніе, не смотря на затмѣніе солнечное, извѣдать счастія на Дону.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Князю пришло на мысль пренебречь *бѣдственное* предвѣщаніе и извѣдать своего счастья на Дону».

Переводъ этотъ удержанъ и въ *первомъ изданіи*: «Пришло князю на мысль пренебречь *худое* предвѣщаніе и извѣдать счастія на Дону Великомъ».

Комментаторы:

Шишковъ: «Спала князю умь похоти».... слова сіи темны и истолковать ихъ трудно.

Пожарскій: слѣдуя нынѣшнему употребленію, разобрать сіи слова трудно, но если въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія встрѣчается: «*пустыни прикрыла*» вм. пустыни прикрыли, «*минула лѣта*» вм. минули лѣта, то и здѣсь, очевидно, «*спала князю умь похоти*» означаютъ: вспали князю на мысль похоти или страстныя, сильныя, непреоборимыя желанія. «Жалость знаменіе заступи» онъ перевелъ: и рвеніе *уничтожило* предзнаменованіе.

Грамматинъ: авторъ, разсуждаетъ онъ, хотѣлъ сказать въ двойственномъ числѣ: спадостѣ или спалѣ есте умь похотѣ. Въ ста-

[1] Почему *жалость* переводимъ тосненіемъ см. о томъ въ «Лексикологіи» подъ словомъ *жалость*.

рину «спали похоти» значило вспали, припали желанія. Геройское стремленіе заслонило ему знаменіе, а не *уничтожило* его, какъ перевелъ Пожарскій. Можетъ ли рвеніе уничтожить затмѣніе?

Ганка слово «*спала*» превратилъ въ спяла (spiala).

Дубенскій перевелъ: «Залегла въ душѣ князя дума о походѣ».

Соловьевъ С. М.: нельзя переводить чрезъ «залегла въ душѣ князя дума» но чрезъ «затмило умъ князя сильное желаніе» по самому соотвѣтствію слѣдующаго предложенія: и жалость ему знаменіе заступи. Не нужно также предполагать здѣсь описки и читать: «*спяла*»; стоитъ только сравнить съ послѣдующимъ: «зоря свѣтъ *запала*».

Максимовичъ: приставимъ къ слову «умь» предлогъ, «*на*» и перевелъ: «запала на умь князю охота отвѣдать Великаго Дону и тоска пересилила въ немъ знаменіе неба.

Вельтманъ: «спала» измѣнилъ въ «*опала*» похоти въ «*похыти*», жалость въ «*жадость*», лишь въ силу одного предположенія описокъ во всѣхъ этихъ словахъ.

Снегиревъ первый раздѣлилъ слово похоти на «*по хоти*» и ввелъ сюда мысль о женѣ, такъ что затѣмъ, по мнѣнію Кораблева и Малашева, пропала у Игоря мысль о женѣ, или, какъ выражается Алябьевъ, «не вспадала на умъ князю его хотушка», а по мнѣнію князя П. П. Вяземскаго напротивъ «спала умь» значитъ Игорь вспомнилъ о женѣ своей.

Тихонравовъ: въ 1-мъ изданіи: спалъ князю умъ *по хоти* т. е. заснулъ у князя умъ о своей женѣ; во 2-мъ изданіи похоти напечаталъ слитно, безъ измѣненій.

Некрасовъ: «пришла князю страстная мысль (умь похоти)». Подобная дума въ военное время и тогда уже, какъ видно изъ лѣтописей, считалась признакомъ большой слабости [1].

---

[1] См. въ «Лексикологіи» подъ словомъ: «*хоти*».

Художественный тактъ автора никакъ не могъ позволить ему для изображенія неустрашимости Игоря въ виду солнечнаго затмѣнія говорить объ его слабости къ *женскому полу*.

Чувствуя эту неловкость, кн. П. П. **Вяземскій** далъ слѣдующій изворотъ этому мѣсту: «хотя Игорь и вспомнилъ о женѣ своей, но сильное желаніе ознаменовать побѣду на Дону заступило ему знаменіе. Такое объясненіе кажется ему весьма основательнымъ ибо, вполнѣ согласуясь съ правилами Славянской грамматики, совершенно согласно и съ душевными наклонностями человѣка». Но изъ текста невозможно вывести подобнаго положенія: *и*—«не значитъ *но*, какъ замѣтилъ Вс. Миллеръ, и *жалость* не значить желаніе *ознаменовать* побѣду.

При этомъ невольно возникаетъ недоумѣніе, откуда авторъ «Слова» могъ знать, была или нѣтъ у Игоря дума о женѣ во время солнечнаго затмѣнія?

Вс. Миллеръ читаетъ: «Впала князю у умь похоть». Начальное *с* (спала) можетъ быть принято издателями вмѣсто *в*; предъ *умь* пропущенъ предлогъ *в*, какъ часто встрѣчается въ Ипаской Лѣтописи; *похоти* явилось вм. похоть подъ вліяніемъ послѣдующаго *и*.

Потебня: «Успала князю у умъ похоть».

Не говоря уже о томъ, что въ дошедшемъ до насъ текстѣ не встрѣчается слѣдовъ чередованія *у* и *в* и, стало-быть, не представляется ни малѣйшихъ основаній для подобныхъ поправокъ, онѣ не даютъ здѣсь болѣе выразительнаго смысла, чѣмъ какой открывали предшествовавшіе комментаторы. Въ самомъ дѣлѣ «вспала князю въ умъ похоть», т.-е. пришла князю охота, какъ переводитъ Потебня, лучше ли перевода блаженной памяти Пожарскаго «вспали князю на умъ похоти, т.-е. страстныя непреодолимыя желанія, хотя Пожарскій и не такъ былъ силенъ въ грамматикѣ.

Андріевскій, подобно Вельтману, измѣнилъ спала въ «*опала*» а похоти въ «*похапи*» и, по обычаю дѣлая произвольныя перестановки текста, читаетъ: «Опала копіе приломати князю умъ похапи и жалость искусити Дону Великаго, солнце ему знаменіе заступи».

Здѣсь является уже такое искаженіе текста, отъ котораго приходится сторониться критикѣ.

Прозоровскій: «Спала умь=вспало на умъ; похоти=желаніе, влеченіе; жалость отъ *«жаль»* сѣтованіе. Онъ перевелъ: «Овладѣло умомъ князя увлеченіе и знаменіе загородилось отъ него нетерпѣніемъ отвѣдать Дону Великаго. Приговорѣ произнесенный подобнымъ объясненіемъ надъ работами предшественниковъ, какъ выражается г. Гонсіоровскій, на нашъ взглядъ, является лишеннымъ всякаго основанія».

Гонсіоровскій придумалъ палеографическое основаніе для того, чтобы вмѣсто *«спала»* читать «слава». По его мнѣнію слогъ *ва* былъ надписнымъ сла при чемъ надписное в было квадратной формы; неправильно выводя этотъ надписной слогъ изъ подъ титла, издатели вм. слава прочли спала.

Относительно этого палеографическаго соображенія считаемъ нужнымъ замѣтить, что 1) едва ли можно встрѣтить въ рукописяхъ написаніе «слава» въ такой именно формѣ, какую придаетъ г. Гонсіоровскій; 2) еслибы оно было въ этой формѣ, то не встрѣтило бы ни малѣйшаго затрудненія для первыхъ издателей вѣрно прочитать его, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ ихъ перевода, это мѣсто останавливало на себѣ ихъ вниманіе. 3) Слово это не разъ встрѣчается въ текстѣ и вездѣ прочитано вѣрно. 4) И наконецъ, при подобномъ чтеніи оборотъ выходитъ очень изысканный и натянутый, состоящій изъ однихъ отвлеченныхъ понятій: *«слава похитила умъ»*. Слово «похоти» превратилъ въ слѣдъ за другими въ *«похыти»* и за тѣмъ дальнѣйшее жалость измѣнилъ на *«жадость»*, ни мало не затрудняясь тѣмъ, что слова *«жадость»* не встрѣчается въ древней Славяно-русской письменности.

Педагоги:

Погосскій: «Обуяла умъ князя охота и, не глядя на знаменіе, захотѣлось ему испить».

Ласкинъ: «Запала князю въ умъ крѣпкая дума, а не терпѣніе узнать Великій Донъ превозмогло въ немъ мысль о затмѣніи.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ) первый превратилъ *«спала»* въ *«слава»* и похоти, подобно Вельтману, въ *«похыте»*. (?) Онъ первый заставилъ славу похитить у Игоря умъ».

Окульскій: «Видно, слава ему омрачила умъ». Омраченіе ума славою все-таки естественнѣе, чѣмъ его *«похищеніе»*.

Поэты въ своихъ переложеніяхъ слѣдовали разнымъ изслѣдователямъ.

Гербель: «Въ могучее сердце запало желаніе».

Мей: «Занялись у князя думы пламенемъ-полымемъ».

Майковъ А.: «Не послушалъ знаменія онъ солнца,
«Распалясь взглянуть на Донъ Великій».

Спала, т.-е. охватила, древне-чешское spadnosti; похоть—страсть; жалость—*«рвеніе»*.

6.

„Свивая славы оба полы сего времени.

Неисправность этого мѣста очевидна изъ того, что при одномъ дѣйствительномъ глаголѣ «свивая» стоятъ два винит. пад.: *«славы»* и *«оба полы»*.

Ключемъ къ открытію скрывающейся здѣсь ошибки служатъ черновыя бумаги Малиновскаго. Выписывая это мѣсто въ словѣ *оба* онъ начерталъ двойное *о*: свивая *ооба полы,* точно такъ, какъ въ спискѣ, сдѣланномъ для Императрицы Екатерины Мусинъ-Пушкинъ при написаніи слова *«очи»* поставилъ также два *о*, въ такой формѣ: *оочи*. Подобныя начертанія представляютъ очевидную копію оригинала. Но едва ли появленіе, подъ рукою Малиновскаго, двухъ *о* въ словѣ *оба* можно объяснять начертаніемъ въ подлинникѣ *очнаго о*. Мы прослѣ-

дили напр. выраженіе: «**оба ꙁаматорѣкша**» во множествѣ списковъ Евангеліи XVI вѣка и ни гдѣ не встрѣтили въ начертаніи **оба** *двойного о*. Въ виду этого имѣемъ полное основаніе появленіе двойнаго *о* въ томъ же словѣ, подъ рукою Малиновскаго, объяснять инымъ образомъ. Первое *о* въ начертаніи **ооба** есть остатокъ разложенной буквы предъидущаго слова,—въ которомъ это *о* въ соединеніи съ послѣднею чертою образовало *ю*.

Имѣя въ виду школу писцевъ-грамотѣевъ XVI вѣка, стремившихся подражать древнему правописанію и замѣнявшихъ гласныя *о* и *е* глухими ъ и ь, можно смѣло предполагать, что въ Пушкинскомъ спискѣ, относившемся къ той же эпохѣ и тому же типу, выраженіе это имѣло слѣдующее написаніе: **свивая славъю оба полы.**

Первые издатели, не подозрѣвая, чтобы въ словѣ »**славъю**» ъ стоялъ вмѣсто **о** естественно затруднились чтеніемъ этого слова. Очень могло быть, что въ «ю» средняя черта соединявшая обѣ части (і—о) была такъ слаба и мало замѣтна, что подала поводъ къ невѣрному чтенію. Разлагая букву *ю* на двѣ, части, первые издатели вторую половину именно *о* отнесли къ дальнѣйшему слову «**оба**», въ коемъ такимъ образомъ *о* явилось двойнымъ или очнымъ «**ооба**»; оставшаяся за тѣмъ половина отъ ю—і въ соединеніи съ предъидущимъ ъ, необходимо образована ы. Такимъ образомъ естественно явилось чтеніе **славы ооба**, какъ у Малиновскаго вм. **славъю оба**...

При печатаніи первое *о* издатели выкинули въ печатномъ текстѣ точно такъ, какъ сдѣлали они и въ словѣ «*оочи*».

Глухой ъ замѣнявшую здѣсь гласную о и сбившій съ толку издателей есть здѣсь или остатокъ древняго написанія подлинника, или же свидѣтельство стремленія писцевъ XVI вѣка возвратиться къ древнему правописанію. На сколько этотъ ъ, замѣнявшій гласную *о* затруднялъ первыхъ издателей, видно изъ того, что Мусинъ-Пушкинъ первоначально прочиталъ напр. *уждедъ скы* вм. *уже дъски* (т. е. доски). Малиновскій въ первомъ изданіи исправилъ эту ошибку и напечаталъ вѣрно: *уже дъски*.

Въ данномъ случаѣ чтенія именно **славъю** вм. **славы** требуетъ и самый глаголъ: «*свивая*». Свивать, по употребленію въ древне-рус-

скихъ памятникахъ, не значитъ только свертывать что нибудь, какъ кожу, но именно сочетать, связывать. Такъ въ книгѣ Іова читаемъ: **костьми же и жилами сви ма** (Іов. X, 11). Отсюда видно, что глаголъ этотъ въ указанномъ значеніи требуетъ послѣ себя не только падежа винительнаго, но и творительнаго—*свити* что и *чѣмъ*. Въ силу этого требованія въ данномъ мѣстѣ, вмѣсто «славы», слѣдуетъ читать именно «**славъю**», иначе **свивая** осталось бы безъ требуемаго дополненія [1]. Начертаніе въ черновыхъ бумагамъ Малиновскаго слѣдующаго слова **оба** съ двойнымъ **о** (**ооба**) даетъ на нашъ взглядъ полное къ тому основаніе, указывая на разложеніе издателями буквы **ю** при первоначальномъ разбираніи ими рукописнаго текста.

Приглашая Бояна-соловья воспѣть храбрые полки Игоревы, авторъ, между прочимъ, выражаетъ желаніе, чтобы онъ «свилъ славою обѣ половины сего времени», т.-е. нынѣшнія и старыя событія сочеталъ въ одной цѣльной хвалебной пѣсни, что въ дѣйствительности и выполнилъ самъ авторъ въ своемъ «Словѣ», подражая Бояну.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Сравнивая славу древнюю съ симъ временемъ».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «*Сравнивая славу* древнюю съ нынѣшнимъ временемъ».

Въ «*первомъ изданіи*» переводъ этотъ удержанъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Пожарскій: «Свивая не значитъ сравнивая, а «*славы*» здѣсь не винительный падежъ, а творительный; *оба полы* означаетъ обѣ половины, обѣ стороны; разумѣется одна половина, принадлежащая Владиміру, а другая Игорю».

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*свивая*».

Грамматинъ: «Здѣсь «славы» творительный падежъ, ибо винительный «оба полы». «Свивая славы», «значитъ увивая словами, т.-е. увѣковѣчивая въ пѣсни своей подвиги Игоря. Думаю, подъ обѣими половинами авторъ разумѣетъ походъ Игоря и возвращеніе изъ плѣна».

Толкованія Пожарскаго и Грамматина показываютъ, какъ мало они были знакомы съ этимологіей русскаго языка.

Дубенскій: для объясненія «свивая» онъ привелъ текстъ Священнаго Писанія (Пс. 101, ст. 26), въ которомъ это слово употреблено въ значеніи *свертывать*, какъ кожу. «Славы», говоритъ онъ, или описка вм. *славью*, или слѣдуетъ читать *славьи*, т.-е. по соловьиному, или же это винит. пад. и значитъ славныя дѣянія». *Оба полы* обѣ половины, настоящее и прошедшее, «*сего времени*», т.-е. современнаго писателю.

Вельтманъ: Въ 1-мъ изданіи перевелъ: «И свилъ бы ты славу обоихъ временъ». Во 2-мъ изданіи онъ говоритъ, что вмѣсто «свивая славы» надо читать «*спѣвая славы*», въ силу, конечно, одной догадки.

Буслаевъ первый «*славы*» измѣнилъ здѣсь въ «славію».

Нельзя не замѣтить, что всѣ исчисленные переводы крайне безхарактерны и не выражаютъ ни мысли, ни силы подлинника.

Миллеръ Вс. читаетъ такъ: «Свиваясь, славію, оба полы сего времени» и объясняетъ, что «*свиваться*» значитъ спускаться стремглавъ сверху внизъ, низринуться, а «*оба полы*» нарѣчіе мѣста, въ значеніи *по обѣ стороны*; «славы» превратилъ въ «*славію*». Онъ переводитъ: «Взлетая умомъ подъ облака и спускаясь, о, соловей, по обѣ стороны сего времени.» Желая объяснить художественность этого образа онъ строитъ слѣдующую картину: «Рѣка временъ течетъ внизу: ее видитъ Боянъ à vol d'oiseau и паря подъ облаками можетъ спуститься по ту или другую сторону ея. Его мысль знаетъ ту сторону, т.-е. прошедшее и предъугадываетъ другую сторону, т.-е. будущее.

Но отъ этой рѣки временъ, на которую спускается Боянъ изъ-подъ облаковъ, обращаясь къ древнимъ-русскимъ памятникамъ, мы видимъ, что *свиватися* значитъ—не спускаться сверху внизъ, а разрушаться, уничтожаться. Русская народная поэзія также не знаетъ «свиватися» въ смыслѣ спускаться сверху внизъ, но употребляетъ его въ значеніи или сплетаться: *ты свивайся, свивайся вѣнокъ*, или же, сжиматься: *сердце червышкомъ свивается.* Отсюда видно, что сербское «*савитисе*» мало можетъ имѣть отношенія къ объясненію даннаго мѣста. Мы не находимъ также основательнымъ превращеніе *славы* въ «славію» уже потому только, что частое повтореніе въ этомъ періодѣ «соловья» (О, Боянъ *соловей*! скача, *о соловей*... и спускаясь, *о соловей*) становится очень не художественнымъ.

Потебня: въ «славы» предполагаетъ пропускъ слога *ес*, замѣну *о* посредствомъ *а*, а конечнаго *а* посредствомъ *ы*, конечно безъ всякаго палеографическаго основанія и читаетъ: «*свивая словеса*». Свиваніе вокругъ (оба полы) сего времени, по словамъ его, есть какъ бы тканье пѣсни о событіяхъ нынѣшнихъ. Свиваніе, о которомъ рѣчь въ «Словѣ» не имѣетъ ничего общаго съ *извитіемъ словесъ, съ словоизвитіемъ,* о которомъ говоритъ г. Потебня.

Андріевскій: «А бы ты сіа полки ущекоталъ, извивался бы (?) сего времени». Самъ авторъ, передѣлавшій такимъ образомъ текстъ, поставилъ здѣсь знакъ вопроса, такъ какъ дѣйствительно передѣлка выходитъ безсмысленная.

Прозоровскій: «Свивая славы обѣихъ половинъ сего времени». Но почему онъ переводитъ «оба полы» въ родительномъ пад. не извѣстно.

Педагоги:

Погосскій: «Вспоминая прошлую славу».

Малашевъ: Соединяя «соловей», обѣ половины этого времени, т.-е. настоящее съ прошедшимъ.

Алябьевъ: «Съ славой прежнею вспоминая время новое».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Соловьемъ разсыпаясь по дереву, сложилъ бы намъ славу вокругъ нашего времени». *Оба полы,* Бицинъ считаетъ за нарѣчіе въ формѣ «*обаполь*» бытующее въ живомъ народномъ говорѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Окульскій: «Соловьиными бъ велъ переливами, ты бы славу пронесъ и про наши дни».

Поэты:

Мей: «Свивалъ бы свиткомъ славу нашихъ дней».

Гербель: «Сличая прошедшую русскую славу съ позднѣйшей».

Майковъ: «Съ древней славой новую свивая».

Въ одномъ изданіи предназначенномъ для народа это мѣсто передано слѣдующимъ образомъ: «*свивая дутую славу*». Такъ-то наши народники переводятъ для народа твореніе, составляющее народную гордость.

7.

Нощь стонущи ему грозою птиць убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; Дивъ кличетъ връху древа.

Камнемъ предкновенія при чтеніи этого мѣста служитъ непонятное: «*въ стазби*». Сколько ни было попытокъ устранить этотъ камень, всѣ они оказываются безцѣльными. Прилагая къ уясненію этого непонятнаго выраженія палеографическіе пріемы, кажется, всего скорѣе и вѣрнѣе можно достигнуть желанной цѣли.

Въ рукописяхъ XVI и даже второй половины XV въ замѣнъ буквы *и* весьма часто ставились надъ строкою двѣ черточки вкось лежащія». Стоило только переписчику не написать ихъ или читателю опустить изъ виду и тогда по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя слова теряли свою обычную физіономію и смыслъ. При слитномъ же написаніи словъ въ подобномъ случаѣ разомъ могли лишиться своего смысла и цѣлыхъ два слова.

Такого рода знакъ стоялъ и въ спискѣ «Лѣтописнаго Сказанія» о походѣ Игоря, скопированномъ рукою Малиновскаго, и, какъ мы видѣли, вводилъ его въ ошибки. Такой же надстрочный знакъ " стоялъ и въ Пушкинскомъ текстѣ надъ выраженіемъ въстазби т.-е. было начертано: въста"зби. Ошибка первыхъ издателей здѣсь именно въ томъ и состоитъ, что они, не обративъ вниманія на этотъ знакъ, прочитали это, слитно написанное, цѣлое выраженіе за одно слово и такимъ образомъ оставили насъ при таинственномъ «въ стазби». Между тѣмъ стоило только придать надлежаще значеніе вышеуказанному надстрочному знаку и тогда тотчасъ же раскрывается точный ясный и опредѣленный смыслъ всего этого мѣста.

Нощь стоноущи емѹ,
Грозою птичь оубуди
Свистъ [1] зврииъ въ ста" зби. [2]

Т.-е „Ночь, бушуя,
„Страхомъ птицъ разбудила
„Вой звѣриный въ стаи согналъ.

Не нужно забывать, что авторъ рисуетъ здѣсь переполохъ возбужденный въ Половецкихъ станахъ стонаніями ночи и неистовымъ завываніемъ звѣрей и что во всемъ «Словѣ» Половцы являются въ образѣ птицъ [3].

Такъ просто на нашъ взглядъ разрѣшается знаменитая таинственная «стазба», надѣлавшая столько безпокойства ученымъ умамъ. Теперь прослѣдимъ ея исторію въ литературѣ «Слова».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Поднялся свистъ звѣрей въ ихъ *логовищахъ*».

---

[1] См. «*Свистъ*» въ «Лексикологіи».

[2] См. въ «Лексикологіи»: „зби"

[3] Ср. стадь галица бѣжать; о далече зайде соколъ птиць бія; почнутъ наю птици бити.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ совсѣмъ опустилъ это выраженіе, въ *первомъ же изданіи* придалъ ему такой смыслъ: «ревутъ звѣри *стадами*».

Комментаторы:

Карамизнъ: «Въ стазби» перевелъ «по дорогамъ».

Пожарскій, держась перевода Карамзина, производилъ: «*стазби* отъ *стезя*».

Грамматинъ, признаваясь, что слово это ему никогда не встрѣчалось, замѣтилъ, однакожь, что нельзя производить его отъ стези, такъ какъ *е* никогда не измѣняется на *а* и потому изъ стези нельзя сдѣлать *стазба*. Сіе послѣднее происходитъ вѣроятно отъ глагола «*стяжу*»; буква *ж* обыкновенно измѣняется на *з*.

Снегиревъ: сближая съ греческимъ στάσις, видѣлъ въ «стазби» мѣсто стоянія, становище, и даже предполагалъ не сербское ли или корніольское это слово—stada.

Сахаровъ положительно говорилъ, что *стазба*—это пастбище.

Бодянскій раздѣлялъ мнѣніе Сахарова и старался оправдать это мнѣніе, производя «*стазба*» отъ стадо, откуда стадба, стадзба и если откинуть *д* для благозвучія останется *стазба*.

Дубенскій предполагалъ не образовалось ли это слово изъ сербскаго *стаза*, *стазица*, означающее стезю, тропинку. Онъ перевелъ однакоже: «ревъ звѣриный *по степямъ*».

Погодинъ повторялъ мнѣніе Снегирева.

Максимовичъ: въ «стазби» перевелъ сначала въ пустынѣ, а затѣмъ такъ измѣнилъ чтеніе: «свистъ звѣриный вста, зви дивъ, кличетъ».

Вельтманъ, усматривая здѣсь неправильное чтеніе, передѣлалъ это выраженіе такъ: «свистъ звѣриный въста, абы дивъ кличетъ».

Ѳ. И. Буслаевъ предполагалъ здѣсь именно въ «стази» (на тропинкѣ) или въ «статьбѣ» (на пастбищѣ).

Макушевъ сближалъ «*стазби*» съ словомъ «*стази*» и толковалъ, что въ «стазби», значитъ въ «стази» въ мѣстѣ обитаемомъ звѣрями.

Некрасовъ производилъ это слово отъ «*въстазити*»; онъ принималъ «*въстазби*» за нарѣчіе, означающее «*тревожно*» и переводилъ такъ: тревожно звѣриный свистъ, т.-е. (нощь убуди).

Князь **П. П. Вяземскій** «въ стазьби» передѣлалъ въ «пастьби».

Вс. Миллеръ читаетъ такъ: «свистъ звѣринъ въста»; а относительно дальнѣйшаго слога *зби* выразилъ предположеніе, не образовался ли онъ изъ *зълъ*, относившагося эпитета въ диву.

Потебня передѣлалъ здѣсь текстъ слѣдующимъ образомъ, «Нощь стонущи ему грозою птичь убуди свистъ; звѣрина въста: узбися дивъ, кличеть върху древа». Не говоря уже о томъ, что онъ такой передѣлкой совершенно разрушилъ стихи подлинника, замѣтимъ, что ни слова «*звѣрина*», ни слова «*узбися*» не встрѣчается въ древне-русской письменности. Едва ли позволительно «свистъ звѣринъ» читаемый въ памятникѣ XII вѣка, передѣлывать въ «*звѣрина*» на томъ единственномъ основаніи, что въ «Сборникѣ Пѣсенъ» Шейна читается: «Мнѣ пива ня дзива, гарелка ня звѣрина» и заключать еще что въ «Словѣ» употреблено «*звѣрина*» въ значеніи четвероногой дичи, а не лютаго звѣря. Что же касается «*узбися*», то г. Потебня не могъ указать употребленія его даже и въ народныхъ пѣсняхъ. Слово *свистъ* онъ отнесъ къ птицамъ и переводитъ такъ: «ночь гремя страхомъ или громомъ разбудила птичій свистъ». Основаніемъ для такой передѣлки текста служитъ то, что звѣри, по словамъ его, не свищутъ (кромѣ овражка и байбака). Но еслибы г. Потебня поглубже изучилъ значеніе слова «свистъ» тогда онъ не только не считалъ бы выраженія нашихъ былинъ «*Въ лѣсахъ звѣри засвистали*» (Рыб. 11, 137) страннымъ и уединеннымъ, но убѣдился бы, что слово *свистъ* по отношенію къ звѣрямъ употреблялся и въ Греческой Словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился бы, что въ текстѣ «Слова» идетъ рѣчь здѣсь не о четвероногой дичи, но именно о лютомъ звѣрѣ. Во всякомъ случаѣ

на основаніи личнаго своего сомнѣнія въ возможности *свиста звѣринаго* едвали позволительно передѣлывать текстъ памятника XII вѣка и въ такомъ видѣ издавать его въ свѣтъ, подъ своимъ ученымъ авторитетомъ. При томъ же самая передѣлка его крайне неудачна и по своему построенію стоитъ несравненно ниже подлинника даже въ его неисправномъ видѣ. Не могъ авторъ «Слова» ни сказать, ни написать съ такимъ словосочиненіемъ: «нощь *птичь* убуди *свистъ*» отдѣляя глаголомъ опредѣленіе «*птичь*» отъ своего опредѣляемаго *свистъ*. И что за художественная картина въ томъ, что ночь «*разбудила птичій свистъ?*»

Смирновъ: справедливо замѣтилъ, что принять чтеніе Потебни затруднительно, во 1-хъ опредѣленіе будто отдѣлено отъ опредѣляемаго глаголомъ; во 2-хъ еслибы переписчикъ великорусъ и не понималъ слова «узбися», то никакъ не исказилъ бы его въ «зби».

Андріевскій: «Грозою птичь убудися свистъ, звѣринъ въста звиздъ по яругамъ». Въ такомъ искаженномъ текстѣ, сдѣланномъ видимо по слѣдамъ г. Потебни, уже трудно видѣть автора «Слова».

Прозоровскій сопоставлялъ съ «стазбою» выраженіе изъ книги Пророка Наума: «стая (τὸ κατοικητήριον) левьска». Онъ выразилъ предположеніе, что слово «стазбь» выведено изъ совокупности словъ стая и στάσις, представляющихся однозначущими, при чемъ греческому слову дано русское окончаніе.

Педагоги:

Погосскій: «Свистъ звѣрей въ логовищахъ».

Алябьевъ: «Вой звѣриный слышится по дебрямъ».

Ласкинъ: «Раздался свистъ звѣрей; дивъ поднялъ тревогу (*въста, възби*)».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ) перевелъ такъ: «По лѣсу пошелъ свистъ звѣриной».

Скульскій: «Лѣсъ огласился птичьимъ всполохомъ».

Поэты:

Гербель: «Въ окрестныхъ степяхъ».

Мей: «Воютъ звѣри на распутіи»

Майковъ: «Вкругъ стоянки свистъ пошелъ звѣриный».

Читатель можетъ видѣть, что при нашемъ чтеніи разбираемаго мѣста всѣ эти распутія и розстани, дороги и тропинки, дебри и логовища, лѣса и степи, становища и пастбища, стязи и мѣста обитаемыя звѣрями, въ коихъ отыскивали «стазбу» дѣлаются совершенно излишними. Всѣ сближенія съ словами греческими, сербскими, Корніольскими всѣ передѣлки и перестановки, въ коихъ искали выхода изъ загадочной «*стазби*» становятся напрасными.

8.

„*Уже бо бѣды его пасетъ птиць;*
„*Подобію влъци грозу въсрожатъ по яругамъ.*

Главнымъ затрудненіемъ при пониманіи этого мѣста до сихъ поръ служило выраженіе «*подобію*», но въ настоящее время это затрудненіе устранено, можно сказать, окончательно. Еще въ 1868 году Ѳ. Е. Коршъ въ своей рецензіи на изданіе «Слова» Н. С. Тихонравова предложилъ читать здѣсь не «подобію», а «*по дубію*», но это была пока лишь счастливая догадка, не имѣвшая для себя очевиднаго основанія и потому не была принимаема въ дальнѣйшихъ изданіяхъ «Слова». На Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, мы съ своей стороны остановились на доказательствахъ того, что такъ именно, а не иначе слѣдуетъ читать это выраженіе.

Въ своемъ докладѣ мы во 1-хъ заявили, что въ Пушкинскомъ текстѣ употреблялся укъ (ȣ); это видно изъ того, что въ найденныхъ нами черновыхъ бумагахъ Малиновскаго, относящихся къ его работѣ надъ изданіемъ «Слова», въ ряду выписанныхъ «темныхъ мѣстъ въ

поэмѣ Игоря» значится между прочимъ слово изъ лоукв, въ которомъ въ концѣ Малиновскій сначала написалъ скорописное ѵ и, затѣмъ поправилъ его на укъ (ѵ).

Во 2-хъ мы указали, что въ памятникахъ XV и XVI вв. этотъ *укъ* часто писался особеннымъ образомъ: именно, верхняя надписная ижица (ѵ) не сливалась съ начертаніемъ *о*, но настолько отъ него отдѣлялась, что при поспѣшной перепискѣ легко могла остаться не замѣченною и такимъ образомъ въ рукописи вмѣсто ȣ могло удержаться только *о* и вмѣсто подоѵбію могло явиться подобію. Имѣя въ виду эту палеографическую особенность, легко допустить и то, что погрѣшность эта могла принадлежать самимъ издателямъ Пушкинскаго текста.

Въ 3-хъ, предлагая такую поправку, основанную на указанномъ палеографическомъ соображеніи, мы замѣтили, что принятіемъ ея возстановляется въ данномъ мѣстѣ и стройность между стихами, и соотвѣтствіе между предложеніями, и однородность между падежами.

„*Уже бо бѣды его пасетъ птицъ по дȣбію,*
„*Влъци грозу въсрожатъ по яругамъ.*

Обоснованная такимъ образомъ поправка тогда же была одобрена и безусловно принята, какъ вѣрная, всѣми бывшими на съѣздѣ авторитетными учеными, какъ-то А. Ѳ. Бычковымъ, Н. И. Костомаровымъ, О. Ѳ. Миллеромъ, А. Н. Майковымъ, И. И. Срезневскимъ В. И. Григоровичемъ и др.

Что касается другихъ словъ въ данномъ мѣстѣ, затруднявшихъ прежнихъ комментаторовъ, то въ настоящее время они также достаточно разъяснены и не представляютъ уже никакихъ трудностей для ихъ точнаго пониманія.

Не сомнѣваясь, что *птицъ* стоитъ здѣсь въ именительномъ падежѣ и служитъ подлежащимъ, изслѣдователи сближаютъ его обыкновенно съ церковно-славянскимъ пътиштъ или пътищъ (στρουθίον) [1]. Но едва ли это одно и то же. Птищь означаетъ не птицу только, но и всякое

[1] См. Взглядъ на «Слово» о полку Игоревѣ Вс. Миллера, стр. 197.

молодое четвероногое животное. Мы можемъ указать, что слово *птиць* въ этой именно формѣ, а не въ формѣ только **птицѣ**, въ именительномъ падежѣ встрѣчается и въ другихъ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ. Управленіе глагола «пасти» здѣсь совершенно правильно при винит. мн. ч. «*бѣды*» [1].

Считаемъ нужнымъ сдѣлать здѣсь еще одно замѣчаніе. Есть основаніе предполагать, что появленіе въ текстѣ «Слова» «**подобїю**» вм. «**подѹбїю**» могло возникнуть не въ слѣдствіе только, описки писца или ошибки издателей.

Замѣчательно, что такая передача *оу* чрезъ *о* встрѣчается даже въ такомъ древнѣйшемъ памятникѣ, какъ Маріинское Евангеліе, гдѣ при отсутствіи ѹ замѣна *оу*—*о* палеографически является болѣе трудною, такъ какъ приходится пропускать цѣлую букву *у*. Эта особенность повторяется здѣсь нѣсколько разъ; ученый издатель И. В. Ягичь объясняетъ ее тѣмъ, что писецъ просто забывалъ дописывать къ *о* вторую часть вокала-*у*. [2]. Но мы знаемъ и другіе памятники, въ которыхъ замѣна *у*-*о* повторяется весьма часто.

Такъ въ принадлежащемъ намъ спискѣ Северіана Гевальскаго XVI в. встрѣчаемъ;

(л. 104) **поѵжахотъ** (вм. **поѵжахѹтъ**)

(л. 174) **немоготъ** (вм. **немогѹтъ**)

(л. 179) **дводесати** (вм. **двѹдесати**).

Въ Апостолѣ XIV—XV вѣка, кромѣ вышеуказанныхъ примѣровъ, отмѣтимъ еще:

(л. 105 об.) **да ѿстопить** (вм. **да ѿстѹпить**).

Такъ какъ эта особеностьпроходитъ чрезъ всѣ эти памятники, то нельзя ли предполагать, что она отражаетъ въ себѣ колебаніе какого-нибудь мѣстнаго говора.

Въ текстѣ «Слова о полку Игоревѣ»—также стоитъ *о* вм. ѹ не въ одномъ только выраженіи «**подобїю**. Здѣсь встрѣчаемъ также»

---

[2] Ibid. стр. 196.

[1] См. въ Лексикологіи «*птиць*».

[2] См. Маріинское Четверо-Евангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. стр. 494.

шарокань вм. шарукань; *босый* вм. бусый. То вм. ту и быть можетъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Въ силу этихъ поправокъ мы дѣлаемъ такой переводъ этого мѣста:

„Уже птица по дубью
“Его бѣдъ дозираетъ;
„По оврагамъ волки
„Навываютъ [2] ужасъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: Волки, *на подобіе птицъ* своимъ воемъ, предвѣщаютъ неудачу.

Малиновскій «слово «подобію» удержалъ въ черновомъ переводѣ въ значеніи «*также*»: «волки *также* по оврагамъ наводятъ страхъ вытьемъ своимъ». Но въ *первомъ изданіи*—это выраженіе въ переводѣ опущено: «Уже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ».

Шишковъ: Сіе переложеніе не изъясняетъ мысли заключающейся въ подлинникѣ: глаголъ «*пасетъ*» часто въ старинныхъ книгахъ значитъ питаетъ; и такъ, рѣчь сія какъ по силѣ сего глагола, такъ и по разуму повѣствованія, долженствуетъ значить: «уже птицы питаютъ себя бѣдами войскъ Игоревыхъ», т.-е. готовятся пожирать тѣла ихъ, когда онѣ будутъ побиты. «*Подобію волки въсрожатъ*» значитъ: *равнымъ образомъ* и волки собравшіеся въ оврагахъ тѣмъ же самымъ угрожаютъ имъ.

Пожарскій: въ семъ самомъ разсужденіи Шишкова кроется неправость; ибо птицы питаютъ себя бѣдами не значитъ: *готовятся питать себя*; великая разница между словали питать себя и готовиться питать себя. Здѣсь глаголъ пасетъ должно принимать въ прямомъ

---

[2] См. въ Лексикологіи *ворожатъ*.

его значеніи, т. е. пасетъ, стережетъ, караулитъ. Что же касается *«въсрожатъ»* то на Польскомъ языкѣ есть глаголъ srozyć (срожить), означающій дѣлать суровымъ, жестокимъ.

Грамматинъ: пасти птицъ, здѣсь тоже, что пасти скотину. Сія метафора одна изъ самыхъ употребительныхъ въ священномъ писаніи (Пс. XXII, I. XCIX, 3. Іоан. X, 11). Здѣсь мысль автора такая: уже птицы слетѣлись и предвѣщаютъ ему бѣды; *также* и волки воемъ угрожаютъ.

Вельтманъ: предвѣстія гибели хищныя птицы ужъ на его накликаютъ, *какъ* (подобію) волки вытьемъ по оврагамъ, грозу предвѣщая; во 2 изданіи: словно волки въ ущельяхъ (по яругамъ) грозу накликаютъ. *«Въсрожати»* производилъ отъ *«рожати»*.

Снегиревъ: можетъ-быть слѣдовало читать *«върожатъ* т.-е. ворожатъ, предвѣщаютъ.

Дубенскій *«пасеть»* принималъ въ значеніи стережетъ: *«подобію»*, по подобію, т.-е. подражая птицамъ. Переводилъ такъ: Уже птицы алчутъ его погибели; *тоже* волки грозу накликаютъ.

Соловьевъ С. М. «Прекрасное выраженіе: *«уже бѣда его пасетъ птицъ»* совершенно теряется въ отдаленномъ переводѣ Дубенскаго: «уже птицы алчутъ его погибели».

Максимовичъ *«подобію»* измѣнялъ на «по лозію».

Некрасовъ Н. «подобію птиць» толковалъ въ «образѣ птицъ».

Тихонравовъ Н. С. въ первомъ своемъ изданіи такъ разставилъ здѣсь знаки препинанія: Бѣды его пасеть; птиць подобію. Но какъ онъ понималъ это мѣсто, не объясняетъ.

Веселовскій А. Н. вмѣсто «бѣда» читаетъ здѣсь «обида, въ коей видитъ злую судьбу уловляющую Игоря, въ образѣ зловѣщей птицы. Мысль угадана, но замѣна излишна.

Миллеръ В. понимаетъ «*бѣды*» какъродит. пад. ед. ч.; «*пасетъ*» въ смыслѣ стережетъ, блюдетъ, предостерегаетъ, а «*его*» какъ прямое дополненіе къ глаголу «пасетъ» и толкуетъ это мѣсто такъ: «какъ дивъ предостерегаетъ князя *връху древа*, такъ здѣсь *птиць* блюдетъ его же отъ бѣды, сидя *по дубію*. Но во 1-хъ во всей Славяно-Русской письменности нельзя указать примѣра, въ которомъ бы глаголъ «пасетъ» имѣлъ дополненіе въ родительномъ падежѣ; приведенныя же авторомъ выписки указываютъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Потебня, лишь на управленіе глагола «пастися», а не «пасти»; во 2-хъ хорошо же птицы блюдутъ Игоря отъ бѣды, когда по собственному толкованію г. Миллера, рядомъ съ ними, волки грозу ему угрожаютъ, орлы клектомъ на кости звѣря зовутъ т.-е. мы хотимъ сказать, что его толкованіе бьетъ въ глаза не соотвѣтствіемъ въ контекстѣ. Что касается дальнѣйшаго «въсрожатъ» то онъ полагаетъ, что слово это испорчено и поправляетъ въ немъ *с* въ *г* т.-е. «въгрожатъ», но въ такой именно формѣ глагола *угрожать* въ памятникахъ Сляванo-Русской письменности не замѣчено, хотя выраженіе «*грозу грозить*» встрѣчается не рѣдко.

Потебня слово «бѣды» измѣнилъ здѣсь въ «бѣда», а «*птичь*» въ «птици» и переводитъ такъ: «Бѣда (недоля) кормитъ птицъ по деревьямъ». (т.-е. тѣлами его воиновъ). Но какъ передѣлку текста нельзя назвать умѣстною, такъ и переводъ удачнымъ. Странно, что г. Потебня, такъ тщательно наблюдавшій за построеніемъ періодовъ и грамматическимъ ихъ соотношеніемъ, не обратилъ здѣсь вниманія на дальнѣйшія предложенія, гдѣ подлежащими являются волки, орлы, лисицы; во всѣхъ періодахъ здѣсь воплощена одна картина грозной не минуемой опасности, предсказываемой вѣщимъ животнымъ міромъ. Какимъ образомъ бѣда (недоля) можетъ кормить птицъ по деревьямъ тѣлами воиновъ, которые еще живы и затѣмъ, какимъ образомъ въ данномъ случаѣ оказывается, что она *предупреждаетъ* Игоря—рѣшительно не понимаемъ. Вмѣсто «въсрожатъ» онъ предлагаетъ читать: «*въсрошатъ*» или «въсорошатъ» и переводитъ такъ: «волки взъерошиваютъ страхъ (грозу) по ярамъ», т.-е. воемъ возбуждаютъ ужасъ. Мысль, на нашъ взглядъ, совершенно вѣрная, но сомнительно, чтобы такой художникъ,

какъ авторъ «Слова», для выраженія ея воспользовался образомъ «възъерошиванія». При этомъ, между прочимъ замѣтимъ, что въ древне-русскихъ памятникахъ «въсрошати» употребляется не въ одномъ только этомъ значеніи.

Смирновъ справедливо замѣтилъ, что «бѣды» служитъ дополненіемъ при «пасеть» въ винит. множ., т.-е. настороживаетъ «бѣды».

Прозоровскій: «А между тѣмъ птицы поджидаютъ его бѣду; *подобно* имъ и волки грозу чуютъ по оврагамъ».

Странно что даже и нынѣ, «*подобію*» онъ понимаетъ также, какъ понимали въ блаженныя времена Шишкова.

Андріевскій передѣлалъ такъ: «Уже бо его пасеть птиць ѡ҃ обимо волци грозно въсоржатъ».

Педагоги:

Кораблевъ: «Уже бѣду его ждутъ птицы хищные, *будто* волки по обваламъ ожидаютъ грозы».

Погосскій: «Уже хищныя птицы бѣду его накликаютъ, *словно* волки, чуя грозу его по яругамъ».

В. М.: «Грозящее ему несчастіе предвѣщаетъ поживу; волки по оврагамъ воемъ своимъ *какъ бы* ворожатъ на грозу».

Малашевъ: «Уже птицы ожидаютъ его погибели, волки по оврагамъ предвѣщаютъ грозу».

Ласкинъ: «Уже бѣды его ждутъ птицы по деревьямъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Подобію» читаетъ «по удолью» и переводитъ: «Ужъ бѣда его манитъ птицъ по удолью; волки зачуяли грозу по оврагамъ».

Окульскій: «Птицы хищныя да звѣрь лѣсной трупный запахъ знать ужь почуяли; чу!... волчій стонъ стоитъ».

Поэты:

Мей: «Налетаютъ птицы стаями, почуя кровь,
«По оврагамъ волки воемъ ворожатъ грозу.

Гербель: «Птицы погибель ему возвѣщаютъ
«И волки невзгоду на нихъ накликаютъ.

Майковъ А.: «А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы,
«Ощетинясь, словно бурю кличутъ.

На нашъ взглядъ, эти переложенія слишкомъ слабы въ сравненіи съ подлинникомъ и далеко не выражаютъ глубины его смысла.

9.

Долго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла.

Одно изъ затрудненій для читающаго представляется здѣсь въ словѣ «*мркнетъ*». Нельзя не замѣтить, что здѣсь опущенъ глухой ь, по древнему правописанію замѣнявшій є, т.-е. слѣдовало читать: мьрькнеть. Въ XV и XVI вв. слово это могло имѣть разныя формы написанія: мьркнеть и мь҆кнеть и меркнеть. Могло наконецъ оно и совсѣмъ потерять ь и принять ту форму, какую видимъ въ изданномъ текстѣ.

Мы уже знаемъ, что глухія, замѣнявшія гласныя, несомнѣнно были въ Пушкинскомъ текстѣ, и знаемъ, какъ онѣ затрудняли издателей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появленіе ихъ казалось имъ непонятнымъ (рѹь или рєчь или рь҆); вслѣдствіе той же палеографической особенности, какъ мы выше указали, они вмѣсто слакъю прочитали слакъі, относя о отъ ю къ послѣдующему ока (полы).

Въ виду этого мы считаемъ очень возможнымъ, что если въ оригиналѣ и было мьр҆кнетъ, то ь могло быть выкинуто и самими издателями.

Глаголъ *меркнетъ* имѣетъ здѣсь то же значеніе, какое имѣетъ онъ въ живомъ народномъ употребленіи въ формѣ «*мелькнетъ*». Значеніе его опредѣляется непосредственностію впечатлѣнія; имъ указывается на постепенное погруженіе ночи въ мракъ. Очень можетъ быть, что

«меркнетъ» начертано именно вмѣсто: мьлькнеть. Переходъ л въ р очень обыченъ и естественъ, что можно наблюдать даже изъ дѣтскаго говора. Быть можетъ, древне-русскій писецъ или издатели нашли его не умѣстнымъ по отношенію къ ночи и потому замѣнили его, превративъ въ мркнеть [1].

Авторъ дѣлитъ ночь на двѣ половины: ночь *смельканщаяся* и ночь *мляная*.

Крайнимъ моментомъ первой половины ночи служитъ послѣдній лучъ потухающей зари. Это и выражено дальнѣйшимъ стихомъ: *заря свѣтъ запала* [2]. Наступилъ самый мракъ ночи. Настала глубокая ночь; ни зги стало не видно: *мгла степи покрыла*.

Два признака говорили о приближеніи утра: это умолканіе соловья и переkликъ галокъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Мракъ ночной продолжается; свѣтъ зари не видѣнъ; мгла поля покрыла».

Малиновскій: «Мракъ ночи усугубляется, погасаетъ свѣтъ зари». Слово «далеко» онъ какъ, и Мусинъ-Пушкинъ, отнесъ къ предъидущему.

Въ *Первомъ изданіи* переводъ такой: «Далеко уже вы за шеломенемъ! Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля устилаются».

Комментаторы:

Шишковъ: Здѣсь *далеко* значитъ давно. Подобный перерывъ въ словѣ придаетъ оному много силы; стихотворское изображеніе любитъ иногда нѣкоторый безпорядокъ, восторгъ, живость, препинаніе.

Пожарскій: «Извѣстно всякому, что нарѣчіе, поставленное между двумя точками, не только никакой силы и высокости не сообщаетъ, но и не даетъ никакого опредѣлительнаго понятія, а при томъ можно ли чувствовать въ томъ словѣ силу и красоту, коего значеніе совершенно неизвѣстно. Нарѣчіе *далеко* и въ «Переложеніи» и въ «Примѣча-

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*мркнути*».
[2] См. въ «Лексикологіи»: «*запала*».

ніяхъ» «отнесено къ глаголу «*еси*», и хотя ясно видно, что оно не у мѣста, однако для утвержденія его при сёмъ глаголѣ приданы ему другія значенія т. е. *давно* или *далеко*. На сіе нарѣчіе, стоящее между точками болѣе права имѣетъ глаголъ «*мркнетъ*»; тогда нарѣчіе *долю* примется въ собственномъ его значеніи; а рѣчь: «*долю ночь мркнетъ*» представитъ слѣдующее понятіе: долго ночь мракъ своей распространяетъ, или просто, долго ночь продолжается.

Въ подлинникѣ, замѣчаетъ онъ, описывается здѣсь не наступленіе ночи и не погашеніе вечерней зари, но необыкновенныя въ природѣ явленія, которыя представлялись воображенію объятаго страхомъ войска Игорева. *Заря свѣтъ запала* въ Переложеніи переведено: «Свѣтъ зари погасаетъ», и у Шишкова «заря потухаетъ. Итакъ въ переложеніи слово «заря обращено въ родит. пад., а слово «свѣтъ въ именительный; но здѣсь, слѣдуя употребленію, это слово должно принимать въ падежѣ творительномъ, и притомъ свѣтъ сей не есть свѣтъ, отъ зари происходящій, но свѣтъ утренній, дневной, отъ коего происходитъ глаголъ: *свѣтать*. Онъ переводилъ такъ: Долго ночь продолжается, свѣтомъ заря не является. Глаголъ «западать» не можетъ означать здѣсь ни погасать, ни потухать. У насъ обыкновенно говорится онъ «запалъ» т. е. онъ долго не является; посему слово: заря свѣтъ запала «значитъ»: заря долго *свѣтомъ* не является.

Грамматинъ. Г. Пожарскій толкуетъ что *свѣтъ* здѣсь творительный, а не именительный пад.; но творительный падежъ въ славянскомъ языкѣ сходенъ съ именительнымъ только во множеств. ч., а не въ единственномъ. Съ перваго раза можно думать, замѣчаетъ онъ, что въ выраженіи: заря свѣтъ запала» нѣтъ грамматическаго смысла, но, вникнувъ, найдемъ, что оно не только коренное русское, но составляетъ еще красоту слога; мы говоримъ серцевѣдецъ-Богъ, надежа—царь, сладость—счастье». Заря—свѣтъ тотъ же оборотъ. Онъ переводилъ: Долга ночь темнѣетъ, свѣтлая заря пропала.

Павскій: Мрачная ночь тянется долго.

Вельтманъ: Ночь медленно тянется; во 2-мъ изд. Уже ночь наступаетъ.

Дубенскій: толкуетъ согласно съ Пожарскимъ, что для дружины Игоревой все казалось необыкновеннымъ и долга ночь и не скоро занялась заря (свѣтъ скрыла и мгла) и мгла покрыла поля. Долго ночь мерцаетъ, заря съ свѣтомъ пропала.

Миллеръ Вс. *Спала* измѣняетъ въ «запала, задержала разсвѣтъ, по значенію глагола **ʒапати** ἐμποδίζειν, препятствовать, останавливать. Но любопытно знать, какъ заря можетъ воспрепятствовать появленію разсвѣта?

Потебня: Мьркнетъ т. е. долго находится въ состояніи мрака, не только кажется долгою, но и дѣйствительно долга, не по времени года. Далѣе слѣдуетъ описаніе мрачнаго утра, какъ это признано между прочимъ Максимовичемъ, Майковымъ и другими. Я перевожу: «какъ только заря предсказала свѣтъ, туманъ покрылъ поля (тоже своего рода ночь и разница лишь та, что пѣнье соловья уснуло, и пробудился говоръ галицы). *Запала* онъ превратилъ въ «заповѣдала».

Андріевскій: Долго свѣтъ мрькнетъ
Заря мьглǎ запала.

Прозоровскій: Настала глубокая ночь; свѣтъ померкъ съ зарею. *Запала*, значитъ, будто бы съ собой унесла.

Педагоги:

Кораблевъ: Долго ноченька разстилается,
Заря свѣтъ погасла.

Погосскій опустилъ это мѣсто.

В. М. Долго длится ночь, заря (звѣзда)
Затаила свѣтъ свой.

Алябьевъ: Долго длится мракъ ночной, заря
свѣтъ проглянула.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): Долго ночь меркаетъ,
Свѣтъ заря запала.

Скульскій: Меркнетъ вечеръ лѣтній,
Свѣтъ заря запала.

Поэты:

Гербель: Спускается ночь съ высоты
Заря чуть мерцая, въ дали догораетъ.

Мей: Поздно. Меркнетъ ночь,
Свѣтъ—зорька закатилась.

Майковъ А. Ночь рѣдѣетъ.
Бѣлый свѣтъ проглянулъ.
По степи туманъ понесся сырью.

Здѣсь, замѣчаетъ онъ, видятъ картину ночи. Но по моему это раннее утро. Померкнуть, говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значитъ угаснуть и вмѣстѣ потерять свой свѣтъ, потемнѣть, поблѣднѣть, словомъ, въ обоихъ случаяхъ означаетъ *убыль*. Ночь меркнетъ, значитъ, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ т. е. стало свѣтать. «Заря свѣтъ запала» переводятъ «заря медлитъ»; по моему, напротивъ занялась, какъ мы говоримъ: лучь запалъ въ этотъ мракъ.

10.

„*Щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди*.

Ошибка писца или недосмотръ издателей состоитъ здѣсь въ словѣ «убуди». Очевидно, слѣдуетъ читать «*убудися*». Какъ произошла эта ошибка, разгадать не трудно. Мы знаемъ, что окончаніе *ся* глаголахъ въ Пушкинской рукописи было титлованное и означалось только надписною буквою *с*. Такъ, Малиновскій въ своихъ черновыхъ

бумагахъ скопировалъ одно слово съ подобнымъ окончаніемъ въ слѣдующей формѣ: и рассоушѧ.

Отсюда можно заключить, что и «убуди» имѣло здѣсь подобное же написаніе, т.-е. оукоуди҄. Недосмотръ надписнаго с могъ быть и со стороны издателей, но всего вѣроятнѣе, что это ошибка писца, одна изъ такихъ, которыя часто замѣчаются въ рукописяхъ XVI в. Итакъ, слѣдуетъ читать: оукоуди҄ т.-е. убудися.

Въ виду этой поправки мы переводимъ:

„Уснуло пѣніе соловья,
„Голосъ галокъ пробудился.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Престалъ щокотъ соловьевъ; замолкъ говоръ галокъ».

Малиновскій: «Умолкаетъ пѣснь соловьиная, не слыхать переклички галочей».

Въ «*Первомъ изданіи*»: «Пѣснь соловьиная умолкаетъ; говоръ галокъ начинается».

Комментаторы:

Шишковъ: Въ «Преложеніи» весьма несправедливо истолковано: говоръ галокъ начинается, ибо сочинитель хочетъ изобразить здѣсь наступающую тишину ночи и умолканіе всего, слѣдовательно, и галокъ. Знаменованіе глагола «убуди» должно здѣсь производить отъ глагола «убывать» (убу́ди) а не отъ глагола «будить» (убуди́), и потому слово сіе значитъ уменьшаться, оканчиваться, преставать, а не начинаться.

Пожарскій: «Глаголъ «убуди» значитъ здѣсь, какъ видно, изъ другихъ мѣстъ «Слова» всталъ, начался. Сверхъ сего слова «*щекотъ*» и «*говоръ*» не правильно названы у Шишкова прилагательными именами, данными соловьямъ и галкамъ, но имъ самимъ даны прилагательныя имена отъ соловьевъ и галокъ, какъ видно изъ словъ подлинника: щекотъ славій, говоръ галичь, т.-е. соколъ соколиный, говоръ галичій.

Грамматинъ первый сталъ переводить вѣрно: «Пѣніе соловьиное заснуло, крикъ галичей пробудился».

Павскій: «Крикъ галокъ пробудился».

Дубенскій перевелъ вѣрно: «Свистъ соловьиный умолкъ, крикъ галочій раздался», на основаніи аналогіи, хотя и не высказываетъ, что здѣсь описка или недосмотръ.

Миллеръ предложилъ читать или: «мгла поля покрыла, щекотъ славій успи, говоръ галичь убуди», или «щекотъ славій успе, голосъ галичь убудися».

Прозоровскій: «*порою* говоръ галокъ пробуждался».

Педагоги:

Кораблевъ: «Пѣніе соловья смолкло, «*говоръ воиновъ*» разбудилъ галокъ».

Алябьевъ: «Говоръ галчій поднялся».

Ласкинъ: «Шумъ пробудилъ галокъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Щелканье соловьевъ смолкло,
«Галочей говоръ угомонился.

Скульскій: «Смолкло птичье пѣнье,
«Галки накричались и угомонились.

Поэты:

Гербель: «Соловей умолкаетъ,
«Кликъ галочей слышенъ порой.

Мей: «Задремала пѣсня соловьиная,
«Пробудился говоръ галочей.

Майковъ А.: «Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,
«Галчій говоръ по кустамъ проснулся.

11.

„Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; не былонъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету.“

Здѣсь требуетъ разъясненія слово «*не былонъ*», какъ оно появилось и какъ слѣдуетъ его читать.

До насъ дошли ясные слѣды колебанія первыхъ издателей, при разбираніи и пониманіи этого слова. Если въ Московской (печатной копіи) мы видимъ «*не былонъ*», то въ Петербургской (Пушкинской) читаемъ въ формѣ «*не было нъ*». Не зная, куда дѣвать это *нъ*, издатели рѣшили напечатать слитно, какъ стояло въ подлинникѣ. Если бы они выкинули это *нъ*, то скрыли бы для насъ навсегда одинъ изъ важныхъ палеографическихъ слѣдовъ подлинника. Теперь же мы имѣемъ полную возможность разъяснить, въ чемъ тутъ ошибка. Мы уже не разъ указывали, что Пушкинская рукопись «Слова», относилась по письму къ XVI вѣку, когда писцы, возвращаясь къ древнему правописанію, стали употреблять глухіе ъ и ь вмѣсто гласныхъ о и *е* и при томъ не всегда правильно, вслѣдствіе чего глухія появились и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не допускала того русская рѣчь. Выраженіе «*не былонъ*» отражаетъ въ себѣ слѣдъ этого обычая. Въ рукописи это выраженіе имѣло такое написаніе: **небылонъ**. Конечное ъ здѣсь явилось вмѣсто о, точно также какъ вмѣсто «*рече*» писецъ XVI вѣка написалъ «*речь*». (Ср. въ Московской копіи: помняшетъ бо *речь*, и въ Петербургской: *и речь* Всеволодъ... *речь* Кончакъ; а также «*понизить*», «*вонзить*».

Такимъ образомъ **не былонъ** слѣдовало читать **не бы онъ**, т.-е. «не было *оно*». ъ является здѣсь только какъ палеографическій слѣдъ писавшей руки XVI в., обыкшей ставить глухіе вмѣсто гласныхъ, пытавшейся подражать древнему правописанію. Точно такой-же примѣръ мы можемъ видѣть въ «*Хожденіи Пимена митрополита втретіе въ Царьградъ*» (Русс. Врем. М. 1820 г.).

Здѣсь между прочимъ читаемъ: «а оба полъ царя 12 оружниковъ, а отъ главъ ихъ и до ногу все «*желѣзонъ*» (стр. 212). Здѣсь

вь словѣ «желѣзонъ» какъ разъ точно также въ концѣ ѣ стоитъ вм. о, и наоборотъ, въ серединѣ о вмѣсто ѣ, т.-е. слѣдовало бы читать и написать: **желѣзъно**.

Въ виду сихъ соображеній, мы не можемъ принять ни поправки, какъ читалъ *Тихонравовъ*, *нъ* на *въ* (не было *въ* обидѣ), ни перемѣны *нъ* на *къ*, какъ предполагалъ Миллеръ: (не было *къ* обидѣ порождено) и убѣждены, что слѣдуетъ читать такъ: **не бы онъ**, или же держась точнаго правописанія и раскрывая титло: «**не было оно**».

Изъ прежнихъ комментаторовъ *Шишковъ* предполагалъ, что *нъ* здѣсь есть *сокращенное* «*оно*».

Какъ въ древнихъ рукописяхъ главное затрудненіе для писцевъ обусловлено было *слитнымъ* начертаніемъ словъ, такъ при чтеніи и списываніи рукописей конца XV и XVI вѣковъ наиболѣе всего затрудняли надстрочныя буквы и титлованныя окончанія, вслѣдствіе чего два слова были принимаемы за одно. Вмѣсто того, чтобы читать раздѣльно: **не бы онъ** т.-е. **не было оно**, издатели, послѣ указаннаго колебанія напечатали: «*не былонъ*», т.-е. два слова слили въ одно. Подобные примѣры встрѣчаются и у позднѣйшихъ издателей. Такъ въ томъ же «*Хожденіи Пимена*» (Русс. Врем. М. 1820 г.) читаемъ: «Внидохомъ въ землю Татарскую, ихъ же множество зѣло *оба Полдона рѣки* вм. оба полы Дона (стр. 298).

12.

„*Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота.*

Разъясненія здѣсь требуетъ только то, почему «*кая*» не согласовано съ «*раны*». На нашъ взглядъ, ошибка принадлежитъ здѣсь исключительно издателямъ. Мы уже видѣли, что Пушкинская рукопись «Слова», отражая на себѣ печать писавшей руки XVI в., испещрена была надписными буквами и титлованными окончаніями. Слово «*рана*» въ подлинникѣ имѣло подобное же титлованное написаніе, т.-е. въ формѣ: **кая ра**.

Что оно было написано именно въ такой формѣ это видно изъ первоначальнаго процесса разбиранія этого мѣста первыми издателями.

Мусинъ-Пушкинъ первоначально перевелъ его такъ: «Къ чему было, братцы, такъ безвременно ополчатися». Главный редакторъ 1-го изданія—Малиновскій также сначала перевелъ: «Къ чему же было такъ *«рано»* ополчатся». За тѣмъ въ черновомъ переводѣ все это зачеркнулъ и, приписавши вверху: «Сколь дороги, братцы, тому... *«рано»* поправилъ на «раны». Возможность вмѣсто *«раны»* читать *«рано»* ясно намъ указываетъ, что слово это было написано именно такъ ра҃. Догадавшись, что подъ титломъ скрывается «рана», а не «рано» и считая «кая» стоящимъ во множественномъ числѣ, онъ согласовалъ съ нимъ и «ра҃», при выводѣ изъ-подъ титла. Убѣдившись въ такомъ чтеніи онъ прежній переводъ зачеркнулъ и сверху написалъ: «сколь дороги, братцы тому и затѣмъ стоящее въ строкѣ *«рано»* поправилъ на *«раны»*.

Такъ въ *Пушкинскомъ текстѣ* явилось слово «раны» не согласованное съ «кая». Слѣдуетъ, очевидно, читать «кая ра҃, т.-е. рана дорога».

Что касается слова *«дорога»*, которое повидимому внутренно не гармонируетъ съ *«рана»*, то для правильнаго его пониманія необходимо имѣть въ виду особенность синтаксическаго употребленія слова *«дорогой»*, въ силу коего грамматически оно ставится не тамъ, гдѣ требуется логически [1].

Комментаторы:

Шишковъ, какихъ опасностей побоится, или на такіе трудные подвиги не пустится тотъ, въ чьемъ сердцѣ толикая къ славѣ горитъ любовь.

Малиновскій: «Какія, братцы, раны будутъ дороги».

Грамматинъ, Пожарскій, Вельтманъ: «Какія дороги раны».

Грамматинъ замѣтивъ грамматическую несообразность изданнаго чтенія, исправилъ такъ: «кыя раны дорогы», понимая *«дорогой»* въ значеніи латинскаго *«carus»*.

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: *«дорога»*.

Дубенскій: «Какой раны побоится тотъ».

Эрбенъ раны поправилъ на *«рать»*. Какая рать дорога или какой же былъ дорогой бой.

Гаттала читалъ: «кая ранъ дорȏга (via)».

Миллеръ Вс.: *«Кая»* принимаетъ за причастіе отъ «каяти», относящееся къ Всеволоду, какъ дальнѣйшее *«забывъ»*; *раны* винит. множ. *«Дорога братіе»*—обращеніе къ слушателямъ; онъ даже находитъ еще болѣе удовлетворительнымъ чтеніе «дорога брата». Стало-быть, основательно замѣчаетъ А. Ѳ. Потебня, Всеволодъ оплакивалъ раны Игоря, когда «поскочаше». Время для этого выбралъ неудобное, не говоря о грамматическихъ затрудненіяхъ. Предыдущій періодъ, къ которому, по предположенію, должно тяготѣть *«кая»*, совершенно замкнутъ зват. пад. Если же «кая» послѣ точки и если оно есть причастіе, то все это мѣсто остается безъ полнаго сказуемаго. Къ чему будетъ относиться это придаточное предложеніе, въ свою очередь спрашиваетъ А. И. Смирновъ, когда впереди нельзя подобрать къ нему главнаго?

Андреевскій: «Кая р³аны братни» и толкуетъ, что это значитъ: «казня за раны братни».

Прозоровскій: «Какія братцы раны *«дороже его ранъ»*.

Педагоги:

Малашевъ: «Какія раны страшны».

Алябьевъ: «И до ранъ ли тутъ, братцы».

Ласкинъ: «Терзаясь печалію о ранахъ дорогаго брата, забылъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Братцы, важны ли тому какія раны».

Скульскій: «Ужъ тебѣ теперь не до ранъ своихъ».

Поэты:

Гербель: «Какой побоится онъ раны».

Мей: «Да и къ чему ему, ребята, головы жалѣть».

Майковъ: «Кая раны дорога», выраженіе не легко объяснимое.

Само собою разумѣется, принимая указанное чтеніе въ силу изложенныхъ палеографическихъ основаній, мы тѣмъ самымъ отказываемся отъ поправки *этого мѣста, какъ и многихъ другихъ*, предложенныхъ нами на III Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, гдѣ выражали предположеніе, не слѣдуетъ ли здѣсь вмѣсто: «кая раны друга» читать «кая раны дърѹга», въ смыслѣ: еще ли есть «иныя раны».

13.

Тоже звонъ слыша давный великый Ярославь, сынъ Всеволожь, а Владиміръ...

Едва ли можетъ подлежать самнѣнію, что въ текстѣ идетъ здѣсь рѣчь о той самой борьбѣ Олега, ковавшаго крамолу съ Ярославичами изъ за Черниговскаго престола, въ которой, какъ ниже говорится, палъ Борисъ Вячеславичъ за обиду Олега храбра и млада князя.

Но если такъ, то возникаетъ недоумѣніе, какѣ явилось чтеніе: Ярославь сынъ Всеволожъ» вмѣсто «*Всеволодъ*», который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ этой борьбѣ.

Подобная поправка могла быть сдѣлана, конечно, и древними писцами: ничто такъ часто не подвергалось неисправной перепискѣ, какъ имена собственныя. Но древніе писцы переписывали, не мудрствуя лукаво; здѣсь же, въ этой поправкѣ сквозятъ грамматическія соображенія, и потому едва ли не справедливѣе отнести ее на счетъ первыхъ издателей Пушкинскаго текста. Въ рукописи, всего вѣроятнѣе это мѣсто имѣло такое написаніе: **ярославь снъ всеволд**. «*Ярославъ*» здѣсь является вмѣсто «*Ярославль*» по живому говору безъ смягченія губнаго *в*, какъ и въ другомъ мѣстѣ: мати Ростисла*вя* вм. Ростислав*л*я. Но издатели, какъ показываютъ всѣ ихъ переводы, и перваго изданія,

и Мусина-Пушкина и Малиновскаго, считали здѣсь ꙗрославь за имя существительвое и были убѣждены, какъ видно изъ ихъ «Примѣчаній», что здѣсь разумѣется «Ярославъ, сынъ Всеволода Ольговича съ 1174 по 1200 княжествомъ Черниговскимъ обладавшій». Въ виду такого убѣжденія, если въ текстѣ и стояло всеволо͡ж, они должны были признать ошибкою писца и переправить «сынъ Всеволо*дъ*» на «сынъ Всеволо*жъ*» согласно своему пониманію не вызывавшему ни малѣйшаго недоумѣнія. Они тщательно избѣгали поправокъ, но допускали ихъ тамъ, гдѣ смыслъ для нихъ самихъ былъ ясенъ и гдѣ казавшаяся имъ грамматическая ошибка писца могла затемнять его для читателя.

Тоже слѣдуетъ читать тѹже. Здѣсь является опять таже палеографическая ошибка, на которую мы указали выше т. е. недописанный ȣ, какъ въ словѣ «*подобію*» вм. «по дѹбію». При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что съ нарѣчіемъ тȣ въ древне-русскомъ языкѣ соединялось нѣсколько иное значеніе, чѣмъ какое соединяется съ нимъ въ наше время [1].

Въ виду сихъ соображеній мы переводимъ:

„При этомъ и Всеволодъ,
„Сынъ Ярославовъ, слышалъ звонъ
„И Владиміръ каждый день
„Затыкалъ уши въ Черниговѣ [2].

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Таковой же звукъ побѣды слышалъ старый великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ».

Малиновскій колебался здѣсь только въ томъ, куда относить слово «*давній*». Сначала онъ сдѣлалъ такой переводъ: «Когда онъ (Олегъ) ступалъ въ золотое стремя въ городѣ Тмутаракани, то отдавался

---

[1] См. въ «Лексикологіи» тѵ.

[2] Что значить «слышать звонъ» и «закладывать уши» см. въ Лексикологіи слова: «*звонъ*» и «*закладывать*».

звукъ у стараго Ярослава сына Всеволодова, но потомъ слова «то отдавался звукъ у» зачеркнулъ и написалъ надъ строкою: «Давній звукъ великихъ побѣдъ его слышалъ», и за тѣмъ исправилъ окончанія дальнѣйшихъ словъ: ста*рый* (вм. аго) Ярославъ (вм. а) сынъ (вм. а) Всеволодовъ (вм. а). Отсюда видно, что первый редакторъ «Слова»: «*давній*» и «*вели*кій» относилъ сначала къ «*звону*». Увѣренность его, что здѣсь разумѣется Ярославъ Черниговскій была такъ велика, что и слова «*давній*» и «*великій*», которыя не совсѣмъ подходили къ этому князю, онъ относилъ къ «звону». Но потомъ, какъ видно, изъ печатнаго текста, онъ убѣдился, что слова «*давній*» и «*великій*» относятся не къ «звону» но къ «Ярославу» хотя Ярослава Черниговскаго авторъ «Слова» не могъ назвать ни «старымъ, ни великимъ».

Въ *Первомъ изданіи* Малиновскій удержалъ этотъ послѣдній переводъ: «Звукъ побѣдъ его слышалъ старый и великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ, но Владиміръ затыкалъ себѣ уши всякое утро въ Черниговѣ».

Комментаторы:

Пожарскій: «и сей звукъ слышалъ Ярославъ, сынъ Всеволожь, а Владиміръ».

Грамматинъ: «Также слышалъ Ярославъ, а Владиміръ сынъ Всеволожь».

Вельтманъ: «И онъ же слышалъ звонъ (призывъ) «*давнаго Великаго Ярослава*».

Дубенскій «Тогда же Великій Ярославовъ сынъ Всеволодъ слышалъ звонъ, отъ котораго Владиміръ всякое утро закладывалъ уши въ Черниговѣ. Слово «Давный» говоритъ онъ, здѣсь значитъ «старый», но въ переводѣ его опустилъ. *Затыкалъ уши*, чтобы не слышать звона, т.-е. любилъ миръ, не учавствовалъ въ раздорахъ».

Снегиревъ первый сталъ читать: «*Ярославль сынъ Всеволодъ*».

Максимовичъ, тоже.

Миллеръ Вс. Вмѣсто «Ярославѣь» слѣдуетъ читать «Ярославль», вмѣсто «Всеволожъ» Всеволодъ. *Ярославъ* въ текстѣ будто бы не прилагательное отъ Ярославъ, но само это имя съ обычнымъ въ рукописи «*Слова*» мягкимъ знакомъ ь послѣ конечнаго *в* (ср. соколовь). Постановка Ярослава на мѣсто Ярославль объясняется вѣроятно тѣмъ, что прилагательное *давній* напомнило переписчику стараго Ярослава. Между Всеволодомъ и Владиміромъ та разница, что первый слышалъ звонъ, а второй не хотѣлъ его слышать и затыкалъ уши.

Потебня слѣдуя чтенію Буткова: «слыша Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ» разумѣетъ здѣсь Ярослава I и находитъ здѣсь вѣру въ связь живыхъ съ умершими. При этомъ *тоже* измѣняетъ на *тъже*. Олегъ, разсуждаетъ онъ, только, вступаетъ еще въ стремя, и уже этотъ (*тъ же*) звонъ услышалъ древній Великій Ярославъ (т.-е. на томъ свѣтѣ) какъ и до сихъ поръ сохраняется вѣра въ существованіе связи живыхъ съ усопшими предками и въ возможность передавать вѣсти на тотъ свѣтъ. Что же до современниковъ, то сынъ Всеволодовъ Владиміръ каждое утро (какъ только проснется) уши (себѣ) затыкалъ въ Черниговѣ, потому что этого рода слава, по извѣстнымъ личнымъ его свойствамъ, была ему противна». Но такое мнѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ *Гонсіоровскій* грѣшитъ натянутостію. Съ какой стати, спрашивается, авторъ «Слова» приплелъ Ярослава къ имени Олега? Что хотѣлъ онъ сказать этимъ сопоставленіемъ живыхъ съ умершими»?

Андріевскій передѣлалъ же это мѣсто такъ: «Той бо Олегъ (в)ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмутораканѣ и стрѣлы по земли сѣяше, а Владиміръ, воукъ Ярославль, сынъ Всеволожъ ѿяв ура уци мечемь завлаше въ Черниговѣ. Не говоря уже о конечномъ искаженіи текста, въ которомъ нельзя узнать подлинника, изъ сдѣланныхъ начертаній словъ видно, что г. Андріевскій не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о палеографіи. Никогда и никакой писецъ русскій не начерталъ бы словъ разумѣваемыхъ подъ его іероглифами такъ, какъ написалъ онъ самъ.

Прозоровскій: «Тотъ же давнишній великій звонъ слышалъ и Ярославъ сынъ Всеволодовъ, а Владиміръ всякое утро затыкалъ уши въ Черниговѣ». Все это, по его мнѣнію, относится совсѣмъ къ другимъ князьямъ, чѣмъ къ какимъ относится по смыслу текста и потому, какъ мы видѣли, онъ перенесъ въ другое мѣсто.

(Точно такъ по его мнѣнію Боянъ сказалъ припѣвъ: «не хитру ни горазду, не Всеславу, а Борису Вячеславичу»).

Гонсіоровскій: «Звонъ слышалъ Всеволодъ, а не Ярославъ, и не звонъ славы, а звонъ крамолы, которую ковалъ Олегъ. Здѣсь мы имѣетъ дѣло съ намеками на историческіе факты, а не съ какимъ то указаніемъ на вѣру въ связь живыхъ съ умершими. *Ярославъ* вм. Ярославль здѣсь будто бы не Русская форма, а Вятичско-Польская.

Педагоги:

Кораблевъ: «Владиміръ уши закладывалъ (у воротъ)».

В. М.: «Когда же ступалъ Олегъ, то звонъ колоколовъ, сзывавшихъ дружину на рать, слышалъ даже Ярославъ; Владиміръ, княжившій въ Черниговѣ, къ возвращенію котораго стремился Олегъ, по цѣлымъ днямъ уши затыкалъ».

Алябьевъ: «И тѣ звоны слышалъ старый Ярославовъ сынъ Всеволодъ, а Владиміръ... Вступаетъ бывало въ золотое время (Олегъ) еще въ городѣ Тмутаракани».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «А уже звонъ Всеволодъ, а Владиміръ тотъ каждое утро себѣ уши затыкалъ».

Скульскій: «Едва онъ, бывало садится въ Тмутаракани въ сѣдло, какъ сынъ Ярославовъ Всеволодъ издали звонъ узнавалъ».

Поэты:

Майковъ: «Слышалъ трубы Всеволодъ великій
«И съ утра въ Черниговѣ Владиміръ
«Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота».

Гербель: «Тогда призывнымъ звукамъ брани
«Великій Всеволодъ внималъ.

14.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла.

Таинственнымъ и непостижимымъ даже до сего дня служитъ здѣсь выраженіе *«канина»*. Всѣ попытки уяснить его такъ или иначе остаются безуспѣшными. Къ счастію найденныя нами черновыя бумаги Малиновскаго показываютъ, что единственный путь къ разгадкѣ этого таинственнаго слова есть путь палеографическій. Онѣ прежде всего доказываютъ, что это слово, появившееся въ печатномъ текстѣ не представляетъ въ себѣ буквальнаго воспроизведенія рукописнаго оригинала. Между «Темными мѣстами» выписанными изъ оригинала рукою Малиновскаго мы читаемъ это выраженіе совершенно въ другой формѣ: *«на казаниноу зелену паполомоу постла»*. Выписывая «мѣста» казавшіяся ему «темными» онъ не разъ поправляетъ самого себя и въ самыхъ начертаніяхъ буквъ старается строго отвѣчать оригиналу. Въ данномъ мѣстѣ въ концѣ слова «паполому» онъ также сначала написалъ въ концѣ *у* простое, а затѣмъ уже вставилъ въ срединѣ *о*, передѣлавъ такимъ образомъ *у* на древнее *оу*. Это совсѣмъ не такой чернякъ, въ которомъ, какъ нѣкоторые воображаютъ, Малиновскій, усиливался вычитать смыслъ въ томъ или другомъ словѣ. Это, какъ можетъ видѣть читатель въ *«Приложеніяхъ»*, наилучшая копія Пушкинскаго списка, хотя и воспроизводитъ для насъ лишь нѣкоторыя мѣста. Сравнивая слово *«казанину»* съ печатнымъ *«канину»* нельзя не убѣдиться, что печатный текстъ не вполнѣ воспроизводитъ оригиналъ, въ которомъ за слогомъ *ка* слѣдовалъ если и не слогъ *за*, то какая-то другая буква, по всей вѣроятности стоявшая подъ титломъ и потому легко опущенная издателями.

Единственнымъ указателемъ для воспроизведенія этихъ буквъ, опущенныхъ издателями служитъ дальнѣйшее выраженіе: *«Съ тоя же Каялы»* повелѣя Святополкъ... Слова *«съ тоя же Каялы»* прямо ука-

зываютъ на то, что и выше была упомянута та же «*Каяла*». Въ виду этого, кажется, весьма позволительно и въ словѣ «*казанину*» выписанномъ изъ самаго оригинала, искать прежде всего «той же Каялы».

Въ Пушкинской рукописи слово это, повидимому, имѣло подобное написаніе:

каа҃нниноу҃.

Только при подобномъ написаніи этого слова, могло оно въ «*Темныхъ мѣстахъ*» Малиновскаго явиться въ видѣ «*казанину*». Если бы буква *з* была написана въ строкѣ, то едва ли бы издатели рѣшились совсѣмъ выкинуть цѣлый слогъ; но, очевидно, она была подъ титломъ и притомъ въ такомъ начертаніи, что возбуждала колебаніе, точно ли еще это *з*; притомъ же никакая Казань не вѣдома въ южно-русскихъ степяхъ и потому, по всей вѣроятности, какъ эту надписную скорописную букву такъ и одно *а*, стоявшее въ строкѣ, они признали за ошибку писца и выкинули въ печатномъ текстѣ, пріурочивъ въ своемъ переводѣ—*канину* паполому къ «конской попонѣ»,

Можно догадываться, что Малиновскій, начертавъ въ своихъ «*Темныхъ мѣстахъ*» Казаниноу во 1-хъ неправильно вывелъ второй слогъ изъ подъ титла: слѣдовало читать не «каза», а *кааз*; во 2-хъ эта надписная скорописная буква была не *з*, а именно *л*. Малиновскій принялъ эту надписную букву за *з*, вѣроятно потому, что, приближаясь къ строчному *а*, она дѣйствительно походила на *з*. Да наконецъ, она и сама по себѣ, могла своимъ начертаніемъ сближаться съ *з*.

Въ виду сихъ палеографическихъ соображеній вм. *на каза* слѣдовало читать «*на каа҃*»; при раскрытіи же полнаго титла: «*на каалу*» или точнѣе на **каалѹ** (а замѣняло **ѧ**, какъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова». Ср. *връжеса* вм. **връжесѧ**).

Чтобы наши соображенія не казались произвольно гадательными, представляемъ здѣсь нѣсколько палеографическихъ образцевъ изъ рукописи переходной эпохи отъ полуустава къ скорописи конца XVI в., которые наглядно показываютъ, какъ легко неопытный писецъ или читатель можетъ принять одну скорописную букву за другую, и въ частности,

какъ легко, что въ данномъ случаѣ для насъ особенно важно, именно *л* принять за *з*. Вотъ эти образцы.

Въ дальнѣйшихъ слогахъ «*нину*», очевидно, скрывается «*нива*»; на это указываетъ и дальнѣйшій эпитетъ «*зелену*»; *в* писавшееся квадратомъ могло быть принято за *н* самими издателями; но всего вѣроятнѣе, эта замѣна стояла уже въ самомъ оригиналѣ, что и сбило съ толку издателей, которые, сливая два слова въ одно, старались придать этому выраженію какую нибудь форму, подходящую къ смыслу.

Итакъ, по соображеніямъ палеографической критики, это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: *и на каа̒ ниву зелену паполому постла*. Отсюда понятнымъ становится и дальнѣйшее выраженіе: «*Съ тоя же Каялы*».

Каала, или точнѣе, Каяла есть не собственное, а символическое имя, означающее «жаль». Каялой называется здѣсь «Нежатина нива» на которой происходилъ бой, относящійся ко временамъ воспѣтымъ Бояномъ, и потому Каяла, по всей вѣроятнасти есть выраженіе Бояновское. Лишь въ подражаніе Бояну, авторъ «Слова» и Сюрлій, на-

зываетъ не иначе, какъ *Каялой*. Замѣчательно, что символизмъ этотъ проникъ и въ Лѣтописный разсказъ о походѣ Игоря [1].

На этихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдующій переводъ этого мѣста:

„Похвальба же Бориса Вячеславича
„До смертной судьбы его довела,
„И на Каялу ниву зеленую
„Погребальный покровъ постлала.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Бориса же Вячеславича слава привела на судъ. Онъ положенъ на зеленую конскую попону.

Малиновскій удержалъ этотъ переводъ какъ въ «черновыхъ бумагахъ», такъ и въ «*Первомъ изданіи*».

Комментаторы:

Пожарскій: Паполома не есть попона, а также и «канина» не есть конская». Паполома значитъ покрывало или коверъ, который въ древнія времена вмѣсто покрывала употреблялся. Прилагательное имя «*канина*» происходитъ не отъ коня, но отъ шелковаго червя, называемаго по польски: «*кани*»; происходитъ (kania przedza=канія пряжа). Итакъ, подъ «словами канина зелена паполома» разумѣется шелковое зеленое покрывало. Но г. *Гонсіоровскій* замѣчаетъ, что въ Польскомъ языкѣ нѣтъ слова *kani* въ томъ значеніи, какое приписываетъ Пожарскій; существительное *kania*—значитъ птица, что, конечно къ дѣлу нейдетъ. Что касается выраженія: «*Kania przedza*», то оно означаетъ чужеядное растеніе, вьющееся по льну, а не шелковую пряжу.

Грамматинъ «*канину*» переправилъ въ «*конину*» въ соотвѣтствіе переложенію первыхъ издателей, и подобно имъ переводилъ: Бориса же Вячеславича слава ко гробу привела и на конскую зелену попону положила».

---

[1] См. въ Лексикологіи: «*Каяла*», «*судъ*», «*паполома*».

Вельтманъ читалъ тоже «*канину*», но производилъ отъ «*конъ*», судъ, предѣлъ и въ примѣненіи къ данному мѣсту понималъ въ смыслѣ послѣдняго крова, т.-е. земли; переводилъ также, какъ Грамматинъ. Въ подлинникѣ, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія (?) было конъню т.-е, конечную, что и принято за «конину».

Дубенскій предполагалъ въ «канинѣ» «*ткань ину*», но вмѣстѣ замѣчалъ, что производство отъ «конь» лучшее, пока не представится другаго и перевелъ «на конскій зеленый покровъ».

Снегиревъ, принимая въ соображеніе «*Канинъ*», о которомъ говорится въ лѣтописи подъ 1152 г., что у Горючева близь города, полагалъ, что въ пѣсни Игоря разумѣется здѣсь «Канинскій зеленый покровъ, означающій зеленую мураву поля или луга».

Максимовичъ сначала разумѣлъ здѣсь также шелковый зеленый покровъ, а потомъ перешелъ къ мнѣнію Снегирева, усматривая въ Канинѣ собственное имя рѣчки или луга. Г. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что была ли Нежатинская битва близъ Чернигова— вопросъ не рѣшеный.

Гедеоновъ: каня, конюхъ, полевой коршунъ: у Чеховъ káně, у Поляковъ kania. *Канина* можетъ быть тѣло, обреченное на съѣденіе коршунамъ.

Огоновскій· «На ковылу зелену».

Верхратскій: *Канина* значитъ тоже самое, что и Греческое κάννα—Rohr, Schilfgras.

Миллеръ Вс. «Рѣка Каяла поставлено здѣсь на мѣсто чего-то другаго, ибо едва ли автора «Слова» можно обвинять въ незнаніи того, что битва произошла не на Каялѣ, а близъ Чернигова. Вѣроятно позднѣйшій переписчикъ замѣнилъ непонятное ему названіе рѣкою Каялой. Выраженіе на «канину для насъ остается такой же загадкой, какою оно было для автора сказаніе Дм. Ив. который уясняетъ его себѣ

слѣд. образомъ: а чаду твоему Іякову лежати на *«зеленѣ ковылѣ»* травѣ, на полѣ Куликовѣ.

Потебня: ни «канину», т.-е. на конскую зелену попону (его) простерла, на коверъ на которомъ Бориса понесли съ поля—или же *«конь ину»*, т.-е. на конецъ иную (не такую, какъ прежде не обычную, а зеленую пополому (ему) постлала т. е. траву, или же въ виду чтенія Малиновскаго, на кровать ину: на зелену паполому простьла т.-е. простерла его. Но всѣ подобныя чтенія были бы крайне жалкими образами, недостойными автора «Слова». Что за поэзія была бы въ словахъ *«на конецъ ину»* или *«на кровать»* въ отношеніи къ человѣку, который убитъ на полѣ брани.

Кн. **П. П. Вяземскій** читаетъ коньмь, считая канину произношеніемъ Великорусскимъ. Но въ Великой Россіи не слышно чтобы гдѣ нибудь вмѣсто «конный» говорили «канный».

Андріевскій передѣлываетъ такъ: «И на березѣ казнимоу храбра и млада князя, ѡколомоу зелену, постла. Быть можетъ оборотъ и очень поэтичный выходитъ, но къ сожалѣнію, не принадлежитъ автору «Слова».

Проворовскій: Покойный Погодинъ выраженіе «на канину» (повторяя Снегирева и Максимовича, замѣтимъ мы) объяснялъ такъ: «зеленый лугъ у Канина близъ Чернигова». Канинъ былъ, какъ видно изъ Лавреньтьевской лѣтописи, между Сновомъ и Гуричевымъ городомъ. почти подъ Черниговымъ, со стороны Глухова; между тѣмъ положеніе Нежатиной нивы, на которой убитъ былъ Борисъ Вячеславичъ въ лѣтописяхъ не опредѣлено, почему и трудно утверждать, что нива эта была поле у Канина; при томъ же тогда было бы сказано: не на «канину» а на «канинску зелену паполому». Мнѣ кажется, что въ правильныхъ спискахъ поэмы стояло «на капиноу», (?) и вотъ почему въ одной рукописи 1263 г. капищемъ называется тѣло Адама, еще не оживленное дыханіемъ жизни; равнымъ образомъ тамъ же *«капью»* названа безжизненная фигура, кумиръ, истуканъ, а также ножны,

сабли (Опис. р. Син. д. № 1—3 стр. 105) отсюда: каплица-кумирница, божница. Слѣдовательно въ поэтическомъ смыслѣ «капью» можно назвать тѣло, трупъ, а потому выраженіе «на капину» будетъ значить: «на смертную».

Гонсіоровскій вмѣсто канину читаетъ: *кони̑ину*, усматривая здѣсь Польское koniezyna, дятлина, дятелина. Онъ переводилъ; слава Бориса Вячеславича привела на поле битвы и на зеленой дятлинѣ постлала ему смертный одръ.

Педагоги:

Кораблевъ: И на канину... постлала.

Малышевъ: положила на зеленую скатерть р. Каялы. «Изъ дальнѣйшаго выраженія: Съ тоя же Каялы» онъ заключалъ, что и здѣсь нужно читать: на Каялину, и при этомъ замѣчаетъ: тутъ анатонизмъ, такъ какъ извѣстно изъ лѣтописи, что Борисъ былъ убитъ близь Чернигова, а не на р. Каялѣ.

Ласкинъ: «И на Канинъ зеленый лугъ положила».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): уложила его на смертный зеленый коверъ.

Скульскій: уложила его на зеленъ коверъ, на сыру землю, на смертный одръ.

Поэты:

Гербель: «И положила на коверъ,
«На бархатъ конскаго покрова.

Мей: «На конской зеленой покровъ.

Майковъ. «Но Бориса ополчила слава
«И на смертный одръ его сложила
«На зеленомъ полѣ у Канина.

15.

Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

Выраженіе «*Съ тоя же Каялы*» указываетъ, что здѣсь рѣчь о событіи, происходившемъ въ той же мѣстности, гдѣ палъ Борисъ Вячеславичъ, о которомъ говорится въ предъидущихъ предложеніяхъ. Но мы знаемъ изъ лѣтописей, что вмѣстѣ съ Борисомъ на Нежатиной нивѣ палъ еще Изяславъ Ярославичъ, котораго однако провожалъ въ Кіевъ для погребенія, по словамъ Пушкинскаго текста, не старшій сынъ Святополкъ бывшій тогда въ Новгородѣ, а младшій — Ярополкъ. Спрашивается, какимъ же образомъ въ текстѣ появился для проводовъ *Святополкъ*, а не Ярополкъ? Болѣе чѣмъ сомнительно что рѣчь здѣсь идетъ о распоряженіи погребсти отца, послѣдовавшая отъ Святополка изъ Новгорода. Стоитъ только вспомнить тогдашнія пути сообщенія, чтобы понять, какъ долго пришлось бы ожидать этого распоряженія на далекомъ полѣ битвы. Да и по смыслу «Слова» для автора дорого было не это распоряженіе, а самый фактъ гибели Изяслава, самая картина поднятія его съ поля битвы и перевезенія въ Кіевъ—на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Сравнивая выраженіе «*Съ тоя же Каялы Святопольлкъ*» съ предъидущимъ, какъ у Малиновскаго «*на Казанину зелену паполому постла*, мы замѣчаемъ, что какъ здѣсь въ послѣднихъ слогахъ: *каза-нину*, сохранился слѣдъ *нивы* и исчезла *каала*, такъ въ выраженіи: «*Съ тоя же Каялы Святопольлкъ*», на оборотъ, уцѣлѣла Каяла и исчезла нива.

Не представляется ли возможности для палеографической критики и здѣсь открыть слѣдъ разложившагося слова *нивы*, какъ въ выраженіи «*каза*(нину)» она можетъ усматривать въ первыхъ слогахъ *кай* т. е. Каалу?

Трудно допустить, чтобы *Святополкъ* явился въ данномъ мѣстѣ вмѣсто *Ярополка* по собственному смышленію древнихъ писцевъ или издателей, и чтобы для чтенія *Святополкъ* вм. Ярополкъ въ самой

рукописи не было видимаго палеографическаго къ тому основанія. Первые двѣ буквы ск едва ли не представляютъ остатокъ какого-то другаго слова, стоявшаго въ текстѣ, которое распалось въ сознаніи писца или издателей.

Есть основаніе предполагать, что въ выраженіи: «*Съ тоя же Каялы*»—это послѣднее *Каялы* было написано также какъ и выше **кал҃** — т. е. съ титловымъ окончаніемъ съ тою лишь разницею, что надписное *л* имѣло здѣсь не скорописное, а полууставное начертаніе и потому здѣсь вѣрно прочтена ка*лла*. Изъ вышеприведенныхъ палеографическихъ образцевъ читатель можетъ видѣть, что одно и тоже слово въ рукописяхъ указанной эпохи имѣло то скорописную, то полууставную форму (Ср. слово *полкъ*); слѣдующее же ы относилось къ распавшемуся слову и было ничто иное какъ и въ западнорусскомъ написаніи, у котораго поперечная черта падала слишкомъ внизъ и для бѣглаго вниманія походила на ы т. е. все это мѣсто въ рукописи имѣло слѣдующее начертаніе: Съ тоя же **кал҃и і҃арополъкъ**. Раскрывая титло, слѣдовало читать: Съ тоя же **Каллы нівы ҄арополкъ**. Но древній писецъ или издатели, не подозрѣвая здѣсь **нівы**, разложили при чтеніи это слово принявъ і надъ которымъ вѣроятно не было точки за с и сливая его какъ и дальнѣйшее к съ словомъ Ярополкъ, прочли **скӑрополъкъ**—по догадкѣ превративъ въ знакомое *Святополкъ*.

Такъ повидимому, исчѐзла здѣсь *ніва* и явился *Святополкъ* вмѣсто Ярополка.

Другое затрудненіе весьма долго представлялось въ данномъ мѣстѣ глаголомъ: «*повелтя*», но въ настоящее время оно легко устраняется счастливою догадкою г. Потебни, который первый сталъ читать вмѣсто «*повелтя*» = «*полелтя*». Такое чтеніе вполнѣ оправдывается палеографическими данными второй половины XVI вѣка. Вотъ палеографическіе образцы этой эпохи, которыя показываютъ, какъ легко неопытному писцу или читателю принять *л* за *в*:

Такое начертаніе буквы к, сходное л встрѣчается уже у Приказныхъ писцовъ половины XVI в.; къ концу же этого вѣка и въ началѣ XVII оно встрѣчается уже очень часто, Затѣмъ, если бы въ «повелѣя» скрывалось «поведѣ» или «повезѣ», какъ думали нѣкоторые комментаторы, то всего скорѣе далѣе слѣдовало бы: «*на*» Угорскихъ иноходцахъ, а «не *между* Угорскими иноходьцы. Предлогъ «*между*» всего болѣе соотвѣтствуетъ глаголу «полелѣять». Наконецъ и художественный строй рѣчи также требуетъ здѣсь, какъ и въ картинѣ смерти Бориса Вячеславича, символическаго изображенія поднятія Изяслава съ поля битвы и перевезенія въ Кіевъ, что все это прекрасно выражается глаголомъ «полелѣять» [1].

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Съ той же Каялы велъ Святополкъ войска отца своего между Угорскою конницею ко святой Софіи.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: Съ той же Каялы провелъ Святополкъ войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко св. Софіи. Въ первомъ изданіи—переводъ тотъ же.

Карамзинъ вм. «*повелтья*» читалъ «*по-стьчть-я*», т. е. послѣ сраженія. Онъ первый замѣтилъ, что Изяславъ погребенъ былъ не въ Софійской, а въ Десятинной церкви и тѣло его привезъ не Святополкъ, а Ярополкъ и сраженіе происходило не на Каялѣ, а близъ Чернигова.

Комментаторы:

Пожарскій: «Въ подлинникѣ нѣтъ слова «войски», глаголъ же «повелѣя» не означаетъ «повелъ»; а притомъ какая причина была Святополку весть отеческія войска къ церкви; полагать должно, что въ ономъ словѣ скрываются два глагола «повелѣ.ять» т. е. повелѣлъ взять. Мысль будетъ такая: «Съ той же Каялы Святополкъ повелѣлъ взять отца своего среди Венгерской конницы ко св. Софіи».

[1] См. въ Лексикологіи; «полелѣя».

Грамматинъ: Пожарскій не воспользовался поправкою Карамзина и перевелъ: велѣлъ взять, но гдѣ же въ подлинникѣ «взять»; тутъ—*я*, т. е. взялъ, а не велѣлъ взять. Онъ перевелъ: поднялъ тѣло отца своего между Венгерскими иноходцами и повезъ.

Вельтманъ: вмѣсто «*повелпя*» читалъ: «по валѣ я» т. е. по битвѣ взялъ. Основанія слишкомъ шаткія. Въ Краледвор. рук. встрѣчается слово valeno. Walka—бой, а у насъ бытуетъ слово «свалка».

Бутковъ принялъ то и другое: *повелѣ ятъ* и *по сѣчѣ я*. Вмѣсто «отца» въ текстѣ слѣдуетъ поставить *тстя* или *цтя* т. е. тестя. Онъ полагалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о происшествіи 1095 года, когда Русскіе разбили Половцевъ и убили Тугоркана; тѣло его именно *Святополкъ* взялъ съ Каялы и похоронилъ на Берестовѣ. Несостоятельность этого мнѣнія доказана кн. П. П. Вяземскимъ (см. замѣт. на Сл. о п. II стр. 179—180).Предположеніе Буткова нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олегѣ, гдѣ рѣчь идетъ все о той же битвѣ на Нежатиной нивѣ.

Сахаровъ: читалъ *повезъ я*.

Дубенскій перевелъ: Съ той же Каялы Святополкъ повелѣлъ поднять тѣло отца своего на Венгерскихъ иноходцахъ.

Максимовъ вмѣсто «*съ тояже* Каялы» читалъ съ *канины*:

Головинъ: *Съ тояже канины*—зеленой травы.

Князь **П. П. Вяземскій** выразилъ, что замѣна въ текстѣ Ярополка Святополкомъ сдѣлана вслѣдствіе умствованія переписчика, думавшаго, что здѣсь дѣло идетъ о смерти Тугоркана, тестя Святополкова.

Миллеръ Вс.: Что касается Каялы (какъ и Канины), то онъ не рѣшается предложить поправки; «*повелпя*» находитъ возможнымъ съ достаточной вѣроятностію разложить по примѣру прежнихъ комментаторовъ на два слова: повелѣ *яти*. Изъ «повелѣ яти отца» не трудно, замѣчаетъ онъ, объяснить искаженіе: «*повелпя отца*».

Потебня: «вм. «*повелья*» читаетъ: «полелѣя» т. е. какъ въ зыбкѣ качая, понесъ (на коврѣ) между иноходцами. Догадка, на нашъ взглядъ, самая удачная.

Прозоровскій: читаетъ: Съ тоя же Капины (вм. Каялы). Онъ переводитъ въ силу такой поправки и искусственнаго толкованія: «Съ того же смертнаго одра». Онъ принимаетъ также мнѣніе Потебни, что вмѣсто «повелѣя» слѣдуетъ читать «полелѣя». Слово «лелѣя» находится въ нѣсколькихъ мѣстахъ поэмы. Такъ, Ярославна предоставляетъ вѣтру «лелѣять корабли на синемъ морѣ» и проситъ Днѣпръ лелѣявшій Святославовы посады взлелѣять къ ней мужей такъ, Донецъ лелѣялъ князя на волнахъ. Выраженіе «полелѣя отца» своего значитъ «плавно перенесъ тѣло отца своего». Дѣйствительно оно сначала везено водою на ладьяхъ, а потомъ на саняхъ. Если такое перенесеніе поэтъ выразилъ иноходцами, то сдѣлалъ это потому, что иноходцы отличаются *плавностію* бѣга.

Гонсіоровскій: вм. съ тоя же Каялы читаетъ «Съ тоя же Коничины» т. е. дятлины.

Педагоги:

Кораблевъ: съ той же Каялы Святополкъ *повелъ* отца своего.

Малашевъ: Святополкъ приказалъ отвезти тѣло.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): Съ такой, съ Каялы, поволокъ тогда Святополкъ отца своего, окруженъ Венгерской конницей...

Скульскій: и вотъ съ той же со Каялъ-рѣки Святополкъ отца своего убитаго везъ ко св. Софіи, къ Кіеву, на Венгерскихъ дорогихъ коняхъ.

Поэты:

Гербель: «И Святополкъ велѣлъ
«Отца священный прахъ,
«Поднять на Угорскихъ коняхъ.

Мей: выразилъ предположеніе, что быть можетъ, Изяславъ преслѣдовалъ бѣгущаго Олега до Каялы и погибъ на берегахъ этой рѣки. Каяла будто бы Кагальникъ впадающій въ Донъ.

Майковъ: «И съ того зеленаго же поля,
«На своихъ Угорскихъ иноходцахъ,
«Ярополкъ увезъ и отче тѣло
«Ко святой Софіи въ стольный Кіевъ.

16.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами.

Въ данномъ мѣстѣ является во 1-хъ не вполнѣ яснымъ слово «*Гориславличи*» и затѣмъ во 2-хъ, глаголы «*сѣяшется*» и «*растяшеть*», оставаясь безъ подлежащаго, представляютъ грамматическую недосказанность.

Если «*сѣяшется*» и можетъ быть принимаемо въ безличной формѣ, то при дальнѣйшемъ глаголѣ «*растяшеть*» невольно возникаетъ вопросъ, *что* именно расло, т.-е. для полноты грамматическаго смысла требуется отсутствующее подлежащее. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что во всемъ памятникѣ нельзя встрѣтить другаго такого неопредѣленнаго грамматическаго оборота, какой является въ данномъ мѣстѣ. Уже одно это бросаетъ тѣнь на исправность чтенія даннаго мѣста въ первомъ изданіи.

Далѣе, всѣ толкованія оборота «при Олзѣ Гориславличи» оказываются далеко не ясными и неудовлетворительными. Первые издатели замѣтили о Гориславѣ—лаконически: «*Неизвѣстенъ*». За ними почти всѣ послѣдующіе комментаторы довольствуются толкованіемъ, что авторъ «Слова» называетъ Олега Гориславичемъ или въ томъ смыслѣ, что онъ самъ перенесъ много горя, или же въ томъ, что много учинилъ горя другимъ. Но слово «*Гориславличь*» имѣетъ форму отчества и значитъ—сынъ Горислава, какъ и понимали первые издатели; въ этомъ смыслѣ понятіе горя падаетъ своею тяжестью не на Олега, а

на его предка; а отсюда уже весьма трудно вывести, что Олегъ называется Гориславичемъ за то, что причинилъ много горя другимъ. Если же «Гориславичъ» принимать въ значеніи просто *горюна, горемыки*, помимо отческой формы, то въ данномъ мѣстѣ это понятіе не будетъ отвѣчать ни предъидущему, гдѣ Олегъ совсѣмъ не представляется «*горемычнымъ*», напротивъ онъ самъ крамолу ковалъ и стрѣлы сѣялъ по землѣ, ни послѣдующему, гдѣ описывается въ его время горе народное, а отнюдь не горе его самого.

Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что текстъ въ данномъ мѣстѣ представляетъ неисправное чтеніе.

Прилагая къ уясненію его пріемы палеографической критики, мы находимъ возможнымъ въ словѣ «Гореславличи» читать два слова: «*гори*» и «*славличи*», т.-е. «*горе славлячись*».

Форма «*гори*» образовалась изъ горѥ; это ѥ позднѣйшими писцами обыкновенно было замѣняемо или звукомъ *ѣ*, или звукомъ *и*; въ южно-русскомъ говорѣ и донынѣ «*горе*» имѣетъ форму «*гори*» [1].

Точно также въ южно-русскихъ рукописяхъ, особенно XVI в. малый юсъ-ѧ переходитъ въ ѣ; въ виду этого предполагаемъ, что въ рукописи первоначально стояло славлѧчи; за тѣмъ—подъ рукою южно-русскаго писца перешло въ славлѣчи.

Конечное *с*, стоявшее подъ титломъ, выпало подъ воздѣйствіемъ слѣдующаго *с*, которымъ начиналось дальнѣйшее слово: славлѣчи сѣяшетсѧ, что весьма часто встрѣчается въ неисправныхъ рукописяхъ XVI в. Первые издатели, вслѣдствіе выпаденія этого надписнаго *с*, что могло быть уже въ самой рукописи, *гори* «*славлѣчи*» приняли за эпитетъ Олега и потому прочли и напечатали «*Гориславличи*».

Такимъ образомъ вмѣсто «Гориславличи» по нашимъ соображеніямъ, слѣдуетъ читать: «горѥ (по южнорусски-*гори*) славлѧчи (по южно-русски: *славлѣчи*[с]) сѣяшется и растяшеть усобицами.

Переводъ, основанный на этихъ соображеніяхъ, будетъ слѣдующій:

„Тогда при Олегѣ, горе похваляяся,
„Сѣменами разсѣвалося
„И отъ усобицъ росло оно—плодилося.

[1] См. въ Лексикологіи «*Гориславличи*».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Во время Ольга Гориславича сѣялись и возврастали междуусобія.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Тогда при Олегѣ, *сынѣ* Гориславовѣ, сѣялись и возростали междуусобія.

Въ *Первомъ изданіи* переводъ тотъ же, но лишь ближе къ подлиннику: «Тогда при Олегѣ Гориславичѣ.

Комментаторы:

Пожарскій перевелъ: «Тогда при Ольгѣ Гориславичѣ сѣялись и возрастали брани.»

Грамматинъ: «Авторъ продолжаетъ говорить о бѣдственныхъ временахъ Олега Святославича. Но кто этотъ Гориславичъ? Ужъ не называетъ ли онъ его симъ именемъ отъ предпріятій которыя не всегда удачны были или отъ бѣдствій, причиненныхъ имъ отечеству. Такъ Рогнѣда отъ своихъ чрезвычайныхъ несчастій прозвана была «Гориславою»; такъ и нынѣ говорится о человѣкѣ, несчастномъ въ своихъ предпріятіяхъ: горе—богатырь, горе—мыка».

Вельтманъ: «Подъ именемъ Гориславичей поэтъ говоритъ о крамольномъ потомствѣ Рогнѣды (Гориславы), дочери Рогвольда Полоцкаго. Онъ измѣнилъ «Гориславичи» на «Бориславличи».

Дубенскій: г. Вельтманъ не справедливо почитаетъ въ этомъ предложеніи подлежащимъ слово «*Гориславичи*»; оно согласовано здѣсь съ словомъ при Олегѣ въ предложномъ падежѣ. Дубенскій перевелъ: Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и всходили междуусобія.

Майковъ А: «я принялъ толкованіе Вельтмана, что слово» *Гориславличи* означаетъ здѣсь потомковъ Рогнѣды. «Гориславною», по словамъ лѣтописи, названа Рогнѣда за то, что много горя приняла сама: Олегъ же, какъ именно утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе землѣ Русской. Одно названіе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Не возможно напримѣръ сказать: «*многострадальный*» и о томъ, кто много страдалъ и о томъ, кто много причинилъ страданій другимъ. Какого вѣка логика позволитъ

сказать: многострадальный Іовъ и многострадальный Неронъ. Посему это мѣсто правильнѣе передать такъ: «При томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (т.-е. отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами. Но возразятъ мнѣ тѣ, которые задались мыслію, что пѣвецъ нашъ былъ Черниговскій пѣвецъ, а потому и Олега онъ назвалъ Гориславичемъ, сочувствуя его бѣдамъ, но тогда за чѣмъ винить его въ бѣдствіяхъ земли?

Потебня: «Не удобно считать «Гориславичи» за творит. множ., а не за мѣстный падеж., согласуемый съ «Олзѣ», «Гориславичами» т.-е. князьями Полоцкими, потомками Гориславы-Рогнѣды. Сѣялось и росло (что?) Во всемъ разсматриваемомъ отступленіи рѣчь о событіяхъ связанныхъ съ Олегомъ. Съ какой же стати здѣсь князья Полоцкіе?

Самъ г. Потебня читаетъ это мѣсто такъ: «Търда при Ользѣ *Свято*славличи *горе* сѣяшеться и ростяшеть». Предполагаю, говоритъ онъ, что авторъ или одинъ изъ первыхъ переписчиковъ сдѣлалъ одну изъ ошибокъ происходящихъ изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, утрируемыхъ въ потѣшныхъ рѣчахъ на выворотъ, въ родѣ: «сестривечіръ добрички! Чи не телятили вы мое». Именно авторъ (или переписчикъ) написалъ ἰστερόπρωτερον «при Ользѣ Гориславличи сѣяшеться» вм. при Ользѣ *Свято*славличи горе сѣяшеться. Такъ вотъ какой былъ чудакъ и шутникъ авторъ «Слова» (или переписчикъ), по мнѣнію г. Потебни! Возможное въ разговорномъ языкѣ, какъ справедливо замѣчаетъ *Гонсіоровскій*, когда говорящій шутки ради или безсознательно коверкаетъ рѣчь, не возможно при передачи мыслей на письмѣ, если только человѣкъ серьезно относится къ своему дѣлу.

Смирновъ: «перестановка здѣсь, по словамъ г. Потебни произошла здѣсь изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, что бываетъ часто въ потѣшныхъ рѣчахъ—говорить на выворотъ. Но для чего же допускатъ здѣсь утрировку рѣчи, а не обыкновенное тогда слово для названіе людей безталанныхъ. «Гориславой» называлась Рогнѣда; въ рукоп. XIII в. Даніилъ заточникъ говоритъ: кому Переславъ, а мнѣ Гориславъ. При «сѣяшетьсѧ и ростяшетъ» какъ безличныхъ формахъ нѣтъ надобности въ подлежащемъ. Г. Смирновъ,

очевидно, «*Гориславличь*» по отношенію къ Олегу понимаетъ въ томъ значеніи, что онъ былъ несчастный человѣкъ и много вынесъ горя, но по отношенію къ этой мысли имѣютъ полную свою силу предъидущія замѣчанія А. Н. Майкова. Что же касается того, что глаголы стоятъ здѣсь въ безличной формѣ, то подобные обороты не въ стилѣ «Слова» и нельзя отказать въ основательности замѣчаніямъ г. Потебни.

Прозорорскій: Олегъ названъ Гориславичемъ, вѣроятно, для отличенія его отъ другаго Олега Святославича, предшественника Игорева на княженіи въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ. Но было, можетъ статься, и другое къ тому побужденіе. «Гориславъ было имя употребителное; такъ, въ Новгородской первой лѣтописи, подъ 1240 г. упоминается Гаврило Гориславичь воевода. (П. С. Л. III, стр. 53)». Г. Прозоровскій опустилъ изъ виду, что здѣсь это слово имѣетъ образное значеніе; не затрудняетъ его также и грамматическая форма въ этомъ предложеніи. Онъ переводитъ: «тогда при Ольгѣ Гориславичѣ сѣялись и разрастались усобицы». Но г. Потебня справедливо замѣтилъ, что грамматической строй не даетъ здѣсь никакого права для такого перевода.

Гонсіоровскій: «Надо читать: Гореславличи сѣ*яшася* и раст*яша* усобицами. *Гореславичь* есть названіе людей безталанныхъ несчастныхъ. Мысль здѣсь будтобы слѣдующая: «При Олегѣ вслѣдствіе княжескихъ междуусобій умножалось число людей несчастныхъ.

Педагоги:

Малашевъ: «Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и росли междуусобія.

Алябьевъ: Сѣялись и росли по земелюшкѣ усобицы.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): засѣвалось, зарастало усобицей.

Скульскій: Вся земля, наслѣдье Божіе, засѣвалась смутой княжеской, зарастала неурядицей.

Поэты:

Гербель: «Междуусобія засѣвались.

Мей: «Засѣвались и росли однѣ усобицы.

Майковъ: «И тогда жъ, въ тѣ злые дни Олега,
«Сѣялось крамолой и растилось
«На Руси отъ внуковъ Гориславны.

17.

„Усобица князем на поганыя погыбе.

Всѣ существующіе переводы и толкованія этого мѣста убѣждаютъ только въ томъ, что здѣсь скрывается или невѣрное чтеніе или же неисправность самого оригинала. Подлинный смыслъ этого мѣста впервые угаданъ былъ поэтомъ А. Н. Майковымъ, который за тѣмъ усмотрѣли также Павловъ (Бицинъ) и Вс. Миллеръ.

Неисправность чтенія произошла здѣсь отъ выпаденія надстрочныхъ буквъ въ титлованныхъ окончаніяхъ двухъ словъ. Прежде всего эту особенность мы видимъ въ словѣ «*на*». Подобно тому какъ въ одномъ изъ списковъ Лаврентьевской Лѣтописи (1872 г. 177) встрѣчаемъ: «имать *на* прогнати», гдѣ въ *на* выпало надстрочное *с*, т.-е. (**наⷭ**), и въ данномъ мѣстѣ «Слова» вм. *на* слѣдуетъ читать: **наⷨ**, гдѣ надстрочное *м* выпало точно также, какъ тамъ *с*. Такъ какъ съ выпаденіемъ *м* мѣстоименіе стало предлогомъ, то естественно и дальнѣйшее слово, подъ воздѣйствіемъ его, должно было потерпѣть этимологическое измѣненіе и вм. «**наⷨ поганын**» явилось «*на поганыя*». Всякая подобная ошибка неизбѣжно влечетъ за собою другую. При такомъ измѣненіи все предложніе теряло всякій грамматическій смыслъ и потому дальнѣйшее слово, оканчивавшееся также надписной буквой, писецъ легко уже могъ читать «*погыбе*» вм. «**погыбе́**», такъ какъ потребность въ глаголѣ сказывалась сама собою. Слово «*погибель*» въ памятникахъ XVI в. писалось именно въ этой самой формѣ «**погыбе́**» съ титлованнымъ окончаніемъ.

Итакъ, въ виду указанныхъ соображеній это мѣсто слѣдуетъ читать такъ:

«Усобица князем҃ъ,
«На поганыи погыбе҃».

Въ переводѣ:

„У князей усобица
„А намъ поганыи гибель“.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Престали князи воевать на поганыхъ».

Малиновскій: «И прекратила (обида) нападенія князей на нечестивыхъ».

Въ *Первомъ изданіи* переведено: «Перестали князья нападать на невѣрныхъ».

Пожарскій: «Исчезла у князей *брань* противъ невѣрныхъ».

Грамматинъ: «Перестали князья ходить войной на нечистыхъ».

Вельтманъ: «Уже ополченіе князей на враговъ погибло въ раздорахъ». Во 2-мъ изданіи: «И въ распряхъ погибла сила князей противъ невѣрныхъ».

Максимовичъ: «Но у князей пропала вражда на поганыхъ».

Дубенскій: «Усобица обоюдное дѣло, дѣйствіе за одно противъ невѣрныхъ (согласно корню: собить себѣ). Онъ перевелъ: «не стало въ князьяхъ единомыслія на поганыхъ».

Миллеръ Вс. Мѣсто это испорчено, хотя трудно предложить поправку болѣе или менѣе вѣроятную. Онъ угадалъ смыслъ этого мѣста и близокъ былъ къ подлинному чтенію. Вѣроятно, «погыбе» не глаголъ, говоритъ онъ, а испорченное «*погыбель*». Конечное *л* могло

быть надъ строкою. Мѣсто было бы вполнѣ ясно при чтеніи: усобица княземъ *отъ* поганыхъ погыбель. Но предлагать такія поправки, прибавляетъ онъ, конечно, слишкомъ смѣло. Читать вмѣсто *«на поганыя»* *«отъ поганыхъ»*, было бы дѣйствительно смѣло, но къ счастію того не требуется для воспроизведенія угаданной имъ мысли.

Потебня вставилъ здѣсь въ Пушкинскій текстъ слово *«рать»* и читаетъ такъ: «У усобицяхъ княземъ *«рать»* на поганыя погыбе» но на чемъ основалъ такое чтеніе, не объясняетъ.

Прозоровскій переводитъ: «*въ* усобицахъ князей погибла *побѣда* надъ погаными», но такой мысли не дается подлинникомъ и почему онъ сдѣлалъ такой переводъ, не извѣстно.

Педагоги:

Кораблевъ: «Союзъ противъ невѣрныхъ прекратился».

Погосскій: «Усобицы князей не на гибель поганыхъ».

Малашевъ: «Прекратились междуусобія князей съ погаными».

Алябьевъ: «Отъ поганыхъ князья гибли чрезъ усобицы».

Ласкинъ: «У князей усобица и противъ поганыхъ дѣло загинуло.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Въ князьяхъ усобица, а намъ отъ поганыхъ погибедь.

Скульскій: «Межъ князьями у насъ все усобица, а вѣдь намъ отъ того злая гибель пришла».

Поэты:

Гербель: «Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
«На поганыхъ вмѣсто дружества».

Мей: «А князья то позабыли
«Брань на вороговъ».

Майковъ А.: «Отъ усобицъ княжихъ гибель Руси».

(Онъ первый угадалъ смыслъ этого мѣста, который усвоили Павловъ и Скульскій).

18.

„Кликну Карна и Жля поскочи, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.

Въ данномъ мѣстѣ требуютъ палеографическаго исправленія лишь два слова: «*карна*» и «*жля*». Въ первомъ была надписная буква *и* въ формѣ двухъ черточекъ ʺ—знакъ, который, какъ видно изъ Лѣтописнаго сказанія о походѣ Игоря, списаннаго рукою Малиновскаго, затруднялъ его. По всей вѣроятности, «*карна*» было написано въ формѣ карʺна т.-е. «*карина*». Точно также не вѣрно вопроизведено и слово «*жля*»; по всей вѣроятности, оно было начертано въ видѣ жьлѧ, или «ж́лѧʺ» слѣдовало читать «*желя*».

«*Карина*» здѣсь, вытница, обрядница мертвыхъ, а «*Желя*» жальница, вѣстница мертвыхъ; въ ихъ образахъ обрисовано ликованіе смерти надъ павшимъ Игоревомъ войскомъ; та и другая являются здѣсь, какъ спутницы Дѣвы—Обиды. Образы взяты изъ погребальнаго языческаго ритуала и относящихся къ нему эпическихъ преданій. Въ зависимость отъ нихъ поставлена переживаемая дѣйствительность. Кликнула Карина—и восплакались жены; скочила Желя по всей Русской землѣ, разнося погребальный пепелъ — и потекла скорбь по всей Русской землѣ [1].

«*Смага*», по употребленію въ памятникахъ Кіевской Руси, означаетъ золу, пепелъ погребальный [2].

На такихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдуюющій переводъ.

---

[1] Болѣе подробное разъясненіе этихъ образовъ см. въ «Лексикологіи» подъ словами «*Карина*» и «*Желя*».

[2] См. въ «Лексикологіи»: «*смага*».

„Воскликнула Карина
„И Желя поскакала по Русской землѣ,
„Разнося погребальный пепелъ въ пылающемъ рогѣ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Въ слѣдъ за нимъ крикнулъ Карна и Жля разсѣялся по Русской землѣ, претя людямъ огнемъ и мечемъ».

Малиновскій: «Воскликнули послѣ того Карна и Жля и тотчасъ пустилися въ землю Русскую мучить людей въ пламѣнной *росѣ*».

Въ *Первомъ изданіи* переведено такъ: «Воскликнули тогда Карня и Жля и, прискакавъ въ землю Русскую, стали томить людей огнемъ и мечемъ». Въ примѣчаніи объяснено: «*карня* и *жля*» предводители хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

Комментаторы:

Послѣдующіе комментаторы очень долго видѣли здѣсь Половецкихъ хановъ, привнесенныхъ догадкою первыхъ издателей. Они развивали эту догадку.

Шишковъ: «По одержаніи побѣды полководцы Половецкіе «Карни и Жля», кинулись, поскакали по Русской землѣ, восклицая, рыкая, какъ львы, повелѣвая войскамъ своимъ опустошать, грабить. раззорять оную».

Пожарскій: «За нимъ закрычали Карня и Жля, поскакали по Русской землѣ, бросая *жаръ* изъ пламеннаго рога».

Грамматинъ, раздѣляя мнѣніе о ханахъ, первый подыскалъ въ Лѣтописяхъ для объясненія этого «*жара*», «бесерменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ». Не называется ли здѣсь рогомъ какое-нибудь орудіе, изъ котораго Карна и Жля стрѣляли живымъ огнемъ.

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи «Слова» разсуждалъ: «Жля», вѣроятно, это Ляхи или шляхта, Лягскіе воины; Карны—это Хор-

ваты, обитавшіе въ Карпатскихъ горахъ, и отъ нихъ принявшіе свое названіе. Словами: *«смагу мычючи»* ясно выражено огнестрѣльное оружіе, что и подтверждаетъ, что Карна и Жля были народы значительные. Да и кто же кромѣ сосѣдей Карповъ или Хорватовъ и Ляховъ или Шляхты могъ сдѣлать набѣгъ на южную часть Русской земли со стороны запада и юга. За нимъ «кликну Карна и Жля» т.-е. позади его; слѣдов. со стороны запада. Въ 2-мъ изданіи, сближая мѣсто Кіевской Лѣтописи: въ радости мѣсто наведе на ня Господь плачь, а въ веселіи мѣсто желю, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Карина здѣсь есть ничто иное, какъ *«карья»*, плачь по умершемъ, а *«жля»* есть лѣтописное желя, жаль, стѣнаніе, жалобы. Желая придать этому мѣсту смыслъ, соотвѣтствующій Лѣтописи, онъ вмѣсто жля *«поскочи»* читалъ, *«жля поскоми»*; по смыслу *«скомить»* значитъ тужить, болѣть, стенать; *«за нимъ»* принималъ въ значеніи по немъ. Выраженіе *«смагу мычючи»* онъ сближалъ съ Лѣтописнымъ описаніемъ солнечнаго затмѣнія: «солнце учинилось, яко мѣсяцъ, изъ рогъ же его, яко огнь, горящь исхождаше». Въ виду сихъ соображеній онъ сдѣлалъ такой переводъ: «Заголосили поминки по немъ и скорбь застонала по Русской землѣ; солнце затмилося, стало какъ мѣсяцъ младой, метая огнь изъ пламенныхъ рогъ».

Дубенскій: «*Карна и Жля* Половецкіе ханы; *смага*—огнестрѣльный снарядъ; при этомъ онъ дѣлаетъ предположеніе, не дѣлаетъ ли Лѣтописецъ, при описаніи солнечнаго затмѣнія, приспособленія къ этому орудію, и выраженіе: «смагу мычучи» не значитъ ли огонь или дымъ кидать изъ наполненнаго пламенемъ рога».

Максимовичъ: «А за нимъ воскрикнули Карна и Жля, поскакали по Русской землѣ, разнося пожаръ въ огневомъ рогѣ».

Кн. **П. П. Вяземскій** читаетъ: «Кликну Карнай-Жля, принимая эти два слова за одно. Карнай—баснословный блюститель Кавказскихъ горъ (намекъ на Александра Великаго, карнающаго Гога и Магога) и Жля—жалющій, злющій; то и другое могло образоваться изъ Зулъ Карнейинъ—Двурогій, съ двумя трубами, который рисовался на средневѣковыхъ картинахъ у горъ Каспійскихъ».

Миллеръ Вс.: «Карна и Жля едва ли Половецкіе ханы да и имена не похожи на Половецкія. Мы болѣе склонны видѣть въ этихъ именахъ (конечно испорченныхъ) олицетворенія нравственныхъ понятій. «*Карна*» должно быть испорчено изъ *кара, каранье,* карьба или чего-нибудь подобнаго. Второе названіе «*жля*». повидимому испорчено изъ «*желя*».

Потебня: «Мѣсто темное. Максимовичъ (Украин.) читаетъ вм. Карна и Жля—Кончакъ и Гза. Въ всякомъ случаѣ рѣчь не о воѣ поминокъ (Майк. стих. 111, 240), а о торжествующемъ кликѣ враговъ. «Смагу мычучи» не о факелахъ, а о пожарахъ и Греческомъ огнѣ, какъ это и принимаетъ большинство».

Прозоровскій: «Карна и Жля—геніи несчастій, вѣстники бѣдъ, миѳическое представленіе бѣдствій. «*Карна*» не воронъ ли зловѣщій? Въ договорѣ Олега съ Греками одинъ изъ его пословъ называется «*Карнъ*». Въ рукописи XIV—XV в. слово «*кърна*» соотвѣтствуетъ слову ὠτότμητον съ отрѣзаннымъ ухомъ. (Опис. Син. рук. № 133, стр. 262). «*Жля*» тоже, что желя. Я полагаю, что «смага» въ раскаленномъ рогѣ есть *кипящее масло, горькія слезы,* именно то, что называется горючими слезами».

Педагоги:

Кораблевъ: «За нимъ Карна и Жля наскакали на Русскую землю, разсѣвая жажду пламенемъ, въ пламеннѣ росѣ; когда находитъ туча, предшествуемая вихремъ, народъ въ ожиданіи ударовъ, крестясь говоритъ: «пошли, Господи, тихую росу и смирную». Какая связь росы съ даннымъ мѣстомъ «Слова» не постижимо.

Погосскій: «За нимъ Карна и Жля съ кликами поскакали по Русской землѣ, мечучи огонь въ людей изъ пламеннаго рога (греческій огонь въ родѣ ракетъ)».

Малашевъ: «За нимъ крикнулъ Карна и Жля поскакалъ по Русской землѣ, разнося огонь въ пламенномъ рогѣ».

Ласкинъ: «Разнося людямъ огонь въ пламенномъ рогѣ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ) «Карна» превращаетъ въ «жирно», «смагу» въ «смолу» и переводитъ такъ: «Кликнули по немъ»; жалость широко потекла по Русской землѣ. Выраженіе же: «смагу мычучи» оставилъ безъ перевода,

Скульскій: «И широко разлилася въ племени и родѣ скорбь и жалость о погибшихъ, павшихъ на чужбинѣ». Въ этомъ переводѣ уже трудно узнать подлинникъ.

Поэты:

Гербель: «По слѣдамъ ея
«Жля и Карнъ громко кликнули,
«Понеслись землею Русскою,
«И изъ рога огнемѣтнаго
«Извергали пламя лютое».

Мей: «Крикнулъ Карна ему въ слѣдъ,
«И Жля наскочилъ на землю Русскую
«Изъ роговъ каленыхъ полымя бросаючи».

Майковъ: «На всю Русь поднялся вой поминокъ
«Поскочила скорбь отъ веси къ веси,
«И мужей зовя на тризну, мечетъ,
«Имъ смолой пылающіе роги».

19.

Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный Великый Кіевскый. Грозою бяшешь; притрепеталъ своими сильными плъкы.

Мѣсто само по себѣ понятно—и лишь слово *то* представляетъ недописанный укъ (ꙋ) или оү—особенность, которая не разъ встрѣчается въ «Словѣ» (срав. *по-добію, тоже, Шароканъ*). Выпаденіе над-

срочныхъ буквъ въ словѣ *«убуди»* очевидно. Относясь ко Игорю и Всеволоду, оно должно имѣть форму двойств. числа: т.-е. **«оубоудиста»**.

Въ соотвѣтствіе *«бяше успилъ»* слѣдуетъ и далѣе читать: *«бяшеть притрепеталъ»* и согласно этому измѣнить пунктуацію перваго изданія. Глаголъ *«бяшеть притрепеталъ»* даетъ ясно понимать, что подъ словомъ *«лжу»* разумѣется не отвлеченное понятіе, но имѣются въ виду именно Половцы, которыхъ привелъ Святославъ въ содроганіе. *«Лжа»* здѣсь то же, что лѣтописное «погань». Словомъ *«ту»* выражается, что еще такъ недавно, всего за нѣсколько мѣсяцевъ, грозный Святославъ — усыпилъ было эту погань, которую Игорь и Всеволодъ разбудили.

Такимъ образомъ мы переводимъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

„Вотъ двое они Игорь и Всеволодъ
„Разбудили уже погань
„Которую усыпилъ было тутъ,
„Отецъ ихъ Святославъ грозный,
„Великій Кіевскій грозою;
„Привелъ было въ содроганіе
„Своими сильными полками.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Сіи два храбрые Святославича подняли *паки* ссору, которую было укротилъ отецъ ихъ Святославъ грозный Великій Кіевскій. Онъ былъ грозою всѣмъ. Его сильнымъ полкамъ и булатнымъ мечамъ все покорялось».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Оба храбрые сыновья Святославовы, Игорь и Всеволодъ, *возбудили ссору*, которую укротилъ было отецъ ихъ Святославъ грозный великій князь Кіевскій. Онъ всѣмъ страшенъ былъ, отъ сильнаго воинства его и отъ булатныхъ мечей трепетали непріятели».

Въ *Первомъ изданіи*: Сіи-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили *злобу*, которую прекратилъ было отецъ ихъ

грозный Святославъ, великій князь Кіевскій. Онъ былъ страшенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ трепетали.

Комментаторы:

Пожарскій перевелъ: «Разбудили *ложь*, которую усыпилъ было отецъ ихъ Великій князь Кіевскій». Страшенъ былъ; всѣхъ привелъ въ трепетъ.

Грамматинъ: Первые издатели не вникнули, отъ чего происходитъ «*лжа*» и потому перевели, по одной догадкѣ, ни на чемъ не основанной, *злоба*. Г. Пожарскій также не отличилъ «*лжа*» отъ «*ложъ*». Хотя оба сіи слова происходятъ отъ одного корня: *лъгій*, но значеніе ихъ совершенно различно. *Лжа* значитъ именно льгота, легкость. Здѣсь метафора «лжу убуди» взята отъ спящаго человѣка, ибо тогда всѣ чувства покоятся; когда же онѣ бодрствуютъ, то нѣкоторымъ образомъ страждутъ. Русская земля отдохнула было отъ Половецкихъ разбоевъ, которыя Святославъ прекратилъ своей побѣдой, но Ольговичи разбитіемъ своимъ возобновили оные—вотъ мысль автора. «Убуди» Грамматинъ читалъ «убудиста».

Вельтманъ въ 1 изд.: здѣсь ложъ значитъ «*зло*». Въ Серб. яз. сохранилось *лош*—несчастіе, бѣдствіе.

Максимовичъ: опять разбудили *хулу*.

Дубенскій: «убуди» вм. «*убудиста*». «Лжа» — вражда, коварство, противоположно слову «миръ или союзъ». Въ Новгор. Лѣт. читается: «въиде лжа въ городъ». Онъ перевелъ: «Ибо эти два храбрые Святославича опять вражду пробудили, которую только-что усыпилъ отецъ ихъ. Онъ, какъ гроза, привелъ въ трепетъ своими сильными полками.

Тихонравовъ: *убуди* поставилъ подъ титломъ, «*лжу*» превратилъ въ «жлу»; *которую* въ «кòторою»; и *то* въ то҃ «*притрепеталъ*» измѣнилъ на «притрепалъ» и читаетъ такъ: «Игорь и Всеволодъ уже Жлу убиди҃ кòторою; то҃ бяше успилъ отецъ ихъ... грозою: бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы».

Миллеръ: Поправки Тихонравова кажутся неубѣдительными: 1. Игорь и Всеволодъ разбудили «*жаль*», не «*которою*», т.-е. распрею, а пораженіемъ отъ Половцевъ. 2. «Того» не можетъ относиться къ понятію жен. р. *жаль* или *желя*. Переставляя *лжу* въ жлу мы должны еще замѣнить конечное *у* чрезъ *ю* и вставить гласный звукъ между *ж* и *л*, ибо форма «*жлу*» невозможна. Склоняясь такимъ образомъ къ поправкѣ предложенной Ербеномъ, онъ поправляетъ «*то*» на «тъ» т.-е. тъй. Этимъ мѣстоименіемъ авторъ хотѣлъ отличить Святослава грознаго Кіевскаго, разбившаго Кобяка и взявшаго его въ плѣнъ, отъ Святослава-отца» Игоря и Всеволода.

Потебня читаетъ такъ: уже лжу (т.-е. Половцевъ) убудиста которою; ту бяше ус́пилъ. Вмѣсто—«притрепеталъ» онъ принялъ поправку Тихонравова «притрепалъ».

Прозоровскій, удерживая чтеніе Пушкинскаго текста, переводитъ: И вотъ тѣ два храбрые Святославичи пробудили «*опасность*», которую усыпилъ было Святославъ, грозный великій Кіевскій «*князь*». Грозою привелъ «*враговъ*» въ трепетъ своими сильными полками и булатными мечами. Слово «*то*» его не затруднило.

Педагоги:

Кораблевъ: Они возбудили «*неправду*», которую усыпилъ было отецъ ихъ. Грозенъ былъ, усмирилъ своими сильными полками.

Погосскій: эти же два Святославичи разбудили лжу. Грозою былъ онъ, трепетъ наводилъ. «Ложъ», объясняетъ онъ, ссора, жестокость.

В. М. Игорь и Всеволодъ снова пробудили чародѣя Желю. Князь грозный своею грозою; онъ, напавъ однажды на землю Ноловецкую, привелъ въ трепетъ врага.

Малашевъ: Уже пробудили ту вражду, которую усыпилъ было... Онъ грозно усмирилъ (Половцевъ) своими сильными полками.

Алябьевъ: Своими ссорами разбудили Половецкаго *жлу*. *Жла* и *Кобякъ* Половецкіе ханы, объясняетъ онъ. Ужъ его отецъ ихъ и усы-

пилъ было... Какъ ступилъ было на землю Половецкую, растрепалъ было его.

Ласкинъ: «Разбудили *злорѣчіе*» (лжу).

Литераторы:

Вицинъ (Павловъ): Ужъ эти два храбрыхъ Святославича, только разбудили старинное зло. А какъ было усыпилъ его отецъ ихъ... Какъ грозно было притрепалъ онъ ихъ (?)...

Скульскій: «Всю лиху бѣду надѣлали,
«Разбудили вы зло старинное
«Ужъ какъ было усыпилъ его вашъ отецъ...
«Онъ усмирилъ было ратью сильною...

Поэты:

Гербель: Всеволодъ и Игорь храбрые вновь вражду неукротимую пробудили.

Мей:

«Такъ-то храбрые Святославичи,
«Худую славу подняли...
«Знать, задаромъ уложилъ ее.

Майковъ: То они зло лихо разбудили.

20.

„*Кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Кіялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣде.*

Въ данномъ мѣстѣ неисправность чтенія замѣчается въ томъ, что глаголъ «*насыпаша*», относясь къ Игорю, иже погрузи жиръ, не согласованъ съ своимъ подлежащимъ и стоитъ во множественномъ числѣ *насыпаша*. Ошибка эта такова, что она можетъ быть усвоена исключительно издателямъ и состоитъ въ слитіи титлованнаго окончанія гла-

гола съ дальнѣйшимъ союзомъ *а*. Въ оригиналѣ XVI в. это было написано такъ: «насыпа̃ атоу игорь» т.-е. слѣдовало читать: насыпаше. А тоу игорь и т. д. А слитое въ концѣ съ «насыпаша» есть здѣсь союзъ, которымъ въ «Словѣ» по обычаю начинается новый порядокъ мыслей.

Переводъ долженъ быть такой:

„Князя Игоря жалѣютъ,
„Что погрузилъ онъ тукъ
„Во днѣ Каялы рѣки Половецкой,
„Русскаго золота насыпалъ.
„И тутъ Игорь князь
„Изъ золотаго то сѣдла
„Да пересѣлъ въ сѣдло плѣнника.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «А кленутъ Игоря, потерявшаго силу во днѣ Каялы рѣки Половецкія и погрузившаго тамъ злато русское».

Малиновскій: Греки и Моравцы.... осуждаютъ князя Игоря, погрузивщаго силу на дно Каялы и потопившаго въ ней Русское золото.

Въ *Первомъ изданіи* переводъ удержанъ тотъ же буквально.

Комментаторы:

Грамматинъ предъ «Русскаго злата насыпаша» поставилъ *сту*», замѣчая что это предложеніе грамматически не можетъ быть отнесено къ морю.

Дубенскій первый замѣтилъ, что въ словѣ «*насыпаша*» описка, вмѣсто «*насыпаше*» или это дѣепричастіе прошедш. «насыпьша вм. насыпавша (т. е. князя).

Ербенъ, также усматривая здѣсь описку, «насыпаша», превратилъ въ «насыпавъ».

Потебня: Выраженіе: погрузи... во днѣ — кажется страннымъ, такъ какъ *въ* съ мѣстнымъ падежемъ означаетъ среду, въ которой нѣчто находится, а не отношеніе основанія къ тому, что на немъ. По этому вмѣсто «погрузи жиръ во днѣ» онъ читаетъ: «жирово днѣ».

Но г. **Смирновъ** основательно замѣтилъ, что глаголъ «*погрузи*» здѣсь требуетъ *среды*, въ которой нѣчто находится а не отношенія основанія къ тому, что на немъ. При томъ же, замѣтимъ мы, пораженіе совершилось при озерахъ, а потому не удивительно если для выраженія своей мысли авторъ пользуется и болотною средою дна. Въ Сѣверно-русскомъ языкѣ, какъ видно изъ словъ самого же Потебни есть слово «жирова», а не «жирово»; въ памятникахъ же древне-русской письменности никогда и ни кому не встрѣчалось подобное выраженіе.

Прозоровскій: Ссыпавъ *въ нее* (въ Каялу) Русское золото и тамъ пересѣвъ изъ злата сѣдла.

Педагоги:

Погосскій: И рѣку Половецкую Русскимъ золотомъ засыпалъ.

В. М. «Игорь, утаивъ золото и другія богатства, спряталъ ихъ подлѣ рѣки, намѣреваясь въ послѣдствіи передать ихъ хану.

Малышевъ: насыпавши въ нее Русскаго золота.

Алябьевъ: что насыпали поганые много золота тамъ русскаго.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): который все добро похоронилъ... разсорилъ тамъ Русское золото.

Окульскій: И не славятъ они (Игоря) а жалѣютъ лишь его сына, (?!) что «*посьялъ*» злато русское въ Половецкой землѣ.

Поэты:

Майковъ: «И корятъ всѣ Игоря смѣются
«Что на днѣ Каялы Половецкой
«Погрузилъ онъ Русскую рать силу
«Рѣку русскимъ золотомъ засыпалъ.

21.

Си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрьною паполомою.

Въ данномъ мѣстѣ затрудненіе въ точномъ его разумѣніи встрѣчается въ словѣ; «*одѣвахъте*». Уже Малиновскій колебался, какъ понимать форму этого глагола: есть ли это 2-ое лице множ. числа вм. «одѣвасьте» или слѣдуетъ видѣть «здѣсь ошибку» и принимать за 3-е л. того же числа: *одѣвахуть*. Издатели, при печатаніи текста, склонились однако къ первому предположенію и тѣмъ даютъ намъ знать, что это слово воспроизведено ими буквально, какъ было написано оно въ оригиналѣ. Если бы здѣсь не стоялъ ъ, а читалось: «одѣвахуте», то мы убѣждены, что они сгладили бы здѣсь палеографическія особенности начертанія и, въ соотвѣтствіе другимъ рядомъ стоящимъ глаголамъ, напечатали бы «одѣвахуть» вм. «одѣвахуте». Но этотъ ъ сбившій ихъ въ пониманіи глагольной формы, послужилъ поводомъ къ тому, что они воспроизвели для насъ начертаніе этого слову въ букву, соотвѣтственно оригиналу, и тѣмъ даютъ намъ понимать палеографическія особенности оригинала.

Наибольшая часть современныхъ комментаторовъ склоняется къ тому убѣжденію, что вмѣсто «*одѣвахъте*» слѣдуетъ читать: «*одѣвахуть*». Раздѣляя это убѣжденіе въ силу соотвѣтствія съ другими рядомъ стоящими глаголамъ: *чръпахуть*... *сыпахуть*... мы должны лишь разъяснить, какъ явились палеографическія особенности написанія этого слова.

Выше мы замѣтили, что въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко являяется *о*, какъ недописанный оѵ или 8, безъ верхней надписной ижицы (ѵ). Особенность эта встрѣчается и въ прошедшихъ формахъ глаголовъ; такъ то: не моготъ, ноужахѵтъ (см. выше). Древніе писцы, обывшіе писать ъ на мѣстахъ гласнаго *о*, встрѣчая указанную осо-

бенность въ глагольныхъ формахъ, гдѣ *о* замѣняло оу или ȣ, не затруднялись и здѣсь по привычкѣ ставить ъ вм. о. Подобную замѣну мы встрѣчаемъ уже—въ памятникахъ XV вѣка. Такъ во Временникѣ Георгія мниха, въ спискѣ Румянцевскаго Музея встрѣчаемъ: **мнозн же стрѣлами оуязвлаеми оумнрахоу, дроугїн же еле живи лежахъ**, вм. **лежахоу**. (л. 169 об,). Въ виду подобныхъ данныхъ нужно предполагать, что и «**одѣвахъте**» первоначально было написано «**одѣвахоть**» т. е. съ недописаннымъ *укъ* (ȣ) или оу и лишь послѣдующій писецъ, въ силу навыка, вмѣсто *о* поставилъ **ъ**, такъ что вышло: **одѣвахъть**. Отсюда уже весьма близокъ переходъ въ «*одѣвахъте*». Замѣну **ь-є** въ окончаніяхъ глагольныхъ формъ встрѣчаемъ въ памятникахъ XIII в. Такъ въ грамотѣ 1226 г. читается: «*услышате*» вм. услышать; «*лежите* вм. лежить. Въ XVI в. въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта особенность правописанія встрѣчаестя еще чаще. Итакъ, въ «*одѣвахъте*» дѣйствительно слѣдуетъ видѣть «*одѣвахуть*», перешедшее разныя пелеографическія стадіи древне-русскаго правописанія.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: Въ сію ночь сказалъ онъ боярамъ, одѣвали вы меня съ вечера чернымъ одѣяломъ.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: въ ночь сію съ вечера одѣвали меня, онъ разсказывалъ, чернымъ покровомъ. Въ печатномъ текстѣ: одѣвали *вы* меня (онъ Боярамъ разсказывалъ) чернымъ покровомъ. Отсюда видно, что Малиновскій первоначально принималъ «*одѣвахъте*» стоящимъ въ той же грамматической формѣ, какъ и дальнѣйшіе глаголы: «чръпахутъ» сыпахуть*ми*; но потомъ при изданіи текста склонился видѣть въ «*одѣвахъте*» 2 лице, множ. ч.

Комментаторы:

Грамматинъ первый «*одѣвахъше*» поправилъ на «одѣваху».

Затѣмъ **Глаголевъ** еще точнѣе на «одѣвахуть».

Дубенскій находитъ возможнымъ «*одѣвахъте* принимать и въ формѣ 2 л. мн. ч. и безлично, вм. «одѣвахуте» или «одѣвахуть».

Онъ замѣтилъ что *те* ставилось вмѣсто приставнаго характеристическаго окончанія 3 л., какъ напр. съ грамотѣ 1226 г. писали: услышате вм. «услышать» т.-е. услышатъ» «лежите прѣклонитеся», вм. «лежить» прѣклониться (въ 3 л. ед. ч.)

Миллеръ Вс. въ *«одьвахъте»* желаетъ, по обычаю, видѣть болгаризмъ; впрочемъ онъ находитъ болѣе вѣроятнымъ форму *«одьвахъте»* дѣлить такимъ образомъ, что *«одьвахъ»* 1 л. прошед. вр. а *те* относится къ слѣдующему слову: *мя* т.-е. *темя*. Смыслъ былъ бы таковъ: я одѣвалъ себѣ темя. Но никто и ни когда не скажетъ, что онъ *«одьвалъ»* себѣ темя. Верхушку головы покрываютъ, а не одѣваютъ; тѣмъ болѣе не могъ допустить подобнаго не художественнаго выраженія такой поэтъ, какъ авторъ «Слова». Гораздо ближе къ дѣлу другое предположеніе, именно, что паралель прочихъ глаголовъ: «чръпахуть, сыпахуть» можетъ указывать на то, что «одѣвахъте» могло быть искажено изъ «одѣвахуть».

Потебня читаетъ *«одьвахуть»*, съ конечнымъ *е*, составляющимъ слогъ. Въ рукописи, говоритъ онъ, стояло, вѣроятно «одѣвахуте», съ конечнымъ *е*=ъ; издатели приняли *у* за ъ. Второе лице на *хъте* и само по себѣ сомнительно и менѣе понятно, чѣмъ 3, коему соотвѣтствуютъ «чръпахуть», «сыпахуть». Догадка, что слѣдуетъ читать «одѣвахъ темя» не нужна и не привлекательна; если Святославъ хотѣлъ сказать, что куталъ голову, то зачѣмъ говоритъ о темени, которое и безъ его вѣдома могло остаться не прикрытымъ.

Прозоровскій не объснилъ, какъ онъ понимаетъ эту форму, но перевелъ безлично: «одѣвали меня чернымъ покрываломъ.

22.

Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю.

Это одно изъ самыхъ неисправныхъ и темныхъ мѣстъ, не поддающихся удачнымъ догадкамъ для возстановленія и уясненія подлиннаго чтенія. Первые издатели не сдѣлали даже какого-бы то ни было

примѣчанія къ этому мѣсту, кромѣ географическаго указанія города «Плѣсньска». Къ сожалѣнію, и въ найденныхъ черновыхъ бумагахъ главнаго редактора перваго изданія Малиновскаго, не оказывается ни малѣйшихъ данныхъ для какихъ бы то ни было новыхъ соображеній.

Въ ряду самыхъ разнообразныхъ толкованій этого мѣста нельзя указать ни одного, которымъ можно было бы довольствоваться, какъ самымъ вѣроятнымъ.

Основная мысль даннаго мѣста, повидимому, состоитъ въ слѣдующемъ: забусѣвшіе, изхудалые, жадные вороны, собираясь летѣть на съѣдубье къ синему морю—туда, гдѣ пали вои Игоревы, участь его пріограли сначала подъ Кіевомъ, гдѣ сидѣлъ «*отецъ*» ихъ Святославъ, такъ горячо относившійся къ своимъ «*сыновьцамъ*» за тѣмъ они побывали въ предѣлахъ Галицкаго княжества, которое не могло быть равнодушно къ судьбѣ Игоря по участію къ супругѣ его Ярославнѣ, Галицкой княжнѣ; и наконецъ уже полетѣли къ синему морю. Въ мутномъ сновидѣніи Святослава ограяніе воронами злой участи Игоря, по видимому, связано съ его думами объ осиротѣвшей Ярославнѣ, которой горе должно было отозваться на ея родинѣ. Вотъ почему зловѣщіе вороны побывали не только въ Кіевскомъ, но и въ Галицкомъ княженіяхъ на полетѣ своемъ къ синему морю.

У плѣсньска на болони бѣша. Плѣснескъ, какъ замѣтили и первые издатели, былъ «городомъ Галицкаго княженія, смежнымъ съ Владиміромъ на Волыни. Они также уже догадывались, что и въ дальнѣйшемъ выраженіи «дебрь Кисаню» скрывается указаніе мѣстности, въ которой побывали босувы врани» и потому перевели въ «дебри Кисановой». Но по Лѣтописямъ не извѣстно никакой «Кисани» и едва ли возможно, чтобы авторъ усвоилъ даже въ сонномъ видѣніи Святославу припоминаніе какой-нибудь мѣстности малоизвѣстной. Не нужно при этомъ забывать, что сонъ Свясослава есть литературный пріемъ автора «Слова», который связывалъ, конечно, сонъ съ событіями и потому въ сочетаніяхъ сонныхъ видѣній не могло быть упоминанія какой-то, Кисани, лишенной всякаго историческаго значенія. Всего вѣроятнѣе что «*дебрь Кисаня*» невѣрно вычитана въ рукописи первыми издателями.

Полагаемъ, что въ основѣ этого чтенія скрывается часто упоминаемая въ Лѣтописяхъ рѣка *Санъ*, протекавшая въ Галицкомъ княженіи.

Въ виду этого соображенія предполагаемъ, что въ рукописи выраженіе это имѣло слѣдующее написаніе: **дебрьки саніе**. Дебрьская *Сань* быть можетъ, именно низкое побережье Сана, заростое мелкой чащей; это такая же болонь, что у Плѣсньска, но лишь на берегахъ Сана. Саню явилось вм. **Саніе** вслѣдствіе того, что, какъ выше указано, начертаніе **ѥ** въ рукописяхъ XIV и XV вѣковъ сбивалось на **ю**. Тѣмъ легче могъ принять это **ѥ** за **ю** писецъ XVI в. Выпаденіе надсрочныхъ буквъ и знаковъ также обычно въ рукописяхъ XVI вѣка. Первые издатели, неправильно раздѣливъ слова, и напечатавъ *дебрь «Кисаню»* съ заглавной буквы, какъ собственное имя, вм. **дебрьки саніе** сбили тѣмъ съ толку всѣхъ послѣдующихъ комментаторовъ, которые совсѣмъ заблудились въ этой дебри.

Точно также замѣтно со стороны первыхъ издателей невѣрное чтеніе и послѣдующаго выраженія: «*и не сошлю къ синему морю*».: Очень вѣроятно, что была ошибка въ окончаніи «*не сошлю*» уже въ самой рукописи, но во всякомъ случаѣ здѣсь «*не*» не могло быть отдѣлено отъ «*сошлю*» и по обычаю было написано слитно.

Первые издатели приняли это «*не*» за отрицаніе и напечатали раздѣльно и тѣмъ также надолго запутали комментаторовъ. Глаголъ этотъ, очевидно, относится къ тому же подлежащему что и «*грекхуть*» т.-е. къ воронамъ и потому долженъ отвѣчать ему грамматическою формою.

Изъ того, что издатели удержали въ текстѣ «*не сошлю*», хотя въ переводѣ дали другую форму, относя къ воронамъ, слѣдуетъ заключать, что въ самой рукописи дѣйствительно стояло: «**несошлю**», но подобное окончаніе есть уже ошибка писца Пушкинской рукописи, которая заставляетъ предполагать написаніе этого глагола въ бывшемъ подъ рукою его оригиналѣ въ приблизительно слѣдующей формѣ: **несошѧ**. или **несошлѧ**. Вмѣсто того, чтобы читать «несошася писецъ прочелъ «не сошлю» [1].

Итакъ, по нашимъ соображеніямъ все это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху, у Плѣсньска на болони бѣша, у **дебрьки саніе** и **несошлѧ** къ синему морю.

[1] См. въ «Лексикологіи» «*бусуви*» «*болонь*» «*сань*».

Такимъ образомъ переводъ этого мѣста будетъ слѣдующій:

„Всю ночь съ вечера
„Паршивые вороны програяли,
„У Плѣснеска на болотинѣ были
„У дебрской Сани,
„И понеслись къ синему морю.

Издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Они, утоптавъ плоскость дебри Кисанской, не отлетѣли къ синему морю».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «будто во всю ночь съ вечера до свѣта вороны каркали, усѣвшись у Плѣнска на выгонѣ въ дебри Кисановой и не полетѣли къ морю синему.

Въ *первомъ изданіи* переводъ этотъ оставленъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Пожарскій: «Бусови врани у Плѣнска на болоньѣ въ долинѣ Кисановой: а выраженіе «*и не сошлю къ синему морю*» переводилъ такъ: «и я (Святославъ) не могу согнать *ихъ* къ синему морю.

Грамматинъ: «Не сошлю» слѣдуетъ читать «не сошли» такъ какъ оба предыдущіе глеголы «възграяху и «бѣша» стоятъ во множ. ч. Нельзя переводить, какъ переводитъ Пожарскій; во 1-хъ мѣстоименія *ихъ* нѣтъ въ подлинникѣ; во 2-хъ «сослать птицъ «не льзя такъ говорить; поэтому вѣроятнѣе, что здѣсь описка. Онъ переводилъ: "Босые вороны у Плѣнска усѣлись на болонье, гдѣ лощина Кисанова, и не слетѣли къ синему морю.

Павскій: Всю ночь каркали вороны (Половцы). Князю снилось будто они находились на территоріи его владѣній, у Плѣсненска въ дебри Кисановой и что онъ самъ не могъ прогнать ихъ къ синему морю.

Вельтманъ: «Здѣсь явно, что вмѣсто *не сошлю* должно быть несошась. То же повторялъ и Гильфердингъ.

Максимовичъ сначала переводилъ такъ: «у Плѣньска на болоньѣ были, въ дебри Кисановой и не слетѣли къ синему морю». Затѣмъ, онъ придумалъ подлежащее и переводилъ: «Кыяне же сошли къ синему морю».

Дубенскій: «бѣша дебрь Кисаню» т.-е. были дебри Кисани. *Кисань* собственное имя неизвѣстнаго значенія, но ниже это слово, кажется, бояре толковали «Хинови». Дебрь—долина, лѣсъ, лѣсное мѣсто. «И не сошлю къ синему морю» значитъ ругались, что я не могу сослать, т.-е. прогнать назадъ его (Кисаня). Перевелъ такъ: «у самого Плѣнска на выгонѣ были дебри Кисаня, а я будто бы не въ силахъ его прогнать къ синему морю».

Макушевъ: «*Бусови*» напоминаетъ собой послѣдующее «*бусови время*» «*не сошлю*» «несоша ïа», «*дебрь Кисаню*»—слѣдуетъ читата: *дебрьски сани*», а «*сань*» напоминаетъ чешскую сань—дракона, змѣю. Такимъ образомъ текстъ принимаетъ слѣдующую форму: «бѣша дебрьски сани и несоша іа къ синему морю».

Кн. **П. П. Вяземскій**: «*бѣша*» здѣсь отъ «бѣсити» поднимать, а «*кисанье*»—по сербски—возбужденіе плача. Въ виду такого толкованья «бѣша дебрь кисаню» онъ переводитъ: «подымая долину слезъ». Въ «несошлю» буква «*ю*» есть особое слово—мѣстоименіе, а *л* поставлено вм. *а*, т.-е. «несоша *ю*».

Миллеръ Вс.: Принимая чтеніе «несоша *ю*», предложенное кн. П. П. Вяземскимъ, замѣчаетъ, что смыслъ отъ того не выигрываетъ. Кромѣ грамматическихъ затрудненій, (напр. множ. «бѣша» единств. «дебрь») здѣсь и реальныя: почему вороны каркаютъ у города Плѣсенска въ Галицкомъ княжествѣ? При «несоша» и «бѣша» г. Миллеръ предполагаетъ опущенное подлежащее «врани». По соображенію съ отвѣтомъ бояръ, онъ заключаетъ, что какъ дѣвы поютъ на берегу синяго моря, радуясь добытому Русскому злату, такъ вороны что-то такое (ю) добыли и несутъ къ синему морю.

Потебня: *Бусови* мѣстный безъ предлога съ *и* вм. *ѣ*. *Бусовѣ*, по его предположенію, урочище, Бусова гора; *възграяху*—вскаркивали; *на болонии*—на ровномъ низменномъ мѣстѣ образовались (бѣша—вм. быша) яры (дебри вм. дебрь): дѣло чудное! Затѣмъ читаетъ, слѣдуя Максимовичу: Кыяне (*кисаню*) же (*и не*) съшли (*сошлю*) къ синему морю. Безъ поправокъ въ данномъ мѣстѣ обойтись трудно, но такого рода поправки не только не вносятъ въ текстъ никакого смысла, но уже окончательно затемняютъ его.

Смирновъ выражаетъ предположеніе: «несоша ю» не образовалось ли изъ двухъ словъ: «несоша жлю»?

Прозоровскій: *бѣша* превращаетъ въ *браша*; *не сошлю* читаетъ, какъ и другіе, *несоша ю* и переводитъ: «Всю ночь съ вечера бусовы вороны прокаркали у Плѣсненска на *всполѣ*, брали дебрь Кисанову и несли ее къ синему морю». *Бусови* врани—онъ принимаетъ въ значеніи Кашинскомъ, т.-е. пьяныя, неистовыя изступленныя, сближая ихъ въ толкованіи бояръ съ Готскими дѣвами и въ образѣ ихъ, равно какъ и шумящихъ воронъ, усматривая миѳическія существа, подобныя древнимъ Вакханкамъ, неистово пировавшія въ честь Буса. Поправляя «*бѣша*» на «браша», онъ замѣчаетъ, что съ такой перемѣной мы получаемъ будто бы все это мѣсто въ совершенно ясномъ видѣ: «брали дебрь и несли ее». Признаваемой имъ ясности намъ не представляется ни на одинъ волосъ и, на нашъ взглядъ, никакъ не стóитъ для нея перемѣнять въ текстѣ «бѣша» на «браша».

Педагоги:

Кораблевъ: *Бусъ* и *Кисань*—здѣсь Половецкіе предводители.

В. М.: На лугу у Плѣнска находилась будто бы дебрь; я будто бы спугиваю ихъ (кисаню, т.-е. кисаю, кишу, кричу—кишь, кишь, кишь) и никакъ не загоню къ синему морю.

Малашевъ: «У Плѣнска, на окраинѣ города, была дебрь Кисанова и, будто, несли ее къ синему морю».

Ласкинъ: Бусовы вороны каркали у Плѣсньска на околицѣ, покрыли (одѣша) дебрь Кисанскую и несли печаль (несоша жлю) къ синему морю.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): во всю ночь каркали ворòны у Плѣньска, на Подолѣ, гдѣ дебрь Кисанова, и понесло ихъ къ синему морю.

Скульскій: На Подолѣ тамъ, гдѣ Кисановъ лѣсъ, воронье зловѣще каркали, а потомъ снялись къ морю синему.

Поэты:

Мей: На углу Плѣнска вражьи вороны,
Залетали въ дебрь Кисанову
И никакъ мнѣ не согнать ихъ
Къ морю синему.

Майковъ А.: Прокаркали у Плѣнска тамъ,
Гдѣ прежде дебрь была Кисáня
На Подольѣ стаи черныхъ вороновъ,
Проносясь несмѣтной тучей къ морю.

23.

„И въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хинови.

Какъ выше мы уже замѣтили, многіе современные комментаторы, по сходству формы глагола *«погрузиста»* съ стоящими въ предыдущихъ періодахъ глаголами: *«помъркоста»*, *«погасоста»*, «тьмою ся *поволокоста»*, съ нарушеніемъ текста, приставляютъ къ нимъ и эти предложенія: *въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хинови.* Но мы, какъ выше замѣтили, не можемъ допустить подобной перестановки и оставить Половцевъ, къ которымъ относятся эти послѣднія предложенія, при томъ только, что они простерлись по Русской землѣ.

Въ данномъ мѣстѣ изображается дѣйствительнность, уясняющая значеніе предыдущихъ символическихъ картинъ. Поэтому мы скорѣе

склонны признать въ данныхъ предложеніяхъ неисправное чтеніе, чѣмъ примириться съ допускаемой перестановкой.

Неисправность эта обусловлена здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, неправильнымъ выведеніемъ изъ-подъ титла и слитнымъ чтеніемъ такихъ словъ, которыя должны быть читаемы раздѣльно; таковы глаголы: «*погрузиста*», «*подасть*».

Въ рукописи XVI в. они могли стоять въ такомъ видѣ: «**погрүзн҃та**». Слѣдовало читать: «**погрүзнша та**; но издатели, подъ воздѣйствіемъ предыдущихъ глаголовъ въ двойственной формѣ, и «**погрүзн҃та**» прочли какъ «*погрузиста*», предполагая и здѣсь ту же форму; между тѣмъ *та* здѣсь есть именно то самое дополненіе, котораго не достаетъ въ печатномъ текстѣ. *Та*, т.-е. «два солнца», «два столпа», или быть можетъ здѣсь **та** вм. **тѫ** т.-е. Русскую землю, какъ называется въ «Словѣ» Русское войско. (Вин. пад. въ формѣ именит.).

То же самое допущено и по отношенію къ глаголу «подасть».

Въ рукописи, всего вѣроятнѣе, стояло: «**подат҃ь**» т.-е. слѣдовало читать: «**подаша ть**» (*той*) хинови. Издатели же слили два слова, измѣнивъ подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же глаголовъ **ш** въ **с**, т.-е. въ «**подасть**». Надстрочный знакъ въ видѣ двухъ черточекъ и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, оставленъ ими безъ вниманія (ср. **въ ста҃зѣи**).

Такимъ образомъ это мѣсто, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ читать такъ:

И въ морѣ **погрүзн҃ та** *и великое буйство* **пода҃ ть** *хинови.*

Погрузить въ море—выраженіе символическое; значитъ погубить [1]. Переводъ будетъ слѣдующій:

„Среди Русскихъ дружинъ простерлисѣ,
„Половцы, словно гнѣздо пардусовъ,
„И въ море ихъ погрузили
„И великую гордость придали
„Тому Хиновскому роду.

Издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «они погрузили Русскихъ въ море и великую Хану подали отвагу».

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «*погрузиша*».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Разсыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшіе, и нашествіемъ своимъ, подобнымъ морскому приливу, придали великую отважность хану ихъ».

Въ *первомъ изданіи* сдѣлано лишь слѣдующее измѣненіе: «погрузили въ безднѣ силу Русскую, придали хану ихъ великое буйство».

Коментаторы:

Пожарскій перевелъ: «погрузили землю Русскую въ пропасть, т.-е. что земля Русская провалилась въ пропасть».

Грамматинъ: «авторъ хочетъ сказать, что Половцы загнали въ Азовское море, близь котораго происходило сраженіе, остатокъ Русскихъ, спасшійся послѣ онаго, какъ говорится въ Лѣтописномъ о томъ сказаніи: «а прочіи въ морѣ истопоша».

Дубенскій читаетъ: «*погрузистася*» и «*подаста*», и переводитъ: «по Русской землѣ разсѣялись Половцы, словно гнѣздо барсово, и въ море погрузились и великую дерзость придали х ану» Прежнихъ изслѣдователей не занимали здѣсь грамматическія формы.

Тихонравовъ предполагаетъ, что форма «*подастъ*» возникла отъ того, что въ рукописи это слово стояло съ титлованнымъ окончаніемъ «подас҇» и первые издатели невѣрно вывели его изъ-подъ титла, поставивъ въ концѣ ъ вм. *а*.

Другіе изслѣдователи, обращая здѣсь вниманіе на форму двойственнаго числа относятъ, какъ мы уже видѣли, эти выраженія не къ Половцамъ, а къ Русскимъ князьямъ и потому дѣлаютъ перестановки какъ-то Ѳ. Е. Коршъ, кн. Вяземскій, Потебня и др.

Прозоровскій: «По Русской землѣ разбрелись Половцы, какъ рысиное гнѣздо, погрузили *ее* въ море *бѣдствій*, *чѣмъ* дали хану поводъ къ великой смѣлости». Названіе ханъ не было народнымъ или племеннымъ, а означало народовъ полудикихъ преимущественно тѣхъ, кои тревожили Русь набѣгами».

Педагоги:

Погосскій: «Разсыпалися Половцы, словно стая леопардовъ и моремъ разлилось буйство ханское».

В. М.: «Они погрузили въ море ихъ, т.-е. слѣдовало бы собственно сказать, погрузили въ море ея, т.-е. богатство Русской земли такъ какъ раньше сказано: напали на Русскую землю».

Малашевъ, какъ и другіе, это выраженіе выноситъ изъ своего мѣста и ставитъ рядомъ съ выраженіемъ: тьмою ея поволокоста и переводитъ Олегъ и Святославъ поволоклись тьмою и въ море погрузились.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Олегъ и Святославъ въ морѣ заволоклись тьмою».

Окульскій: «Честь Святославова, слава Олегова съ ними затмилась туманомъ морскимъ».

Поэты:

Гербель: «Разсѣялись Половцы, будто бы
«Стая степныхъ леопардовъ,
«По Русской землѣ,
«И дерзость вождя своего поощряя,
«Бушующимъ моремъ разлилися кругомъ.

Мей: «Словно барсовъ, лютой выводокъ,
«Потопили Русь въ синемъ морѣ.

Майковъ: «И простерлись Половци по Руси
«Словно люты пардусовы гнѣзда.

24.

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего.

Это мѣсто мы также относимъ къ числу неисправныхъ чтеній; ни грамматическій, ни художественный строй рѣчи не позволяютъ здѣсь мириться съ глаголомъ «*не вижду*» совершенно не умѣстнымъ. Упреки Святослава, обращенные къ Игорю и Всеволоду и выраженія въ противительномъ періодѣ: «нъ рекосте: мужаимъся *сами*... славу *сами* похитимъ; и *сами* подѣлимъ» указываютъ, что въ предыдущемъ періодѣ должна быть выражена мысль о чужой помощи, которою они не хотѣли воспользоваться, мысль, обращенная къ нимъ же. Это даетъ именно право въ выраженіи «не вижду власти» усматривать неисправное чтеніе. Можно полагать что въ Пушкинскомъ оригиналѣ выраженіе это имѣло слѣдующее написаніе:

Нє выждѫє̆стїє т. е. слѣдовало читать; **нє выждала єстїє** или быть можетъ, **єста**. Въ южно-русскихъ рукописяхъ **ѫ** въ это время употреблялся весьма часто не правильно; очень вѣроятно, что поставленный здѣсь вмѣсто *а*, онъ былъ главною причиною невѣрнаго чтенія даннаго мѣста—со стороны древне-русскаго писца или первыхъ издателей. **Ѫ**, принимая за *у*, они прочли этотъ глаголъ въ первомъ лицѣ «*не вижду*» и отнесли къ Святославу, который ведетъ рѣчь. Принять **ы** за *и*, читая **нє виждѫ** вм. **нє выждѫ** они въ правѣ были уже потому, *что видѣли такую замѣну* въ той же рукописи. (Ср. *на кроваты*) Далѣе вслѣдствіе такого прочтенія *глагола*, они естественно, надписной слогъ **ла** должны были читать въ дальнѣйшемъ словѣ и въ формѣ **є̆стїє** они тѣмъ легче могли усмотрѣть *власть*, что **є** въ рукописяхъ XVI вѣка сближается съ скорописнымъ *в*. *Многовои* вм. многовоѧ явилось подъ воздѣйствіемъ раздѣльнаго чтенія одного слова—двумя, вслѣдствіе чего **воѧ** по зависимости отъ «много» превратилось въ «кои».

Въ виду этихъ соображеній слѣдуетъ читать:

А уже нє выждала єстїє сильнаго и богатаго и многовоѧ брата моего ӕрослава.

При такомъ чтеніи получаютъ полную соотвѣтственность и грамматическую и логическую и дальнѣйшія слова: «*нъ рекосте*: *мужаимся сами,* и т. д.

Не можетъ служить серьезнымъ возраженіемъ, что, въ войскѣ Игоря участвовала уже Черниговская помочь; въ томъ-то Святославъ и упрекаетъ Игоря и и Всеволода, что они воспользовались только отрядомъ Ковуевъ, но не выждали участія самаго Ярослава со всѣми его былями и могутами, которыхъ онъ и исчисляетъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: Я уже не вижу власти сильнаго и богатаго и *милаго* моего брата Ярослава.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Я уже не вижу власти сильнаго и богатаго множествомъ воиновъ брата моего Ярослава.

Въ первомъ изданіи съ слѣдующимъ измѣненіемъ: «и многовойнаго брата моего».

Комментаторы:

Шишковъ: Поелику «*многовои*» есть имя существительное, относящееся къ слову «*не вижду*» сирѣчь, не вижду многовоевъ брата моего, сего ради и смыслъ сей рѣчи не можетъ быть тотъ, какой данъ ей въ «Преложеніи». Мнѣ кажется, разумъ сихъ словъ долженъ быть слѣдующій: «я уже не вижу себя богатымъ и сильнымъ властелиномъ; не вижу поборающихъ по мнѣ многихъ войскъ брата моего Ярослава, ни Черниговскихъ былей, ни могутъ...

Вельтманъ: «Не вижу ужъ власти въ могущихъ, въ богатыхъ; уже нѣтъ Ярославовыхъ страшныхъ полковъ изъ Черниговской черни.

Дубенскій: «Вотъ уже не стало у меня области и сильной и богатой и многочисленныхъ воиновъ брата моего Ярослава. «Многовои» онъ считалъ опискою **вм. много кωн**».

Максимовичъ: «Уже и не вижу власти сильнаго и богатаго и много воиновъ у брата моего съ Черниговскими былями».

Соловьевъ С. М.: «Слово «многовои» не есть описка, а прекрасный эпитетъ Ярослава, *многовоя*, у которыхъ много воевъ.

Майковъ: «Не вижу власти», ужъ нѣтъ со мной брата Ярослава. Власть здѣсь не значитъ область; его Черниговская область не пропадала; онъ не терялъ ее. По заключенію г. Максимовича, здѣсь имѣется въ виду двукратный отказъ Ярослава итти съ нимъ на Половцевъ въ 1184 и 1188 гг. Смыслъ тотъ, что Ярославъ не помощникъ, что очень жаль великому князю, ибо дружина Ярославова, состоящая изъ Черниговскихъ былей и другихъ удальцевъ, беретъ примѣръ съ дѣдовъ, а вы Игорь и Всеволодъ возмнили: сдѣлаемъ все сами.

Потебня: читаетъ вм. «*не вижду власти*» не съждала ѥсте; вм. «*многовои* — многовоя: чтеніе, по собственнымъ его словамъ, палеографически не мотированное и шаткое.

Смирновъ: «Игорю отъ Ярослава нечего было больше ждать помощи послѣ того, какъ она была дана ему съ Ольстиномъ Олексичемъ». Но вѣдь упрекъ касается здѣсь того, что они не выждали участія *самого Ярослава съ былями* и *могутами*», которые тутъ же изчисляются.

Прозоровскій: «Уже не вижу владѣнія сильнаго и богатаго и множество воиновъ брата моего Ярослава.

Педагоги:

В. М. «Не вижу... многовойнаго, т.-е. многими воинами владѣвшаго брата...

Малашевъ: Словами: «не вижу власти сильнаго и богатаго», авторъ хочетъ выразить, что сильный и богатый потеряли власть, какую они имѣли. Вѣроятно Святославъ сильнымъ и богатымъ называетъ самого себя.

Ласкинъ: «Теперь я не вижу и власти сильнаго и богатаго и многовойскаго брата.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): Не увижу я власти сильнаго и богатаго, ни множества воиновъ брата моего Ярослава...

Скульскій: «Знать ужъ не вѣдать мнѣ сильнаго во власти, богатаго въ счастьи! Гдѣ же эти рати брата Ярослава, изъ земли Черниговской—вольная дружина.

Поэты:

Гербель: «И вотъ ужъ враги полонили,
«Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей,
«Гдѣ братъ мой отважный,
«Съ отрядомъ былей,
«Съ Черниговской ратью своей.

Майковъ А.: «Нѣтъ со ужъ брата Ярослава!
«Онъ ли сильный, онъ ли многоратный
«Со своей Черниговской дружиной,
«Съ удальцами. Съ татры и Ревуги.

25.

Нъ рекосте му жа имъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подълимъ.

Мѣсто это въ настоящее время настолько разъяснено, что не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. И если мы останавливаемся на немъ, то лишь для того, чтобы точное чтеніе текста обосновать на палеографическихъ соображеніяхъ.

Въ выраженіи «*нъ рекосте му жа имъся сами*», въ первомъ изданіи разстановка словъ, очевидно, пріурочена издателями къ своему пониманію, выраженному въ переводѣ: «не говорятъ они, мы де сами».

Въ оригиналѣ всѣ слова стояли слитно: **моужанимѣсасами**. Слѣдовало читать и раздѣлить эти слова такимъ образомъ: «**моужанимѣса сами**». При этомъ въ Пушкинской рукописи согласно правописанію въ другихъ памятникахъ XVI вѣка, ъ былъ написанъ такъ, что легко было принять его за ѣ—именно въ слѣдующей формѣ ѣ.Слово: «*мужаимѣся*» въ такой именно формѣ встрѣчается и въ лѣтописи.

Другое недоумѣніе относится здѣсь къ слову «заднюю»: «*а заднюю* (славу) *ся сами подѣлимъ*». Г. Тихонравовъ совершенно основательно замѣтилъ, что едва ли при возвратномъ глаголѣ: «подѣлимся» могъ стоять винит. пад. «*заднюю*» (славу) и потому **са** онъ превращаетъ въ **си**. Вполнѣ раздѣляя его убѣжденіе, что въ данномъ выраженіи скрывается неисправность чтенія, мы усматриваемъ ее однако не въ словѣ **са**, а въ словѣ: «**ѕаднюю**» (какъ Огоновскій и Потебня). Неисправность эта принадлежитъ древнимъ писцамъ, а не издателямъ и стоитъ въ связи съ написаніемъ іетированнаго **ѥ** въ памятникахъ уже XIII и XIV вв., когда при написаніи **ѥ** нижняя полукруглость второй половины звука поднималась настолько къ верху, что писцы могли принять **ѥ** за **ю**, т.-е. въ древнѣйшихъ спискахъ нашего памятника данное слово имѣло такое написаніе: **ѕаднѥю**, въ Пушкинской же рукописи оно имѣло уже форму: «*заднюю*». Здѣсь, на нашъ взглядъ, сказывается слѣдъ ошибокъ древняго правописанія, особенно въ эпоху перехода отъ устава къ полууставу.

Итакъ чтеніе этого мѣста должно быть слѣдующее:

«**Нъ рекосте: мужаимъса сами; преднюю славу сами похитимъ, а ѕаднѥю са сами подѣлимъ**

Переводъ будетъ такой:

„Но вы сказали: одни станемъ мужаться;
„Одни мы восхитимъ славу былую;
„Одни мы раздѣлимъ и грядущую славу.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Онѣ не говорятъ, что мы сами прежде одержимъ надъ непріятелемъ славу, и потомъ оную раздѣлимъ съ другими».

Малиновскій: «Не говорятъ оні, мы де сами пріобретемъ предстоящую славу, а прошедшею съ другими подѣлимся»:

Въ *первомъ изданіи* вмѣсто «пріобретемъ» удержано слово подлинника: «похитимъ». Во всемъ остальномъ переводѣ Малиновскаго оставленъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Шишковъ: «Преложеніе» сего заключаетъ въ себѣ нѣкую темную мысль, которую нельзя сообразить ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ. Особливо слова: «мужа имѣся», совсѣмъ непонятны. Мнѣ кажется здѣсь ошибка; взята буква *м* вм. *т*, и что надлежало бы сказать: *мужаитеся*. И въ семъ расположеніи можно проницать слѣдующій разумъ: «но вы сказали, возвѣстили мнѣ о несчастіяхъ нашихъ, такъ мужайтесь же; пойдемъ, и безъ всякой отъ другихъ помощи прославимся одни и прежнею, т.-е. пріобрѣтенною вышепомянутыми богатырями славою подѣлимся съ ними».

Калайдовичъ читалъ: «мужаймеся». (Опис. р. Вост. стр. 27).

Пожарскій: «Буква *м* не дѣлаетъ здѣсь никакой ошибки и перемѣнять оную на *т* не предстоитъ никакой надобности, ибо рѣчь сія была не собственная Святослава къ боярамъ его, но одно только припоминаніе или повтореніе сыновняго условія, коимъ они ободряли себя на Половцевъ. Притомъ же великому князю кіевскому грозному Святославу не прилично говорить своимъ боярамъ: «похитимъ предстоящую славу». Тѣмъ менѣе предстояло ему надобности говорить о пріобрѣтеніи прошедшей славы, а тѣмъ паче о раздѣлѣ оной и притомъ съ своими боярами, ибо прошедшая слава была единственно его удѣломъ, такъ можетъ ли Святославъ похищать ее самъ у себя и дѣлиться ею съ боярами? Вышесказанную рѣчь говорили Игорь и Всеволодъ, а не Святославъ. «Въ то же лѣто, говорится въ лѣтописи Нестора, Ольговы внуци, занеже бяху не ходили того лѣта со всѣми князьями, но сами поидоша о собѣ, рекше: ци есьмо мы не князи же? Пойдемъ, такожъ себѣ хвалы добудемъ». Въ другомъ мѣстѣ: «а нынѣ пойдемъ по нихъ за Донъ до конца ихъ избьемъ, а же ны будетъ побѣда, идемъ и до лукоморья, гдѣ же ни ходили дѣды наши,

а возмемъ до конца свою славу и честь». Посему здѣсь рѣчь Святослава означаетъ: но вы, сыновья мои, сказали: «будемъ мужаться сами; предстоящую славу сами похитимъ, а прошедшею подѣлимся сами».

Грамматинъ въ силу замѣчаній Пожарскаго, исправилъ: «*мужа имъся*» въ «мужаимся».

Вельтманъ: «Мужаемся, други, пожнемъ предстоящую славу, подѣлимся славой грядущей».

Максимовичъ: «Но звоня въ прадѣдовскую, славу вы сказали себѣ: мужаемся одни; одни возмемъ предстоящую славу, одни подѣлимся славою прежней». Форму *мужаимъся* онъ находилъ правильною.

Дубенскій: «Мужаимѣся—считалъ 1-мъ л. двойств. ч. повел. наклон. отъ «мужатися», которая употреблялась въ древне-русскомъ языкѣ, наравнѣ съ формою повел. накл. 1 л. множ. ч. на *мы*: *кушаемыся* (покусимся) на вежа ихъ; не *озираемыся* назадь; не *проливаимъ* кръви. Онъ перевелъ: «Но вы говорили: станемъ мужественно одни, прошедшую славу одни восхитимъ и будущую между собою одни раздѣлимъ».

Тихонравовъ, замѣчая въ Пушкинскомъ текстѣ смѣшеніе издателями ъ и ѣ, «мужа имѣся» исправилъ въ «*мужаимъся*». Не находя возможнымъ, чтобы затѣмъ глаголъ «*подѣлимся*» сочинялся съ винит. п. онъ *ся* превращаетъ затѣмъ въ *си*.

Кн. **П. П. Вяземскій**, предполагая, что издатели приняли здѣсь необычайное ы за ѣ, «мужа имѣся» читаетъ: «*мужаимыся*».

Огоновскій, по свидѣтельству г. Смирнова вм. «*заднюю*» читаетъ «*заднею*», не представляя на то никакихъ основаній.

Потебня: «мужяимъ ся сами; предьнюю славу сами похытимъ; а задьнею ся сами подѣлимъ».

Прозоровскій, удерживая чтеніе Пушкинскаго текста, переводитъ: «Но вы сказали мужей имѣемъ сами и сами добудемъ пе-

реднюю славу, а заднею сами подѣлимся». Грамматическія формы, какъ видно, его ни мало не затрудняютъ.

Педагоги:

Кораблевъ: «Будущую славу сами снищемъ, а прежнюю сами себѣ присвоимъ».

Погосскій: «Похитимъ (т.-е. затмимъ) славу старую (прежнюю) и подѣлимся славою будущей (т.-е. добудемъ и раздѣлимъ между собой новую славу). Мы перевели, замѣчаетъ онъ, «задняя слава», словомъ «будущая» вотъ на какомъ основаніи: допуская, что слава предопредѣляется людямъ заранѣе, можно назвать будущую славу «славою заднею», т.-е. такою, существованіе которой въ будущемъ уже опредѣлено; слѣдовательно, она какъ будто уже существуетъ, но еще не видимо для насъ, какъ бы вслѣдствіе того, что находится позади тѣхъ славъ, которымъ опредѣлено существовать прежде ея; она еще задняя.

Малашевъ: «Но вы сказали: пойдемъ мужественно одни; сами собой добудемъ предстоящую славу, сами же подѣлимся и прошедшею».

Ласкинъ: «Отважимса сами; будущую славу похитимъ одни; тогда и прошлою подѣлимся также одни».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «А вы похвалились: везмемся-ка сами; славу, что впереди насъ, захватимъ, а что позади насъ съ собой подѣлимъ».

Скульскій: «А вѣдь вы хвалились, сами-де не хуже, вся-де слава наша; та, что впереди насъ; ту возмемъ мы съ боя, а что позади насъ, ту и такъ подѣлимъ».

Поэты:

Мей: «Сами славой прошлой роздобудемся,
«Сами славой будущей подѣлимся.

Майковъ: «Всю сорвемъ, что въ будущемъ есть, славу,
«Да и ту, что добыли ужъ дѣды.

26.

Великый Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти.

Смыслъ здѣсь виденъ, но слово «*мыслію*» затрудняетъ точную его передачу. Оно стоитъ на первомъ мѣстѣ и на немъ сосредоточена сила «воззванія». Замѣтно, что слово *мыслію* не зависитъ отъ глагола «*прелетѣти*»; напротивъ этотъ послѣдній служитъ дополненіемъ къ «мыслію». Въ силу этого справедливо современные комментаторы склоняются къ предположенію. что въ словѣ «мыслію» скрывается какая-нибудь неисправность чтенія.

Мы исходимъ изъ того предположенія, что въ Пушкинскомъ текстѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ іотированное ѥ древняго списка перешло уже въ *ю*, примѣры чего указаны выше. То же видимъ и въ «*ю*» которымъ заканчивается слово мысл*ію*. Это есть древнее іотированное ѥ, означающее бытный глаголъ въ 3 л. ед. ч. настоящаго, времени, который въ позднѣйшей письменности является въ формѣ «ѐ». Употребленіе ѥ вм. «*есть*» встрѣчаемъ и въ лѣтописи, напримѣръ въ Лавреньтьевскомъ спискѣ: «*е ли* старецъ» (1872, стр. 185); а также во множествѣ переводныхъ памятниковъ и въ живомъ народномъ пѣснотворчествѣ.

Остальныя слоги «*мыслі*» едва ли не представляютъ два слившихся слова: *мыс* и вопросительное «*лі*». Слитіе это произошло вслѣдствіе одних и тѣхъ же звуковъ въ двухъ словахъ, коими одно оканчивается, а другое начинается. Примѣры этого явленія, какъ выше указано, замѣтны и въ другихъ мѣстахъ дошедшаго до насъ текста «Слова».

Въ виду этихъ соображеній чтеніе этого мѣста, при выводѣ изъ подъ титла, принимаетъ слѣдующій видъ:

Нє мысль лї (ѥ) ѐ ти прелетѣти.

Переводъ будетъ такой:

„Нѣтъ ли намѣренія у тебя
„Перелетѣть издалека
„Золотой отцовской престолъ поберечь?

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Не мыслію тебѣ не перелетѣть издалека.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Почто не придетъ тебѣ на мысль перелетѣть издалека ради защиты отеческаго золотаго престола.

Въ первомъ изданіи: «Почто не помыслишь *прилетѣть* издалеча.

Комментаторы:

Шишковъ перевелъ: Великій Всеволодъ! Отдаленный отселѣ, ниже мыслію летишь отца твоего сохранить престолъ.

Пожарскій: «Подлинникъ не то говоритъ, что видятъ въ немъ первые издатели; глаголъ «прелетѣти» означаетъ перелетѣть, а не прилетѣть. Слова «не мыслію ти» также не означаютъ: «почто не помыслишь ты», ибо «мыслію» есть твор. пад. а «ти» дат. Слова эти значатъ слѣд.: «не мыслію тебѣ, перелетѣть издалека, или, не перелетѣть тебѣ, подобно мысли, издалека».

Максимовичъ: «Не мыслію тебѣ прилетѣть»...

Дубенскій: «Не мыслію ти» т.-е. ты и не вздумаешь (тебѣ не угодно, ты не соизволишь).

Новѣйшіе издатели и комментаторы, встрѣчаютъ грамматическія затрудненія для подобныхъ переводовъ.

Тихонравовъ склоняется къ предположенію, не стояло ли въ рукописи вм. «не мыслію ти» «*не мыслиши*».

Миллеръ Вс. «Нельзя переводить: «*тебѣ не перелетѣть мыслію издалече*». Такому переводу противорѣчитъ мѣсто, занимаемое словомъ «*мысль*». Не согласенъ онъ и съ поправкою г. Тихонравова, считая это предложеніе вопросительнымъ. Смыслъ разбираемаго воз-

званія сосредоточенъ на словѣ «*мыслію*» стоящемъ на первомъ мѣстѣ. Значитъ ли перелетѣть *мыслью* перелетѣть *мысленно* или перелетѣть *какъ мысль*, съ быстротою мысли? Думаемъ, замѣчаетъ онъ, что послѣднее вѣрнѣе, ибо чрезъ то, что Всеволодъ перенесется мысленно, онъ еще не можетъ защитить отцовскій престолъ. При такомъ пониманіи послѣ мыслію слѣдуетъ, кажется, поставить вопросительную частицу *ли*, которая могла выпасть подъ вліяніемъ *ли* въ предшествующемъ словѣ, т.-е. не перелетѣть ли тебѣ съ быстротою мысли?

Потебня читаетъ вм. «Не мыслію ти»—«*Не мысль ли у ти* прелетѣти; при этомъ *у* принимаетъ въ значеніи «уже» и переводитъ такъ: Не думаешь ли ты уже (нѣтъ ли уже у тебя мысли, не хочешь ли ты уже).

Прозоровскій: оставляя текстъ безъ измѣненія переводитъ: «Не думаешь ты прилетѣть издалека».

Педагоги:

Погосскій: «Не въ мысляхъ тебѣ прелетѣть».

В. М.: «Тебѣ бы должно не мыслію прилетѣть для охраны престола отцовскаго.

Малашевъ: У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прилетѣть...

Алябьевъ: Чтò бы мыслію прилетѣть тебѣ.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прелетѣть издалеча...

Поэты:

Гербель: «За чѣмъ ты не здѣсь?
«Отчего не мчишься грозой
«На защиту престола отца твоего?

Майковъ: «И не въ мысль тебѣ перелетѣти
«Издалека поблюсти столъ отчій.

27.

„Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань.

Всѣ толкованія этого мѣста не состоятельны; выраженная въ немъ мысль не подмѣчена; связь его съ предъидущимъ не понята; въ настоящее время одни комментаторы склонились къ предположенію, что стоитъ оно не на своемъ мѣстѣ, другіе успокоиваются на мысли, что это позднѣйшая вставка.

Между тѣмъ недостатокъ его пониманія зависитъ исключительно отъ того, что опускается изъ виду правописаніе XVI вѣка, къ которому относился и Пушкинскій списокъ. Въ выраженіи *«на брань»* въ концѣ стоитъ *ь* вм. *ѣ*, какъ употреблялось то въ XVI вѣкѣ. Вмѣсто *«на брань»* слѣдуетъ читать «на *бранѣ*». Подобное правописаніе встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова», напр. *средь* вм. *средѣ* и въ другихъ памятникахъ того же вѣка. Такъ въ спискѣ «Слова Акира премудраго» читаемъ: **«въ домь сы пожнвеши**; здѣсь точно также **«въ домь»** стоитъ вм. **«въ домѣ»**.

«*Доспѣти*», согласно употребленію этого слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, значитъ изнемочь, истощить, довершить свои усилія, покончить свой трудъ [1].

Итакъ, слѣдуетъ читать:

„Олговичи храбрыи князи доспѣли на бранѣ.

Это значитъ въ переводѣ:

Храбрые князья Ольговичи въ конецъ утрудились, изнемогли на брани.

При такомъ пониманіи рѣчь эта оказывается стоящею на своемъ мѣстѣ и въ высшей степени художественно выражающею общій строй Святославова воззванія.

Въ обращеніяхъ къ другимъ князьямъ Святославъ говоритъ: *«вступита, господина»*; здѣсь въ обращеніи къ Роману и Мстиславу взываетъ: *Донъ ти княже кличетъ и зоветъ князя на побѣду.*

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «доспѣли».

Тамъ онъ проситъ «вступиться за раны Игоревы, за землю Русскую».

Здѣсь онъ зоветъ князей на побѣду, указывая, что Ольговичи— храбрые князи изнемогли на брани.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Ольговичи храбрые князья поспѣшили на брань».

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ: «Храбрые князья, отъ племени Ольгова, поспѣшили на брань».

Въ *первомъ изданіи*: «Храбрые князи Ольговичи на брань поспѣшили».

Комментаторы:

Шишковъ: Переложеніе гласитъ: «на брань поспѣшили». Но куда и на какую брань могли они поспѣшить? Мысль Святослава совсѣмъ не та: онъ созываетъ князей, исчисляетъ каждаго изъ нихъ силы и способности и говоритъ объ Ольговичахъ, что они доспѣли на брань, т.-е. *созрѣли*, *возмужали*, пришли въ возрастъ, стали способны управлять войскомъ, побѣждать непріятелей.

Пожарскій: «Доспѣли на брань»—сіе изреченіе сообщаетъ совсѣмъ иное понятіе, чѣмъ полагаетъ *Шишковъ*. Польское слово *доспѣли* означаетъ подоспѣли. Въ семъ же значеніи употреблено сіе слово въ Кіевскихъ Лѣтописяхъ, гдѣ сказано: «Доспѣвъ Всеволодъ у Лисицы». Посему слова: «доспѣли на брань» означаютъ: «подоспѣли къ сраженію». Такое значеніе этихъ словъ подтверждается во 1-хъ, тѣмъ, что князья Ольговичи называются *«храбрыми»*, ибо молодыхъ князей не бывшихъ никогда въ сраженіи не естественно называть храбрыми, потому что они не имѣли еще случая показать своей храбрости; во 2-хъ потому, что предъ сими же словами сказано: Донъ ти княже кличетъ... т.-е. чтобы князья явились на брань для одержанія побѣды надъ непріятелемъ. Изъ сего ясно видно, что слѣдующія потомъ слова: «доспѣли на брань», значатъ: «подоспѣли къ сра-

женію», а не *созрѣли, возмужали,* сдѣлались способными управлять войсками, какъ думаетъ Шишковъ.

Мнѣніе Пожарскаго было принято весьма многими комментаторами и переводчиками.

Вельтманъ переводилъ: «Уже храбрые князи, Олеговы дѣти, поспѣли на битву».

Дубенскій: слово «доспѣти» сохранилось въ Великороссійскомъ: «подоспѣти» и ему равносильно значеніемъ, т.-е. притти въ пору, не опоздать. Слѣдовательно «доспѣли на брань», значитъ: «Ольговичи наравнѣ съ другими совершили походъ на Половцевъ.

Князь **П. П. Вяземскій**, принимая «доспѣли» въ значеніи: «*поспѣшить*», нашелъ, какъ мы выше видѣли, не умѣстными упреки по отношенію къ князьямъ, которые поспѣли на брань и потому, усматривая здѣсь путаницу, внесенную переписчикомъ или переплетчикомъ, отнесъ эти упреки къ другимъ князьямъ и переставилъ въ другое мѣсто текста.

Потебня даетъ толкованіе: «Ольговичи готовы, значитъ и вамъ Володиміровичамъ потомкамъ Мономаха (Романъ и Мстиславъ, Рюрикъ и Давидъ) пора. *Ольговичи* можетъ указывать на то, что рѣчь идетъ не отъ имени Святослава Всеволодича: здѣсь можетъ разумѣться Святославъ, его дѣти Олегъ и Владиміръ, которыхъ, услыхавъ о гибели дружины Игоревой, отъ Бѣловолода Просовича, онъ послалъ въ Посемье, и братъ его Ярославъ».

Андріевскій выраженіе: «доспѣли на брань» приставилъ къ Курской дружинѣ, къ словамъ: луци у нихъ напряжени, тули отворены»

Прозоровскій переводитъ: «Ольговичи, храбрые князья *уже приготовились на брань*».

Педагоги:

Кораблевъ: «Ольговичи храбрые князи *полетѣли* на брань».

Малашевъ: «Явились на войну»..

Ласкинъ: «Вотъ уже Ольговичи, храбрые князи явились на брань».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Олеговичи, храбрые князья, одни подоспѣли на брань».

Скульскій: «Но одни лишь Олеговичи, только они поспѣшили на зовъ».

Поэты:

Гербель: «Отважные, Ольговы дѣти, готовы итти на войну».

Мей: «Да лишь Ольговичи храбрые
«И поспѣли на тотъ бранный зовъ».

Майковъ: «А одни лишь Ольговичи вняли,
«И на брань, по зву его, доспѣли.

28.

И схоти ю на кровать и рекъ: дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.

Много ума и изобрѣтательности потрачено для уясненія этого темнаго мѣста; но мы никогда не доберемся до точнаго его смысла, пока не убѣдимся, что въ основѣ его лежитъ неисправное чтеніе и путемъ палеографическимъ не будемъ стремиться къ его возстановленію. Всякій при чтеніи можетъ видѣть и чувствовать, что «кровать» неумѣстно является тамъ, гдѣ лежитъ Изяславъ, притрепанный литовскими мечами. Еслибы художественный авторъ сближалъ его боевую смерть съ брачнымъ ложемъ, то онъ во всякомъ случаѣ выразилъ бы это поэтичнѣе и не поставилъ бы для этого «*кровати*» на полѣ брани. Съ другой стороны, едва ли Изяславъ разговариваетъ здѣсь самъ съ собою и обращается къ себѣ съ такимъ воззваніемъ: «*княже*».

Еще на III Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ мы обратили вниманіе ученыхъ, что неумѣстность въ данномъ мѣстѣ «*кровати*» заставляетъ предполагать, что здѣсь скрывается невѣрное чтеніе, и именно слитіе нѣсколькихъ словъ въ одно, чѣмъ характеризуется первопечатный текстъ «Слова» и во многихъ другихъ мѣстахъ. Вмѣсто «*и схоти ю на кроватъ и рекъ*»: на нашъ взглядъ, слѣдуетъ читать: «**и с҃ хотню на кров҃ а тьи рекъ**». При такомъ чтеніи текстъ почти не измѣняется, но смыслъ его становится совершенно ясенъ. Какъ при чтеніи «въ стазби» опущены изъ виду двѣ верхнихъ черты означавшія **и** (вм. **к҃ ста҃ зби**), такъ и здѣсь, въ силу того же опущенія, прочитано «на кровать и» вм. «**на кров҃, а тьи рекъ**».

Что касается выраженія «**с҃хотню**» то, съ отдѣленіемъ предлога **с҃**, оно можетъ оставаться безъ измѣненія и отвѣчать выражаемому смыслу. «*Хоть*» въ «Словѣ» такое же ласкательное имя какъ и *лада*», *общее* не только для жены, но и для мужа. Въ древнихъ памятникахъ оно также употреблялось безъ дурнаго оттѣнка и притомъ по отношенію къ мужу въ значеніи: «ревнителя» нѣжнаго, заботливаго друга. [1] Въ виду этого «**с҃ хотню**», оставаясь въ данномъ мѣстѣ безъ измѣненія, можетъ означать *ближника*, *охранителя*, *оруженосца*.

Но мы лично склонны видѣть здѣсь въ окончаніи **ю** тотъ же слѣдъ измѣненія въ **ю** древняго іотированнаго **ѥ**, который не разъ уже нами замѣченъ въ Пушкинскомъ текстѣ; при чтеніи **ю** вм. **ѥ** (**хотню** вм. **хотнѥ҃**) само собою выпадало надписное **м**, которымъ завершалось это выраженіе. Словомъ, мы склонны считать «**с҃** *хотію*» не общимъ, не опредѣленнымъ именемъ ближника, избранника-охранителя, а личнымъ собственнымъ именемъ, «*Хотія*». *Хоть*, какъ собственное имя не разъ встрѣчается въ лѣтописяхъ (Хотъ Григорьевичъ, [2] Хотъ Станимировичъ, [3] Ѳедоръ Хотовичъ) и въ живомъ употребленіи могло имѣть форму «Хотій». И нынѣ Фотій въ народномъ языкѣ именуется *Хотеемъ*. Въ виду такого убѣжденія, выраженіе «*и схоти ю*» мы читаемъ: **с҃** «**хотиѥ҃**».

---

[1] См. въ Лексикологіи «*Хоть*».
[2] П. Собр. Лѣт., т. V. стр. 70.
[3] Ibid. т. III, стр. 44 и 62.

Итакъ, все мѣсто, по нашему предположенію должно имѣть слѣдующее чтеніе:

«А самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи и с̕ хотнѥ на кров̈, а тьи рекъ: *дружину твою, Княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.*

Переводъ будетъ таковъ:

„А самъ лежитъ подъ красными щитами,
„На кровавой травѣ, изрубленный литовскими мечами,
„И съ Хотіемъ на крови,
„И тотъ воспроговорилъ:
„Дружину твою, князь,
„Птица крыльями одѣла
„И звѣри кровь полизали.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ оставилъ это мѣсто безъ перевода, видимо затрудняясь понять его.

Малиновскій перевелъ: «Лежа тутъ вмѣсто кровати, онъ произнесъ; Дружину твою, князь! птицы пріодѣли крыльями и звѣри кровь полизали».

Въ *первомъ изданіи* читаемъ: «На семъ-то одрѣ лежа, произнесъ онъ».

Комментаторы:

Шишковъ: «что значитъ «и схотию, и кому Изяславъ рекъ, добраться трудно».

Пожарскій: «И пожелавъ, чтобы сія кровавая трава служила ему одромъ, сказалъ».

Грамматинъ: «Г. Пожарскій «*схоти*» принялъ за «восхотѣ», но гдѣ это въ подлинникѣ? Здѣсь «*схоти*» описка вм. «схыти», а ю=ее, т.-е. «славу». Мысль автора такая, что Изяславъ палъ увѣнчанный славою, и на смертной постелѣ восхитилъ ее».

Вельтманъ сначала перевелъ: «Его уложили на ложе и молвилъ», но потомъ во 2-мъ изд. разсуждаетъ:

«Принимать эту рѣчь за слова самого Изяслава потому только что въ пѣсни вм. «рѣша» сказано: «рекъ»—странно. Истерзанный мечами литовскими и изронившій уже душу изъ храбраго тѣла, онъ, кажется ни могъ уже не обращаться къ самому себѣ, ни карить—отпѣвать самого себя.

Снегиревъ: «Если стоявшее въ 1-мъ изданіи «и схотию» не было «исхити», то оно близко къ словамъ «и скочи». На нѣмецкомъ языкѣ есть старинное выраженіе: auf dem Bette der Ehre sterben—на кровати чести умереть.

Максимовичъ. «*Схоти*» читалъ: «схопи», какъ видно изъ перевода: «и взялъ онъ ту славу на смертную постель и молвилъ»

Дубенскій: «*Схоти*» производитъ отъ «схотѣти» вожделѣти (desiderare); по его мнѣнію, здѣсь несчастная битва уподоблена свадьбѣ: кровавая трава—кровать, слава—невѣста; крылья птицъ—одѣяло, звѣри—гости, кровь—пиръ, князь—женихъ. Онъ перевелъ: «и легъ онъ съ тою славою на кровать». Удивительно, поэтическая картина! Быть можетъ, она и казалась ходужественною г. Дубенскому, но для автора «Слова» она просто невозможна.

Бодянскій: по указанію Дубенскаго «схоти» принималъ вм. «схвоти», т.-е. схвати.

Ваденюкъ: «*И*—союзъ; *схоти* неправильно сведено и прочитано, слѣдуеть читать: *сь хоть*; *ю на* неправильно раздѣлено первыми издателями; слѣдуетъ свести: *юна*; кровать неправильно прочитано; слѣдуетъ читать: *куваетъ* или *каритъ*».

«И се юна хоти куваетъ—причитаетъ». Живописно, а главное, логично, замѣчаетъ самъ Ваденюкъ.

Миллеръ Вс.: «Что «хотію» здѣсь твор. ед., въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Отъ глагола: «рекъ» подлежащимъ едва ли

можетъ быть Изяславъ. Эти слова, по его мнѣнію, произноситъ отъ себя авторъ «Слова».

Потебня: «Предъ «и с хоти ю»—пропускъ. Съ «милою на кровать» можетъ относиться къ сравненію смертнаго ложа—травы съ брачнымъ». «Рекъ», къ кому это относится и какъ было связано, остается неизвѣстнымъ».

Прозоровскій: «*схоти*» отъ «хоть» жена собственно значитъ «страстно положилъ съ собою». Почему это именно значитъ и какъ это выходитъ, Прозоровскій не объясняетъ. Онъ перевелъ «но самъ *легъ* подъ красными щитами; и, положивъ славу на кровать, сказалъ».

Смирновъ полагаетъ, что слова «кровать» не слѣдуетъ разлагать, а скорѣе нужно слить съ нимъ послѣдующее *и*, чтобы вышло на *кровати*, какъ и встрѣчается это слово въ другомъ мѣстѣ. Ошибку дошедшаго текста онъ хотѣлъ бы поправить новой ошибкой.

Педагоги:

Кораблевъ: «Выраженіе: «и схоти ю на кровать» не означаетъ одра или ложа, какъ объясняли переводчики, потому что мѣстоимѣніе *ю* относится къ крови; слѣдовательно, *кровать* означаетъ здѣсь или мѣсто жаркихъ схватокъ въ битвахъ, или вообще кровопролитное сраженіе. Слово это, вѣроятно, принадлежитъ къ областному сѣверному нарѣчію и произносилось съ удареніемъ не на *а*, какъ выговариваетя «крова̀ть», а на о̀, т.-е. кро̀вать — рѣзня. Это замѣчательное слово, теперь дикое, по самому свойству своему принадлежитъ къ древнѣйшимъ, и ясно, что оно имѣло подвижное удареніе, какъ слово «туга» въ смыслѣ скорби, между тѣмъ это послѣднее въ другомъ мѣстѣ употреблено за прилагательное: «у туга́ лука взвыла да пошла калѣна стрѣла».

В. М.: «Уложили его на окровавленной травѣ.... словно съ женою на кровати. Молвилъ голосъ на прощаньи».

Малашевъ: «А самъ изрубленъ.... и взялъ онъ съ собою эту славу на смертную постель».

Ласкинъ: «И самъ подъ красными щитами, на кровавой травѣ *померкъ* отъ литовскихъ мечей и уложенъ на кровать съ женою».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И проговорилъ онъ, какъ на кровать сложили».

Скульскій опустилъ это выраженіе въ своемъ переводѣ.

Поэты:

Гербель: «И затмивши славу дѣда своего Всеслава
«Легъ на кровать и сказалъ.

Мей: «Славу взялъ съ собой на ложе
«Онъ, промолвивши.

Майковъ: «И на томъ одрѣ на смертномъ лежа,
«Самъ сказалъ: «Вороньими крылами
«Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину
«Полизать звѣрямъ ея далъ крови.

29.

„Ярославе и вси внуце Всеславли уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени.... выскочисте изъ дѣдней славѣ.“

Мѣсто это совершенно ясно, и мы обращаемъ здѣсь вниманіе лишь на окончанія глаголовъ: «понизи*ть*», «вонзи*ть*», какъ на особенности рукописи XVI в. когда, какъ видно изъ нѣкоторыхъ памятниковъ, при стремленіи писцевъ подражать древнему правописанію, наиболѣе сказывался обычай вмѣсто гласныхъ *о* и *е* ставить глухіе ъ и ь.

Въ переводѣ Малиновскаго читаемъ:

«Теперь приклоните знамена свои, вложите въ ножны мечи ваши поврежденныя».

Въ первопечатномъ текстѣ безъ малѣйшаго измѣненія.

Пожарскій: «Вложите во влагалища вредные мечи свои».

Грамматинъ исправилъ: «Понизи*те*, вонзи*те*, изъ дѣдней славы».

Вельтманъ: «Сложите знамена свои, и мечи притупленные въ землю вонзите».

Дубенскій: «Уже опустите знамена свои, вложите въ ножна свои мечи вереженые».

Максимовичъ отстаивалъ чтеніе текста *понизить, вонзить*, усматривая въ этихъ окончаніяхъ особенность Малороссійскаго нарѣчія.

Тихонравовъ, повидимому, видѣлъ въ печатномъ текстѣ ошибку, полагая, что оно не вѣрно выведено изъ-подъ титла и потому поставилъ эти глаголы въ своемъ изданіи съ титлованными окончаніями.

Потебня въ окончаніяхъ этихъ глаголовъ видитъ *е*=ь, приводя примѣръ изъ Кіевской Лѣтописи: аже не вдасть (не вдасте), то не жалуйте, что ся удѣетъ (Ип. 13).

Смирновъ также замѣчаетъ, что могло здѣсь и не быть титла, а именно ь вм. *е*, какъ напр. въ грамотахъ Смоленскаго кн. съ Ригою и т. б. *посль* вм. послѣ=*е*.

30.

„Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи.

Которое здѣсь не именительный пад. а дательный; въ древнемъ спискѣ, очевидно, стояло «**которою**» съ употребленіемъ **ю** вм. **ѣ**. Мѣстоименіе «который» въ женскомъ родѣ ед. ч. склонялось такъ: «*которая*»; род. «*которыи*»; дател. «*которои*».

Въ виду этого слѣдуетъ это мѣсто читать такъ:

Которои бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи.

Переводъ будетъ слѣдующій:

„Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ (Литовцевъ)
„На землю Русскую, на жизнь Всеславову,
„Которой было насиліе и отъ земли Половецкой.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ въ видѣ вопроса: «Какое было насиліе отъ земли Половецкой?»

Въ черновомъ переводѣ Малиновскаго читаемъ:

«Было ль какое насиліе отъ Половецкой земли»?

Въ *первомъ изданіи* переводъ буквально тотъ же.

Комментаторы:

Шишковъ: «Какихъ чрезъ то насилій не претерпѣли мы отъ земли Половецкой»!

Пожарскій: «Какое было насиліе отъ земли Половецкой»!

Грамматинъ измѣнилъ «*бтше*» и «*Половецкыи*» на позднѣйшія формы и переводилъ также, какъ Пожарскій.

Снегиревъ «которое исправилъ на «*кдторою*», т.-е. усобицею, враждою.

Вельтманъ въ первомъ изданіи: «И какбы иначе возстало насилье на насъ отъ земли Половецкой!» Во второмъ изданіи онъ склонился къ тому, что вмѣсто «*которое*» слѣдуетъ читать «*кдторы*» и затѣмъ, соединяя весь этотъ оборотъ съ послѣдующимъ и объясняя, что вмѣсто «на седмомъ вѣцѣ Трояни» въ подлинникѣ значилось ꙁ҃ въ соединеніи съ неразобраннымъ *Краяни* (Трояни) и что «вѣцѣ» вставка издателей, онъ читаетъ все это мѣсто такъ: вы бо своими крамолами почасте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю, кдторы бо бѣша и насиліе отъ земли Половецкыи «*за земли Краини*», и объясняетъ такъ: «вы всѣ внуки Всеслава

начали наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеслава: ибо всѣ раздоры и насилія отъ земли Половецкой были за землю Краинскую, т.-е. Черноморскую Краину, Тмутораканскую область, гдѣ сосредоточивалась обширная торговля хлѣбомъ, мѣхами, рыбой и гдѣ пошлины съ иноземныхъ кораблей и каравановъ азіатскихъ давали Руси золото и богатство.

Дубенскій: «Которое бо бѣше насиліе», т.-е. тоже зло, которое причинили имъ (Кіеву и Полоцку) Половцы. Онъ перевелъ: «и отъ нихъ тоже насиліе которое терпятъ на Руси отъ земли Половецкой».

Тихонравевъ «*которое*» замѣнилъ «кòторою» очевидно въ смыслѣ Снегирева.

Ербенъ, относя «которое» къ «жизнь», а не къ «насиліе» читаетъ: «*въ которой*» jemužto se dàlo násile, также, подобно Вельтману, соединяя это выраженіе съ послѣдующимъ: на седмомъ вѣцѣ. Трояни (онъ читаетъ слѣдуя г. Тихонравову Бояни).

Миллеръ Вс., принимая поправку Снегирева, переводитъ: «чрезъ усобицу вашу было насиліе отъ земли Половецкой».

Потебня, затрудняясь, очевидно, связать это мѣсто съ предъидущимъ и послѣдующимъ, по обычаю очень просто объясняетъ его глоссою какого-нибудь безтолковаго переписчика.

Прозоровскій возвращается къ пониманію Шишкова и переводитъ: «И какого насилія не было отъ земли Половецкой».

Педагоги:

Кораблевъ: «Оно-то (что̀ не извѣстно) и было насиліемъ отъ Половцевъ».

В. М.: «Вы уже не участники славы дѣдовской, на жизнь Всеслава, вслѣдствіе утраты которой было насиліе отъ земли Половецкой, на 7 вѣкѣ Трояновомъ».

Маладцевъ: «Такое же было насиліе отъ Половецкой земли».

Ласкинъ: «Ужъ которое это насиліе отъ земли Половецкой».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И была кòтора и насилье отъ земли Половецкой, какъ въ тотъ вѣкъ Трояновъ».

Скульскій: «Гибель пришла и насилье великое Русской земли отъ степныхъ Половчанъ, будто бы вѣкъ ней вернулся Трояновъ».

Поэты:

Гербель: «Чтобъ и отъ нихъ мы узнали,
«Какое ужъ терпитъ Русь отъ земли Половецкой.

Мей: «Не видать вамъ дѣдовской славы
«А до той поры отъ Половцевъ
«Не видать было насилья.

Майковъ: «Въ вашихъ сварахъ первые выстали
«Наводить на отчій край поганыхъ.

13.

Утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу.

Никто изъ комментаторовъ не сомнѣвался въ томъ, что это мѣсто прочитано невѣрно—и литература «Слова» представляетъ множество самыхъ разнообразныхъ догадокъ, направленныхъкъ возстановленію подлиннаго чтенія и уясненію содержащагося въ немъ смысла. Къ сожалѣнію, всѣ попытки къ тому оказываются несостоятельными. При этомъ вниманіе обращалось или на слово: «*утръ*» или на слово: "*воззни*» и на нихъ сновались предлагаемыя измѣненія текста. Никто почему-то не подвергнулъ сомнѣнію таинственныхъ «*стрикусовъ*», хотя отъ какихъ корней не производили это слово, въ какихъ языкахъ не подыскивали къ нему аналогій, ничто не давало прочной основы для ихъ существованія. Они созданы лишь издателями «Слова» и въ нашихъ глазахъ остаются свидѣтелями невѣрнаго раздѣленія ими словъ, стоявшихъ въ оригиналѣ въ слитномъ начертаніи.

Достойно вниманія, что въ Петербургской копіи это мѣсто прочитано такъ: «*вознистри кусы*», въ Московскомъ же изданіи напечатано: «*возни стрикусы*». Ясно, что въ оригиналѣ оба слова стояли слитно, и издатели колебались, какъ ихъ раздѣлить и раздѣлили на удачу: «*воззни стрикусы*». Но возникаетъ вопросъ, такъ ли слѣдовало читать и раздѣлить эти слитно написанныя слова. Въ оригиналѣ XVI в. по всей вѣроятности, они имѣли такое написаніе: **«коз҆нй трикоусы»**.

Раздѣлить эти слова слѣдовало такъ: **«коз҆нй трикусы»**.

«Коз҆нй»—здѣсь глаголъ нарушенный въ своей формѣ звукомъ *и*. Въ южнорусскихъ рукописяхъ, какъ выше указано, весьма часто **ѧ** замѣнялось звукомъ **ѣ**, которое писцы легко превращали потомъ въ **и**. Глаголъ этотъ, имѣвшій первоначально форму: **коз҆нѧ**—переходя по этимъ ступенямъ, подъ рукою писцевъ, превратился такимъ образомъ въ **«коз҆нй**. И такъ, въ **коз҆нй**—слѣдуетъ видѣть **«коз҆нѧ»** или, какъ онъ является въ болѣе исправныхъ рукописяхъ, **«възнѧ»**, т.-е. поднявшись [1].

При такомъ раздѣленіи словъ, «*трикусъ*» не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія, такъ какъ «это слово» встрѣчается въ нашихъ памятникахъ и, будучи общаго корня съ Греческимъ «τωραξ», означало доспѣхи, прикрывающіе грудь, брони, вполнѣ отвѣчая переводному «*паперзи*»—точнѣе «поперси» [2].

Какъ о желѣзныхъ паперсяхъ въ «Словѣ» говорится: *тыми тресну земля и многи страны хинова*, такъ здѣсь «*трикусами*» Всеславъ оттворилъ врата нову граду, расшибъ славу Ярослава.

Выраженіе: *утръ*—звукомъ ъ, поставленнымъ въ концѣ вмѣсто *о*, указываетъ на эпоху написанія рукописи, именно на XVI вѣкъ, когда явилась школа писцевъ, стремившаяся подражать древнему правописанію и замѣнявшая гласныя глухими, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ того не допускала русская рѣчь; *утръ*—явилось здѣсь вм. **оутро**, какъ писалось это слово въ Кіевской Руси [1]. И такъ, все это мѣсто должно принять слѣдующій видъ:

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «**коз҆нѧ**».

[2] См. въ Лексикологіи «**трикусъ**».

[3] См., въ «Лексикологіи» «**утръ**».

Обѣсися синѣ мглѣ, утро же вознѧ, трикусы оттвори Новуграду. разшибе славу Ярославу.

Въ переводѣ это будетъ значить:

„Въ полночь скочилъ онъ отъ нихъ
„Лютымъ звѣремъ изъ Бѣлграда,
„Повисъ въ синемъ туманѣ,
„А на утро поднявшись,
„Бронями оттворилъ врата Новуграда,
„Расшибъ славу Ярослава

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Поутру же вонзивъ стрикусы отворилъ Нову-граду».

Малиновскій удержалъ буквально тотъ же переводъ какъ въ черновомъ своемъ опытѣ, такъ и въ *первомъ изданіи*.

Комментаторы:

Шишковъ: Слово «воззни», по смыслу рѣчи, кажется, ближе должно быть прилагательное, нежели глаголъ. Можетъ-быть, значитъ оно: *возимыми на возахъ* великими *стрикусами*, съ которыми надобно было много возиться. Онъ перевелъ: «И тяжелыми стрикусами на солнечномъ восходѣ отворяетъ ворота Новогородскія и попираетъ славу Ярославову».

Пожарскій: Слово «воззни» на польскомъ, богемскомъ и кроатскомъ языкахъ значитъ' *возимый*, *возовый*. *Стрикусъ* есть машина, называемая по польски «*куша*», ибо польскія слова *кусъ*, два *кусы*, три *кусы* и «*куша*», по богемски «*кусе*», по далматски «шамострилъ» имѣютъ одинаковое значеніе. *Куша* состояла изъ желѣзнаго или стальнаго лука, тетива изъ витаго ремня или снурка, крючекъ такой, какой бываетъ у ружья подъ замкомъ; а стрѣлы короче тѣхъ, какія употреблялись изъ лука. Куши были носимыя и возимыя. *О возимой*

же кушѣ пишутъ Дудинскій и Бѣльскій. «Чувствуя всю несообразность подобнаго толкованія Пожарскій прибавляетъ: «симъ только доказывается, что *клюки* коими Изяславъ подперся на коняхъ здѣсь не есть *клюка*, употребляемая хромыми, но воинскій снарядъ, орудіе подобное «*стрикусамъ*», и можетъ-быть, и самые *стрикусы*. Онъ переводитъ: «По утру же возовыми стрикусами отворилъ врата Новаграда, уничтожилъ славу Ярославову и поскакалъ, какъ волкъ.

Грамматинъ, иронически замѣчая, что Пожарскій убѣдился въ разумѣніи «воззни» въ значеніи *возимый, возовый* тождествомъ его на польскомъ, богемскомъ и кроатскомъ языкахъ, замѣчаетъ, что здѣсь просто описка или опечатка: *воззни* вм. *вонзи*. Относительно выраженія: разшибе славу Ярославу, онъ замѣчаетъ, что тогда никакого князя сего имени не было, а былъ великій князь Изяславъ Ярославичъ, который отъ Всеслава бѣжалъ изъ Кіева, когда сей взбунтовавшимся народомъ освобожденъ былъ изъ тюрьмы. Въ виду этого вм. «Ярославу» онъ измѣнилъ на «Изяславу»; но здѣсь рѣчь о славномъ Ярославѣ построившемъ Новгородскую Софію и потому поправка оказывается неумѣстною.

Павскій: «*Воззни* отъ «возъ»—возовые. *Стрикусы*, можетъ-быть, оглобли; можетъ-быть, какія-либо, имѣвшіяся при походныхъ повозкахъ простыя и легкія орудія, при помощи которыхъ Всеславъ отворилъ ворота Новгорода».

Снегиревъ: слово «стрикусы» сближалъ съ нѣмецкимъ «streitaxte»—бердыши, любимое орудіе Германцевъ и Франковъ. (См. Klemm. germ. Altheit. 1836 г. 8°).

Вельтманъ, признавая въ «стрикусахъ» стѣнобойныя орудія (отъ Серб. «страцати»—прыскать) сближалъ это слово съ лѣтописнымъ «возы» имѣвшіе при войскахъ значеніе не просто обозовъ, а *возовъ* вооруженныхъ. *Возные стрикусы*—это возныя стрѣльницы.

Максимовичъ переводилъ: «на утро ударилъ стѣнобоями».

Погодинъ повторялъ мнѣніе Снегирева.

Дубенскій: «*утръ же* читалъ утърже—уторся, убѣжалъ, *воззни—козни* (стѣнобитныя машины); или же предполагалъ въ «*воззни*»—вознзи (отъ возньзити) и даже «возма». *Стрикусы*, по его мнѣнію, или отъ глагола: *стрикати* (стрижъ—птица) или глагола: *стрѣкати* (крапива стрѣчетъ, или отъ *стрѣкати*) (чешск. strkati—толкать) или наконецъ отъ *стрекотати* стрекоза). Онъ перевелъ: «Возовыми стрикусами отбилъ врата Новогородскія».

Головинъ. «Стрѣкъ—оводъ; отсюда—стрѣкати, колоть. Стрѣкалы или что тоже *стрикусы* означаютъ стрѣлы.

Ербенъ вм. *утръ же* читаетъ вътръ же.

Огоновскій, по замѣчанію г. Смирнова, вм. *утръ же* напечатабъ: «утрѣ», а *воззни* измѣнилъ на «позвони».

Кн. **П. П. Вяземскій** уясняетъ «*стрикусы*» особаго рода шаровидными, снабженными остріями, стѣнобитными орудіями.

Миллеръ Вс. справедливо замѣтилъ, что нельзя здѣсь: *утръ же* превращать въ глаголъ; предъидущее: «въ плъночи» указываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ утромъ. Въ «*воззни*» онъ видитъ искаженіе изъ «вонзи», и подъ «*стрикусами*» острое орудіе, которое вонзаютъ (отъ корня, общаго съ словами, *стрѣкало*, *стрѣкъ*, *стрѣкати*—колоть); подобно Пожарскому—сближая «стрикусы» съ «клюками» и приравнивая ихъ въ значеніи, онъ переводитъ: «вонзилъ шпоры или стрѣкала».

Потебня: исправилъ такъ: «утрѣ же *възъпи и* стрикусы отвори врата Новуграду. *Възъпи*: *воззпи* — дурно прочтено первыми издателями, вм. «возъпи». *Стри*кусъ напоминаетъ ему нов. нѣмец. streitax. Онъ переводитъ: «О полночи онъ бѣжалъ изъ Бѣлгорода, а утромъ кликнулъ (идучи на приступъ) и боевыми топорами отворилъ врата Новаграда». Но мы смѣло можемъ замѣтить, что въ древнерусской письменности воинскій кликъ никогда не означаетъ словомъ «*возопи*»; этотъ *кликъ* всегда отмѣчался словомъ: *кликнуть*

Смирновъ для разъясненія этого мѣста сдѣлалъ указанія на слова встрѣчающіяся въ древнерусскихъ памятникахъ: *вазнивъ стиркъ* и *стерковы*. Но слова эти, на нашъ взглядъ не имѣютъ никакого отношенія къ данному мѣсту.

Прозоровскій, какъ и г. Потебня вмѣсто «*воззни*» читаютъ *воззпи*, т.-е. возопи, но «стрикусы» г. Прозоровскій объясняетъ по своему. «По формѣ слова «*стрикусъ*», говоритъ онъ, надобно заключить, что оно не русское, потому что отъ «*стрѣкати*» произошли бы «стрѣкалы» «стрикалы», собственно—бодила, спицы. Но едва ли можно означенному слову присвоивать нѣмецкое происхожденіе, такъ какъ будучи взято съ нѣмецкаго, оно превратилось бы на русскомъ въ «*стрѣтеры*». Всего скорѣе слово «*стрикусы*» греческое στρίξ—филинъ, сова, почему Всеславъ, взревѣвшій стрикусами, (воззпи стрикусы), т.-е. по совиному, будетъ очень похожъ на Всеслава, сидящаго на клячѣ и подпершагося костылями, съ палкою въ рукахъ вмѣсто оружія. Онъ перевелъ такъ: ««*Раньше же того* (?) взревѣвъ по совиному, отворилъ врата Новуграду». Неговоря уже о томъ, что никакъ нельзя оправдать грамматически подобнаго перевода, замѣтимъ, что весьма не пристойно ревѣть по совиному тому, кто разшибъ славу Ярослава. Вообще, на нашъ взглядъ, представленіе автора «Слова» какимъ-то шутникомъ и надсмѣшникомъ обнаруживаетъ рѣшительное непониманіе творенія, проникнутаго идеальною серьезностію и глубокимъ чувствомъ.

Педагоги:

Малашевъ: «Умчалъ подвижные стрикусы».

Ласкинъ: «А наутро рычагами и топорами (воззни стрикусы) оттворилъ ворота Новгорода».

Шейковскій: «*Стрикусы*—это псикусы» (?).

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Утромъ же вонзилъ стремена колючія, въ Новгородъ отворилъ ворота, покончилъ славу Ярославу».

Скульскій: «Утромъ далъ шпоры коню; глядь, и въ Новгородѣ онъ отперъ себѣ ворота».

Поэты:

Гербель: «А утромъ подвезши стрикусы».

Мей: «А по утру ужъ таранами отворялъ ворота».

Майковъ: «Утромъ билъ онъ стѣны въ Новѣградѣ
«Ярослава славу порушая.

28.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ.

Здѣсь не вполнѣ опредѣленнымъ выраженіемъ служитъ въ «*друзѣ тѣлѣ*». Слово «друзѣ» по отношенію къ тѣлу должно быть здѣсь такимъ же качественнымъ эпитетомъ, какимъ по отношенію къ душѣ является слово: «*вѣщая*». Не льзя не согласиться поэтому съ предложеніемъ Вс. Ѳ. Миллера читать «*дръзѣ*» вм. «*друзѣ*». Есть для того нѣкоторое основаніе и въ черновыхъ бумагахъ Малиновскаго. Главный редакторъ колебался, какъ читать это выраженіе. Онъ сначала перевелъ его: «въ дорогомъ тѣлѣ» очевидно, читая «*въ дразѣ тѣлѣ*» но потомъ уже при печатаніи текста склонился къ чтенію: «въ *друзѣ тѣлѣ*» хотя все-таки перевелъ «въ неутомимомъ тѣлѣ»; такое колебаніе со стороны его было естественно, если въ оригиналѣ стояло «*въ дръзѣ*» тѣлѣ.

Первые издатели:

Мусинъ Пушкинъ «*въ друзѣ тѣлѣ*» перевелъ «въ добромъ тѣлѣ».

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ удержалъ тотъ же переводъ; въ *Первомъ изданіи* уже читаемъ: «Хотя и мудрая душа была въ неутомимомъ тѣлѣ, но онъ часто отъ бѣдъ страдалъ».

Комментаторы:

Шишковъ: «Не знаю, почему въ друзѣ тѣлѣ» въ «Преложеніи» истолковано «въ неутомимомъ тѣлѣ»; безъ сомнѣнія, по одной догадкѣ, а не по отысканію корня.

Пожарскій *друзѣ* производилъ отъ *другой*. Сочинители говорятъ здѣсь не о Всеславѣ, а вообще о всякомъ ему подобномъ. И такъ подлинникъ заключаетъ въ себѣ слѣдующую мысль: «хотя въ иномъ тѣлѣ и вѣща душа была, однако часто бѣдствія претерпѣвала.

Грамматинъ: «Хотя въ другомъ тѣлѣ и мудрая душа (*какова была у Всеслава*); при такомъ разумѣніи выраженіе: «*нъ часто бѣды страдаше*» будетъ относиться къ Всеславу и согласоваться съ исторіею.

Дубенскій: «Не называетъ ли сочинитель силу, суевѣрно приписанную лѣтописцами Всеславовой повязкѣ, или мнимое ея дѣйствіе на его характеръ, «*вѣщею душею*»? По стихотворному понятію пѣвца Игорева у Всеслава было два тѣла и двѣ души. Онъ перевелъ: «хотя и вѣщая душа въ другомъ тѣлѣ».

Ербенъ (вмѣсто) «въ друзѣ» читаетъ въ «дружѣ», т.-е. въ дружескомъ, преданномъ тѣлѣ.

Буслаевъ «*въ друзѣ*» видитъ краткую форму числительнаго «другой» и усматриваетъ здѣсь указаніе, что «вѣщая душа» Всеслава переходила въ чужое тѣло, въ лютаго волка, звѣря и т. п.

Миллеръ Вс., отрицая волкодлачью натуру Всеслава предполагаетъ, не искажено ли «друзѣ тѣлѣ» изъ «дръзѣ тѣлѣ» т.-е. отважномъ тѣлѣ.

Потебня также читаетъ въ «дръзѣ тѣлѣ».

Прозоровскій: «въ друзѣ тѣлѣ» переводитъ: «Да, хотя и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ...» и, какъ мы видѣли, относитъ это совершенно не кстати къ Борису Вячеславичу.

Всѣ педагоги переводили во всѣхъ изданіяхъ «въ друзѣ» въ значеніи числительнаго.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): Хотя и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ, но бѣдами часто погрѣшала.

Скульскій: Хотя душа въ иномъ великая, а несчастій тьму надѣлаетъ.

29.

Нъ рози нося имъ хоботы пашутъ.

Никто изъ комментаторовъ не сомнѣвался въ неисправномъ чтеніи этого мѣста; но возстановить и уяснить подлинный его смыслъ тѣмъ труднѣе, что есть основаніе сомнѣваться въ точной передачѣ оригинала со стороны первыхъ редакторовъ. Одинъ изъ нихъ, именно самъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, оставилъ послѣ себя замѣтку, въ которой говоритъ, что мѣсто это надо читать сходственно съ подлинникомъ: «*нъ розы носящимъ*». Значитъ, въ первомъ изданіи мы имѣемъ чтеніе, несходственное съ подлинникомъ. По словамъ Мусина-Пушкина въ словѣ «рози» въ концѣ стояло *ы*, а не *и*; между словами: «*нося имъ*» была еще буква *щ*, которая два слова дѣлала однимъ. Какъ бы то ни было, изъ этого замѣчанія Мусина-Пушкина видно, что въ подлинникѣ возможно было читать это мѣсто иначе, чѣмъ какъ напечатано оно въ *первомъ изданіи*. Въ этомъ послѣднемъ издатели пріурочили чтеніе къ своему пониманію. Буква *щ* выкинута и изъ одного слова: «носящимъ» сдѣлано два: «*нося имъ*», потому именно что слово «*имъ*» издателямъ казалось необходимымъ для связи съ предъидущимъ, въ соотвѣтствіе тому смыслу, какой подыскали они для этого мѣста; «*нъ роз*» въ ихъ глазахъ значило: «на рогахъ»; глаголъ «*нося* требовалъ дополненія и это дополненіе они подыскали въ окончаніи «*имъ*» (носящ*имъ*), относя его къ «стягамъ» о которыхъ выше говорится.

Мы позволяемъ себѣ предложить новыя палеографическія соображенія.

Въ настоящее время считается лучшимъ и принимается чтеніе Н. С. Тихонравова: *нъ роз́нося имъ хоботы пашутъ*, въ значеніи: «но врозь развѣваются у ихъ знамена». Чтеніе самое простое и мало требуетъ поправокъ, но на нашъ взглядъ, оно слишкомъ слабо отвѣчаетъ предъидущему: *пригвоздитъ къ горамъ Кіевскимъ*». Здѣсь должна выражаться мысль, что если Мономахъ крѣпко сидѣлъ «на горахъ Кіевскихъ», то его правнуки наоборотъ разбѣгались отъ этихъ горъ. Далѣе, трудно оправдать какими нибудь историческими указаніями значеніе «хобота» въ смыслѣ *бунчука*, или солтана—привѣски къ знаменамъ изъ конскаго хвоста. Такая-привѣска въ самомъ «Словѣ» называется *чолкою*. И если «стягъ» употребляется вмѣсто «знамени» какъ часть вмѣсто цѣлаго, то едва ли «*хоботъ*», принимаемый въ значеніи хвоста, можетъ имѣть подобное значеніе.

Изъ черновыхъ бумагъ Малиновскаго видно, что въ подлинной рукописи «Слова» имѣла мѣсто буква s. Буква эта въ рукописяхъ переходной эпохи отъ полуустава къ скорописи сближалась по начертанію съ г, какъ показываетъ напр. слѣд.

Имѣя въ видѣ подобные примѣры, въ которыхъ г сближается съ s въ рукописяхъ переходной эпохи отъ полуустава къ скорописи, мы въ правѣ предположить, что Мусинъ-Пушкинъ, читая это слово легко могъ принимать Г за S читать **розы** вмѣсто **рогы**. Малиновскій, обращая вниманіе на то, что въ рукописи ы и и чередовались, напечаталъ рози вм. **рогы**.

Далѣе, принимая, сходственно съ подлинникомъ, по свидѣтельству Мусина-Пушкина, что въ рукописяхъ стояло вм. *нося имъ* «*нося щимъ*», мы также видимъ неточность чтенія въ окончаніи. Здѣсь та же ошибка, какъ и въ другомъ мѣстѣ: «не ваю ли значе*ными*» шеломы». По всей вѣроятности, какъ здѣсь «злачены*ми* явилось вм. «*зла-*

ченыи»: слово это очевидно оканчивалось надписымъ *и* въ видѣ двухъ вкось лежащихъ черточекъ, которыя были приняты за *м*, т.-е. было написано «**ζлаvены**»; точно также и въ словѣ «*носящимъ*»—явилось *м*. Это слово вѣроятно оканчивалось подобными же надписными чертами, означавшими *и* и принятыми за м при выводѣ изъ подъ титла.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, это мѣсто должно быть читаемо такъ:

нъ рогы носащи хоботы пашутъ.

Что значитъ «пахать хоботы», это всего лучше объясняется однимъ мѣстомъ въ собранной нами завоенной причети, гдѣ солдатъ, поспѣшная на побывку, *метаетъ хоботы*:

«Шаги дѣлаетъ вѣдь онъ да по звѣриному,
«Ужъ *хоботы даетъ* да по лисициному.

Лисица, рыская, въ своемъ движеніи дѣлаетъ обыкновенно огромные изгибы и полукруги и пробѣгаетъ съ необыкновенной быстротой, такъ что никакая собака не въ состояніи такъ извертываться въ бѣгѣ и потому не можетъ догнать ее на открытомъ полѣ. Итакъ «*пахать хоботы*» описательный образъ бѣга лисицы [1].

Подобный же образъ—и въ выраженіи «**носащи рогы**. Рогами въ эпическомъ языкѣ славился туръ [2], который потому представляется ярымъ и безстрашнымъ.

Въ этихъ описательныхъ образахъ, безъ указанія имени животныхъ, къ которымъ они относятся, авторъ обрисовалъ дѣятельность Рюрика и Давида, въ противоположность прадѣду ихъ Мономаху.

Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ «горамъ Кіевскимъ». Его знамена—одни стали Рюрика, другіе Давида, но они, нося рога, какъ туры, *метаютъ хоботы* разбѣгаются подобно лисицамъ;

---

[1] См. въ «Лексикологіи» «*хоботы*».
[2] См. въ «Лексикологіи»: «*рози*».

т.-е. они раздѣлили между собою знамена Мономаховы, но надмѣваясь своей силой, дѣйствуютъ вкривь и вкось въ разныхъ направленіяхъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ въ Екатерининской копіи это мѣсто оставилъ безъ перевода.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Ихъ носятъ на рогахъ при распахаваніи бугровъ, копья же на Дунаѣ славятся».

Въ *первомъ изданіи* переводъ этотъ удержанъ, съ тою лишь разницей, что вмѣсто: «при распахаваніи бугровъ»—читается: «вспахивая землю».

Комментаторы:

Шишковъ: «При всемъ моемъ желаніи не могъ я вразумиться въ смыслъ онаго мѣста, а потому предоставляю сіе превосходнѣйшему моего остроумію читателю. Мысль «переложенія» никоимъ образомъ не можетъ быть мыслію сочинителя: ибо что значатъ знамена Владиміровы достались Рюрику и Давиду, которые, нося ихъ на рогахъ, землю вспахиваютъ? Лучше совсѣмъ не понять, нежели понять такъ, какъ здѣсь сказано».

Пожарскій: «Чтобы понять здѣсь мысль подлинника, надобно отыскать точное значеніе словъ: *«рози»* и *«хоботы»*. *Рози*—есть творит. пад., произшедшій отъ слова «рогъ», означающаго могущество, силу, какъ видно изъ примѣровъ Св. Писанія: (*и вознесетъ рогъ людей своихъ*; *и не даша рога грѣшнику*; *вся роги грѣшныхъ сломити*). На польскомъ языкѣ «хоботы» значитъ «*чоботы*». Посему рѣчь подлинника будетъ такая: «но *рогами*, т.-е. могуществомъ, силою, нося сапоги, землю пашутъ, или сдѣлавшись могущими стали въ сапогахъ землю пахать».

Грамматинъ: «Не можетъ быть понятнѣе сего изъясненія, иронически замѣчаетъ онъ, только никакъ не для читателей. Выра-

женіе «въ сапогахъ землю пахать», будто бы сообщаетъ понятіе о богатствѣ. Нашъ народъ богатый, однакоже въ сапогахъ не пашутъ. Грамматинъ перевелъ: «но враги ихъ, впряженные въ плугъ, вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ».

Вельтманъ: «Это безхитростное и ясное выраженіе пѣвецъ не выдумалъ, а подслушалъ въ народѣ, который былъ истощенъ безпрестанными войнами. Отдавая лучшихъ мужей, силу (роги) въ полки Рюрика и Давида, приходилось пахать землю оставшимися въ селахъ хвостами—слабыми женщинами и стариками».

Въ первомъ изданіи «Слова» онъ такъ перевелъ это мѣсто: «Знамена его раздѣлились; одни у князя Рюрика, другія—у Давида; имъ отданы роги хвосты; землю пашутъ».

Во второмъ изданіи: «Его-то стяги теперь стали-стигами Рюрика и Давида, но отдавая имъ роги, хвостами пашутъ».

Дубенскій: «Не пахали ли во времена Игоря на волахъ, привязывая плугъ къ рогамъ? По объясненію г. Добровскаго хоботъ—хвостъ. Можетъ-быть сочинитель сравнивалъ тогдашнюю Россію съ воломъ, т.-е. что они *рога*, силу, цвѣтъ свой лелѣяли для князей и безсильными обрабатывали свои нивы, какъ бы привязали къ хвосту вола. У Софронія въ повѣданіи о Донской битвѣ: «ревутъ рози великаго князя всѣмъ землямъ»; слѣдовательно подъ «рогами», онъ разумѣетъ трубы военные, и «хоботы» не значатъ ли чолки; тогда «пашутъ» будетъ значить: «*развѣваются*», какъ у Софронія: хоругви пашутся. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько другихъ предположеній: въ древнемъ нарѣчіи употреблялось слово «розно» и потому не надобно ли здѣсь читать: «*но розъ и* (вм. *я*—стязи) *носящимъ*», т.-е. но тѣмъ, которые носятъ теперь врозь знамена, *хоботы пашутъ*, т.-е. тѣмъ участокъ земли обработываютъ другіе. [1] Онъ перевелъ: «знамена его достались одни Рюрику, а другіе Давиду; но когда и они носятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются».

---

[1] О значеніяхъ слова «*хоботъ*», см. въ «Лексикологіи».

Максимовичъ перевелъ: «но рога нося, имъ пашутъ хвосты». По объясненію его знамена Давидови, украшенныя рогами молодаго мѣсяца только пахнули (повѣяли) надъ Днѣпромъ своими хвостами» (Москва, 1885, и Украина стр. 111 пр. 46).

Аксаковъ К.: «Объяснители принимали слово «*рози*» за пад. вин., тогда какъ винит. будетъ *роги*; *нося* есть причаст. ед. ч., но оно могло быть употреблено вм. множ. «рога носяціе имъ (т.-е. себѣ или князьямъ), хвосты пашутъ». Но что это значитъ? Мы знаемъ, что есть въ народѣ подобное фигуральное изображеніе коровы: «четыре ходаста, два бодаста, да одинъ хлебестунъ». Итакъ и здѣсь не есть ли это фигуральное изображеніе коровы или быка: т.-е. «быки пашутъ».

Головинъ: «Сожалѣя, что нельзя сдѣлать безсмертнымъ стараго Владиміра, пѣвецъ говоритъ, что молодые его наслѣдники, которымъ достались его знамена, владѣя его силою, уклоняются отъ битвы. *Роги*—слава, а «*хоботы пахать*», значитъ уклоняться отъ прямаго пути».

Тихонравовъ первый сталъ читать: «розно са имъ хоботы пашутъ, т.-е. нѣтъ между ними единомыслія, розно развѣваются ихъ знамена».

Буслаевъ называетъ это исправленіе довольно остроумнымъ.

Макушевъ: «Такое чтеніе и объясненіе не лучше предложенныхъ другими, а въ томъ числѣ и Максимовичемъ; какъ бы ни была остроумна догадка г. Тихонравова, это мѣсто по прежнему остается темнымъ».

Некрасовъ, соглашаясь съ Макушевымъ относительно поправки г. Тихонравова, читаетъ: «*роги* носящимъ (согласно мнѣнію Тимковскаго и Калайдовича) хоботы пашутъ». По его толкованію, здѣсь первые князья сравниваются съ передомъ животныхъ, а князья послѣдующихъ временъ съ задомъ животныхъ волочащихъ хвосты. Онъ принимаетъ это изреченіе за пословицу и переводитъ: «но вѣдь у носящихъ рога, хвосты обыкновенно волочатся».

Кн. **П. П. Вяземскій**: «*имъ* исправляетъ на *ихъ*, предполагая, что это слово, не вѣрно выведено изъ-подъ титла, а «*рози*» считаетъ существительнымъ въ мѣст. пад. въ значеніи нарѣчія «розно».

Потебня принялъ чтеніе Тихонравова: «нъ розьно ся имъ хоботи пашуть», въ значеніи: но у нихъ врозь развѣваются бунчуки, замѣчая при этомъ, что въ языкѣ автора ь произносилось внутри еще, какъ гласная, составляющая слогъ—(розино).

Прозоровскій: «Нѣкоторые читали: *носящимъ*, но тутъ нѣтъ смысла. Равнымъ образомъ нельзя читать: или какъ хоботами пашутъ, потому что и здѣсь мало связи. *Хоботъ*—хвостъ, ошибъ—οὐρᾶσ; *пашутъ*—машутъ; слово «*имъ*», по связи рѣчи, соотвѣтствуетъ слову: «*они*». Онъ переводитъ: «Но имѣя рога, *они только* машутъ хвостами, а копья поютъ на Дунаѣ».

Педагоги:

Кораблевъ: «Но рога сихъ (стяговъ), носясь хоботами развѣваются».

В. М.: «И въ разныя стороны развѣваются ихъ солтаны (украшенія изъ конскаго хвоста)».

Ласкинъ: «Но врозь у ихъ развѣваются хвосты».

Малашевъ: «Но у нихъ эти знамена врозь развѣваются».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И ужъ врозницу развѣваются ихъ лохмотья».

Скульскій: «Какъ врозь разнесли, что жь осталось отъ нихъ? Болтаются только лохмотья».

Поэты:

Гербель: «Стяги его доставшиеся Рюрику съ братомъ Давидомъ,
«Словно волы, запряженные въ плугъ ярмомъ ненавистнымъ
«Никнутъ, межь тѣмъ какъ тяжкія копья свистятъ на Дунаѣ.

Мей: «Знамена его съ раздѣлъ пошли,
«И теперь хвостами порознь развѣваются.

Майковъ: «И ужъ розно машутъ бунчуками,
«Розно копья пѣть пошли по рѣкамъ.

33.

Копіа поютъ на Дунаи.

Выраженіе—Бояновское. Имъ авторъ очертилъ картину, которая предносится тоскующей Ярославнѣ: кровавый бой идетъ на Дунаѣ. Дунаемъ символически, называетъ онъ Донъ, и, даже быть можетъ, буквально повторяетъ оборотъ Бояна, уносившагося въ своемъ пѣснотворствѣ къ отдаленнымъ вѣкамъ и событіямъ. Въ виду связи этого выраженія съ плачемъ Ярославны мы предполагаемъ, что въ текстѣ вмѣсто «поютъ» было поѧтъ—т.-е. употребленъ былъ большой юсъ. Слѣдовало бы читать: «копія поѧтъ на Дунаѣ».

Упоить оружіе, напоить копье—образъ очень извѣстный для изображенія кроваваго боя [1]. Только въ такомъ разсужденіи все это выраженіе становится во внутреннее соотношеніе къ послѣдующему и становится понятно, почему Ярославна прежде всего такъ горячо говоритъ о ранахъ Игоря, которыя она готова утереть на его могучемъ тѣлѣ: «Кровавый бой идетъ на Дунаѣ».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ оставилъ это выраженіе безъ перевода.

---

[1] См. въ «Лексикологіи»: «поѧтъ» копіа

Малиновскій какъ въ черновомъ своемъ переводѣ, такъ въ печатномъ текстѣ отнесъ это выраженіе къ предъидущему, передавъ такъ: «копья же на Дунаѣ славятся».

Такое же пониманіе раздѣляли и **Пожарскій** и **Грамматинъ**; послѣдній перевелъ: «оружіе же ихъ славится на Дунаѣ.

Анастасевичъ первый усмотрѣлъ здѣсь *коней* и читалъ: «кони пьютъ на Дунаѣ?»

Вельтманъ «копья» переправилъ на «коней» и «пьютъ» на «поятъ», придавая такой смыслъ: «коней поятъ на Дунаѣ».

Дубенскій, не принялъ такого чтенія и оставилъ текстъ безъ измѣненія. Въ умѣ писателя, объясняетъ онъ, близко или возможно было отношеніе пѣсенъ Дунайскихъ къ славѣ Кіева. Полки тогдашніе составлялись изъ копейщиковъ, стрѣльцевъ, мечниковъ, а «копье» въ лѣтописяхъ принималось вмѣсто воина напримѣръ въ Кіев. Лѣт.: у Половець 900 копій, а у Руси 90, т.-е. копѣйщиковъ.

Головинъ: Рюрикъ и Давидъ уклоняются отъ битвы, между тѣмъ какъ копья поютъ на Дунаѣ.

Кн. **П. П. Вяземскій** не находитъ возможнымъ примириться съ чтеніемъ первопечатнаго изданія: «копіа поютъ на Дунаи» во 1-хъ потому, что по отношенію къ Рюрику и Давиду такое выраженіе было бы не умѣстно; они медлили и бездѣйствовали; во 2-хъ Дунай ни мало не связанъ съ ихъ дѣятельностію и наконецъ въ 3-хъ пѣніе копій въ смыслѣ бряцанія—выраженіе было бы крайне слабымъ и не художественнымъ. Въ виду этихъ соображеній онъ склоняется къ поправкамъ Вельтмана, стараясь оправдать ихъ палеографическими основаніями и читаетъ такъ: **кона поѧтъ** или вслѣдствіе смѣшенія юсовъ— **поѭтъ**. Но слѣдуя въ чтеніи Вельтману, онъ относитъ это выраженіе не къ предъидущему а къ послѣдующему, къ началу пѣсни Ярославны чѣмъ, въ соотвѣтствіе другимъ мѣстамъ «Слова», указывается на мѣстность оплакиваемаго имъ событія. Дунай часто воспѣвается въ нашихъ

народныхъ пѣсняхъ, и поеніе коней воспѣто въ распространенныхъ пѣсняхъ: «На крутой горѣ поятъ рыцари» и «По улицѣ мостовой.

Миллеръ Вс., вполнѣ раздѣляя и эти поправки и пунктуацію пѣсни и усматривая подобные образы въ одной болгарской пѣсни, отмѣтилъ было и ихъ, какъ признаки Болгарскаго происхожденія «Слова», но потомъ, встрѣтивъ въ сборникѣ Чубинскаго еще болѣе подобныхъ примѣровъ, долженъ былъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «Выше мы предположили (стр. 110, 113), что плачь Ярославны, представляя подражаніе чему-то Болгарскому, открывается словами какой-то пѣсни Югославянской, въ которой дѣйствіе происходитъ на Дунаѣ; это предположеніе теперь считаемъ нужнымъ видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что въ плачѣ находимъ черты *южно-русской* поэзіи, въ которой обычно встрѣтить и Дунай и поеніе коня на Дунаѣ и тоскующую *зозулю*».

Но не такіе любовные образы занимаютъ автора въ данную минуту. Ярославнѣ предносятся раны Игоря, Хиновскіе стрѣлки, солнечный зной, а не поеніе коней—милаго молодаго друга.

Потебня удерживаетъ чтеніе первопечатнаго текста, но относитъ къ послѣдующему; онъ видитъ здѣсь параллелизмъ между пѣньемъ копій на Дунаѣ, въ идеальной дали, и плачемъ Ярославны. Толкованій Миллера Вс., замѣчаетъ онъ, не могу принять, между прочимъ потому, что не вижу повода къ нимъ. Выраженіе о копіяхъ, что они *поютъ* крайне слабо, ибо копія не бренчатъ, но оно весьма изобразительно, если подъ нимъ понимать то, что понималъ уже Александръ Пушкинъ, у котораго *пѣніе стрѣлъ*. Но авторъ «Слова», замѣтимъ мы, такъ опредѣленно различаетъ эти предметы, что отъ него трудно ожидать смѣшаннаго употребленія *копій* вмѣсто *стрѣлъ*.

Смирновъ А. «Считая весьма остроумными соображенія Вяземскаго и очень счастливыми находки Миллера, мы все-таки смѣемъ думать, что здѣсь искаженія нѣтъ, а равно и пропуска. «*Копія поютъ*» мы относимъ къ предъидущему, а «на Дунаѣ» къ послѣдующему: «Ярославнынъ гласъ слышитъ». «Копія поютъ» удобно могутъ быть

отнесены къ Рюрику и Давиду, которые хоть и дѣйствовали врозь, но не разъ отличались воинственностію. «*На Дунаи*» не можетъ быть отнесено къ Рюрику и Давиду, которые дѣйствовали или на Сѣверо-западѣ или Востокѣ Руси; но это слово очень удобно можетъ быть отнесено къ послѣдующему: съ него должна начитаться самая пѣснь. Кромѣ того оно должно стоять здѣсь и по самой рѣчи. Въ пѣсни Ярославны слышится размѣръ, исключая перваго стиха; безъ слова «на Дунаи» онъ будетъ очень коротокъ и не будетъ гормонировать съ послѣдующимъ:

„*На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ,*
„*Зегзицею незнаемь рано кычеть.*

Прозоровскій, оставляя чтеніе первопечатнаго текста безъ измѣненія, относитъ къ предъидущему. Онъ переводитъ «а копья поютъ на Дунаѣ, но что это значитъ по его мнѣнію, не объясняетъ.

Педагоги:

Кораблевъ: «копія стучатъ на Дунаѣ.

Малашевъ: «копія свистятъ на Дунаѣ.

Алябьевъ: «На Дунаѣ поютъ копія,
«Ярославнинъ голосъ слышится.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): *Не* копья поютъ на Дунаѣ. Слышите ли Ярославнинъ голосъ.

Скульскій: «Не копья поютъ на Дунаѣ,
«То голосъ звучитъ Ярославны.

Поэты:

Гербель: Стязи его... никнутъ, межъ тѣмъ какъ тяжелыя копья свистятъ на Дунаѣ.

Мей: Поютъ копія на Дунаѣ рѣкѣ.

Майковъ: Разно копья пѣть пошли по рѣкамъ.

34.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычетъ.

Здѣсь прежде всего кажется сомнительнымъ слово: *Ярославнынъ.* Едва ли это прилагательное притяжательное. Достойно особеннаго замѣчанія, что въ Пербургской копіи Мусинъ-Пушкинъ начерталъ окончаніе этого слова въ формѣ: «Ярославны*мъ*»: Какъ форма менѣе правильная, указываетъ, что окончаніе этого слова стоитъ ближе къ воспроизводимому подлиннику. Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «*Ярославнинъ*, но передавая текстъ, удержалъ однако: Ярославны*мъ*. Это приводитъ нас къ предположенію, что въ Пушкинской рукописи здѣсь стояло именно «**ꙗрославнымь**», а не **ꙗрославнынъ**.

Мь—слѣдовало отдѣлить и читать какъ самостоятельное слово: **мь** вм. **ми**. Что **мь** писалось вм. **ми** это видно изъ Галицкой Лѣтописи, гдѣ читаемъ: Мстиславъ рече брату Владимиру Васильковичу, «а болшая **мь** надежа на тобѣ». (Ипат. стр. 214).

При такомъ чтеніи оборотъ здѣсь будетъ тотъ же что и выше: «что *ми* шумить, что *ми* звенить—далечя рано предъ зорями? Малиновскій, при печатаніи текста слилъ выраженіе «*Ярославны мь*» въ одно слово и сблизивъ его съ прилагательнымъ притяжательнымъ, напечаталъ сообразно своему переводу: «Ярославнынъ».

Далѣе, едвали здѣсь не стояло: «**гла͡с слышитъ**». Встрѣча трехъ *с* легко вела къ выпаденію одного изъ нихъ и появленію вмѣсто **гла͡с** просто «**гласъ**». Неисправность этого могла быть уже въ самой рукописи и мы не рѣшаемся усвоять ее непремѣнно издателямъ.

Наконецъ въ данномъ мѣстѣ возбуждаетъ недоумѣніе слово «**незнаемь**» Трудно подумать, чтобы «незнаемь» относилось къ слову «гласъ». Такой распорядокъ словъ рѣшительно противенъ не только синтаксису «Слова», но и другихъ чисто русскихъ памятниковъ.

Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы это было нарѣчіе. Сообразно значенію этого нарѣчія оборотъ вышелъ бы крайне отвлеченный, изысканный и натянутый. Но если это эпитетъ, относящійся къ «*зегзицею*», то онъ является несогласованнымъ со своимъ существительнымъ. Это указываетъ на то, что форма его нуждается въ испра-

вленіи. Слово это является недописаннымъ. Въ древнихъ и исправныхъ спискахъ, какъ эпитетъ «*къ зегзицею*», оно должно было бы имѣть слѣдующую форму: «**неꙁнаемъю**» или же, въ силу смѣшенія глухихъ ъ и ь, могло быть начертано: «**неꙁнаемью**». Имѣя въ виду какъ писцы XV и особенно XVI вѣка затруднялись при встрѣчѣ съ глухими, замѣнявшими гласныя, естественно допустить, что они читали раздѣльно: «**неꙁнаемь** *ю*» и, находя это послѣднее *ю* противнымъ смыслу, принимали его за описку и не дописывали. Замѣчательно, что это же самое слово, въ томъ же самомъ падежѣ и родѣ, является неисправнымъ и въ другихъ рукописяхъ. Такъ въ Лаврентьевской лѣтописи, въ спискахъ Радзивиловскомъ и Московской Духовной Академіи—встрѣчаемъ вмѣсто: «*незнаемью*» страною—*незнаеми* страною; т.-е. здѣсь, какъ и въ «Словѣ», конечное *ю* вслѣдствіе той же причины осталось недописаннымъ—и даже ь перешло уже въ *и*,—вмѣсто «*незнаемь*» явилось «*незнаеми*». (Лавр. 1872 г. стр. 217).

Итакъ это слово слѣдуетъ читать: **неꙁнаемью**, или точнѣе, **неꙁнаемъю** т.-е. «незнаемою».

Что значитъ «*незнаемый*» см. о томъ въ Лексикологіи. Всѣ переводы этого слова не точны.

Въ виду сихъ соображеній мы переводимъ:

„Чу! Ярославны слышится голосъ:
„Безпривѣтной кукушкой
„Рано кукуетъ она.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Ярославнинъ голосъ слышится; она зегзицею незнаемою рано кличетъ.

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ: Ярославнинъ голосъ слышится; она какъ забытая горлица по утрамъ воркуетъ, приговаривая.

Въ *первомъ изданіи*—«забытая горлица» замѣнено словомъ «оставленная горлица».

Комментаторы:

Шишковъ: Въ переложеніи сказано: «слышится», но можетъ

быть «слышитъ» относится къ Святославу: «Святославъ послѣ своихъ жалобъ голосъ Ярославны слышитъ».

Пожарскій: «Зегзица» не означаетъ горлицы, какъ сказано переложеніи. Зегзица по польски *ззегзолка*, *ззезелица*, по-бѣлорусски *зезюлка*, значитъ кукушка.

Слово же «незнаемь» есть усѣченное причастіе къ «зегзицѣ» относящееся. Итакъ, «зегзицею незнаемою, разумѣется, не такою кукушкою, какою знаемъ, или какая обыкновенно есть кукушка, но не обыкновенною, странною.

Грамматинъ: выраженіе «*незнаемь*» относитъ къ существительному «*гласъ*». Онъ переводитъ: Ярославнинъ голосъ слышится: Одна, какъ горемышная кукушка, рано кличетъ.

Вельтманъ: *Зегзицею незнаемь* т.-е. безвѣстной, *зегзица*—въ Чешск. пѣснѣ—«*зегзулица*». Въ серб. *зуят*, *зазуяти* издавать ропотъ. Соотвѣтственно этому значенію кукушка называется горемычной.

Максимовичъ: Слышенъ голосъ Ярославны. Пустынной кукушкой онъ раздается съ утра.

Дубенскій: «Незнаемь» здѣсь, кажется, причастіе страдательное въ жен. р. вм. незнаема (т.-е. Ярославна) или вм. мужескаго: «*незнаемъ*», т.-е. гласъ. Въ словѣ «кычеть» по его мнѣнію выпущено *л*. т.-е. слѣдовало бы сказать: кличетъ.

Онъ перевелъ такъ: «Слышитъ голосъ Ярославнинъ: *невидимой* кукушкой рано вопитъ.

Буслаевъ вм. «*слышитъ*» читаетъ: «слышиться, и вм. «*незнаемъ*» «незнаема».

Кн. **П. П. Вяземскій** находитъ возможною и форму «*слышитъ*» въ значеніи страдательнаго залога.

Огоновскій, удерживаетъ форму «нéзнаемь» въ значеніи нарѣчія, какъ въ старослав. встрѣчаются: исполнь, прѣпрость, различь свободь, странь, сугубь.

Потебня *«слышитъ»* читаетъ, какъ Буслаевъ: «слышиться»; а *«незнаемь»* удерживаетъ, подобно Огоновскому въ значеніи нарѣчія, измѣняя «незнаемь» въ «незнаемѣ».

Прозоровскій переводитъ: «Слышенъ голосъ Ярославны. Одинокою кукушкой она рано кукуетъ.

Педагоги:

Погосскій: «Ласточкой невидимой она рано щебечетъ»

В.. М «Кукушкою невѣдомой кукуетъ».

Малашевъ: «Какъ неизвѣстная кукушка, она рано кричитъ

Алябьевъ: И кукуетъ она рано неизвѣстною кукушечкой.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Кукушечкой, притаясь.
«На зорькѣ кличетъ.

Скульскій: «Кукушечкой жалобно кличетъ,
«На зорькѣ, таясь отъ людей.

Поэты:

Гербель:

Мей: «Перелетною кукушкой,
«По утру она кукуетъ.

Майковъ: «Ярославнинъ гласъ слышитъ». Кто слышитъ? Да комуже и слышать кромѣ Игоря? «Зегзицею незнаемь» должно быть

«*незаемѣ* мѣст. п. т.-е. зегзицею въ незнаемой землѣ (такъ называлась степь) рано кычетъ—т. е. кукушкою кукуетъ.

Кукушка—символъ тоскующей подруги, жены, сестры, матери. Игорь вспоминаетъ ее—на стѣнѣ въ Путивнѣ, какъ видѣлъ ее вѣроятно въ послѣдній разъ, уходя въ походъ: черта глубоко психологическая. Разставаясь съ близкими сердцу, вы въ разлукѣ всегда воображаете ихъ въ томъ видѣ, при той обстановкѣ, какъ это было въ моментъ разставанья.

35.

Жаждею имъ лучи съпряже.

Возникаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ явилась форма: «*жаждею*» вм. «*жаждою*». Въ силу смѣшенія глухихъ ъ и ь, въ древнихъ рукописяхъ слово это могло быть первоначально было написано: *жаждью* вм. «*жаждъю*» (срав. «славъю»); писецъ XVI в., переводя глухія въ гласныя, въ данномъ случаѣ ь замѣнилъ гласнымъ є, и такимъ образомъ вм. «*жаждою*» явилось «*жаждею*».

Слово «*жаждею*» въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ уцѣлѣло до насъ совсѣмъ въ другомъ значеніи, чѣмъ какое придавали ему всѣ комментаторы «Слова» [1].

Лучи—явилось вм. *луци* въ силу живаго южно-русскаго или Новгородскаго говора.

36.

Овлуръ свисну за рѣкою; велить князю разумѣти.

Князю Игорю не быть кликну; стукну земля; въ шумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася.

Нельзя не замѣтить здѣсь неточной пунктуаціи, которая придана этимъ предложеніямъ первыми издателями рукописнаго текста. Насколько согласно съ языкомъ Кіевской повѣствовательной школы выраженіе «*стукну земля*», настолько же не умѣстенъ здѣсь гла-

[1] См. въ «Лексикологіи» слово «*жаждею*».

голъ «*кликну*» отнесенный къ той же «землѣ» первыми издателями. Чтобы «земля кликнула», такого оборота нельзя встрѣтить въ древне-русской письменности. Далѣе глаголъ «*не быть*» представляетъ такую форму, какъ замѣчено уже комментаторами, которая не отвѣчаетъ употребленію въ «Словѣ» другихъ глаголовъ въ томъ же наклоненіи оканчивающихся на «*ти*». Все это указываетъ на то, что текстъ требуетъ здѣсь исправленія.

Въ виду того, что глаголъ «кликну» не можетъ относиться къ «*землѣ*», онъ требуетъ, очевидно, подлежащаго, котораго слѣдуетъ искать въ предъидущемъ словѣ «не быть». Оно скрывается именно въ окончаніи этого слова «*ть*», которое есть ничто иное какъ «*ть*» или правильнѣе въ полномъ начертаніи «*тъ*"»—«тъй». *Тъ* вм. *тъ*— не рѣдко въ прологахъ XVI вѣка, гдѣ читаемъ: **Ть отъ нихъ.** Не «*бы*» есть сокращенное не «бы». *Князю Игорю* явилось вм. князя Игоря, вѣроятно потому, что на мѣстахъ малаго юса въ рукописи стоялъ большой Ѫ. Такимъ образомъ чтеніе должно быть таково:

Кнѧꙁѧ Игорѧ не бы. Ть" кликнѹ.

Переводъ будетъ слѣдующій:

„Овлуръ свистнулъ за рѣкою,
„Велитъ князю догадаться:
„Князя Игоря не было,
„Кликнулъ тотъ.

Дальнѣйшія выраженія: «*стукну земля, въ шумь трава*», стоятъ во внутреннемъ соотношеніи съ тревогой вызванной бѣгствомъ Игоря и погоней за нимъ Половецкихъ хиновъ. Шумъ травы и стукъ земли суть признаки этого движенія.

«*Подвизашася*» очевидная описка или невѣрное чтеніе вмѣсто «*подвизошася*».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: перевелъ: Овгуръ свиснулъ за рѣкою велитъ князю разумѣть. Кликнулъ князю Игорю не быть.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Овлуръ свиснулъ за рѣкою, чтобъ князь догадался и вскричалъ: Князю Игорю не тамо быть».

Въ *переводѣ перваго изданія*: «Князю Игорю тамо не быть».

Коментаторы:

Шишковъ: «Князю Игорю не быть т.-е. князя Игоря не стало тамъ, гдѣ онъ былъ.

Пожарскій: «Слово не быть, на польск. *niebyt* —означаетъ отсутствіе, отлучку.

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи перевелъ: «Игорь исчезъ»; во 2-мъ объясняетъ, что «не быть» описка—вмѣсто: «избыть» т. е. освободиться, избавиться отъ плѣна. *Избыти*—liberare; *избытіе*—выходъ, исходъ.

Дубенскій: *«не бытъ»* вм. *«не быти»*; *ти* сокращалось въ *тъ,* какъ то встрѣчается иногда въ древнихъ рукописяхъ. Онъ перевелъ: «князя Игоря нѣтъ».

Миллеръ Вс. *Бытъ* едва ли окончательное наклоненіе, такъ какъ нѣтъ другаго примѣра въ «Словѣ» употребленія окончанія *тъ* вм. *ти* въ этомъ наклоненіи, хотя случай, очевидно, могъ бы представиться, ибо форма на *ти* встрѣчается болѣе 35 разъ. Думаемъ, что вмѣсто *«бытъ»* слѣдуетъ читать *«бысть»*, причемъ выпало какое то другое слово, соотвѣтствующее *»разумѣти»*. Онъ усматриваетъ здѣсь такой смыслъ: Овруль свиснулъ за рѣкою, даетъ князю знакъ, но князю Игорю не было слышно.

Потебня также читаетъ вмѣсто *«не бытъ»*—не бысть и относитъ къ *«разумѣти»*, объясняя все это мѣсто такъ: «Въ полночъ Овлуръ свиснулъ, велитъ князю разумѣть, (давая знакъ князю), но князю Игорю не бысть т. е. разумѣти; онъ не понялъ; тогда Овлуръ

кликнулъ (по богатырски), такъ что стукнула земля, зашумѣла трава, и такъ далѣе.

Прозоровскій: «Слова»: «князю Игорю не быть» не поняты Овлуръ, вѣроятно, приглашалъ Игоря спѣшить, не медлить. Прозоровскій оставляетъ ихъ безъ перевода».

Педагоги:

Кораблевъ: «Князю Игорю въ плѣну не быть».

Погосскій: «Ужъ князя Игоря нѣтъ».

Малашевъ первый вм. «*не быть*» сталъ читать «*не бысть*». Другіе (Миллеръ и Потебня) лишь повторяютъ его догадку. Онъ перевелъ: «Князя Игоря не было—не являлся—на свистъ Лавра.

Алябьевъ: Князю Игорю не быть въ плѣну.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Князя Игоря и нѣтъ какъ нѣтъ».

Скульскій: «Игорь пропалъ безъ слѣда».

Поэты:

Гербель: «Но князь Игорь не откликнулся.

Мей: «За рѣкою засвисталъ Овлуръ,
«Разумѣть велитъ: не мѣшкать князю Игорю.

Майковъ: «За рѣкой Овлуръ къ полночи свищетъ,
«По коня онъ свищетъ—повѣщаетъ:
«Выходи князь Игорь изъ полона.

37.

„Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрьши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мать Ростиславя по уношѣ князѣ Ростиславѣ.“

Прежде всего въ данномъ мѣстѣ для всѣхъ комментаторомъ служило запинаніемъ «*ли*», изъ коихъ одни считали его вопросительной частицей, другіе думали, что хотя это вопросительная частица, но она не имѣетъ здѣсь вопросительнаго значенія; новѣйшіе же комментаторы-то передѣлываютъ ее то на *ми*, то на *ти* и т. п.

Въ дѣйствительности же—здѣсь это не вопросительная частица а глаголъ, отъ «*лити*, течь, литься—въ первообразной формѣ. Далѣе въ выраженіи «*ростре на кусту*», глаголъ «*ростре*», долженъ имѣть причастную форму, подобно предыдущимъ: «*имѣя*» «*пожрьши*», такъ какъ имъ продолжается описательная характеристика «*Стугны*» дѣйствіе которой выражается дальнѣйшимъ глаголомъ «*затвори*». Въ виду этого нѣкоторые, сливая дальнѣйшій предлогъ *на*, читаютъ «*рострена*» **к'устѵ**. Не говоря уже о томъ, что подлежитъ сомнѣнію существованіе слова: *усто* въ значеніи «*устья*»,—для характеристики Стугны здѣсь весьма существенно слово: «кустъ».

Для юноши князя Ростислава Стугна затворила Днѣпръ не тѣмъ, что расширилась къ устью, но тѣмъ, что подводнымъ кустовіемъ, препятствовала броду. Предполагая въ «*ростре*» причастную форму, мы должны догадываться, что надписное, титлованное *н* въ окончаніи «*ростре*» выпало, подъ воздѣйствіемъ того же *н* въ дальнѣйшемъ предлогѣ *на*, т. е. въ исправномъ спискѣ XV или XVI в. было написано: **растре̑ на** кусту.

При этомъ необходимо замѣтить, что слово «*стругы*» никоимъ образомъ не можетъ относиться къ этому глаголу. Нельзя принимать здѣсь «*стругъ*» въ значеніи лодки и считать «*стругы*» винит. п., зависящимъ отъ «*ростре*; такъ какъ лодокъ здѣсь не могло быть никакихъ: Лѣтопись прямо говоритъ: «*и вбреде Володимеръ съ Ростисла-*

вомъ; князья спасались въ бродъ, а не на лодкахъ. Нельзя мириться и съ толкованіемъ «*струга*» въ значеніи «*волна*» и переводить: Стугна... волнами расширенная къ устью, такъ какъ тогда было бы не «*струги*» *а стругами*. *Струги*» должны быть относимы здѣсь къ тому же глаголу, къ коему относятся и ручьи: т. е. *пожръжи ручьи и стругы* [1].

«*Темнѣ Березѣ*» выраженіе это должно быть принимаемо, какъ читаетъ Н. С. Тихонравовъ, въ мѣстномъ пад. ед. ч. потому во 1-хъ, что если берега Днѣпра были темные сами по себѣ, то затворять ихъ было не для чего; во 2-хъ и главнымъ образомъ потому, что самое названіе береговъ *темными* указываетъ, что они относятся не къ русскому Днѣпру, а къ поганской Стугнѣ. По стилю «Слова» гдѣ поганые, тамъ и рѣки мутныя и болотныя, тамъ и берега темные.

Такимъ образомъ все это мѣсто должно быть читаемо такъ:

«Не тако ли, рече, рѣка Стугна; худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростренa на кусту, уному князю Ростиславу затвори Днѣпръ. Темнѣ березѣ плачется мати Ростислава.

Переводъ будетъ слѣдующій:

„Не такъ лила [2] какъ поскажутъ, рѣка Стугна;
„Имѣя тощую струю, пожравъ чужіе ручьи и потоки,
„Растертая по кустовью, юношѣ князю Ростивлаву
затворила Днѣпръ.
„На темномъ берегу плачетъ мать Ростиславова...

Малиновскій перевелъ: «Не такова, промолвилъ онъ, рѣка Стугна съ худыми своими струями; она пожираетъ посторонніе потоки и разбиваетъ струги объ кусты. Юному князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ темные берега.

Въ *Первомъ изданіи* переводъ мало измѣненъ: «Не такова, промолвилъ онъ, рѣка Стугна! Она пагубными струями пожираетъ чужіе

[1] См. въ «Лексикологіи» «*стругы*».
[2] См. въ «Лексикологіи»: «*ли*».

ручьи и разбиваетъ струги у кустовъ. Юному князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ берега темные».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Не такова рѣка Стугна: она имѣя худое теченіе, пожираетъ чужія воды и разбиваетъ струги на кустахъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ темныя берега».

Комментаторы:

Шишковъ: «По началу сей рѣчи слово: *«не тако ли»* долженствовало означать вопросъ, но по смыслу нижесказаннаго Игорь не вопрошаетъ, а говоритъ, что въ подобномъ случаѣ рѣка Стугна не такъ поступила. И потому въ словѣ: *«не тако ли»*, частица *ли* ошибка переписчика. Исключа оную, смыслъ будетъ такой: Не тако рѣка Стугна! Свирѣпыя струи ея, отъ впаденія въ нее многихъ другихъ рѣкъ, широко разливаются, выступаютъ изъ береговъ и, выкидывая на нихъ плавающіе по ней струги, разбиваютъ ихъ о кусты, т.-е. о пни срубленныхъ деревьевъ, вокругъ которыхъ растетъ обыкновенно молодой кустарникъ».

Пожарскій: «Поглотивъ чужіе ручьи, сокрушила струги по кустамъ».

Грамматинъ, также считая союзъ *ли* неумѣстнымъ, превратилъ его въ *ти*; онъ читаетъ: «Не тако ти рѣка Стугна; мати Ростиславя измѣнилъ въ «мати Ростиславля».

Павскій: «Не такова, продолжаетъ князь, рѣка Стугна, которая, имѣя худую струю, поглощая чужіе ручьи, раздираетъ на кустахъ струги (т.-е. вслѣдствіе разлива, затопляя острова, на которыхъ растутъ кусты, легкія лодки, которыя объ вѣтви этихъ кустовъ разбиваются, портятся). Не хорошъ и Днѣпръ, продолжаетъ князь: юному князю Ростиславу (когда онъ переплавлялся чрезъ него во время бѣгства съ поля сраженія, гдѣ онъ былъ разбитъ Половцами) Днѣпръ закрылъ (т.-е. вслѣдствіе тумана сдѣлалъ незамѣтными, не узнава-

емыми) берега свои вслѣдствіе чего этотъ князь направился къ Стугнѣ, въ которой и утонулъ. Мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ замѣтить, что прилагаемая нами карта мѣстности, гдѣ погибъ Ростиславъ, показываетъ, что дѣло происходило не такъ и потому объясненіе Павскаго не можетъ быть принято».

Максимовичъ: «Своей недоброй волной она поглотила чужіе ручьи и разметала струги по кустамъ. Днѣпръ затворилъ темные берега юному князю Ростиславу. Затѣмъ «ростре на кусту» онъ читалъ: рострѣна къ усту, т.-е. расширенная къ устью».

Вельтманъ: «А Стугна рѣка такова ль? Не доброей своей струей лишь чужіе ручьи пожираетъ и ломитъ суда по кустамъ. А Днѣпръ»....

Дубенскій: мѣсто это испорчено переписчикомъ и читать надобно: «но тако ли, рече, рѣка Стугна? «Или же оставляя *не* вмѣсто «рече» слѣдуетъ читать «тече»; *ли* здѣсь вм. *и* плеоназмъ. Въ переводѣ онъ слѣдуетъ послѣднему чтенію: «Не такъ текла рѣка Стугна, худую струю имѣющая; она пожравши чужіе ручьи разбила стругà о кусты и юному князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ мрачные берега Днѣпра».

Князь **П. П. Вяземскій** вмѣсто *ли* читаетъ *ми* въ значеніи поговорки; слово «Днѣпръ» разлагаетъ на два и читаетъ «днѣ при темнѣ березѣ».

Тихонравовъ принялъ чтеніе Максимовича вм. «ростре на кусту» ростреna к҆ усту, т.-е. расширенная къ устью, а выраженіе «темнѣ березѣ» принимаетъ въ мѣст. пад. безъ предлога и относитъ къ дальнѣйшему: плачется мати Ростиславя.

При такомъ чтеніи переводъ получается слѣдующій: «Не такъ ли, разсказываютъ, Стугна рѣка, бѣдная водою (худую струю имѣя) пожравши чужіе ручьи и къ устью (к҆ усту) расширенная (рострена) волнами (стругы) затворила Днѣпръ юному князю Ростиславу. На темномъ берегу плачетъ мать Ростиславова.

Миллеръ Вс. не принимаетъ чтенія, предложеннаго Тихонравовымъ на слѣд. основаніяхъ: вопервыхъ слова «*усто*» или «устъ» въ значеніи устья неизвѣстны въ древне-русскомъ языкѣ; отъ слова «*струга*», волна, не можетъ быть творительнаго пад. мн. ч. на *ы*, *вм. ами*; а «*темнѣ березѣ*» не можетъ быть мѣстнымъ пад. безъ предлога. Принимая же поправки кн. Вяземскаго, онъ читаетъ мѣстный «днѣ» съ предлогомъ «въ днѣ»; глаголъ же «*ростре*», быть-можетъ, искаженъ изъ «*простре*»; за отсутствіемъ слова «усто» слѣдуетъ считать «кусту» за одно слово. Въ виду сихъ соображеній онъ переводитъ «не такъ (поступила), говорятъ, рѣка Стугна: имѣя тощую струю, поглотила она чужіе ручьи, простерла волны (протоки) на кустарникъ и юношу князя Ростислава затворила *на днѣ при темномъ берегу*».

Потебня читаетъ: «не тако ли, рече, рѣка Стуѓна: худу струю имѣ, а ложьр́ши чюжи ручьи и струги, рост́рена къ устию, уношю ќнязя Ростислава затвори д́нѣ при тьмьнѣ березѣ. «*Не тако ли*» т.-е. не такъ-то или не така ли, не такова-то. *Ли* здѣсь не въ вопросительномъ значеніи. *Рече* ссылка на повѣствованіе о смерти Ростислава (1093 г.). Онъ переводитъ: «Она имѣла малую (худу) струю (была маловодна, не то, что Донецъ, особенно въ тѣ времена), но пожравши чужіе ручьи и потоки, расширенная (ростьрена) къ устью, юношу.... затворила при темномъ берегѣ».

Смирновъ А. И. не находитъ возможнымъ принять поправки предложенной княземъ Вяземскимъ и раздѣляемой Миллеромъ и Потебней. Склоняясь къ мнѣнію Н. С. Тихонравова, что «темнѣ березѣ» стоитъ здѣсь въ мѣстномъ пад., онъ отрицаетъ замѣчаніе Миллера, что будто мѣстный падежъ, кромѣ именъ городовъ, при нарицательныхъ именахъ не употребляется въ Русскомъ языкѣ XII вѣка и въ самомъ «Словѣ» указываетъ три примѣра употребленія мѣстнаго падежа безъ предлога. Затѣмъ, ссылаясь на Кіевскую Лѣтопись, онъ весьма основательно доказалъ, что упоминаніе Днѣпра здѣсь необходимо: Днѣпръ служилъ мѣстомъ спасенія отъ погони Половецкой. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что разложеніе слова «Днѣпръ» на «днѣ при» темнѣ

березѣ едва ли можетъ отвѣчать дѣйствительности, такъ какъ Ростиславъ во всякомъ случаѣ утонулъ не при *березѣ*; изъ того, что Владиміръ его спасалъ и едва не утонулъ самъ, видно, что гибель Ростислава происходила отъ берега не близко. Далѣе авторъ рисуетъ здѣсь Стугну рѣкой именно вражеской, которая не допустила Ростислава до Днѣпра, рѣки родной, которую легче было переплыть, чѣмъ эту поганую рѣку, растертую по кустовью.

Прозоровскій безъ всякихъ объясненій переводитъ такъ: «Не такова, говорилъ, рѣка Стугна, *которая*, имѣя слабую струю, пожрала чужіе ручьи и раздробила струги на порогѣ, затворивъ юному князю Ростиславу Днѣпръ темнымъ берегомъ, и плачетъ мать Ростиславова».

Педагоги:

Кораблевъ: «Не такова, сказать, рѣка Стугна, пожирающая въ свои пагубные струи и останавливающая лодки на поемныхъ кустахъ».

В. М.: «И ты, Стугна рѣка, не добрую струю имѣющая, пожравъ чужіе ручьи и отъ притоковъ расширившись къ устью, заперла Днѣпръ».

Малашевъ: «Не такъ, говоритъ Игорь, поступила рѣка Стугна. При своемъ маловодномъ теченіи, она, поглотивши чужіе ручьи, и струями расширенная къ устью, заградила темные берега Днѣпра».

Алябьевъ: «Не такъ сдѣлала рѣка Стугна малоструйная. Чужихъ струй ручьевъ понажравшися, затворила Днѣпръ».

Ласкинъ: «Не такова рѣка Стугна: поглотивъ чужіе ручьи и потоки, разширенная къ устью, она юному князю Ростиславу затворила Днѣпръ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «А вотъ не такова, говоритъ, рѣка Стугна! Тощую струю имѣла, а какъ поглотила ручьи чужіе, и затормозила

тогда лодки по кустамъ, юному князю Ростиславу на своемъ темномъ берегу выходъ въ Днѣпръ затворила».

Скульскій: «Вотъ не то, что ты, Стугна рѣченька! И текла она струйкой тощею, а съ чужихъ ручьевъ какъ раздулася, много бѣдъ тогда понадѣлала Ростиславу князю юному: его лодки разметало всѣ, по кустамъ да по отмоинамъ разбросало ихъ, разсѣяло, заградило выходъ въ Днѣпръ рѣку».

Поэты:

Гербель: «Мчится Стугна мелководная,
«Поглотивъ ручьи нагорные;
«Она струги о кустарникъ
«Раздробила ненасытная.

Мей: «А Стугна рѣка не таковская,
«И бѣжитъ струей не доброю,
«Не свои ручьи пожираючи,
«По кустамъ струги разстилаючи.

Майковъ А.: «Вотъ Стугна, о Донче, не такая!
«Какъ пожретъ—попьетъ ручьи чужіе,
«По кустамъ по доламъ разольется,
«Ростислава юношу пожрала,
«Унесла его въ Днѣпръ глубокой,
«Въ темныхъ берегахъ похоронила.

38.

„Полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ.

Къ числу ошибокъ, обычныхъ отъ перехода отъ устава къ полууставу, мы относимъ въ данномъ мѣстѣ выраженіе «*полозію*», т.-е. въ концѣ *ю* появилось здѣсь вм. древняго іотированнаго ѥ. Предлогъ *по* слитъ съ словомъ неправильно. Слѣдуетъ читать такъ, какъ пред-

лагаетъ г. В. Ѳ. Миллеръ, т.-е. «*полозіе*», разумѣя здѣсь видъ дятловъ, изъ породы «*ползуновъ*».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: Сороки не строкотали, а только ползали по вѣтвямъ. Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Галки замолкли, но только двигались на вѣтвяхъ; дятлы стукомъ своимъ путь къ рѣкѣ показывали».

Въ *первомъ изданіи* читаемъ: «галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ; дятлы долбя, къ рѣкѣ путь показывали».

Комментаторы:

Шишковъ: «Сіе изображеніе глубокаго утра весьма естественно; ибо дѣйствительно въ сіе время во всеобщемъ молчаніи слышны только соловьиный голосъ и стукъ дятловъ, яко предтечи восходящаго солнца и пробуждающейся природы. Сорокамъ не свойственно ползать или двигаться по сучьямъ. Сочинитель говоритъ сіе о дятлахъ. Ошибка сія произошла отъ запятой, поставленной не въ своемъ мѣстѣ, ибо напечатано: «Сороки не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове путь къ рѣкѣ кажутъ» а надлежало бы напечатать, поставя запятую послѣ слова «дятлове», а не послѣ слова «только»,

Пожарскій: «Въ подлинникѣ никакой не видно ошибки относительно запятой, расположеніе рѣчи правильно; мысль ясна и вразумительна; съ присоединеніемъ же подлежащаго «*дятлове*» къ глаголу «*ползоша*» совершенно осиротѣлъ глаголъ «*кажутъ*». Сверхъ сего согласіе во временахъ глаголовъ: «*троскоташа*» и «*ползоша*» доказываютъ, что въ подлинникѣ запятая поставлена въ своемъ мѣстѣ. Сверхъ сего изъ словъ «*по лозію ползоша только*», ясно видно, что относящіяся къ сей рѣчи птицы, кромѣ ползанья никакого другаго дѣйствія имѣть не должны: тектомъ къ рѣцѣ пусть кажутъ—это дѣй-

ствіе послѣ «*только*» здѣсь излишне. Къ сему слѣдуетъ присовокупить, что сороки обыкновенно водятся въ лозѣ, онѣ и гнѣздъ своихъ нигдѣ болѣе не вьютъ, какъ только въ лозахъ; дятлы же не могутъ прицѣпляться къ сучьямъ лозы, а паче стучать по ней, поелику лоза очень мала, тонка и гибка.

Павскій: «Сороки не троскотали, но только скакали по вѣтвямъ.

Первымъ издателямъ и Пожарскому слѣдовали Дубенскій, Головинъ, Малышевъ, Кораблевъ, Гербель.

Шишкову же Грамматинъ, Вельтманъ, Максимовичъ, Мей, Погосскій, В. М. и нѣкот. др.

Миллеръ Вс. первый вм. «по лозію» предложилъ читать «*полозіе*» въ имен. множ. собират. отъ «полозъ». Слово «полозъ» отъ глагола «ползти» могло быть южнорусскимъ названіемъ какого нибудь ползучаго гада. Но въ виду того, что авторъ изображаетъ въ этомъ мѣстѣ исключительно состояніе птичьяго царства, говоря о воронахъ, галкахъ, сорокахъ, дятлахъ и соловьяхъ, онъ находитъ болѣе умѣстнымъ видѣть въ «полозьяхъ» какихъ нибудь птицъ, нежели гадовъ. Всего вѣроятнѣе, что «полозіе» за которыми слѣдуютъ непосредственно близкіе къ нимъ дятлове (тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ)—названіе какого-нибудь южно-русскаго вида изъ семьи ползуновъ или лазуновъ.

Потебня, слѣдуя въ пунктуаціи Шишкову, «къ рѣцѣ» измѣнилъ на «къ руцѣ» и переводитъ такъ, по вѣтвямъ ползли только дятлы, тектомъ сказывая благопріятный (къ руцѣ-на-руку, удобный) путь. Относительно чтенія Миллера онъ замѣчаетъ: «Въ чтенія» «полозіе ползоша т.-е. или «полозы» змѣи или «полозы» въ смыслѣ ползика (sitta europaea), нѣтъ нужды. Не говоря уже о змѣяхъ сомнительна въ авторѣ «Слова» мелочность изображеній. Пестрый дятелъ еще можетъ бросится въ глаза, но маленькаго ползуна, какихъ дѣйствительно много въ лѣсахъ надъ Донцемъ, даже присматриваясь трудно замѣтить, а стукъ его легко можетъ быть приписанъ пестрому дятлу. «По лозію» значитъ конечно, не по лознику, а по вѣтвямъ деревьевъ». Но если дѣйствительно такъ много пользуновъ

въ лѣсахъ надъ Донцемъ, но собственнымъ словамъ г. Потебни, то упоминаніе о нихъ авторомъ слова въ ряду другихъ птицъ, уже отнюдь не можетъ быть мелочностію въ изображеніи. Что касается видовъ, то авторъ и выше рядомъ ставитъ «*соколовъ* и *кречетовъ*».

Прозоровскій слово «по лозію» понимаетъ въ значеніи= ползью, ползкомъ, и переводитъ такъ: галки замолчали, сороки не стрекотали: *бѣглецы* только ползкомъ ползли. Дятлы стукомъ *своимъ* указываютъ *имъ* путь къ рѣкѣ, а соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ.

Майковъ А. *лозіе*, подобно Павскому, принималъ въ значеніи вѣтвей, но относилъ ихъ не къ сорокамъ, а къ дятламъ:

«И сорочья стрекота не слышно.
«Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
«Дятлы тёктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ.

39.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова: Коганя хоти: тяжко ти головы кромѣ плечю.

Есть основаніе думать, что издатели не вполнѣ точно передали оригиналъ даннаго мѣста. Нельзя не видѣть, что они разставили слова, сообразно своему пониманію, выраженному въ ихъ переводѣ. Но очень вѣроятно, что и самый оригиналъ представлялъ уже въ себѣ нѣкоторыя неисправности.

Въ словѣ «*ходы*» первые издатели видѣли «*походы*» и потому раздѣлили *ходы на*, что въ подлинникѣ стояло слитно.

Принимая во вниманіе дальнѣйшее «*Святославля*», къ нему относящееся, можно навѣрное предполагать, что и «*ходына*» оканчивалось мягкимъ звукомъ, т. е. «*ходыня*». Усмотрѣвъ въ «ходы» —походы, изда-

тели слѣдующій слогъ *ня*, естественно, превратили въ предлогъ *на*. Есть достаточныя основанія въ этой «*ходынѣ*» видѣть «*годину*». Въ южно-русскихъ рукописяхъ XVI в., можно сказать, господствуетъ замѣна *и* — звукомъ *ы*: такъ здѣсь встрѣчаемъ обырaю, ʒаповѣды, и т. п. (См. Опис. Син. рук. Ц, стр. 52). На томъ же югѣ могло возникнуть чтеніе: годынѧ вм. година. Звукъ г—иногда замѣнялся звукомъ х, хотя и неправильно. Такъ, въ Лѣтописномъ Сказаніи Малиновскаго о томъ же походѣ Игоря не разъ встрѣчаемъ: хрѣхъ, хрѣхы вм. грѣхъ, грѣхи. Подобная замѣна могла быть допущенаа и въ ходынѧ вм. годыня.

Въ виду того, что, какъ мы сказали, слово *ходына* заканчивалось мягкимъ звукомъ, (ходынѧ) какъ и «*Святославля*» мы въ правѣ думать что, въ Пушкинской рукописи это выраженіе имѣло слѣдующее начертаніе

«Рекъ Боянъ и ходынѧ Святославлѧ.»

Но и подобное чтеніе заставляетъ предполагать, что первоначальный подлинный текстъ подвергся въ Пушкинской рукописи измѣненію подъ перомъ книжнаго писца, который, начитавшись болгарскихъ рукописей, подъ воздѣйствіемъ ихъ, поставилъ въ окончаніяхъ этихъ словъ малый юсъ (ѧ) вмѣсто ѣ, что также нерѣдко встрѣчается въ южно-русскихъ рукописяхъ.

Такимъ образомъ въ древнемъ исправномъ текстѣ стояло: *Рекъ Боянъ* и годынѣ Свѧтославлѣ; но въ Пушкинскомъ спискѣ XVI в. уже читалось: и ходынѧ Свѧтославлѧ, т. е. по болгарскому правописанію: вм. ѣ въ концѣ было написано ѧ.

Можно впрочемъ появленіе здѣсь х вм. г; (ходынѧ вм. годынѧ) можно объяснять и нѣсколько иначе. г—въ началѣ словъ въ древнерусскомъ языкѣ не рѣдко выпадало: «*осподинъ*», «*осударь*», «*осподи*». Если допустить, что и вмѣсто *година* писалось «*одина*» то х въ такомъ случаѣ можетъ имѣть значеніе предлога к': Рекъ Боянъ и х одынѧ Свѧтославлѧ, вмѣсто: и к одинѧ т.-е. къ годинѣ Святославовой. Но въ виду того, что «*рекъ*» или точнѣе *рече* въ другихъ случаяхъ въ томъ же «Словѣ» сочиняется съ дат. безъ предлога, и главнымъ образомъ въ виду того, что *х* лишь въ самыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ является вмѣсто предлога *къ* мы предпочитаемъ это х считать замѣною г со стороны писца, какъ хрѣхы вм. грѣхы.

Дальнѣйшее выраженіе: *пѣстворца стараго времени Ярославля, Ольгова,* мало представляетъ затрудненій для палеографической критики. Въ словѣ «*пѣстворца*» скрывается не разъ повторенный издателями способъ вывода изъ подъ титла, какъ скоро далѣе слѣдовалъ союзъ *а*. Не понимая соединительнаго значенія этого союза, они, выводя слово изъ подъ титла, просто на просто сливали его съ этимъ союзомъ: т.-е. въ рукописи это было написано такъ: **пѣ твор а** стараго времени. Слово «пѣснотворецъ» относится здѣсь безъ всякаго сомнѣнія къ Бояну; и потому при выводѣ изъ-подъ титла слѣдовало согласовать съ нимъ въ падежѣ т.-е. читать «**пѣ твор**» (пѣснотворецъ); дальнѣйшее же *а* слѣдовало отдѣлить какъ *союзъ*, отвѣчающій нынѣшнему *и* и читать: *а* стараго времени (*и* стараго времени Ярославля, Ольгова). Но издатели, по обычаю, въ подобныхъ случаяхъ слили титлованное окончаніе съ союзомъ *а,* напечатали «пѣствор*ца* стараго времени» и тѣмъ окончательно затемнили смыслъ даннаго мѣста.

Еще проще объясняется дальнѣйшее: «*Когання хоти*». Словомъ «*Когання*» начинается самое изреченіе Бояна: здѣсь долженъ быть звательный падежъ, т.-е. **коганѥ**! Такъ обращался Боянъ къ Ярославу или Олегу, коихъ онъ былъ пѣснотворцемъ. Въ южно-русскихъ рукописяхъ іотированное **ѥ** весьма часто переходило въ **ѧ**; здѣсь же это случилось тѣмъ легче, что писецъ, не понимая самаго слова, согласовалъ его съ предъидущими выраженіями Ярославля, Ольгова». Первые же издатели, поставивъ двоеточіе не предъ словомъ: «*когання*»! а послѣ «*когання хоти*», окончательно затуманили смыслъ этихъ словъ и повели на распятіе умы комментаторовъ. *Хоти*—есть здѣсь уступительный союзъ «*хоть*» или хотя. Замѣна—**ь**—**и** очень обычна.

Итакъ, все это мѣсто слѣдуетъ читать такъ:

Рекъ (или точнѣе реүе) Боѧнъ и годынѣ Свѧтославлѣ, пѣстворецъ а стараго времени Ярославлѧ, Ольгова: «Коганѥ! хоти тажко ти...

„Сказалъ Боянъ и на счетъ годины Святославой—
„Онъ же пѣснотворецъ стараго времени—Ярославова
Олегова:
„Коганe! хоть и тяжко головѣ безъ плечь...

Мѣсто это одно изъ самыхъ труднѣйшихъ; оно всегда было крестомъ для умовъ и до нынѣ служитъ поношеніемъ для толковниковъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ оставилъ это мѣсто безъ перевода.

Малиновскій такъ перевелъ: «Боянъ пѣснопѣвецъ старыхъ временъ, оканчивая повѣствованіе о походахъ Святослава, Ярослава и Ольга произрекъ: Въ примѣчаніи онъ говоритъ: «сіе мѣсто такъ темно, что остается одну только догадку принять въ основаніе».

Въ *первомъ изданіи* переводъ слѣдующій: «сказалъ сіе Боянъ, и о походахъ воспѣтыхъ имъ въ прежнія времена князей Святослава, Ярослава и Ольга симъ кончилъ».

Комментаторы:

Шишковъ: «Рѣчь сія вовсе не вразумительна и переложеніе оной есть паче собственная мысль преложителя, нежели истолкованіе, основанное на знаменованіи словъ подлинника. Слово «*хотя*» означаетъ супругу; слово же «*каганъ*» какъ изъ древнихъ лѣтописцевъ видно, значитъ царя, владѣтеля, князя, но то ли же самое сочинитель разумѣетъ здѣсь подъ словами: «*Ольгова каганя хоти*» и какимъ образомъ рѣчь сію связать и вывесть изъ ней смыслъ—добраться трудно».

Пожарскій перевелъ такъ: «Изрекъ Боянъ и свои дѣйствія на Святославова пѣснотворца, воспѣвшаго въ древнія времена прихоти князей Ярослава, Олега и Когани сими словами».

Грамматинъ: «Здѣсь, я почитаю, слова перемѣшаны. *Рекъ*— кто? Боянъ... что «рекъ»? «*Ходы*». На кого? На Коганя. «*Хоти*» же здѣсь ничего не значитъ; быть можетъ ошибочное повтореніе слова «ходы». Мы видѣли, что Боянъ воспѣвалъ Мстислава храбраго; здѣсь же сказано, какой именно воспѣвалъ онъ его подвигъ: ходы на Коганя. Въ 1016 году Мстиславъ храбрый съ Греками рушилъ тронъ Хозарскихъ кагановъ въ Крыму и послѣдняго изъ нихъ Георгія Цуло взялъ въ плѣнъ! Итакъ, рекъ Боянъ походы на Коганя пѣснотворца стараго времени Ярославля, Святославля, Ольгова».

Павскій: «Говоритъ Боянъ и надсмѣшливыя выходки на Святославова пѣснотворца, воспѣвавшаго старыя времена Ярослава и Олега любимца Коганова. *Хоть* Павскій принималъ въ смыслѣ любимца».

Бутковъ. Мысль автора слѣдующая: «Скажемъ о погибели Святослава Ольговича, милой женѣ его словами Бояна, пѣснотворца стараго времени Ярославля. «Ходы на» — одно слово *«годына»*, въ которомъ надобно учинить легкую перемѣну буквы *х* на *г* и *ы* на *и*, то и выйдетъ година; или вм. *«и ходы»* должно читать на *шкоды*— убытокъ, вредъ или наконецъ *«и ходы»* значитъ *исходъ*—кончина жизни. На первое предположеніе Грамматинъ замѣчаетъ, что Святославъ Ольговичъ взятъ былъ въ плѣнъ, а не убитъ: на второе (исходъ): «куда же дѣвать предлогъ *на*. Вмѣсто *«Хозарскаго когана»* г. Бутковъ велитъ поставить малороссійское, *коханный*—милый, *хотя же*—жена».

Полевой первый въ «хоти» усмотрѣлъ союзъ «хоть—хотя» и отнесъ его къ самому изреченію: хоть тяжко ти... Предъидущее же онъ понималъ такъ: «Рѣкъ Боянъ и ходы», т.-е. о походахъ на Святославля по подобію пѣснотворца стараго времени Ярославова, Олегова, Коганя (имя пѣвца).

Вельтманъ въ 1-мъ изд.: Разстановка словъ здѣсь должна быть такая: «Боянъ пѣснотворецъ стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя, рекъ хоти и ходы на Святославля, то-есть рекъ желанія свои и обращенія къ Святославу. Во второмъ изданіи: Пѣснотворецъ стараго времени Ярославля Ольгова, воспѣвалъ и походъ Святослава Игоревича на Коганя Хозаріи, называвшейся въ то время и Гоѳіей. (Когана Хоти, т.-е. Гоѳіи). Въ виду такого соображенія онъ передалъ текстъ слѣд. образомъ: «Рекъ бо Янъ, пѣснотворецъ стараго времени Ярославля, Ольгова и ходы Святославли на Когана Готи».

Максимовичъ—эти слова, какъ мы выше видѣли, перенесъ въ другое мѣсто и приставилъ къ припѣвкѣ Бояна о Всеславѣ, въ

такомъ переводѣ: «Боянъ пѣснотворецъ стараго времени Ярославова Ольгова, Коганова, и на походы Святослава сказалъ».

Дубенскій: «Чтеніе возстановить можно такъ: «Рекъ Боянъ исходъ на (подразумѣвая исходъ или пѣснь) Святославля пѣснотворца и проч., т.-е. сказалъ Боянъ конецъ (заключеніе, послѣсловіе) и на пѣснь Святославова пѣснотворца; можно и такъ читать: «и ходяй на пѣснотворца, т.-е. который служилъ образцемъ пѣснотворцу. Кто Святославовъ пѣснотворецъ стараго времени? Вѣроятно, такъ именуетъ себя самъ сочинитель «Слова о Полку Игоревѣ». Изъ вѣка Ярославова заимствованы въ «Слово» лица: Мстиславъ удалый, Редедя; изъ вѣка Олегова: Борисъ, Красный Романъ. Называетъ также себя пѣвцемъ коганей хоти (ловли, молодечества!). Въ виду такихъ соображеній построенъ слѣд. переводъ: «Сказалъ Боянъ конецъ и на Святославова пѣснотворца стараго времени, Ярославова, Ольгова, Коганей охоты».

Головинъ: «Ходы на Святославля пѣснотворца», т.-е. идя противъ, оспаривая Святославова пѣснотворца, поэта стараго времени, Ярослава и брата его Олега Когана (какъ и въ лѣт.: ходи Игорь на Давидовича, т.-е. противъ). Итакъ «ходы на Святославля пѣстворца» значитъ: идя противъ пѣвца Святославова. Боянъ былъ современникомъ Олега Тмутараканскаго—и вотъ другой пѣвецъ, соперникъ и современникъ Бояна, воспѣвая Святослава, отца Ярославова и Олегова сказалъ, вѣроятно, Олегу (потерявшему Тмутараканское княженіе): худо тебѣ головѣ безъ плечь (т.-е. князю безъ княженія), на что Боянъ возразилъ ему: хоть тяжко головѣ безъ плечь, худо тѣлу (княжеству) безъ головы. Къ чему пѣвецъ Игоря прибавляетъ: такъ и Русской землѣ безъ Игоря».

Шевыревъ: «Слово *ходы* объясняется, какъ я думаю, посредствомъ прошедшаго простаго отъ малороссійскаго глагола ходыти, *ходы* вмѣто *ходилъ*. Пѣснотворецъ, на котораго выступалъ Боянъ, есть пѣвецъ Олега Тьмутараканьскаго, сѣятеля раздоровъ и междоусобій на всѣмъ Югѣ; съ именемъ этого пѣвца соединены имена трехъ князей: Олега, Святослава и Ярослава, т.-е. пѣвецъ пѣлъ Олега, отца его Святослава и дѣда Ярослава. Называется онъ Святославо-

вымъ по преимуществу, конечно потому, что отъ отца могъ перейти къ сыну. Но что значитъ: *Ольгова Коганя хоти?* Что такое *Коганя хоть?* Это слово употреблено въ другомъ мѣстѣ, въ смыслѣ жены: «своя милыя *хоти* красныя Глѣбовны». Въ чешскомъ языкѣ оно употребляется въ смыслѣ жениха и невѣсты (Chot swého choti miluge). См. Юнгм. Слов. Чешскій. *Ольгова*, по грамматикѣ древняго языка, есть прилагательное притяжательное и родительны падежъ. Итакъ *Ольгова Коганя хоти*—будетъ *Олега Когановой* супруги. Извѣстно, что Олегъ жилъ болѣе въ Тьмутаракани, водился съ Козарами, братался съ Половцами; что онъ сына своего женилъ на дочери Аэты, хана Половецкаго (Лавр. спис. стр. 120). Авторъ «Слова» его ненавидитъ и потому не мудрено, что онъ назвалъ его любимцемъ Когановымъ, т.-е. какого-нибудь хана Половецкаго. Его пѣснотворецъ называется пѣвцомъ стараго времени, но это не даетъ ему никакого первенства передъ Бояномъ, потому что и Боянъ называется также соловьемъ стараго времени. Явно, что они были современники. Боянъ въ большомъ уваженіи у автора «Слова», какъ пѣвецъ независимый, не по жеребью пѣвшій пѣсни князьямъ, а по собственному желанію возлагавшій вѣщіе персты на живыя струны, сочинившій премудрую припѣвку Всеславу и нападавшій на *пьвца* Олегова, котораго авторъ, какъ видно, не жалуетъ вмѣстѣ съ предметомъ его пѣснопѣній,

Кн. **Вяземскій**: «Слово «ходы» могло означать «ходячія крылатыя рѣчи», обходившія весь свѣтъ и подходящія къ разнымъ обстоятельствамъ жизни. Онъ читаетъ «ходы на пѣснь творца»; вм.«пѣстворца».

Миллеръ Вс.: «И ходы» принимаетъ, какъ предполагалъ и Бутковъ, въ значеніи исходъ (ἔξοδος), конецъ. Пѣвецъ Игоревъ называетъ себя пѣснотворцемъ не только Святослава, но и времени стараго, Ярославова и Олегова, потому что касался ихъ въ своемъ «Словѣ» и наконецъ—*Когановой хоти*, такъ какъ былъ пѣвцемъ княжеской жены Ярославны».

Огоновскій «Рекъ Боянъ, исходяна Святослава, пѣснотворца стараго времени Ярослава и Олегова, Коганя хоти. Кромѣ Бояна былъ еще пѣвецъ Святославъ, который былъ ниже Бояна, былъ

только рифмачемъ и пѣвцемъ Олега, ворохобника и пріятеля хана (Коганя Хоти); къ нему-то и обращается здѣсь авторъ «Слова». и называетъ его пѣснотворцемъ, т.-е. риѳмачемъ. Кромѣ того Огоновскій счелъ это мѣсто глоссою какого-нибудь позднѣйшаго грамотѣя, который зная про соперничество обоихъ пѣвцевъ, сдѣлалъ не удачную вставку.

Потебня читаетъ: «Рекъ Боянъ имр. одина (*и ходына*) [Святославля пѣснотворця стараго времени: Ярославля, Ольгова—Коганя] хоть и (хоти) тяжько и проч. «Имр.... Коганя, объясняетъ онъ, я разсматриваю, какъ глоссу къ Боянъ: вм. *их* читаю имя Ѵ—имярекъ въ сокращеніи, *одина* вм. одына; *Святославля*—поставленная переписчикомъ не у мѣста приписка, которую слѣдовало помѣстить послѣ *Ярославля; Коганя* можетъ быть приложеніе къ *Ольгова.* Еслибы *исходъ* было въ значеніи выходки, то можно было бы догадоваться такъ [*исходъ ина* .... пѣснотворця...], т.-е это выходка не Боянова, а *иного* другаго пѣвца. Читатель видитъ, что не смотря на всѣ ухищренія въ измѣненіи текста, смыслъ ни мало не становится чрезъ то яснѣе, чѣмъ въ толкованіяхъ предшествовавшихъ комментаторовъ. Самъ г. Потебня, чувствуя всю не естественность подобнаго чтенія и разумѣнія долженъ былъ вслѣдъ за Огоновскимъ признать это мѣсто позднѣйшею глоссою къ Боянъ».

Прозоровскій читаетъ: «Рекъ Боянъ *иходы* на Святославля Ярославича пѣсньтворца стараго времени, Олгова Когана Хота. *Иходы* надобно разсматривать, говоритъ онъ, или какъ слово сложное, образованное русскимъ грамотникомъ изъ словъ ἦχος—звукъ и ᾠδή—пѣснь, или какъ простое, взятое съ греческаго цѣликомъ: ἠχῳδης громкій, звучный, отдающійся. *Иходы* тождественно здѣсь по своему значенію съ *припѣвкою.* Напрасно въ словѣ *кагана* видятъ пѣвца *Когана*; это просто титулъ Олега по княженію его въ Тмутараканѣ. Въ словѣ же «хоти» я вижу ошибку и читаю «хота», разумѣя подъ этою формою Олегова любимца».

Заканчивая палеографическую критику темныхъ и неисправныхъ мѣстъ «Слова», мы остановимся еще на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, коихъ неисправность очевидна и кои требуютъ исправленія.

1.

О Русская земль!
Уже не Шеломянемъ еси.

Это припѣвка, которая въ текстѣ повторена два раза, и въ первомъ случаѣ она читается такъ:

О Русская земле!
Уже за Шеломянемъ еси.

Вопросъ здѣсь въ томъ, какимъ образомъ въ одномъ случаѣ читается: «*за Шеломянемъ*», а въ другомъ явилось: «*не Шеломянемъ*».

Достойно вниманія, что въ Петербургской копіи въ другой припѣвкѣ:

«Вступнта гна... ꙁа обиду сего времени».

Мусинъ-Пушкинъ начерталъ далѣе: *зане землю Русскую,* вм. за землю Русскую. Здѣсь вм. *за* является *зане*.

Разночтенія эти можно объяснить тѣмъ, что въ древней рукописи надъ предлогомъ *за* стоялъ какой-нибудь надстрочный знакъ или въ формѣ (˝) или же даже (") въ видѣ двухъ черточекъ вкось лежащихъ встрѣчающійся надъ словами односложными въ особенности въ рукописяхъ западно-русскихъ, который сосредоточилъ на себѣ вниманіе, древне-русскаго писца и принятъ былъ имъ за титлованный н; выводя его изъ-подъ титла онъ вм. *за* читалъ *зане*, какъ-то и удержано у Мусина-Пушкина въ выраженіи: «*зане землю*», вм. *за* землю Русскую.

При печатаніи текста Малиновскій, въ данномъ случаѣ, гдѣ смыслъ былъ очевиденъ, естественно, нашелъ *не* совершенно неумѣстнымъ и напечаталъ правильно вм. «*зане землю*», какъ у Мусина-Пушкина, просто «за землю Русскую».

По всей вѣроятности и въ выраженіи *за шеломянемъ еси*, предлогъ *за* имѣлъ такой же надстрочный знакъ, который открывалъ возможность въ глазахъ писца читать его какъ «*зане*».

Но не предполагая въ выраженіи «*за шеломянемъ еси*» значенія припѣвки, писецъ придавая ему свой смыслъ въ разсказѣ о движеніи Игоря, нашелъ неумѣстнымъ повтореніе его въ разсказѣ о самомъ

боѣ на рѣкѣ Каялѣ, и желая видоизмѣнить его значеніе, въ послѣднемъ случаѣ при чтеніи *за* какъ *заие*, выкинулъ *за* и оставилъ *не*».

Что подобная замѣна стояла уже въ Пушкинскомъ текстѣ, это видно изъ того, что Малиновскій, напечатавъ въ текстѣ *не*, въ переводѣ удержалъ *за*: о, Русскіе люди, уже вы *за* шеломянемъ! Въ данномъ случаѣ онъ не рѣшился внести въ текстъ своей догадки и исправить *не* на *за*; *не* вм. *за* удержано и въ Петербургской копіи и потому Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «о, земля Русская, уже предѣлы твои открыты».

Многіе комментаторы, принимая за вѣрное чтеніе: *не шеломянемъ еси*» ограничивались разнообразными его толкованіями.

Шишковъ: «Здѣсь, кажется, пропущенъ предлогъ *за*. Надлежало бы сказать: «уже не за шеломянемъ еси», т.-е. уже не та легкая побѣда предстоитъ тебѣ здѣсь, которую одержалъ ты за шеломянемъ».

Пожарскій: «Ни «Преложеніе», ни «Примѣчанія» не объяснили подлинника. Слово «*горностаемъ*» переводится какъ горностай, «*сѣрымъ волкомъ*», какъ сѣрый волкъ, «*сизымъ орломъ*», какъ сизый орелъ. Подобно сему и слово «*шеломянемъ*», должно переводить *какъ шеломянь*. Посему вышеозначенная рѣчь изъяснится такъ: «о, Русская земля, ты уже не какъ шеломянь еси, т.-е. что Русская земля не такова есть, какова шеломянь, или яснѣе, что Русская земля, не въ такомъ уже состояніи, въ какомъ шеломянь. И подлинно, не въ такомъ, ибо для защищенія шеломяни спѣшатъ страшныя войска Половецкія».

Грамматинъ: «Чего яснѣе? Тутъ ни зги не видать. Не знаю, что поймутъ читатели въ этой кромѣшной тьмѣ. Не зачѣмъ было страшнымъ войскамъ половецкимъ спѣшить для *защищенія* шеломяни, такъ какъ это село было Русское, а не Половецкое и находилось въ Переяславской области. Слово «*Шеломя*» часто встрѣчается въ лѣтописяхъ въ значеніи высоты, возвышенія. Допустивъ, что въ выраженіи «*не шеломянемъ*», не есть ошибка, признаюсь, замѣчаетъ онъ, трудно найти даже и какой-нибудь смыслъ».

Дубенскій, вопреки переводу перваго издателя Малиновскаго слѣдовалъ буквѣ первопечатнаго текста и «*не шеломямемъ*» толковалъ такъ: «ты идешь не по шеломяни, тебя не заслоняетъ, какъ шлемъ гора». Онъ переводилъ: «о, Русь, уже ты спустилась подъ гору».

Кн. **П. П. Вяземскій**, удерживая чтеніе перваго изданія видитъ здѣсь грустное размышленіе пѣвца, которое будто бы указываетъ явно, что *шеломянь* долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ отвлеченномъ, соотвѣтствующемъ нашему народному выраженію: «не везетъ въ гору».

Всѣ другіе комментаторы предпочитаютъ слѣдовать мнѣнію перваго редактора, который, предполагая въ текстѣ ошибку, вм. «*не шеломянемъ*» перевелъ «за шеломянемъ». Въ виду того, что это припѣвка, какъ и другія, повторяемая не разъ, она смѣло можетъ быть исправлена, какъ явная ошибка пѣвца.

2.

Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростреляевѣ... аже соколъ къ гнѣзду летитъ, и вѣ соколца опутаевѣ красной дивицею.

Здѣсь замѣтно несоотвѣтствіе между временами глаголовъ въ предложеніяхъ условныхъ и главныхъ: «летитъ» и «растрѣляевѣ» «летитъ» и «опутаевѣ». Неисправность чтенія состоитъ здѣсь въ неправильномъ раздѣленіи слоговъ въ выраженіи «къ гнѣзду летитъ», Выраженіе это было написано слитно и слово «гнѣзду» имѣло, очевидно, надстрочное титлованное окончаніе, т.-е. было написано **къ гнѣз̑оулетитъ**. Позднѣйшіе перепищики и, быть можемъ, даже первые издатели, выводя слово—**гнѣз̑** изъ подъ титла, слили его съ дальнѣйшимъ *оу*, которымъ начинался глаголъ: **оулетитъ**. Слѣдовало раздѣлить слова и читать такъ: «аже соколъ къ **гнѣз̑ оулетитъ**», т.-е. *къ гнѣзду улетитъ*.

Г. Потебня угадалъ вѣрное чтеніе, хотя и не основался на палеографическихъ пріемахъ.

298

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ БИБЛІОГРАФІИ „СЛОВА"

Академика А. Ѳ. Бычкова.

---

1. МАТЕРІАЛЫ РУКОПИСНЫЕ.

Кромѣ извѣстныхъ уже лицъ „Словомъ о полку Игоревѣ" занимались еще: знаменитый нашъ поэтъ В. Жуковскій и извѣстный профессоръ исторіи Русскаго права И. Д. Бѣляевъ.

1. Переводъ поэта Жуковскаго недавно найденъ между рукописями Императорской Публичной Библіотеки, въ собственноручномъ его спискѣ. Вотъ начало этого перевода, пѣснь Ярославны и конецъ:

Не прилично ли будетъ намъ, братія!
Начать древнимъ складомъ
Печальную повѣсть о битвахъ Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по вымысламъ Бояновымъ.
Вѣщій Боянъ,
Естьли пѣснь кому сотворить хотѣлъ,
Растекался мыслію по древу,
Сѣрымъ волкомъ по земли,
Сизымъ орломъ подъ облаками.
Вамъ памятно какъ пѣли о бранѣхъ первыхъ временъ,
Тогда пускались 10 соколовъ на стадо лебедей!
Чей соколъ долеталъ, тотъ первую пѣснь пѣлъ
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю передъ полками Касожскими,

Красному ли Роману Святославичу.
Боянъ же, братія, не 10 соколовъ на стадо лебедей пускалъ!
Онъ вѣщіе персты свои на живыя струны вскладывалъ:
И сами они славу князьямъ рокотали (звучали).

—

Голосъ Ярославнинъ слышится на зарѣ, одинокою чечоткою кличетъ:
„Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю,
„Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,
„Оботру князю кровавыя раны на отвердѣвшемъ тѣлѣ его.
Ярославна поутру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая:
„О вѣтеръ! ты вѣтеръ!
„Къ чему же такъ сильно вѣешь?
„Для чего наносишь ты стрѣлы ханскія
„Своими легковѣйными крыльями
„На воиновъ лады моей?
„Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью?
„Мало ль кораблей на синемъ морѣ твоему лелѣянью?
„На что жь, какъ ковыль-траву, ты развѣялъ мое веселіе!
Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, припѣваючи:
„О ты Днѣпръ, ты Днѣпръ, ты слава—рѣка!
„Ты пробилъ горы каменны
„Сквозь землю Половецкую
„Ты, лелѣя, несъ суда Святославовы къ рати Кобяковой!
„Прилелѣй же ко мнѣ ты ладу мою,
„Чтобы не слала къ нему по утрамъ—по зорямъ слезъ я на море!
Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ городской, припѣваючи:
„Ты свѣтлое, ты пресвѣтлое солнышко!
„Ты для всѣхъ тепло, ты для всѣхъ красно!
„Что жъ такъ простерло ты свой горячій лучъ на воиновъ лады моей?
„Что въ безводной степи луки имъ сжало жаждой?
„И заточило (заткало) имъ тулы печалію.

—

Пѣснь мы спѣли старымъ князьямъ,
Пѣснь мы спѣли князьямъ молодымъ:

Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владиміру Игоревичу!
Здравствуйте князья и дружина,
Поборая за христіанъ полки невѣрные!
Слава князьямъ и дружинѣ. Аминь!

2. Работа профессора И. Д. Бѣляева также уцѣлѣла въ черновыхъ его бумагахъ, хотя и въ отрывкахъ. Очень любопытенъ его опытъ разложенія текста на стихи и опредѣленія размѣра.

При изученіи Слова о полку Игоревѣ главный вопросъ заключается, говоритъ онъ, въ вѣрномъ пониманіи языка, которымъ писанъ этотъ памятникъ; а чтобы правильно понять языкъ, для этого нужно: 1-е ,отыскать истинное значеніе словъ употребленныхъ въ памятникѣ; и 2-е, показать формы ихъ соединенія въ цѣлыхъ выраженіяхъ, или грамматику памятника. Эти два условія такъ необходимы и настолько не разлучны другъ съ другомъ, что безъ ихъ взаимной помощи нѣтъ никакой возможности достигнуть правильнаго пониманія языка, которымъ писанъ памятникъ; ибо по свойству русскаго языка вообще, слова, изъ которыхъ онъ составленъ, въ одно и то же время столько имѣютъ значеній, что добраться до настоящаго ихъ смысла въ данномъ выраженіи нельзя иначе, какъ только при вѣрномъ объясненіи правилъ грамматическихъ, по которымъ составлено то или другое выраженіе. А по сему въ настоящемъ трудѣ я считаю за необходимое не отдѣлять лексикологическихъ объясненій отъ грамматическихъ толкованій памятника, хотя это съ перваго взгляда кажется сбивчивымъ, не согласнымъ съ общепринятымъ порядкомъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, но согласно съ народною пословицею: для нужды бываетъ премѣненіе закона; ибо необходимость сама предписываетъ правила и законы, она есть опытный нашъ руководитель и наставникъ. Итакъ, основываясь на этомъ требованіи необходимости, въ настоящемъ моемъ трудѣ лексикологическія объясненія у меня будутъ идти рядомъ съ грамматическими правилами памятника.

Не лѣпо ли | ны бяшетъ | братіе,
Начати | старыми | словесы | трудныхъ | повѣстій,
О пълку | Игоревѣ, | Игоря | Святославича!
Начати | же ся тъй | пѣсни по | былинамъ
Стараго | времени, | а не по—замышленью Бояна.
Боянъ бо | вѣщій | аще кому | хотяше пѣснь творити:
То растекашется мыслію | по древу, |

Сѣрымъ вълкомъ по земли
Шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ;
Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй,
Который дотечаше, та преди пѣсь пояше,
Старому Ярославу, Храброму Мстиславу,
Иже зарѣза Редедю предъ пълки Косожскыми,
Красному Романови Святъславичю.
Боянъ же братіе, не 10 соколовъ на стадо
Лебедѣй пущаше, но своя вѣщія пръсты
На живая струны въкладаше,
Oниже сами князем славу рокотаху.

II. МАТЕРІАЛЫ ПЕЧАТНЫЕ.

1. **Гонсіоровскій**: Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. февр. 251 — 288). Авторъ утверждаетъ, будто „Слово“ было написано на Вятичко-польскомъ нарѣчіи, но въ виду того, что исторіи не извѣстно, какъ говорили Вятичи и Радимичи, такое утвержденіе едва ли можетъ считаться вполнѣ основательнымъ. Здѣсь приведены и толкованія нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ „Слова“ съ этой точки зрѣнія (См. отвѣтъ г. *Смирнова:* Русск. Филолог. Вѣстн. 1884 г. кн. I, стр. 149).

2. **Кояловичъ М. О.**: „Исторія Русскаго самосознанія. Спб. 1884 г. Здѣсь выражены о „Словѣ“ слѣдующія мысли: „въ авторѣ этого произведенія сказывается сильное сознаніе единства Русской земли и ея бѣдствій отъ кочевниковъ. Онъ знаетъ и главную причину, почему эти бѣдствія продолжаются и даже усиливаются: это — раздоры князей и забвеніе ими своего долга. Но при этомъ осужденіи князей онъ, подобно современникамъ, сознаетъ великую воспитательную силу доблестей лучшихъ русскихъ людей и покланяется этой доблести съ глубокимъ и искреннимъ чувствомъ... Слѣды героическихъ словъ и подражаній имъ замѣтны въ нашихъ лѣтописяхъ. Такъ въ Ипатьевской лѣтописи есть мѣсто, указывающее на существованіе особыхъ *Словъ* о подвигахъ Владиміра Мономаха и Романа. Въ этой лѣтописи подъ 1201 годомъ говорится, что умеръ Романъ и что насталъ большой мятежъ при его малолѣтнихъ дѣтяхъ. О Романѣ при этомъ было сказано нѣсколько похвалъ, именно, что это былъ приснопамятный Самодержецъ всея Руси, что онъ одолѣвалъ всѣхъ поганскихъ языковъ и мудростію ума ходилъ по заповѣ-

дямъ Божіимъ. Списателю этого, вѣроятно, первобытнаго текста, показались, должно быть, недостаточными эти похвалы и онъ вставилъ между лѣтописными словами о смерти Романа и между словами о мятежѣ при его малолѣтнихъ дѣтяхъ, слѣдующую поэтическую характиристику Романа и дѣда его Мономаха, составлявшую по всей вѣроятности отдѣльное *Слово* или два *Слова*, можетъ быть, въ болѣе распространенной формѣ: „Устремися бо (Романъ) на поганыя, яко левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и корькодилъ и прехождаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измаильтяны, рекомыя Половцы, изгнавшу отрока въ Обезы за желѣзная врата. Сърчанови же оставьшю у Дону, рыбою оживишю. Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ шеломомь Донъ, и пріемшю землю ихъ всю и загнавшю окаянныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и̓ во Обезы река: Володимеръ умерлъ есть, се воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхощеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и даетъ ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели въ чужѣ — славну быти. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Концяку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву“.

3. **Морозовъ П. О**: въ курсѣ Всеобщей литературѣ, въ отдѣлѣ Славянскомъ (Всеобщ. литер. Корша и Кирпичникова, Вып. XVI, стр. 745. Спб. 1885), поставилъ между прочимъ слѣдующіе вопросы о „Словѣ».

Какимъ образомъ могла появиться эта поэтическая повѣсть въ литературѣ, составъ и формы которой имѣютъ характеръ совершенно иной? Кто былъ авторъ „Слова“ язычникъ или христіанинъ? Если язычникъ, то допуская, что онъ былъ современникомъ похода Игорева какъ онъ могъ оставаться въ язычествѣ въ концѣ XII вѣка, среди христіанъ, которымъ византійскіе проповѣдники вовсе не внушали вѣротерпимости? Если же христіанинъ, то какъ могъ онъ проникнуться міровоззрѣніемъ языческимъ, поганскимъ, грѣховнымъ, душегубнымъ по понятіямъ того времени? Далѣе, если „Слово“ представляетъ послѣдній отголосокъ національной Русской поэзіи, то какъ могло оно дойти въ спискахъ до XV или даже XVI в., къ коему относилась утраченная Пушкинская рукопись? Какіе книжные люди могли имъ интересоваться и переписывать въ продолженіи трехъ или

четырехъ вѣковъ этотъ плодъ языческаго вдохновенія, звучащаго столь рѣзкимъ диссонансомъ среди общаго, поразительно однообразнаго, хода древне-русской письменности? Вѣдь это все равно, какъ еслибы въ православномъ храмѣ, во время богослуженія, вдругъ раздался бы какой нибудь оперный мотивъ".

Но всѣ эти вопросы указываютъ лишь на настоятельную потребность ближайшаго изученія Кіевской Руси XII вѣка, которая, въ эпоху утвержденія христіанства, при всемъ его воздѣйствіи на наличныя понятія и общественный строй, въ государственномъ своемъ укладѣ держалась на старыхъ рыцарскихъ началахъ, на понятіяхъ чести и славы: а гдѣ дѣйствуютъ эти начала, тамъ властвуетъ и поэзія, которая, какъ сказалъ еще Горацій, спасаетъ отъ забвенія доблесть, даруетъ безсмертіе своимъ героямъ. Если христіанство, какъ смиренная вѣра, не успѣла подчинить себѣ рыцарскихъ началъ въ дружинномъ государствѣ, то естественно, пока жила и дѣйствовала эта Русь, не могла потерять своей жизненности и старая поэзія: слава предковъ, воспѣвавшаяся этой поэзіей, продолжала манить слухъ дружинника болѣе, чѣмъ христіанскія молитвы о смиреніи и покаяніи. Имена старыхъ боговъ, связанныхъ съ доблестію и славою героевъ, не могли слишкомъ смущать христіанскихъ понятій дружинника, такъ какъ его совѣсть прежде всего была рыцарскою, а потомъ, уже христіанскою.

Во всякомъ случаѣ Кіевская Русь XII в. немало не походила на Московскую Русь, XIV—XVI вв., когда вступили уже въ свои права церковныя начала, охватившія собою весь государственный строй и общественный и семейный укладъ.

Шейковскій: Слово о повку Игоровымъ: Перетлумачивъ на согочасну наську мова. Елабуга. 1835. На памъятку 50-ти литного юбилею Всесьвитныци (Университету) сьвъятого Володымыра. Приводимъ образчикъ этого перевода.

„Чы не липше було намъ, братя, почесты старыми словесамы трудныхъ повидань о повку Игоровимъ? Початыся же по былыцямъ сего часу, а не по выгадкамъ Боянимъ. Боянъ бо вишчый, якъ шохтивъ кому письню творыты, то ростикався вывъюркою по дереву, сирымъ вовкомъ по земли, шызымъ орломъ попидъ хмары.

5. **Ласкинъ В**. Слово о полку Игоревѣ. Смоленскъ. Педагогическое изданіе.

Отмѣтимъ въ переводѣ его нѣкоторыя мѣста:

Того внуку т.-е. потомку воспѣтаго тобою *Мстислава* (?)

Дивъ поднялъ тревоги (*въста, възби*).

Заря свѣтъ запала т.-е. не занимается заря свѣтлая.

Кая раны дорога братіе, терзаясь печалію о ранахъ дорогаго брата.

Усобица князем на поганыя погыбе, противъ поганыхъ дѣло замнуло и т. п.

III ИЗДАНІЯ СЛАВЯНСКІЯ.

1. Партыцкій Ом. Темни мѣсця въ словѣ о плъку Игоревѣ. Часть перша. У Львовѣ 1883. Передѣлавъ слово *Кисань* на *Искань*, г. Партыцкій предполагаетъ, что авторомъ „Слова“ былъ *Лемокъ*, забывая, что нынѣшніе *Лемки*, судя по языку и народнымъ преданіямъ, суть Словаки издавна обрусѣвшіе.

Отзывъ объ этомъ сочиненіи сдѣланъ В. И. Ягичемъ въ журналѣ Archiv für Slavische Philologie, Berlin, 1885. VIII, стр. 151—160, гдѣ замѣчено, что чтеніе сочиненія г-на Партицкаго требуетъ со стороны читателя едва выносимаго терпѣнія: sein eigenes Werk stellt die Geduld des Recensenten auf sehr harte Probe, что сочиненіе его переполнено самыми курьезными выходами (launenhafte Einfälle), что оно обосновано на чрезмѣрномъ обманѣ авторомъ самого себя: auf einer gewaltigen Selbst—täuschung des verehrten Interpreten beruht.

„Полную справедливость такого отзыва можно видѣть изъ слѣдующихъ чтеній „Сна Святославова“:

5. Сонъ князя:	*5. Отгадка бояръ:*
Сыпахоуть ми тъщими тоулы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгъ на лоно.	Оуже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опоуташа въ поутины желѣзны.

Читати треба такъ: Сыпахоут + ми + тъщ има тоулы поганыхъ тлък овинъ великїйже + л л + иуугъ на она.

Щожь се значитъ?

Сы = се.

Пах = пахи, руки, крыла.

Оут + ми + тъщ = отмытоша (Aoristus ôдъ отъмытноути), ôдметали, ôдтяли. (Авторъ Слова мѣсто метати всюду пише мытати).

Има (dualis) = имъ. Въ „има“ єсть намекъ на двохъ князѣвъ (Игоря и Всеволода), що попались въ неволю Половцѣвъ.

Тоулы = тулами, сагайдаками (ту треба брати часть мѣсто цѣлости: стрѣлами).

Поганыхъ тлък (цѣлкомъ правильный gen. plur.) = поганыхъ тлуковъ, Половцѣвъ.

Овниъ = овинувши.

Же+л = желѣзный.

Л=нүгъ = ланчугъ, ланцухъ. Се старинный выразъ, приходячій и въ иншихъ языкахъ: lancz у Мадярôвъ, lencugas у Литовцѣвъ, „ланцухъ“ у Румунôвъ.

Давни Русины слово „ланцоүгъ“ брали звычайно въ значеню нагрудныхъ золотыхъ ланцушкôвъ, проте для оминеня баламутства поетъ передъ выраженэ „ланцугъ“ кладе же+л (желѣзный).

На она (accus. dualis) = на нихъ.

Дословно такъ толкую: „Се крыла имъ ôдтяли стрѣлами поганыхъ Половцѣвъ, овинувшихъ на нихъ великій ланцухъ желѣзный“. Зовсѣмъ та сама мысль находить ся и въ ôдгадцѣ бояръ (крыльца припѣшали = крыла ôдтяли, поутины желѣзны = великій желѣзный ланцухъ).

6. Сонъ князя:	*6. Отгадка бояръ:*
Дьскы безъ кнѧса въ моемь теремѣ златоврьсѣмь.	Се бо два сокола слѣтѣста съ отнѧ стола злата, поискати Тьмоутороканѧ.

Выражене Тьмүторокань выводити треба зъ княжихъ слôвъ: въ моемь теремѣ. Въ тôмъ моемь причулось боярамъ скандинавске „Moinn“ = вужъ адскіе. Поетъ ставитъ totum pro parte: адъ (т. е. тьму) мѣсто вужа. Въ моемь теремѣ = въ Тьмутеремъ, въ Тьмуторокань.

Текстъ сну треба такъ читати: дь скы бе зъ кнѣ са въ моемь+теремѣ златоврьсѣмь.

Дь = два.

Скы = соколы.

Кнѣ = княжа (княжого).

Са = стола.

Въ моемь теремѣ = въ Тьмутеремъ, въ Тьмуторокань.

Злато(врьсѣмь) = злетѣли.

Въ дословнôмъ толкованю выходитъ изъ сну князя: „Два соколы бо зъ княжого престола въ Тьмутеремъ злетѣли“.

7. Сонъ князя:	*7. Отгадка бояръ:*
Оуже... златоврьсѣмь.	Оуже връже сѧ Дивъ на землю.

Я читаю такъ: Оуже зла Тов врьс сѣмь.

Зла = злы. (Старославяньска форма „злы“ мѣсто „злый“ при-

ходитъ и въ инішихъ мѣстцяхъ Слова; поетъ н. пр. пише: **Галицкы Осмомыслє** мѣсто „галицкый").

Тов = Tiv Дивъ.

Връс = вергъ ся.

Сѣмь = земь (на землю).

Що се моэ толковане добре, видно зъ того, що по **златоврьсѣмь** наступае **синоуь съ кєуєра**, а въ одгадцѣ бояръ по **кръжє сѧ Дивъ на землю** наступае **Готскыѧ красныѧ Дѣвы**. Порядокъ мыслѣй, и въ снѣ и въ одгадцѣ, есть въ томъ мѣстци якъ найдоклиднѣйше захованый.

Столь же произвольны и лишены всякаго достаточнаго основанія и миѳологическія толкованія г. Партицкаго: мужское имя Русскаго языческаго бога *Велеса* онъ передѣлалъ въ названіе женщины языческаго германскаго племени Бруктеровъ, вѣщицы Веледы (стр. 53). Русскаго Стрибога сдѣлалъ г. П. ново-нѣмецкимъ Streitgott-омъ; въ географической мѣстности Уримъ (у Римѣ) усмотрѣлъ г-нъ Партицкій германскаго предвѣчнаго великана, извѣстнаго подъ именемъ Ymir (Hymir); Дивъ есть у него одно и то же языческое божество съ готскимъ Tius (Tiv, Tyr). Наконецъ чисто-русское названіе Троянъ служитъ сочинителю Слова для означенія будто скандинавской «божои тройни» Трибогъ, der dreieinige Gott(!). (См. «Дѣло», № 100 стр. 2). Когда нѣмецкіе писатели, Waegner и Wolzogen, въ германской миѳологіи говорятъ только von der Götterdreiheit, Dreieinigkeit der Götter,—г-нъ Партицкій пошелъ еще далѣе и говоритъ, не обинуясь, въ германской миѳологіи vom dreieinigen Gott, т.-е. о христіанской Троицѣ, обличая такимъ образомъ не только грубое невѣжество словенскаго язычества и лингвистики, но также главнаго догмата вѣры Христовой.

2. Петрушевичъ А.С. Слово о полку Игоревѣ. Древне-русское эпическое стихотвореніе изъ конца XII столѣтія. Отдѣленіе 1. Текстъ Слова исправленъ и раздѣленъ по стихамъ. Львовъ 1887 г. Текстъ «Слова» раздѣленъ на три части, изъ коихъ первая представляетъ слѣдующія подраздѣленія: 1. О пѣніи Бояна и пѣвца Игоря; 2. Содержаніе и объемъ пѣсни пѣвца Игоря; 3. Предвѣщательное затмѣніе солнца и рѣшеніе Игоря о походѣ; 4. Воззваніе къ Бояну; 5. Походъ Игоря и брата его Всеволода; 6. Встрѣча и разговоръ Всеволода съ Игоремъ; 7. Вступленіе въ степь и грозная ноченька; 8. Битва и побѣда надъ Половцами на рѣцѣ Сюурліѣ; 9. Битва суботная на рѣкѣ Каялѣ; 10. Прославленіе князя Всеволода; 11. Воспоминаніе о первыхъ Рюриковичахъ и о князѣ Ольгѣ Святославичѣ; 12. Пораженіе Русскихъ полковъ на Каялѣ. Вторая часть подраздѣлена такъ:

1. Князь Игорь въ плѣну и сѣтованіе пѣвца Игоря о бѣдствіяхъ Руси, причиняемыхъ усобицами князей; 2. Причитанія русскихъ женъ лишившихся своихъ супруговъ; 3. Бѣдствія постигшія Русскіе города; 4. Величанія Святослава Кіевскаго; 5. Сновидѣніе Святослава; 6. Плачъ Святослава; 7. Воззваніе пѣвца Игоря къ современнымъ большимъ князьямъ; 8. Плачъ Ярославны. Третья часть состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1. Бѣгство Игоря изъ плѣну; 2. Привѣтъ Игоря рѣкою Донцемъ; 3. Порицаніе рѣки Стугны, поглотившей князя Ростислава; 4. Погоня за бѣгшимъ Игоремъ; 5. Говоръ хановъ Половецкихъ касательно сына Игоря; 6. Радостное возвращеніе Игоря на Русь; 7. Славословіе князьямъ и дружинѣ, участвовашимъ въ походѣ на Половцевъ.

Изданіе это снабжено довольно обстоятельнымъ предисловіемъ, въ коемъ трактуется: 1) объ открытіи списка Слова“, 2) о состояніи текста, дошедшаго до нашихъ временъ, 3) о первомъ изданіи „Слова“, печатью въ Москвѣ 1800 года и о сохранившемся рукописномъ спискѣ Слова изъ рукописи графа Мусина-Пушкина, 4) о формѣ изданія текста принятой г. Петрушевичемъ, 5) о причинѣ большой рѣдкости списковъ «Слова»; 6) о громадной важности «Слова о полку Игоревѣ». Въ концѣ присоединенъ указатель «исправленій и дополненій», сдѣланныхъ въ текстѣ «Слова» издателемъ. Петрушевичъ, какъ и Партицкій авторомъ «Слова» считаютъ Галичанина, отправившагося вмѣстѣ съ дочерью Галицкаго князя Ярослава Владимірковича, супругою князя Игоря, служить въ его дружинѣ, и совѣтѣ. Изъ чтеній и толкованій текста отмѣтимъ слѣдующія:

Вмѣсто: помняшеть бо *речь*—г. Петрушевичъ читаетъ речь*ю*.

Вмѣсто: *жалость*—жа*д*ость.

Вм. *въстазби*—въста *зыкъ*

Вм. повелѣя отца—повелъ *бяше тестя*.

Вм. *усобица*—*по*собица.

Вм. *схоти*—скоти.

Вм. нъ рози—н*а*рози. Древне-русское слово *нарогъ*, замѣчаетъ онъ, означало, кажется остроконечное орудіе, служащее для пахарей или древнему *остену* для подстрѣканія рабочаго скота. Слово *хоботъ* тоже, что нынѣшнее южно-русское *хабета*, означаетъ простую сельскую лошадь. Относящееся сюда мѣсто онъ толкуетъ такъ: *нарози* (т.-е. истыки или остены вмѣсто мечей) нося коньми имъ оруть и поютъ побѣдныя пѣсни.

Вм. Комонь въ полуночи—читаетъ *Гомонъ*.

Вм. и ходы на—*изъ кольна*.

Подъ именемъ *Трояна* г. Петрушевичъ во всемъ «Словѣ» разумѣетъ перваго Русскаго князя Рюрика, родоначальника господствующей династіи, старшаго изъ трехъ братьевъ (трибратичей), и выраженіе: «*рыща въ трону Трояню*» толкуетъ такъ: обновляя воинственные походы противъ Рюриковичей; *чрезъ поля на горы:* т.-е. до Кавказа и до Карпатъ южныхъ предѣловъ Русской земли; подъ *вѣками Трояна* онъ разумѣетъ поколѣнія княжескаго рода Рюрика; подъ *внуками Трояна*—потомковъ его же, а *земля* Трояна—это завоеванныя ими области.

3. Полемика по поводу указанныхъ изданій. Въ Львовской газетѣ «Дѣло» (№№ 100—103) о. Партицкій выступилъ противъ г. Петрушевича съ обвиненіями его въ плагіатѣ изъ его сочиненія: Темнѝ мѣстця въ Словѣ о полку Игоревѣ, упрекая его главнымъ образомъ за то, будто мнѣніе, что авторомъ «Слова»—былъ Галичанинъ, онъ заимствовалъ изъ указаннаго сочиненія о. Партицкаго. На это и другія подобныя обвиненія г. Петрушевичъ отвѣчалъ въ Львовскомъ «Словѣ» (№№ отъ 98 по 105 1886 г.), гдѣ онъ между прочимъ справедливо указалъ, что догадка объ авторѣ «Слова о п. Иг.» какъ Галичанинъ, впервые была высказана лѣтъ 30 тому назадъ г. Кораблевымъ, предполагавшимъ, что сочинителемъ «Слова» былъ Тимоѳей въ Галичѣ, премудрый книжникъ, упоминаемый въ Ипатской лѣтописи подъ 1205 г.

IV. НОВЫЙ НѢМЕЦКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

Новый нѣмецкій переводъ «Слова о полку Игоревѣ» исполненъ Гейнрихомъ Пауклеромъ и снабженъ литературно-историческимъ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика (Новь, 1885 г., № 6 кн., хрон., стр. 381).

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Слово о полку Игоревѣ въ его цѣломъ и частяхъ.

II. Новѣйшій скептицизмъ въ отношеніи къ тексту „Слова".

III. Палеографическая критика текста „Слова".

IV. Дополненія къ библіографіи «Слова» академика А. Ѳ. Бычкова.

Digitized by Google